РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
249

Часть I

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2017

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 249 2017

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. Макаров

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев, проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская, д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович, к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции), чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина, д. и. н. В. Е. Щелинский

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 249. Ч. I / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 336 с., ил.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-94457-331-5
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1

УДК 902/904
ББК 63.4

BRIEF COMMUNICATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
Editor-in-chief Academician N. A. MAKAROV

На задней стороне обложки –
статуэтка из стоянки Хотылёво 2 (к статье К. Н. Гаврилова и С. Ю. Льва)

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19;
Телефон +7 (499) 126-47-98, Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

ISBN 978-5-94457-331-5

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2017
© Авторы, 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017
© Языки славянской культуры, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

КАМЕННЫЙ ВЕК

Амирханов Х. А., Таймазов А. И. Палеолитические находки у с. Хадаги (Республика Дагестан) 7
Ожерельев Д. В. Особенности формирования культурного слоя стоянок эпохи олдована Северо-Восточного Кавказа на примере стоянки Мухкай II, слой 80 16
Селезнёв А. Б. Кремневый инвентарь стоянки Мухкай I (сравнительный анализ комплекса вторичной обработки). 32
Гаврилов К. Н., Лев С. Ю. Палеолитическая Даная: шедевр из раскопок Хотылёво 2, 2016 г. . . . 42
Леонова Е. В., Успенская О. И. Кремневый отбойник из пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе 50
Жилин М. Г. Наконечники колющих копий в мезолите лесной зоны Восточной Европы 56
Полянская Е. Ю. Опыт применения методов геометрической морфометрии при анализе форм каменных мотыжек Сочи-Адлерского типа (по материалам Имеретинской низменности) 74

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Клещенко А. А. Большие булавочные наборы из погребений курганной группы Кёнделенская I и «поясные наборы» эпохи средней бронзы Центрального Предкавказья 85
Гей А. Н. Схематическая антропоморфная стела с Таманского полуострова 102
Мельник В. И. Тенденции изменений в раннекатакомбной погребальной практике Восточного Приазовья 112
Клещенко А. А., Лунькова Ю. В., Луньков В. Ю. Курганный могильник Трехбалочный: новый памятник эпохи бронзы в верховьях реки Калитва 124
Кореневский С. Н. Символика скульптур воинов и женского божества в комплексах с оружием у земледельцев Дунайского региона эпохи халколита 142
Волкова Е. В. Культурный состав населения и относительная периодизация жилищ поселения Галанкина Гора (по данным изучения керамики) 153
Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р. Петроглифы на р. Кия в Хабаровском крае 167

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Березин С. Я., Маслов В. Е. Воинское предскифское погребение близ г. Железноводск 174
Дворниченко В. В., *Демиденко С. В.* Погребения савроматского времени из курганной группы Кривая Лука XI 187
Сиротин С. В. Женское раннекочевническое погребение с шаманским комплексом IV в. до н. э. на Южном Урале 202
Малашев В. Ю., Абиев А. К., Бакушев М. А. Зеликакинское поселение албано-сарматского времени в Прикаспийском Дагестане 217
Завойкин А. А. Металлические украшения и другие предметы из металла в святилище Деметры и Коры («Береговой 4») 231

Внуков С. Ю., Ефремов Н. В. Новые и старые имена в керамических клеймах Херсонеса Таврического и Синопы 250
Завойкина Н. В. Коммерческие маркировки на амфорах третьей четверти VI – IV в. до н. э. из Фанагории 264

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. Фанагорийские диоболы с розой – подражания родосскому типу 275
Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., Внуков С. Ю. Золотая индикация с полуфоллиса Константина I из Восточного некрополя Фанагории 282
Гайдуков П. Г., Гомзин А. А. Новгородский клад куфических монет 1998 г. 291
Модин Р. Н. Находка Псковской вислой печати на селище Скрипино-1 Московской области 305

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Сорокина И. А. Археология и «музейное строительство» первых лет советской власти (1918–1925 годы) 311

ЗАМЕТКИ

Николаенко Т. Д. Археологическая карта России. Нижегородская область: методика разработки, структура, научный потенциал 318
Внуков С. Ю., Антонов Е. Е. Разведки в окрестностях городища Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) 324
Внуков С. Ю. Редкая синопская амфора римского времени 329

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 333

CONTENTS

STONE AGE

Amirkhanov H. A., Taymazov A. I. Paleolithic Finds near the Village of Khadagi (Republic of Dagestan) 7
Ozherelyev D. V. Distinctive Features of Occupation Layer Formation at the Oldovan Sites in the Northeast Caucasus: Mukhkai II Site, Layer 80 16
Seleznev A. B. Flint Tools at the Mukhkai I Site (Comparative Analysis of Secondary Treatment Tool Manufacture) 32
Gavrilov K. N., Lev S. Yu. Paleolithic Danae: a Masterpiece from the 2016 Excavations at Khotylevo 2 42
Leonova E. V., Uspenskaya O. I. The Flint Hammerstone from Dvoynaya Cave in the Northwest Caucasus 50
Zhilin M. G. Thrusting Spearheads from the Mesolithic of the Eastern Europe Forest Zone 56
Polyanskaya E. Yu. Experience in Applying Methods of Geometric Morphometry in Analyzing Shapes of Stone Hoes of the Sochi-Adler Type (based on materials from the Imereti Lowland) 74

BRONZE AGE

Kleshchenko A. A. Large Pin Sets from the Graves of the Kendelenskaya I Kurgan Group and «Belt Sets» of the Middle Bronze Age from the Central Fore-Caucasus 85
Gey A. N. The Schematical Anthropomorphous Stele from the Taman' Peninsula 102
Mel'nik V. I. Tendencies in Transformations of the Early Catacomb Funerary Practice in the Eastern Littoral Areas of the Sea of Azov 112
Kleshchenko A. A., Lun'kova Yu. V., Lun'kov V. Yu. The Kurgan Cemetery Trekhbalochnyy: the New Bronze Age Site in Upper Reaches of the Kalitva River 124
Korenevskiy S. N. Symbolics of the Warrior and Female Deity Sculptures in the Assembles Containing Weapons Left by the Agriculturalists of the Danube Region in the Chalcolithic Age 142
Volkova E. V. The Cultural Composition of the Population and Relative Periodization of Dwellings at the Galankina Gora Settlement (based on ceramic studies) 153
Devlet E. G., Laskin A. R. Petroglyphs on the Kiya River in the Khabarovsk Krai 167

IRON AGE

Berezin S. Ya., Maslov V. E. The Warrior's Pre-Scythian Burial near Zheleznovodsk 174
Dvornichenko V. V., *Demidenko S. V.* Sauromatian Sites from the Krivaya Luka XI Kurgan Group 187
Sirotin S. V. An Early Nomad Female Burial with a Shaman Assemblage of the 4th Century BC in the Southern Urals 202
Malashev V. Yu., Abiev A. K., Bakushev M. A. The Zelikakinsk Settlement of the Caucasian Albania–Sarmatia Period in Caspian Dagestan 217

Zavoykin A. A. Metal Jewelry and Other Metal Items in the Sanctuary of Demeter and Kore («Beregovoy 4») 231
Vnukov S. Yu., Jefremow N. V. New and Old Names on Ceramic Stamps of Tauric Chersoneses and Sinope 250
Zavoykina N. V. Commercial Marks on Amphorae from Phanagoria Dated to the Third Quarter of the 6th – 4th Centuries BC 264

NEW NUMISMATIC AND SPHRAGISTIC MATERIALS

Abramzon M. G., Kuznetsov V. D. Phanagorian Diobols with a Rose Image as an Imitation of the Rhodian type 275
Abramzon M. G., Voroshilov A. N., Voroshilova O. M., Vnukov S. Yu. A Gold Danake of Constantine the Great from the Phanagorian Eastern Necropolis 282
Gaydukov P. G., Gomzin A. A. The 1998 Novgorod Treasure of Kufic Coins 291
Modin R. N. Hanging Seal of Pskov Type from the Open Settlement of Skripino-1, the Moscow Region 305

FROM THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL SCIENCE

Sorokina I. A. Archaeology and Museum Construction during the First Years of Soviet Power (1918–1925) 311

NOTES

Nikolaenko T. D. The Archaeological Map of Russia. Nizhny Novgorod Region: Methodology of Preparation, Composition and Scientific Potential 318
Vnukov S. Yu., Antonov E. E. Field Surveys in the Vicinities of Kara-Tobe Hillfort (North-Western Crimea) 324
Vnukov S. Yu. A Rare Sinopean Amphora of Roman Time 329

ABBREVIATIONS 333

КАМЕННЫЙ ВЕК

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.7-15

Х. А. Амирханов, А. И. Таймазов

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ У С. ХАДАГИ (РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН)

Резюме. В статье публикуются новые палеолитические материалы из местонахождения Хатаги (Южный Дагестан), которые, несмотря на свою фрагментарность, интересны с точки зрения сочетания в них среднепалеолитической техники первичного раскалывания с верхнепалеолитической техникой вторичной обработки и наличия сформировавшегося верхнепалеолитического типа орудия – ножа типа шательперрон. Как представляется, в этом можно усматривать очередное проявление того, что в палеолитической индустрии технология консервативнее формообразования и данный конкретный случай можно интерпретировать как иллюстрацию процесса перехода от среднего к верхнему палеолиту на Северо-Восточном Кавказе.

Ключевые слова: местонахождение Хадаги, нож типа шательперрон, Северо-Восточный Кавказ, средний – верхний палеолит.

В 2014 г. любителем древностей из с. Хадаги Кайтагского района Республики Дагестан Майсуровым Набиюллой одному из авторов данной заметки, Х. А. Амирханову, были переданы несколько кремневых изделий. Среди них имелись целые пластины, отщепы и одно примечательное во многих отношениях орудие – нож с акцентированием рабочей и аккомодационной частей с использованием для этого разнотипной ретуши (рис. 2, *3*). В июне 2017 г. авторами была предпринята поездка к месту обнаружения указанных находок. Цель состояла в предварительном осмотре интересующей местности, ознакомлении с геолого-геоморфологической ситуацией, а также в выяснении пространственной и стратиграфической позиции находок, о которых идет речь.

Село Хадаги расположено в низких предгорьях хребта Кара-сырт, примерно в 28 км к западу от побережья Каспийского моря (рис. 1). Геоморфологически описываемый участок представляет собой концевой отрезок древнего мысовидного выступа в долину реки Жерегула (приток р. Дарвагчай). Проведенный осмотр показывает, что кремневые изделия обнаруживаются у северо-западной окраины села на современной поверхности склона указанного мыса. Последний является при этом левым бортом долины реки Жерегула. Высота места сосредоточения кремней над урезом реки Жерегула примерно 70–80 м. Кремни

**Расположение местонахождения Хадаги на карте
и общий вид места обнаружения находок (показано стрелкой)**

отмечаются в слое современной распахиваемой почвы, а также в стенках и на дне промоин, которые внедряются в желтовато-коричневый суглинок. Хотя на предметах нет явных следов окатанности, по характеру их залегания можно предполагать, что они все же переотложены относительно места своего первоначального залегания. Если это верно, то они должны были изначально залегать в слое суглинков в краевой части более или менее выположенной поверхности отмеченного выше мыса. Разрушение этой присклоновой части мыса, открытой к долине реки, должно было привести к реэкспонированию содержавшихся в них кремней.

Обнаруживаемый археологический материал сильно рассеян по площади. Судя по полученной информации и собственным наблюдениям, о какой-то плотности залегания артефактов говорить не приходится. Такую малочисленность находок можно было бы объяснить тафономической ущербностью данного археологического пункта. Однако нужно помнить, что стоянки типа кратковременных охотничьих лагерей с весьма немногочисленным инвентарем зафиксированы в предгорных районах Дагестана в условиях, когда материал залегает *in situ* в безукоризненном геологическом контексте (*Анойкин и др.*, 2014; *Рыбалко и др.*, 2014; *Кандыба, Рыбалко*, 2015). Таким образом, обнаружение в описываемом нами пункте археологического материала в геологическом контексте нельзя исключить, хотя имевшийся поблизости участок с залеганием материала *in situ*, скорее всего, был разрушен в результате эрозии борта долины.

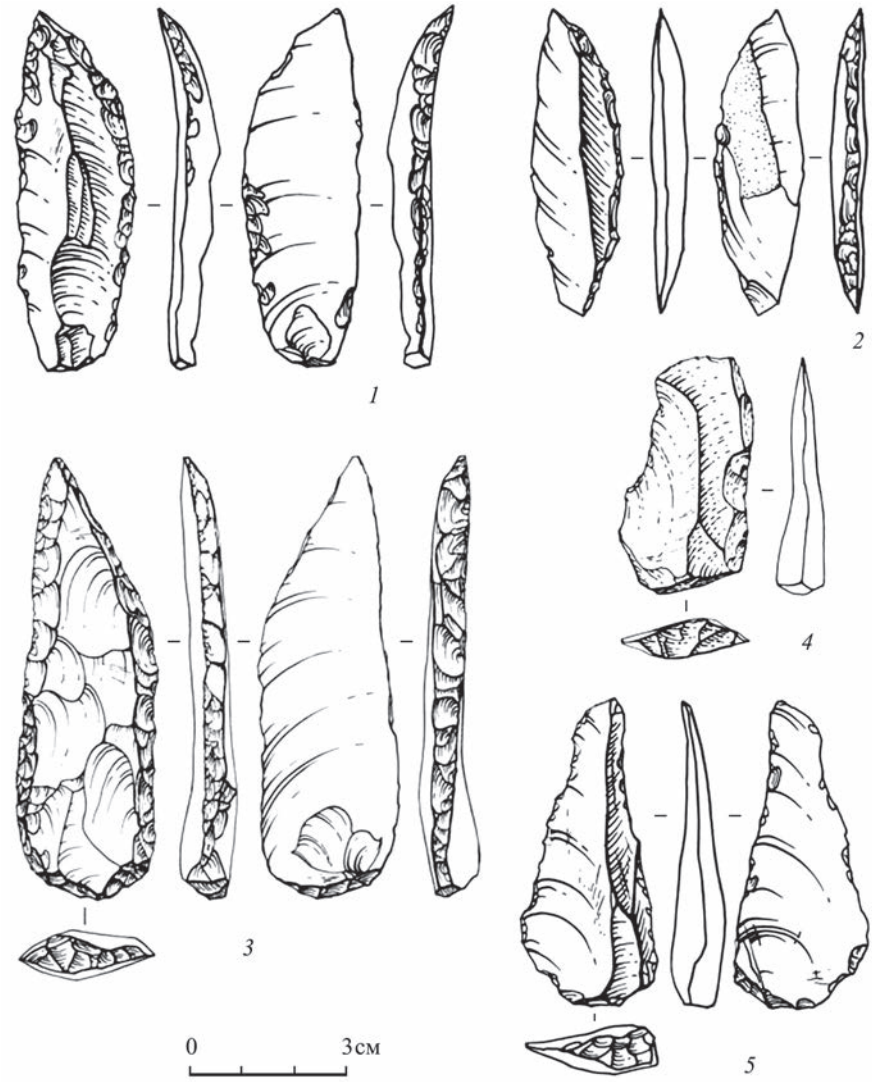


Рис. 2. Местонахождение Хадаги. Кремневые изделия

1–3 – ножи с ретушированным обушком; *4, 5* – пластинчатые отщепы

Итак, рассматриваемая коллекция предметов состоит из 9 кремневых изделий. Сырьем для них служит серый кремень, распространенный в Дагестане и происходящий из меловых известняков. Один пластинчатый отщеп с фасетированной ударной площадкой (рис. 2, *4*) представляет собой пример использования окремнелого известняка.

Если отвлечься от наличия или отсутствия вторичной обработки, то в рассматриваемую группу артефактов входят 4 пластины, 2 пластинчатых отщепа

и 3 отщепа. Ударная площадка сохранилась у 7 изделий. В четырех случаях она фасетированная, в трех – гладкая. Из четырех пластин ударные площадки сохранились у трех: из них две фасетированные, одна – гладкая. У обоих пластинчатых отщепов площадка также фасетированная.

Во вторичной обработке можно видеть использование краевой ретуши трех разновидностей – пологой («заостряющая»), крутой и вертикальной («притупливающая»). Первая использована для заострения (не исключено – подживления) кромки лезвия ножа с ретушированным обушком (рис. 2, *3*). Две остальные применены для оформления аккомодационных, обушковых частей орудий. Касаясь вторичной обработки, нельзя не вспомнить, что появление в индустрии стандартизованных пластин и вторичной обработки в виде крутой краевой ретуши было в свое время положено Г. Кларком в основу выделения стадии Mode 4 (т. е. верхнего палеолита) его периодизационной схемы, основанной на смене технологических методов в каменном веке (*Clark*, 1969).

В отношении орудийного состава в рассматриваемом материале имеется три типологически завершенных изделия с вторичной обработкой: скребок на обломке отщепа и два отщепа с краевой ретушью, не формирующей сколько-нибудь выраженные элементы орудия. Первые из перечисленных предметов представляются нам весьма примечательными для рассуждений об общем культурно-хронологическом облике индустрии, которую фрагментарно, но по своей технико-типологической сути адекватно представляет материал, имеющийся в нашем распоряжении.

Прежде всего, заготовками для рассматриваемых трех орудий послужили пластины. У двух из них сохранились ударные площадки и полные исходные размеры заготовок. Обе заготовки можно отнести к крупным пластинам. Размеры одной из них составляют 7,8 × 2,5 × 1 см (рис. 2, *3*); второй – 6,8 × 2,8 × 0,8 см (рис. 2, *1*). Ударная площадка у крупной пластины тщательно фасетирована. Негативы на спинке предмета – мелкие, разнонаправленные. Они не указывают на наличие технологически упорядоченного скалывания заготовок с нуклеуса, прежде чем с него была получена данная заготовка.

Особенностью заготовки второго орудия является то, что она имеет плоскую узкую ударную площадку и несет на спинке негативы двух предыдущих пластинчатых снятий на всю длину нуклеуса. Это свидетельствует о регулярном пластинчатом раскалывании нуклеуса, от которого происходит данная заготовка. Подправка кромки ударной площадки в виде «отступания», предшествовавшая скалыванию данной пластины, свидетельствует о владении мастером довольно продвинутой техникой регулируемого пластинчатого скалывания. Этот прием отмечается обычно на призматических (с замкнутым и незамкнутым контуром скалывания) и близких к ним формах нуклеусов.

К описанным выше двум предметам типологически примыкает еще одно изделие с обломанной ударной площадкой (рис. 2, *2*). Оно повторяет по основным характеристикам предыдущее, отличаясь от него лишь наличием изначального природного изъяна сырья, который пришелся на часть брюшка предмета. Несколько меньше и размеры данной заготовки: 5,4 × 2,7 × 0,7 см.

Типологически все три описанных предмета относятся к категории ножей с ретушированным обушком. Когда нож изготовлен на крупной пластине и имеет

дугообразный ретушированный обушок у одного из концов заготовки, то он в той или иной степени неизбежно будет повторять форму ножа типа шательперрон (*Bordes et al.*, 2011). В нашем случае в наибольшей степени этому отвечает предмет, изображенный на рис. 2, *1*. У него на дистальном конце крутой краевой ретушью оформлен дугообразный обушок. Второй край не ретушировал, на нем отмечаются лишь очень короткие участки со случайными и нерегулярными по размерам фасетками, которые могут представлять собой механические повреждения, возникшие в результате переотложения предмета.

У изделия меньшего размера (рис. 2, *2*) дугообразный обушок обработан крутой, близкой к вертикальной, регулярной ретушью, захватывающей весь край заготовки. Второй край не имеет никаких признаков обработки. Здесь нет также следов механических повреждений.

Очень интересен третий, самый крупный, предмет описываемой группы изделий (рис. 2, *3*). Одной из его особенностей является то, что здесь ретушью четко выделены две разнофункциональные части орудия – рабочая и аккомодационная. Рабочая часть приурочена к дистальной части орудия, занимая половину длины заготовки. Она обработана крупной краевой пологой («заостряющей») ретушью. Резко отличается характер обработки края остальной части изделия. Отделка последней по всей окружности исходной заготовки, за исключением указанного выше участка, приходящегося на рабочую часть, и фасетированной поверхности ударной площадки, оформлена крупной вертикальной односторонней («притупливающей») краевой ретушью. То, что подобным образом ретуширован не только обушок, но обработана и вся нижняя половина орудия (охватывая оба края), наводит на мысль о том, что использование данного изделия предполагало его закрепление в какой-то рукояти.

Остальные предметы этой немногочисленной коллекции в виде отдельных отщепов с незначительными участками ретуши и одно изделие, которое типологически относится к ножам с естественной спинкой, не добавляют ничего существенного в технико-типологические характеристики и культурно-хронологические обобщения рассмотренного материала.

Обобщая приведенное выше описание, можно отметить, что совокупность находок местонахождения Хадаги представляет собой остатки разрушенной стоянки палеолитического времени. Для определения того, к какому именно отрезку палеолита относится этот материал, существенными представляются следующие заключения.

1. Наиболее значимым для культурно-хронологической оценки данного материала является сочетание в нем архаичной первичной обработки камня, в которой ведущее место занимает прием фасетирования ударных площадок, с типично верхнепалеолитической разновидностью вторичной обработки в виде крутой и вертикальной краевой ретуши. Существенно, что это сочетание наблюдается на одних и тех же орудиях, причем на таких, которые типологически в наибольшей степени характерны для раннего верхнего палеолита, например начальной стадии шательперрона (*Bordes et al.*, 2011). Правда, получение пластин там не предполагает использования приема фасетирования.

2. По совокупности технико-типологических характеристик инвентарь местонахождения Хадаги обнаруживает максимальную близость к палеолитическим

материалам предгорий Южного Дагестана, которые не имеют пока четких культурных атрибуций, но датируются по калиброванным радиоуглеродным датам в диапазоне примерно 47–37 тыс. л. н.

3. Постановка проблемы выделения пластов культуры, определяемых как переходные от среднего к верхнему палеолиту, а также относящихся к начальному и раннему верхнему палеолиту, для Северо-Восточного Кавказа в настоящее время не обеспечена необходимыми материалами.

4. Для территории Северо-Восточного Кавказа отсутствует возможность сравнивать между собой материалы различных стадий верхнего палеолита, и это создает дополнительную трудность в определении технико-типологических особенностей каменной индустрии, относящейся к начальной поре указанной эпохи. Но одно проявляется достаточно отчетливо – в протекании культурного процесса в восточной и западной частях Кавказа существуют принципиальные различия. Если не на всей территории Восточного Кавказа, то (судя по датировкам тинитских стоянок), по крайней мере, на Северо-Восточном Кавказе (*Анойкин, Борисов*, 2013; 2014; 2015; *Деревянко, Анойкин и др.*, 2007; *Деревянко, Зенин и др.*, 2007; *Деревянко и др.*, 2012) не отмечается нарушение преемственности в развитии культуры на позднем этапе среднего палеолита. Что же касается Западного Кавказа, то здесь происходит разрыв этой непрерывности, угасание культуры среднего палеолита и смена неандертальского населения анатомически современным типом сапиенса, который и являлся носителем проникшей на эту территорию новой, верхнепалеолитической, культуры (*Margherita et al.*, 2017; *Bar-Yosef et al.*, 2006; 2011; *Belfer-Cohen, Goring-Moris*, 2012; *Meshveliani et al.*, 2004; *Pleurdeau et al.*, 2016; *Shidrang*, 2013).

5. Отмеченное выше, конечно, не означает, что процесс становления верхнего палеолита не затронул Восточный Кавказ. Речь, по всей видимости, может идти о проявлении здесь региональной специфики протекания этого процесса, как это отмечается в различных регионах Евразии. Как бы то ни было, имеющиеся данные ведут нас к выводу, что смена среднего палеолита верхним на Северо-Восточном Кавказе проходила по модели, отличающейся от той, что имела место на Западном Кавказе. Известно, что, по крайней мере, на протяжении значительной части среднего палеолита развитие культуры на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе шло различными путями (*Амирханов*, 2015) и испытывало влияние культурных импульсов, имеющих совершенно разные истоки и направления воздействия. На протяжении всего рассматриваемого времени Северо-Восточный Кавказ не входил в единое пространство Центральной и Восточной Европы (включая Крым и Северо-Западный Кавказ), где имела место определенная культурная нивелировка, ярко окрашенная колоритом восточного микока. Скорее всего, эти различия в культурной географии имели свое продолжение и на отрезке палеолита, следующем непосредственно за средним палеолитом.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Х. А., 2015. Обзор исследований и состояние изученности среднего палеолита на Северо-Восточном Кавказе // Следы в истории. К 75-летию В. Е. Щелинского. СПб.: ИИМК РАН. С. 61–69.

Анойкин А. А., Борисов М. А., 2013. Исследования многослойной палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2013 году // ПАЭАССТ. Т. XIX. С. 9–13.

Анойкин А. А., Борисов М. А., 2014. Каменная индустрия рубежа среднего – верхнего палеолита местонахождения Рубас-1 (Приморский Дагестан): новые данные // ПАЭАССТ. Т. XX. С. 11–14.

Анойкин А. А., Борисов М. А., 2015. Каменная индустрия верхнего комплекса артефактов местонахождения Рубас-1 (по материалам раскопок 2015 г.) // ПАЭАССТ. Т. XXI. С. 15–18.

Анойкин А. А., Борисов М. А., Рыбалко А. Г., Славинский В. С., 2014. Индустрии рубежа среднего – верхнего палеолита в Приморском Дагестане (по материалам раскопок стоянки Тинит-1 в 2011–2013 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. С. 9–14.

Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г., 2012. Проблемы палеолита Дагестана / Отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 292 с.

Деревянко А. П., Анойкин А. А., Славинский В. С., Борисов М. А., Кулик Н. А., 2007. Тинит 1 – новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас // ПАЭАССТ. Т. XIII. С. 72–77.

Деревянко А. П., Зенин В. Н., Лещинский С. В., Кулик Н. А., Зенин И. В., 2007. Исследования раннего палеолита в Южном Дагестане // ПАЭАССТ. Т. XIII. С. 78–79.

Кандыба А. В., Рыбалко А. Г., 2015. Новые данные о среднем палеолите Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-залив-1 // Известия Алтайского государственного университета. Т. 12. № 4 (88). С. 77–81.

Рыбалко А. Г., Кандыба А. В., Анойкин А. А., 2014. Средний палеолит бассейна реки Дарвагчай (Приморский Дагестан) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. № 54. С. 59–66.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Adler D. S., 2006. The implication of the Middle-Upper Paleolithic boundary in the Caucasus to Eurasian prehistory // Anthropologie. Vol. 44. Iss. 1. P. 49–60.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Meshveliani T., Jakeli N., Bar-Oz G., Baretto E., Goldberg P., Kvavadze E., Matskevich Z., 2011. Dzudzuana an upper palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // Antiquity. Vol. 85. Iss. 328. P. 331–349.

Belfer-Cohen A., Goring-Moris A. N., 2012. The earlier Upper Palaeolithic: a View from The Sothern Levant // L'Aurignacien de la grotte Yafteh et son context (fouilles 2005–2008) / Eds: M. Otte, S. Shindrang, D. Flas. Liege: ERAUL. P. 127–136. (ERAUL; 132.)

Bordes J.-G., Bachellerie1 F., Le Brun-Ricalens F., Michel A., 2011. Towards a new «transition»: new data concerning the lithic industries from the beginning of the Upper Paleolithic in Southwestern France // Characteristic Features of the Middle to Upper Paleolithic Transition in Eurasia: Proceedings of the International Symposium (July 4–10, 2011, Denisova Cave, Altai). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 10–23.

Clark G., 1969. World Prehistory: a New Synthesis. Cambridge: Cambridge University press. 331 p.

Margherita C., Oxilia G., Barbi V., Panetta D., Hublin J.-J., Lordkipanidze D., Meshveliani T., Jakeli N., Matskevich Z., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Pinhasi R., Benazzi S., 2017. Morphological description and morphometric analyses of the Upper Palaeolithic human remains from Dzudzuana and Satsurblia caves, western Georgia // Journal of Human Evolution. Vol. 113. P. 83–90.

Meshveliani T., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., 2004. The Upper Paleolithic of Western Georgia // The Early Upper Palaeolithic beyond Western Europe. Berkeley: University of California Press. P. 129–143.

Pleurdeau D., Moncel M.-H., Pinhasi R., Yeshurun R., Higham T., Agapishvili T., Bokeria M., Muskhelishvili A., Le Bourdonnec F-X., Nomade S., Poupeau G., Bocherens H., Frouin M., Genty D., Pierre M., Pons-Branchu E., Lordkipanidze D., Tushabramishvili N., 2016. Bondi cave and the Middle-Upper Palaeolothic transition in western Georgia (south Caucasus) // Quaternary Science Reviews. Vol. 146. P. 77–98.

Shidrang S., 2013. Middle East Middle to Upper Paleolithic Transitional Industries // Encyclopedia of Global Archaeology. New York: Springer. P. 4894–4907.

Сведения об авторах

Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра

РАН, ул. Ярагского, 75, г. Махачкала, 367025, Республика Дагестан, Россия; e-mail: Amirkhanov@rambler.ru;

Таймазов Артур Исрапилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, ул. Ярагского, 75, г. Махачкала, 367025, Республика Дагестан, Россия; e-mail: taymazov_artur@mail.ru

H. A. Amirkhanov, A. I. Taymazov

PALEOLITHIC FINDS NEAR THE VILLAGE OF KHADAGI (REPUBLIC OF DAGESTAN)

Abstract. The paper publishes new Paleolithic materials from the location known as Khadagi (Southern Dagestan), which, though fragmented, are interesting because they combine Middle Paleolithic knapping technique with the Upper Paleolithic type of tool, i. e. a knife of the Châtelperron type. It may be perceived as another manifestation of the fact that technology in Paleolithic industry is more conservative than morphology of the artifact whereas this specific case may be interpreted as an illustration of the transition from the Middle Paleolithic to the Upper Paleolithic in the Northeast Caucasus.

Keywords: Khadagi location, knife of the Châtelperron type, Northeast Caucasus, Middle–Upper Paleolithic.

REFERENCES

Amirkhanov H. A., 2015. Obzor issledovaniy i sostoyanie izuchennosti srednego paleolita na Severo-Vostochnom Kavkaze [Review of vestigations and state of research of Middle Palaeolithic in North-Eastern Caucasus]. *Sledy v istorii. K 75-letiyu V. E. Shchelinskogo [Tracks in history. Toward 75th anniversary of V. E. Shchelinskiy]*. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 61–69.

Anoykin A. A., Borisov M. A., 2013. Issledovaniya mnogosloynoy paleoliticheskoy stoyanki Tinit-1 (Yuzhnyy Dagestan) v 2013 godu [Investigations of multilayer Palaeolithic site Tinit-1 (Southern Dagestan) in 2013]. *PAEASST*, XIX, pp. 9–13.

Anoykin A. A., Borisov M. A., 2014. Kamennaya industriya rubezha srednego–verkhnego paleolita mestonakhozhdeniya Rubas-1 (Primorskiy Dagestan): novye dannye [Stone industry of the Middle to Upper Palaeolithic transition at site Rubas-1 (Coastal Dagestan): new data]. *PAEASST*, XX, pp. 11–14.

Anoykin A. A., Borisov M. A., 2015. Kamennaya industriya verkhnego kompleksa artefaktov mestonakhozhdeniya Rubas-1 (po materialam raskopok 2015 g.) [Stone industry of upper complex of artefacts of site Rubas-1 (based on materials from excavations of 2015)]. *PAEASST*, XXI, pp. 15–18.

Anoykin A. A., Borisov M. A., Rybalko A. G., Slavinskiy V. S., 2014. Industrii rubezha srednego – verkhnego paleolita v Primorskom Dagestane (po materialam raskopok stoyanki Tinit-1 v 2011–2013 gg.) [Industries of the Middle to Upper Palaeolithic transition in Coastal Dagestan (based on materials from excavations of site Tinit-1 in 2011–2013)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 2, pp. 9–14.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Adler D. S., 2006. The implication of the Middle-Upper Paleolithic boundary in the Caucasus to Eurasian prehistory. *Anthropologie*, vol. 44, iss. 1. 49–60.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Meshveliani T., Jakeli N., Bar-Oz G., Baretto E., Goldberg P., Kvavadze E., Matskevich Z., 2011. Dzudzuana an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia). *Antiquity*, vol. 85, iss. 328, pp. 331–349.

Belfer-Cohen A., Goring-Moris A. N., 2012. The earlier Upper Palaeolithic: a View from The Southern Levant. *L'Aurignacien de la grotte Yafteh et son context (fouilles 2005–2008)*. M. Otte, S. Shindrang,

D. Flas, eds. Liege: Etudes et Researches Archeologiques de l' Universite de Liege, pp. 127–136. (Etudes et Researches Archeologiques de l' Universite de Liege, 132.)

Bordes J.-G., Bachellerie1 F., Le Brun-Ricalens F., Michel A., 2011. Towards a new «transition»: new data concerning the lithic industries from the beginning of the Upper Paleolithic in Southwestern France. *Characteristic Features of the Middle to Upper Paleolithic Transition in Eurasia: Proceedings of the International Symposium*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, pp. 10–23.

Clark G., 1969. World Prehistory: a New Outline. Cambridge: Cambridge Univ. press. 331 p.

Derevyanko A. P., Amirkhanov H. A., Zenin V. N., Anoykin A. A., Rybalko A. G., 2012. Problemy paleolita Dagestana [Problems of Palaeolithic of Dagestan]. M. V. Shun'kov, ed. Novosibirsk: IAET SO RAN. 292 p.

Derevyanko A. P., Anoykin A. A., Slavinskiy V. S., Borisov M. A., Kulik N. A., 2007. Tinit 1 – novaya mnogosloynaya paleoliticheskaya stoyanka v doline r. Rubas [Tinit 1 – new multilayer Palaeolithic site in Rubas River valley]. *PAEASST*, XIII, pp. 72–77.

Derevyanko A. P., Zenin V. N., Leshchinskiy S. V., Kulik N. A., Zenin I. V., 2007. Issledovaniya rannego paleolita v Yuzhnom Dagestane [Investigations of Early Palaeolithic in South Dagestan]. *PAEASST*, XIII, pp. 78–79.

Kandyba A. V., Rybalko A. G., 2015. Novye dannye o srednem paleolite yugo-vostochnogo Dagestana (po materialam pamyatnika Darvagchay-zaliv-1 [New data on Middle Palaeolithic of South-Eastern Dagestan (based on materials from site Darvagchay-zaliv-1]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Altai State university]*, vol. 2, no. 4 (88), pp. 77–81.

Margherita C., Oxilia G., Barbi V., Panetta D., Hublin J.-J., Lordkipanidze D., Meshveliani T., Jakeli N., Matskevich Z., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Pinhasi R., Benazzi S., 2017. Morphological description and morphometric analyses of the Upper Palaeolithic human remains from Dzudzuana and Satsurblia caves, western Georgia. *Journal of Human Evolution*, 113, pp. 83–90.

Meshveliani T., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., 2004. The Upper Paleolithic of Western Georgia. *The Early Upper Palaeolithic beyond Western Europe*. Berkeley: Univ. of California Press, pp. 129–143.

Pleurdeau D., Moncel M.-H., Pinhasi R., Yeshurun R., Higham T., Agapishvili T., Bokeria M., Muskhelishvili A., Le Bourdonnec F-X., Nomade S., Poupeau G., Bocherens H., Frouin M., Genty D., Pierre M., Pons-Branchu E., Lordkipanidze D., Tushabramishvili N., 2016. Bondi cave and the Middle-Upper Palaeolithic transition in western Georgia (South Caucasus). *Quaternary Science Reviews*, 146, pp. 77–98.

Rybalko A. G., Kandyba A. V., Anoykin A. A., 2014. Sredniy paleolit basseyna reki Darvagchay (Primorskiy Dagestan) [Middle Palaeolithic of Dagvarchay River basin (Coastal Dagestan)]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of Dagestan scientific centre RAS]*, 54, pp. 59–66.

Shidrang S., 2013. Middle East Middle to Upper Paleolithic Transitional Industries. *Encyclopedia of Global Archaeology*. New York: Springer, pp. 4894–4907.

About the authors

Amirkhanov Hizri A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center Russian Academy of Sciences, ul. Jaragskogo, 75, Makhachkala 367025, Republic of Dagestan, Russian Federation; e-mail: Amirkhanov@rambler.ru;

Taymazov Artur I., Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center Russian Academy of Sciences, ul. Jaragskogo, 75, Makhachkala, 367025, Republic of Dagestan, Russian Federation; e-mail: taymazov_artur@mail.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.16-31

Д. В. Ожерельев

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СТОЯНОК ЭПОХИ ОЛДОВАНА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА НА ПРИМЕРЕ СТОЯНКИ МУХКАЙ II, СЛОЙ 80

Резюме. В статье изучаются характеристики культурного слоя стоянки эпохи олдована Мухкай II, слой 80. Датировка стоянки охватывает промежуток времени между 2,1 и 1,7 млн л. н. Культурные отложения памятника сохранились *in situ*. Сохранность культурного слоя позволила описать структуру стоянки и организацию на ней хозяйственной деятельности. В статье на качественно новом уровне сделана попытка восстановить этапы функционирования стоянки, а также условия погребения культурных останков, геологические и природные процессы, влиявшие на это. Представленные общие характеристики находят аналогии среди некоторых других стоянок олдована Кавказа, Африки и Ближнего Востока.

Ключевые слова: стоянка Мухкай II, эпоха олдована, культурный слой, стратиграфия, планиграфия, седиментация, тип стоянки.

Открытие и изучение памятников раннего палеолита раннеплейстоценового возраста на территории Юга России и Кавказа является одним из новейших направлений отечественного палеолитоведения. Сам факт наличия здесь археологических памятников такой древности ставит по-новому проблему первоначального заселения Черноморско-Каспийского региона. Стоянка Мухкай II является уникальным памятником эпохи олдована. Мощная геологическая толща отложений (73 м), в которой фиксируются каменные находки, формировалась на протяжении бóльшей части раннего плейстоцена (рис. 1).

По литолого-фациальному принципу толща подразделяется на пять пачек. Каждая из пачек формировалась при определенных палеогеографических условиях и соответствует различным этапам раннего плейстоцена на протяжении приблизительно от 2 млн л. н. до 1 млн л. н. (*Амирханов*, 2016).

Культурные слои (всего 35 слоев с находками) обнаруживаются на всех уровнях единой толщи. Каждый из слоев является, по сути, отдельной стоянкой (*Амирханов*, 2012. С. 40) и заслуживает отдельного изучения. В подавляющем большинстве обработанные каменные изделия связаны со слоями галечников

Рис. 1. Расположение памятника Мухкай

(слои 25, 34, 74 и т. д.). Находки здесь включены в толщу литологического слоя и, по всей видимости, находятся не в первоначальном залегании. Выявление древних уровней обитания в этих слоях не исключается, но требует определенной методической подготовки и навыков исследователя (*Ожерельев*, 2014; 2016).

В нескольких слоях (слои 60, 78, 80) культурные останки обнаружены в отложениях суглинков. В слое 78 были обнаружены единичные кремневые предметы и немногочисленные фаунистические останки. Стоянка, обнаруженная в слое 80, благодаря стратиграфическим характеристикам, обилию и качеству фаунистического материала, представительной коллекции каменного инвентаря и другим данным позволяет исследовать самые разные вопросы древнейшей истории Северного Кавказа. Культурный слой же стоянки представляет собой первоклассный археологический источник. Культурные останки здесь находятся в первоначальном залегании, находки строго локализованы и приурочены к древним участкам рельефа, постдепозиционные нарушения в слое не фиксируются, вторичная «разнесенность» по вертикали отсутствует (*Амирханов, Ожерельев*, 2011).

Стоянка исследовалась в 2010–2012 гг. (*Амирханов и др.*, 2012). Вскрытая раскопками площадь составила 42 кв. м. Западная и южная ее части были уничтожены склоновой эрозией. Культурный слой приурочен к пачке суглинков, имеющих мощность около 1,7–1,8 м. Пачка суглинков включает слои 77–81 (по единой номенклатурной нумерации памятника Мухкай II). Кровля и подошва этой пачки ограничены соответственно галечнико-обломочными слоями 74 и 82.

Стратиграфия стоянки, полученная в ходе раскопок, выглядит следующим образом (рис. 2):

– слой 74. Основная толща слоя представлена валунно-галечными отложениями с глинистым, песчаным и мелкогравийным заполнением. В нижней

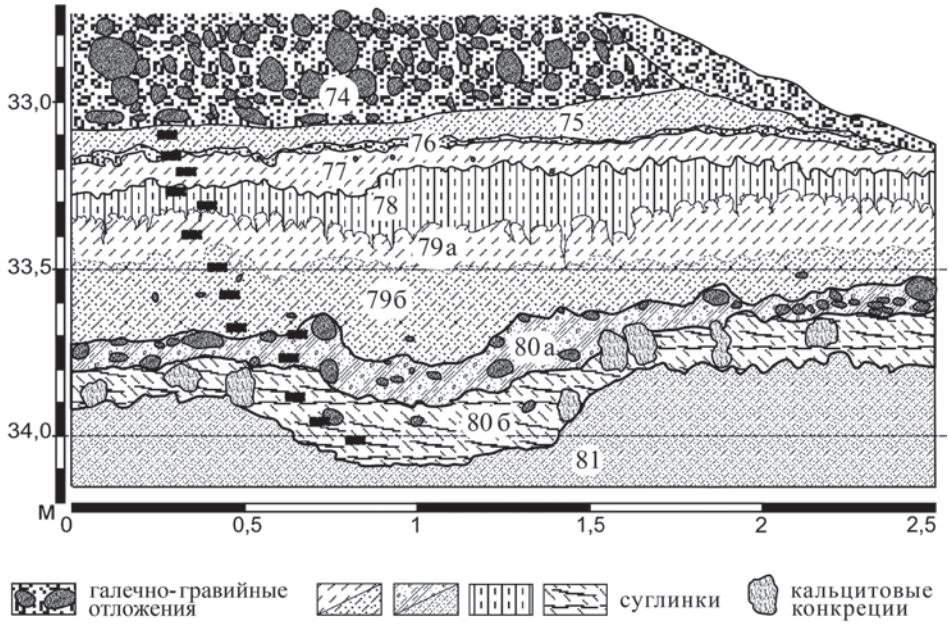


Рис. 2. Мухкай II. Стратиграфия памятника на уровне слоев 74–81

части слоя галечник более глинистый. Нижний контакт неровный, волнистый. Содержит многочисленные кремневые находки. Мощность – 1,0 м. Глубина – 32,00–33,00 м;

– слой 75. Суглинок коричневато-бурый, опесчаненный, неоднородный. Нижний контакт четкий, волнистый. Содержит единичные кремневые находки. Мощность – 0,08 м. Глубина – 33,00–33,08 м;

– слой 76. Песчано-гравийный прослой, светло-серый, прерывистый, волнистый. Содержит единичные кремневые находки. Мощность – 0,05 м. Глубина – 33,08–33,13 м;

– слой 77. Суглинок серовато-бурый, плотный, оскольчатый. Содержит включения карбонатной крошки и пятна ожелезнения. Мощность – 0,07 м. Глубина – 33,13–33,20 м;

– слой 78. Суглинок коричневато-серый, неоднородный с включениями более темного суглинка. Слой насыщен включениями и скоплениями Fe-Mn и пылеватыми карбонатами. Контакты языковатые, нечеткие, постепенные. По простиранию мощность слоя меняется. Слой имеет признаки почвообразования (?). Содержит немногочисленные кремневые находки и костные останки. Мощность – 0,2 м. Глубина – 33,20–33,40 м;

– слой 79а. Суглинок светло-серый, глинистый, неоднородный. Содержит пылеватые карбонаты и пятна ожелезнения. Мощность – 0,1 м. Глубина – 33,40–33,50 м;

– слой 79б. Суглинок коричневатый, светлый, неоднородный. Содержит мелкие линзы и включения оглеения и ожелезнения, рассеянную гальку и гравий. Мощность слоя меняется от 15 до 30 см. Нижний контакт крупноволнистый, четкий. Содержит единичные кремневые находки. Мощность в среднем – 0,2 м. Глубина – 33,50–33,70 м;

– слой 80а. Галечник с песчано-глинистым заполнением. Содержит гравий и валуны. Имеет волнисто-наклонное залегание. Мощность слоя меняется от 5 до 12 см. Местами слой прерывается. Нижний контакт нечеткий, постепенный. Содержит многочисленные кремневые находки и единичные фрагментированные костные останки. Мощность – 0,05–0,12 м. Глубина – 33,70–33,75 м;

– слой 80б. Суглинок буроватый, слоистый, неоднородный, содержит крупные карбонатные конкреции и корки. В углублении содержится основная часть костей культурного слоя и единичные кремневые находки. По простиранию литологические свойства отложений слоя не выдержаны. Нижний контакт волнистый, четкий. Мощность – 0,2 м. Глубина – 33,75–33,95 м;

– слой 81. Суглинок светло-серый, оглеенный, пылеватый. В слое содержатся включения коричневатого суглинка, линзы мелкого галечника, гравия и отдельные валуны. В нижней части постепенно переходит в серый ожелезненный суглинок. Нижний контакт четкий, волнистый. Мощность – 0,8 м. Глубина – 33,95–34,75 м.

С глубины 34,75 до 37,45 м фиксируется крупная толща галечника с валунами, подразделяющаяся на горизонты 82а, б, в, г. Толща содержит прослои коричневатого суглинка. Встречаются многочисленные кремневые находки. Глубина залегания – 34,75–37,45 м. Формирование этого галечника отвечает палеоклиматическим условиям, когда происходила активизация флювиальных процессов с преобладанием переноса и отложения крупнообломочного субстрата.

Пачка слоев 75–81 откладывалась в несколько других условиях. Генезис этой пачки суглинков связан главным образом с различными фазами флювиальных и пролювиальных процессов в рамках единой палеоэкологической ниши. В упрощенном виде эти отложения можно охарактеризовать как озерно-лиманные. В этой толще фиксируются участки и периоды обводненности территории стоянки, а также этапы, когда существовали открытые безводные пространства, активно осваивавшиеся древним человеком. На уровне слоя 80 отмечается два основных этапа обитания стоянки человеческими группами. Основанием для выделения этих этапов являются комплексные данные, включающие в первую очередь стратиграфические и литологические характеристики, пространственный анализ находок и характер развития палеорельефа стоянки на протяжении ее функционирования.

Степень сохранности культурных отложений Мухкай II. Слой 80 позволяет проводить определенные реконструкции относительно структуры этой стоянки. Согласно планиграфическим данным, стоянка и на 1-м и на 2-м этапах обитания состояла как минимум из трех участков или зон. Во-первых, это вытянутое углубление, расположенное в центральной части раскопанного участка. Углубление представляет собой, вероятнее всего, древнюю промоину или водоток со стоячей или вяло текущей водой. Промоина стала местом сброса и концентрации кухонных останков животных, где происходило быстрое их погребение

в илистой массе промоины. Первичное же и вторичное расщепление кремня, а также обработка туш животных производились, видимо, на участках вне этого углубления. Это условно южный и северный участки. Оба участка гипсометрически возвышаются над другими зонами стоянки. На них же кроме орудий с ретушью сосредоточены крупные орудия – чопперы и пики. Внутри углубления с фауной крупные орудия не обнаруживаются. Здесь концентрируются мелкие изделия (скребки, ножи, отщепы с ретушью), отщепы, чешуйки и многочисленные недиагностируемые обломки (рис. 3). Следует отметить, что в коллекции стоянки существенно преобладают мелкоразмерные орудия со вторичной обработкой (87 экз., ок. 87 % всех орудий). Чопперы и пики составляют значительно меньшую часть орудийного набора (всего 12 экз., ок. 12 % всех орудий). По всей видимости, относительно малое число крупных орудий в общей коллекции (всего 965 экз.), а также подобное количественное соотношение крупных и мелких орудий в рамках орудийного набора является одной из характерных черт кратковременно посещавшихся стоянок, связанных с первичной разделкой туш животных.

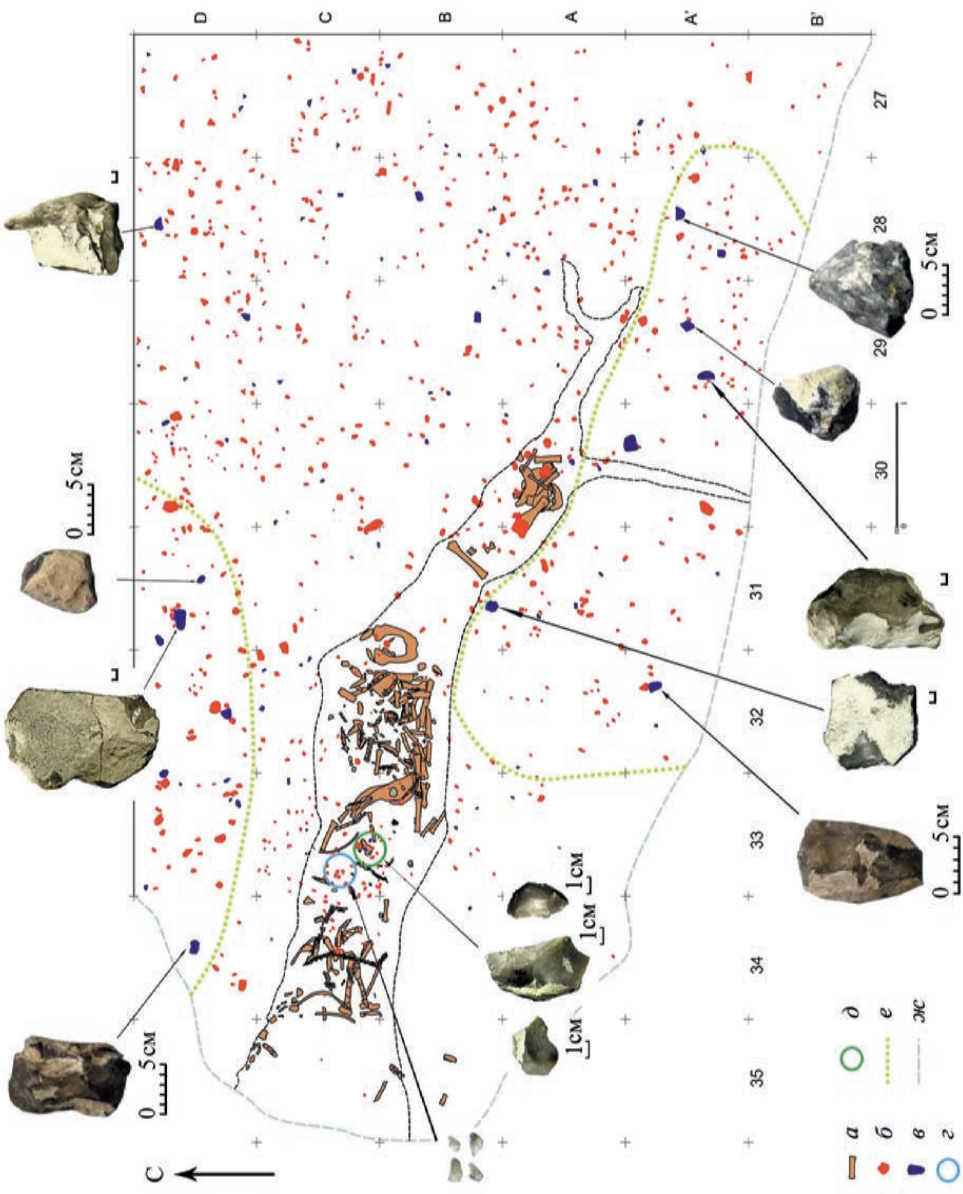
1-й этап функционирования стоянки

Участок памятника, вскрытый раскопками, также предоставляет прямые и косвенные данные, которые позволяют проводить интерпретации о приуроченности стоянки к определенному локусу палеорельефа. В плане еще на уровне кровли слоя 81, представляющего собой светло-серый оглееный суглинок и подстилающий культурный слой стоянки, фиксируются повышенные участки рельефа (рис. 3). На уровне кровли слоев 80б и 80а контраст между высокими и пониженными участками становится еще более отчетливым. Гипсометрически более высокий участок стоянки отмечается в западной и юго-западной частях раскопа в кв. А-А'-30–33, А'-В-28–30, С-D-31–34. Форма его на сохранившемся от склоновой эрозии пространстве характеризуется в виде вогнутого (дугообразного) уступа. Ширина сохранившейся части уступа здесь до трех метров, но может быть и больше. Вогнутой частью уступ обращен к В – СВ. В той или иной мере уступ проходит по всей площади стоянки.

В центральной части в широтном направлении его прорезает углубление водотока. Углубление это имеет вытянутую неправильную форму. В месте пересечения водотоком уступа имеется изгиб. Если принимать за течение водотока направление от суженной части к расширяющейся, то общая ориентация его определяется как ВЮВ – ЗЮЗ с азимутом порядка 290°. На западном отрезке на кв. С-34 и особенно на кв. С-35 углубление значительно деформировано

Рис. 3. Мухкай II. Общий план находок из слоя 80

а – костные останки животных; *б* – отходы производства; *в* – каменные орудия; *г* – одна из зон концентрации чешуек; *д* – одна из зон концентрации орудий на отщепах с ретушью; *е* – условная граница двух участков культурного слоя, где преобладают крупноразмерные орудия (чопперы и пики); *ж* – граница культурного слоя стоянки, разрушенного склоновой эрозией


D
C
B
A
A'
B'
27
28
29
30
31
32
33
34
35
0 5см
1см
С
а
б
в
г
д
е
ж

современным склоном. Поэтому о его размерах и форме здесь приходится говорить достаточно условно. В восточной части на кв. А-В-30–31 углубление начинает сужаться и несколько уменьшаться по глубине, полностью выклиниваясь на кв. А-А'-29. Длина углубления на исследованной площади 7,2 м, максимальной же ширины оно достигает в центральной части и равняется 1,1 м. Поперечный профиль углубления имеет чашеобразные очертания. Глубина углубления на уровне функционирования водотока варьирует от 25 до 40 см. На участке кв. А-А'-30 фиксируется мелкий боковой приток (ширина – до 10 см, глубина – до 8 см), имеющий четкое меридиональное направление (Ю–С). Устье этого притока связано с углублением водотока.

Водоток делит вышеописанный уступ на два участка (борта) – южный и северный. На участке кв. А-В-29–31 направление водотока продольное по отношению к высокому уступу, промоина здесь оказывается прислоненной к вогнутой стороне уступа. Отчетливо отмечается вертикальная форма южного бортика углубления и его более высокая позиция над северным. Северная стенка углубления здесь более пологая, чем южная (рис. 2; 4). На участке, где промоина прорезает дугообразный уступ, этот контраст уже не настолько очевиден. Примечательно, что стенки углубления отличаются между собой и по высоте. Южная стенка в целом выше северной. То же наблюдается и для прилегающих к углублению участков уступа (бортов). Южный борт выше северного не менее чем на 10 см. Таким образом, на образование и функционирование водотока влиял предшествовавший его образованию рельеф местности.

Водоток оказался врезан в сероватый оглееный суглинок слоя 81. Углубление водотока заполнялось буровато-серым суглинком. В верхней части углубления и на прилегающих к нему участках суглинок этот имеет более темную (буроватую) окраску. В углублении водотока, особенно в нижней его части, фиксируются тончайшие линзочки и отдельные включения сероватого суглинка. Фактически по границе между буровато-серым и сероватым суглинком (слои 80б и 81 соответственно) практически по всей площади раскопа отмечается горизонт карбонатных конкреций, имеющих вторичный генезис. В самом углублении карбонатный горизонт связан, главным образом, со скоплениями костного материала. При вторичном преобразовании осадков костные останки здесь явились центрами роста (ядрами) для кальцитовых стяжений.

Общее количество фаунистических останков составляет 305 ед. Из них 181 ед. определимых, 120 неопределимых, 4 копролита. Среди костей нет целых скелетов. Стоянка не являлась местом массовой гибели животных от селя или наводнения. Кости представлены как раздробленными, так и целыми экземплярами. Отмечаются небольшие участки группировки расколотых костей. Также фиксируются кости в сочленениях или в анатомических связках (например, блоки № 1, 5, 20а, 103 и т. д.). Среди последних присутствуют черепа млекопитающих в сочленении с нижней челюстью и отделы конечностей (*Саблин и др.*, 2013. С. 8; *Amirkhanov et al.*, 2016). Этот факт, а также отсутствие следов окатанности на костях указывают на достаточно быстрое захоронение частей туш, отдельных костей и их фрагментов в углублении водотока.

Всего из стоянки в слое 80 на настоящий момент определено 26 особей четырех видов хищных и шести видов травоядных млекопитающих, среди которых

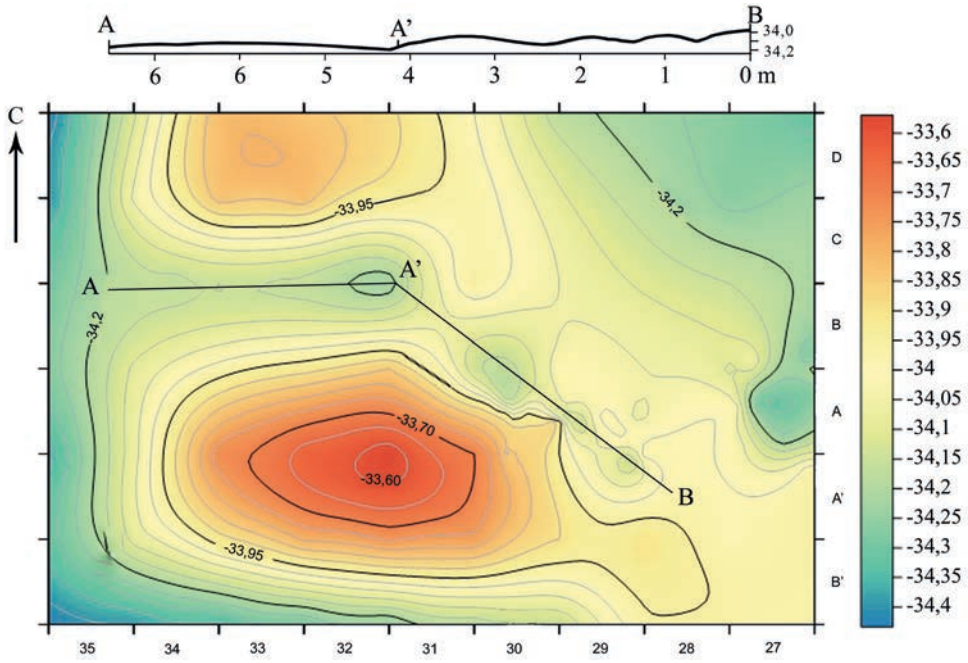


Рис. 4. Мухкай II. Материковая поверхность культурного слоя. А-А'-В – продольный разрез дна углубления

доминируют обитатели открытых и полуоткрытых пространств. Наличие среди прочего костей хищников и копролитов гиены может указывать на жесткую пищевую конкуренцию между ними, с одной стороны, и людьми – с другой. В то же время погрызов от зубов животных, следов от корней растений, а также явных следов в виде нарезок на костях не зафиксировано. Причиной этому может быть и воздействие постседиментационных процессов. В частности, кальцитовая корка, покрывающая большинство костей, с одной стороны, «запечатывала» останки в первоначальном виде, с другой – карбонатные соли частично разъедали поверхность костей, уничтожая вероятные микроследы от разделки туш каменными орудиями.

В пространственном распределении фиксируются три зоны концентрации костей (скопления 1, 2, 3), разделенные между собой участками, где кости либо отсутствуют, либо единичны. Наиболее крупное из них – скопление 2 – находится в центральной части углубления и включает 198 ед. В скоплении 3 выявлено 65 ед. и в скоплении 1 – 16 ед. (за единицу принимаются отдельные кости и кости в анатомической связке). Явных закономерностей в распределении фаунистических останков по типам костей или видам животных не отмечается. Кости располагаются в углублении вперемежку. В то же время в скоплении 3 представлены кости конечностей, ребра, фрагменты челюстей животных, в скоплениях 1 и 2 также обнаруживаются более крупные кости, включающие черепа животных и тазовые кости.

В суглинке углубления фиксируются единичные крупные гальки и мелкие валуны, имеются также более многочисленные мелкие гальки (до 5 см). Крупные гальки почти всегда встречаются только в скоплениях с костями. Здесь же в суглинке обнаруживаются и отдельные кремневые находки.

2-й этап функционирования стоянки

В литологическом отношении ему соответствует слой 80а (рис. 2; 6). Слой определяется как галечник с песчано-глинистым заполнением. Мощность его варьирует, главным образом, в пределах 5–10 см, равняясь фактически толщине одной крупной гальки. Размерность галек различная, от 20 (небольшие валуны) и менее сантиметров (вплоть до гравия). По преимуществу галечник сцементирован в той или иной степени вторичными карбонатными солями. На вскрытой площади стоянки его залегание характеризуется как несплошное. Например, на южном участке галечник местами представлен единичными предметами. Поверхность культурного слоя здесь связана с подстилающим его суглинком. Отличается также по всей поверхности слоя и размерность галек. На некоторых участках преобладает более крупная галька (северная часть вскрытой площади), местами это более мелкая галька, приближающаяся к гравию (часть восточного участка) (рис. 5).

Рис. 5. Мухкай II. Поверхность обитания стоянки на уровне галечника слоя 80а (раскоп № 2 2011 г.). В центральной части раскопа видны скопления фаунистического материала в процессе расчистки и фиксации

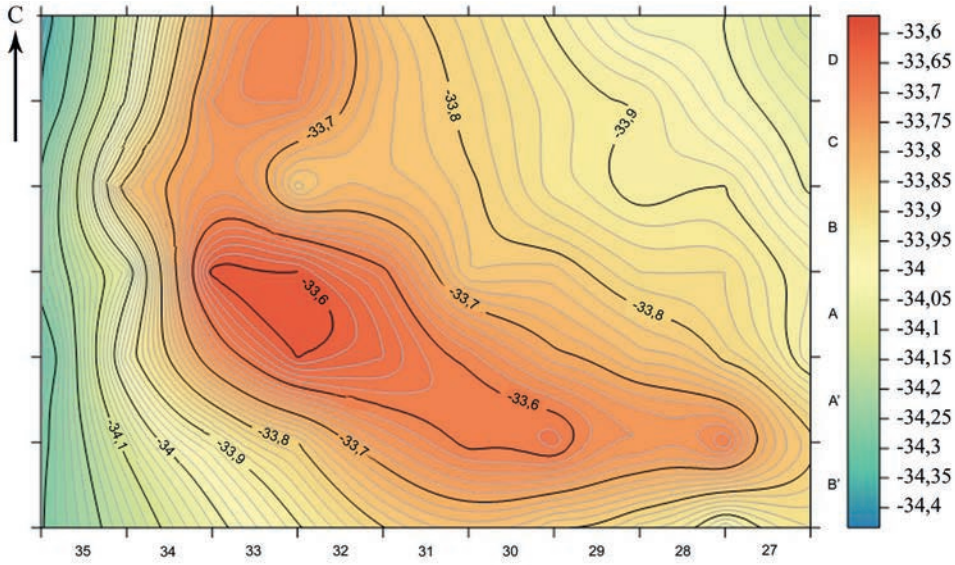


Рис. 6. Мухкай II. Поверхность культурного слоя на уровне горизонта галечника (слой 80а)

Кремневые находки, связанные с горизонтом галечника, концентрируются как в самом галечнике, так и на нем. В местах, где галечник представлен единичными предметами или отсутствует, изделия обнаруживаются на суглинке (слой 80б), подстилающем галечник. Гальки представлены известняковыми хорошо окатанными отдельностями, кремневые же находки не несут на себе визуальных следов окатанности и выраженной побитости, имеют «свежие» острые края. Значительная часть находок также покрыта карбонатной коркой, сохранившей поверхность изделий от вторичного воздействия. Как отмечалось, в категориальном плане коллекция содержит богатый спектр изделий, характерный для других памятников культуры олдована. Костные находки непосредственно в самом галечнике вне углубления единичны. Всего обнаружено несколько сильно коррадированных мелких обломков, покрытых кальцитовой коркой.

Вопрос соотношения находок из слоев 80а и 80б

В процессе исследования стоянки возникает вопрос о стратиграфическом соотношении и планиграфической взаимосвязи культурных останков, происходящих из двух слоев – 80а и 80б. Вне углубления водотока каменные и единичные костные находки приурочены к тонкому (до 20 см) горизонту галечника. В самом углублении отмечается несколько более сложная корреляция, требующая дополнительного объяснения. При возникающей сложности расчленения культурных останков, принадлежащих различным слоям или уровням находок, большую роль играет микростратиграфический анализ. В частности, метод

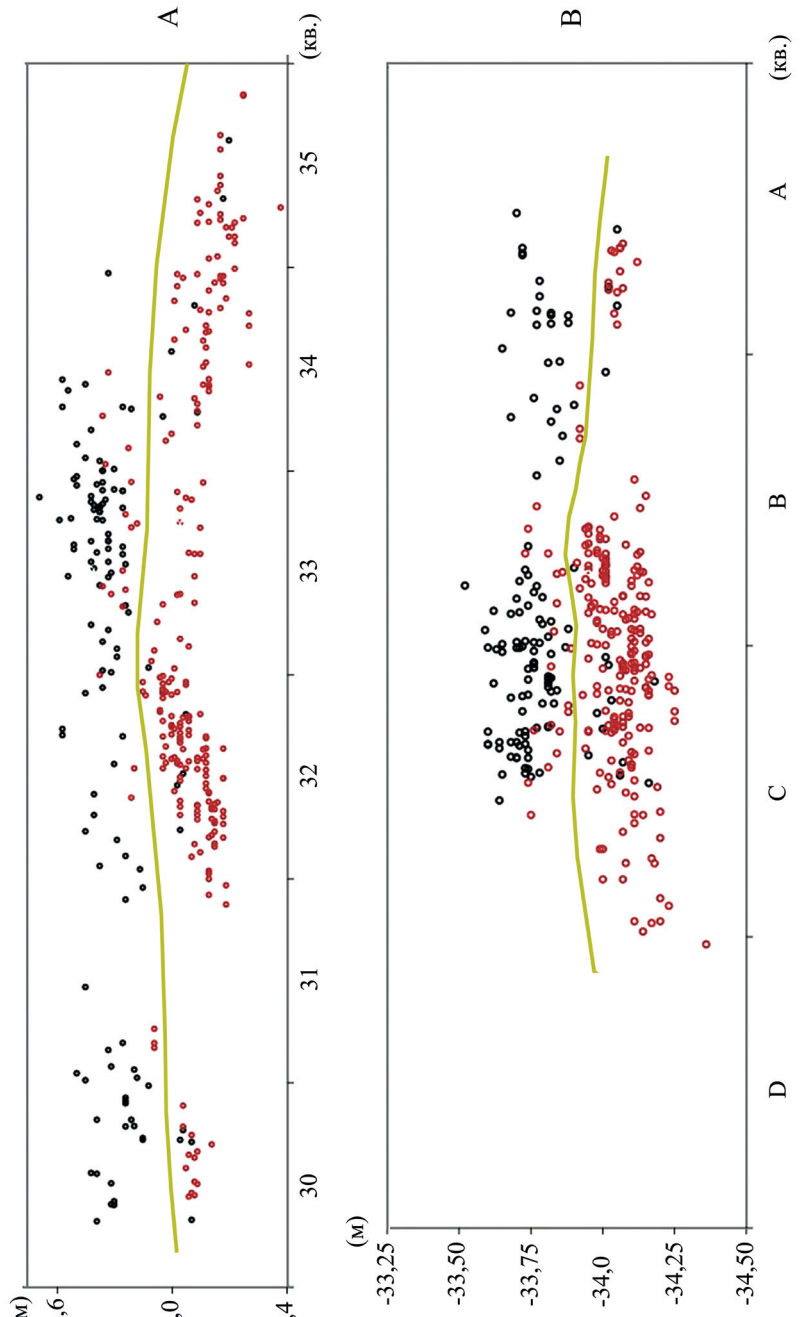


Рис. 7. Мухкай II. Соотношение кремневых и костных находок в пределах углубления водотока. На продольном (*A*) и поперечном (*B*) микропрофилях отмечается, что часть кремневых находок непосредственно связана с нижним горизонтом залегания костных останков (ниже зеленой линии). В то же время кости верхнего горизонта залегания костей (выше зеленой линии) соотносятся с кремневыми находками из слоя 80а

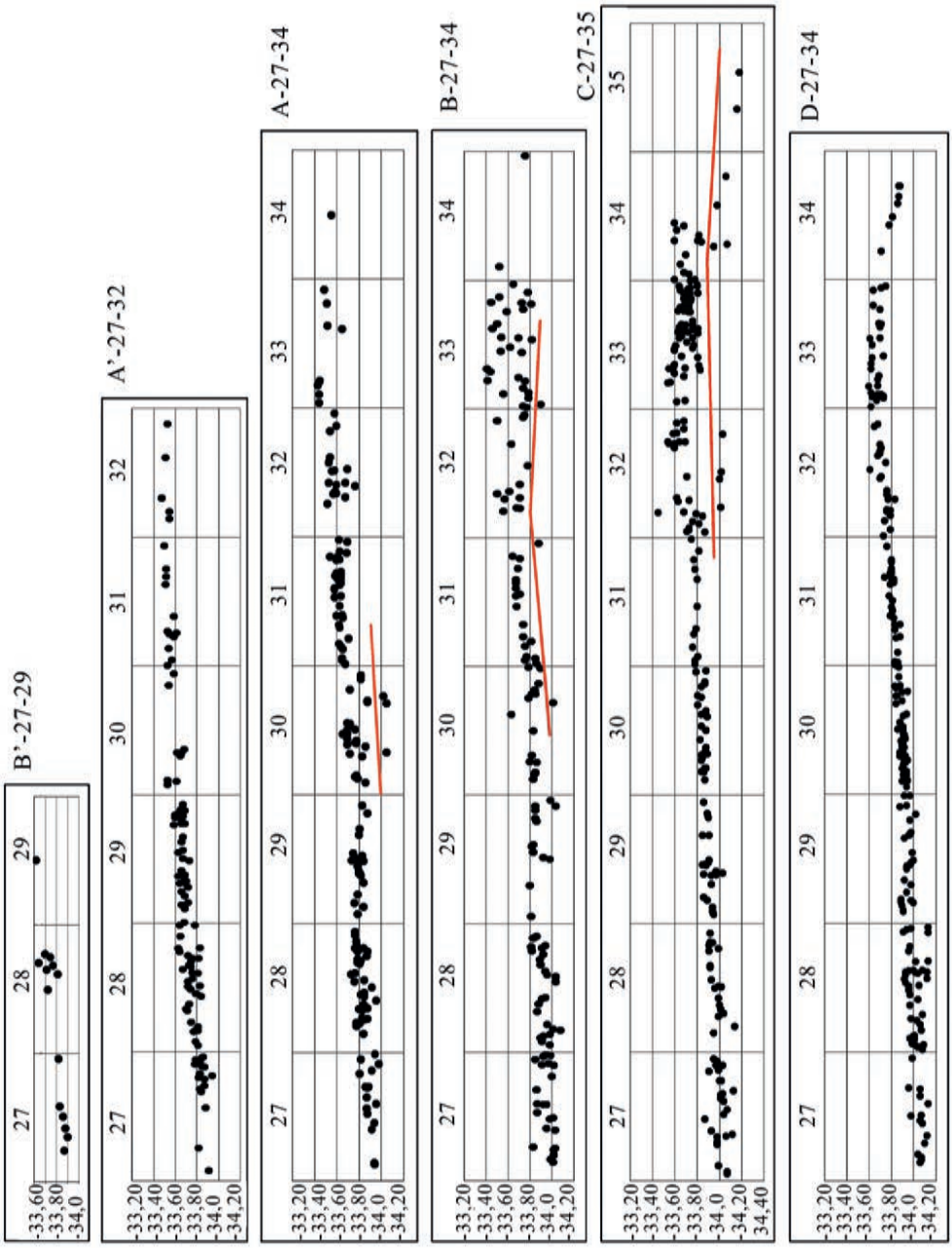


Рис. 8. Мухкай II. Микропрофили каменных находок из слоя 80. Основная часть находок связана непосредственно с горизонтом 80а. Ниже красной линии отмечены кремневые изделия, обнаруженные в углублении водотока в нижнем горизонте скопления костных останков

создания вертикальных микропрофилей находок выполняет как функцию визуализации, так и выступает как дополнительный источник.

Как уже отмечалось, 1-й этап обживания стоянки был связан с функционированием водотока, оставившего углубление, заполненное культурными останками. Культурные останки этого этапа включают фаунистические находки, единичные гальки и кремневые изделия. Находки 1-го этапа приурочены к суглинку слоя 80б. Суглинок этот распространен практически по всей площади раскопанной части стоянки, но мощность его отличается на разных участках. Суглинок в углублении и за его пределами незначительно различается, особенно это становится заметно ближе ко дну углубления. Если в целом по простиранию он имеет буроватый цвет, то в средней и особенно нижней части углубления принимает буровато-серый оттенок за счет увеличивающихся включений и мелких линзочек сероватого опесчаненного суглинка. Увеличение включения сероватого суглинка происходило за счет вреза и размывания протокой светло-серого суглинка (слой 81). Костные останки в углублении залегают двумя горизонтами, разделенные между собой 5–10 см суглинка. Выделяются соответственно верхний и нижний горизонты (рис. 7). Это может говорить о двух стадиях погребения культурных отложений на 1-м этапе функционирования стоянки.

Находки 2-го этапа обживания стоянки связаны с галечником (слой 80а). Полевые наблюдения и микростратиграфический анализ культурного слоя определяют, что кремневые изделия из галечника представлены одним горизонтом находок, имеющим четкие вертикальные границы и повторяющуюся мощность (рис. 8). На западном участке стоянки (кв. В-34) верхний горизонт костей углубления расположен в нижней части галечника слоя 80а.

На других участках, в том числе и в углублении, галечник перекрывает суглинок, в котором оказались захороненными фаунистические останки. В углублении горизонт галечника повторяет вогнутую его форму, что может указывать на относительную быстроту и кратковременность отложения галечника (рис. 6). Можно предполагать, что сам водоток углубления на уровне галечника уже не функционировал в той мере, как это было на уровне 1-го этапа обитания стоянки. Происходило заполнение водотока галечно-обломочным и археологическим материалом. Важно отметить, что на южном высоком участке стоянки часть кремневых изделий (чоппер, отщепы, обломки) находится на суглинке слоя 80б. Эти изделия испытали минимальное перемещение и могут характеризовать обитание стоянки как на 1-м, так и на 2-м этапе.

Заключение

Представленная характеристика культурного слоя стоянки в слое 80 находит множество аналогий среди других памятников Африки и Евразии, датируемых олдованом или ранним ашелем. Участие аквальных процессов в захоронении культурных останков подтверждается на большинстве раннеплейстоценовых стоянок открытого типа. Исходя из этого, восстанавливаются сходные и подчас тождественные экосистемы, в которых предпочитали жить носители этой древнейшей культуры. Одним из характерных условий при выборе мест стоянок

для древних людей эпохи олдована выступает наличие водоема (озера, лимана, залива и т. д.) либо водотока, расположенного в непосредственной близости от водоема.

Материалы стоянки представляют собой первоклассный археологический источник для изучения культурных, поведенческих, палеогеографических и других сторон жизни древнейших Homo на Северном Кавказе. Стоянка Мухкай II, слой 80 (возраст ~ 2,1–1,7 млн л. н.), имеет четкую геоморфологическую привязку и точную стратиграфическую позицию, что позволяет определять ее возраст и культурную атрибуцию (*Amirkhanov et al.*, 2014). Культурный слой стоянки сохранился без диагностируемых постдепозиционных изменений и нарушений. Сами культурные останки (каменные орудия, костные находки) оказались либо захороненными *in situ* либо испытали минимальное воздействие вторичных флювиально-пролювиальных процессов. Стратиграфическая и хозяйственная взаимосвязь костных и кремневых находок безусловна. Имеющиеся данные указывают, что хозяйственная деятельность человека происходила на территории с повышенной обводненностью. Представляется, что стоянка была связана с берегом водоема (озера, лимана), испытывавшим периодические колебания уровня воды. Эти колебания могли иметь различную природу, связанную как с сезонными ритмами, так и с более кратковременными циклами. В периоды, когда прилегающее пространство оказывалось свободным от подтопления, место стоянки посещалось человеком. В культурном слое памятника выделяется два горизонта находок, могущих говорить о двукратном посещении стоянки, причем при минимальной хронологической паузе. В структуре же слоя выделяются характерные участки древнего рельефа, на которых культурные останки обнаруживают определенные закономерности распределения. Так, выделяется более высокий участок дугообразного уступа, с которым связано большинство крупных орудий (чопперов и пиков). Уступ разделен углублением временного водотока на южный и северный участки. Внутри водотока как на первом, так и на втором этапе посещения стоянки макроорудия не встречаются. Среди кремневых орудий здесь фиксируются только ретушированные изделия (скребки, проколки, отщепы с ретушью и некоторые другие). В то же время углубление оказалось заполненным многочисленными костными останками млекопитающих, среди которых устанавливаются три основных скопления. В каждом из скоплений выделяется два горизонта захоронения костей. Кости попадали в углубление при непосредственном участии человека и испытывали, по всей видимости, в дальнейшем незначительные перемещения. Представленные характеристики культурного слоя стоянки Мухкай II, слой 80, являются типичными для стоянок эпохи олдована Внутреннего Дагестана, связанных с периодическим посещением берегов и отмелей водоемов, где происходила добыча и разделка туш млекопитающих.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Х. А., 2012. Памятники раннего плейстоцена Центрального Дагестана // Проблемы палеолита Дагестана / Отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 6–67.

Амирханов Х. А., 2016. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: Мавраевъ. 344 с.

Амирханов Х. А., Грибченко Ю. Н., Ожерельев Д. В., Саблин М. В., Семенов В. М., Трубихин В. М., 2012. Комплексные исследования раннеплейстоценовой стоянки Мухкай II на Северо-Восточном Кавказе (по результатам раскопок 2008–2011 гг.) // 1150 лет российской государственности и культуры. М.: Наука. С. 217–244.

Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В., 2011. Мухкай II, слой 80 – новая стоянка эпохи олдована в Центральном Дагестане // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород – Старая Русса). Т. 1. М.; СПб.; Новгород: ИИМК РАН. С. 16–17.

Ожерельев Д. В., 2014. Типология изделий со вторичной обработкой слоя 74 раннепалеолитической стоянки Мухкай II (Дагестан) // КСИА. Вып. 235. С. 60–81.

Ожерельев Д. В., 2016. Культурно-хронологическое определение каменных находок из слоя 129 многослойной раннепалеолитической стоянки Мухкай II // КСИА. Вып. 241. С. 7–20.

Саблин М. В., Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В., 2013. Стоянка эпохи олдована Мухкай II: палеонтологические данные к датировке и реконструкции природного окружения // РА. № 4. С. 7–19.

Amirkhanov H. A., Ozherel'ev D. V., Gribchenko Y. N., Sablin M. V., Semenov V. V., Trubikhin V. M., 2014. Early Humans at the eastern gate of Europe: The discovery and investigation of Oldowan sites in Northern Caucasus // Comptes Rendus Palevol. Vol. 13. Iss. 8. P. 717–725.

Amirkhanov H. A., Ozherelyev D. V., Sablin M. V., Agadzhanyan A. K., 2016. Faunal remains from the Oldowan site of Muhkai II in the North Caucasus: potential for dating and palaeolandscape reconstruction // QI. Vol. 395. P. 233–241.

Сведения об авторе

Ожерельев Дмитрий Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия, e-mail: dim_as_oj@mail.ru

D. V. Ozherelyev

DISTINCTIVE FEATURES OF OCCUPATION LAYER FORMATION AT THE OLDOVAN SITES IN THE NORTHEAST CAUCASUS: MUKHKAI II SITE, LAYER 80

Abstract. The paper reviews characteristics of the occupation layer at the Oldovan site of Mukhkai II, layer 80. The dating of the site falls between 2,1–1,7 million years ago. Cultural deposits at the site are preserved *in situ*. Preservation conditions of the occupation layer offered an opportunity to describe the structure of the site and organization of economic activities at the site. The paper attempts to recreate stages of the site occupation, conditions under which cultural remains were buried, geological and natural processes that impacted it at a whole new level. Overall characteristics described find parallels among some other Oldovan sites in Caucasus, Africa and the Middle East.

Keywords: Mukhkai II site, Oldovan period, occupation layer, stratigraphy, spatial structuring of the site, sedimentation, site type.

REFERENCES

Amirkhanov H. A., 2012. Pamyatniki rannego pleystotsena Tsentral'nogo Dagestana [Early Pleistocene sites of Central Dagestan]. *Problemy paleolita Dagestana [Problems of Palaeolithic of Dagestan]*. M. V. Shun'kov, ed. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 6–67.

Amirkhanov H. A., 2016. Severnyy Kavkaz: nachalo preistorii [North Caucasus: beginning of prehistory]. Makhachkala: Mavraev. 344 p.

Amirkhanov H. A., Gribchenko Yu. N., Ozherel'ev D. V., Sablin M. V., Semenov V. M., Trubikhin V. M., 2012. Kompleksnye issledovaniya rannepleystotsenovoy stoyanki Mukhkay II na Severo-Vostochnom Kavkaze (po rezul'tatam raskopok 2008–2011 gg.) [Complex investigations of early Pleistocene site Mukhkai II in North-Eastern Caucasus (based on results of excavations of 2008–2011)]. *1150 let rossiyskoy gosudarstvennosti i kul'tury [1150 years of Russian statehood and culture]*. Moscow: Nauka, pp. 217–244.

Amirkhanov H. A., Ozherel'ev D. V., 2011. Mukhkai II, sloy 80 – novaya stoyanka epokhi oldovana v Tsentral'nom Dagestane [Mukhkai II, layer 80 – new site of Oldovan epoch in Central Dagestan]. *Trudy III(XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s''ezda [Transactions of III (XIX) All-Russian archaeological congress (Velikiy Novgorod – Staraya Russa)]*, 1. Moscow; St. Petersburg; Velikiy Novgorod: IIMK RAN, pp. 16–17.

Amirkhanov H. A., Ozherel'ev D. V., Gribchenko Y. N., Sablin M. V., Semenov V. V., Trubikhin V. M., 2014. Early Humans at the eastern gate of Europe: The discovery and investigation of Oldowan sites in Northern Caucasus. *Comptes Rendus Palevol*, vol. 13, iss. 8, pp. 717–725.

Amirkhanov H. A., Ozherelyev D. V., Sablin M. V., Agadzhanyan A. K., 2016. Faunal remains from the Oldowan site of Muhkai II in the North Caucasus: potential for dating and palaeolandscape reconstruction. *QI*, 395, pp. 233–241.

Ozherel'ev D. V., 2014. Tipologiya izdeliy so vtorichnoy obrabotkoy sloya 74 rannepaleoliticheskoy stoyanki Mukhkay II (Dagestan) [Typology of artefacts with secondary treatment from layer 74 of the Early Palaeolithic site Mukhkay II (Dagestan)]. *KSIA*, 235, pp. 60–81.

Ozherel'ev D. V., 2016. Kul'turno-khronologicheskoe opredelenie kamennykh nakhodok iz sloya 129 mnogosloynoy rannepaleoliticheskoy stoyanki Mukhkay II [Cultural and chronological attribution of stone finds from layer 129 at the Mukhai II multilayer Early Palaeolithic station]. *KSIA*, 241, pp. 7–20.

Sablin M. V., Amirkhanov Kh. A., Ozherel'ev D. V., 2013. Stoyanka epokhi Oldovana Mukhkay II: paleontologicheskie dannye k datirovke i rekonstruktsii prirodnogo okruzheniya [Station of Oldovan epoch Mukhkai II: paleontological data for dating and reconstruction of natural environment]. *RA*, 4, pp. 7–19.

About the author

Ozherelyev Dmitriy V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow 117036, Russian Federation; e-mail: dim_as_oj@mail.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.32-41

А. Б. Селезнёв

КРЕМНЕВЫЙ ИНВЕНТАРЬ СТОЯНКИ МУХКАЙ I (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОМПЛЕКСА ВТОРИЧНОЙ ОБРАБОТКИ)

Резюме. В статье представлены результаты исследования на основе сравнительного анализа комплекса вторичной обработки кремневой коллекции раннепалеолитической стоянки Мухкай I, расположенной в Акушинском районе Республики Дагестан, вблизи выходов кремневого сырья. По типологическому набору каменного инвентаря стоянка может быть отнесена к культуре олдован и датироваться временем не моложе 2–1,5 млн л. н. На памятнике найдена представительная коллекция кремневых орудий, позволяющая изучить типологию древнейшей каменной индустрии.

Ключевые слова: ранний палеолит, Республика Дагестан, культура олдован, стоянка, технология расщепления камня, стратиграфический анализ.

С начала XXI в. результатами научных исследований на недавно открытых нижнепалеолитических стоянках Айникаб I, Мухкай I и II в Республике Дагестан стали материалы, имеющие надежную стратиграфическую позицию и чрезвычайно выразительные в археологическом отношении. Они позволяют говорить, что уже в олдувайскую эпоху на юге России существовали поселения древнейшей человеческой культуры. Новые данные из Центрального Дагестана уточняют время первоначального заселения Северного Кавказа (*Амирханов*, 2016).

По результатам исследования стоянки, стратиграфически связанной с 80-м слоем Мухкая II, в том числе включающего аналитические данные по найденным в раскопках 2009–2012 гг. в этом слое многочисленным останкам животных 10 видов, хронология сохранившегося *in situ* слоя 80 определена в рамках 2,1–1,76 млн л. н. (*Саблин и др.*, 2013. С. 17). Полученные материалы служат надежным подтверждением каспийского пути, как одного из направлений миграции первоначального заселения Евразии и Юго-Востока Европы из Западной Азии. Открытые в Дагестане памятники имеют не меньшее научное значение, чем классические памятники Олдувайского ущелья в Африке; памятники юга Аравии; стоянки Азых и Дманиси в Закавказье, а также Родники 1, Кермек и Богатыри на Таманском полуострове.

Стоянка Мухкай I, исследуемая с 2007 г. планомерными комплексными раскопками (*Амирханов*, 2016; *Селезнев*, 2014; 2015), дала выразительную коллекцию кремневых артефактов, происходящих из 39 слоев с обломочным материалом, имеющих четкую стратиграфическую позицию в нескольких геологических пачках разного генезиса, общей мощностью до 70 м.

Датировку стоянки Мухкай II (2,1–1,76 млн л. н.) с определенными поправками можно применить и к наиболее насыщенному кремневыми артефактами слою 32 стоянки Мухкай I, залегающему между двумя периодами прямой намагниченности: первый на глубине 9,5/13,5 м от нулевого репера, сопоставляемый с эпизодом Харамильо 0,99–1,07 млн л. н. (слои 17–24), и второй (также прямой полярности) на глубине 20 м (слой суглинка № 33), который можно соотнести с эпизодом Олдувей, датирующимся временем 1,95 млн л. н. Слой 32 Мухкая I залегает непосредственно над отложениями (слой 33), соотносимыми с эпизодом Олдувей (1,95 млн л. н.), что с определенной долей вероятности позволяет датировать этот слой временем ближе к указанному эпизоду. Ниже слоя 33 палеомагнитные образцы из всех литологических слоев с мелкоземом вплоть до контакта с третичными известняками дали обратную намагниченность.

Открытие на стоянке Мухкай I в 2007 и 2011–2015 гг. в стратифицированных слоях представительных коллекций кремневых артефактов, по типологическому облику и общему составу соответствующих технокомплексу культуры олдован и находящих аналогии как с располагающимися поблизости памятниками Айникаб I и Мухкай II, так и со стоянками классического олдована Таманского полуострова и Южного Кавказа, позволяет (наравне с результатами междисциплинарных работ на памятнике) поставить задачи сравнительного анализа древнейшей человеческой индустрии в неразрывной связи с природным окружением (животные – объекты охоты, источники сырья для орудий, погодно-климатические условия и т. д.).

Основными источниками для настоящей статьи послужили коллекции каменных изделий стоянки Мухкай I раскопок 2007 и 2011–2015 гг. В целом рассматриваемая источниковедческая база составляет свыше 2000 кремневых артефактов, что для раннепалеолитических памятников культуры олдован является, несомненно, представительной и достаточной выборкой для попытки решения поставленных в исследовании задач (табл. 1).

Таблица 1. Количественный и качественный состав коллекций каменных изделий со стоянки Мухкай I по годам раскопок

Года раскопок	Общее количество изделий	Количество орудий (%)
2007	344	64 (18,6 %)
2011	317	44 (13,9 %)
2012	483	73 (15,1 %)
2013	326	31 (9,5 %)
2014	241	15 (6,2 %)
2015	461	126 (27,3 %)
ВСЕГО	**2172**	**353 (16,3 %)**

Процент орудий со стоянки Мухкай I хорошо сопоставим не только с аналогичными показателями олдованских стоянок Горного Дагестана Айникаб I и Мухкай II, но и однокультурных памятников Африки, Аравии и Таманского полуострова.

На 2016 г. общее количество обработанного кремня из раскопок Мухкая I составило почти 2200 кремневых артефактов, из которых 353 экз. (16,3 %) являются предметами с вторичной обработкой (табл. 1).

Из них в количественном и качественном отношении выделяется кремневая коллекция из слоя 32, составляющая на сегодняшний день более половины всего массива изделий и всех орудий I Мухкайской стоянки.

Значительная часть этих материалов была получена в 2015 г. в результате исследований слоя 32 на раскопах 1 и 2 (*Селезнев*, 2015), где кремневые изделия были обнаружены в количестве 461 экз., из которых предметов с вторичной обработкой насчитывалось 126 экз., а пиков было найдено почти в три раза больше, чем в остальных слоях памятника (табл. 2).

Таблица 2. Типологический состав коллекции стоянки Мухкай I-2015. Слой 32. Раскопы 1 и 2

№ п/п	Наименование изделий	Раскоп 1	Раскоп 2
ЖЕЛВАКИ, НУКЛЕУСЫ И ЗАГОТОВКИ			
1	Желваки и обломки без видимых следов обработки	–	5
2	Желваки со сколами	2	9
3	Нуклеусы и нуклевидные	–	1
4	Отщепы	29	70
ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА			
1	Обломки желваков со сколами	35	111
2	Обломки и осколки	42	34
3	Чешуйки оббивки	2	–
ОРУДИЯ			
1	Чопперы	4 (19 %)	39 (37 %)
2	Пики и пикообразные орудия	5 (24 %)	33 (31,5 %)
3	Скребки	–	–
4	Скребла	1 (5 %)	6 (5,7 %)
5	Ножи с обушком	2 (10 %)	6 (5,7 %)
6	Орудия с выемкой	1 (5 %)	6 (5,7 %)
7	Отщепы с частичной ретушью	8 (38 %)	15 (14,3 %)
Итого		**131**	**335**

Подобные факты позволяют предполагать, что кремень для расщепления поселенцы культуры олдован Горного Дагестана могли добывать неподалеку

и использовать прямо на месте стоянок, не посылая специальных экспедиций за более качественным сырьем. А на расположенных ближе к выходам кремневого сырья мухкайских стоянках не использовались другие, менее качественные некремневые породы – известняк и окремнелый известняк.

Уникальной находкой со стоянки Мухкай I раскопок 2012 г. стал сильно обгоревший отщеп кремня из слоя 39 (рис. 2, *5*). Степень термического воздействия на этот артефакт (его структура после обжига полностью состоит из мозаичных отслаивающихся «чешуек») с определенной долей вероятности позволяет предположить, что он находился в зоне действующего огня (в очаге?) в течение длительного промежутка времени, а это почти исключено в случае естественных природных пожаров. Вторая находка обожженного кремневого артефакта на мухкайских стоянках может свидетельствовать о возможности использования огня носителями культуры олдован на Северном Кавказе.

Необходимо отметить, что применявшийся на стоянках Мухкай I меловой кремень различных оттенков серого цвета, происходящий из слоев верхних геологических пачек, обладает худшим качеством, трещиноватой структурой и наличием, зачастую, толстой меловой корки, что при подборе сырья и раскалывании приводило к появлению большого количества отходов производства – желваков и обломков без видимых следов обработки.

Более качественное плитчатое кремневое сырье, также использовавшееся на стоянке, стратиграфически связано с уровнем слоя 32 и нижележащими слоями и имеет определенные отличия от кремневого сырья из вышележащих пачек (*Селезнев*, 2015).

Наиболее многочисленной категорией в коллекции орудий являются чопперы, которые разделены по видам кремневого сырья на 2 раздела: первый – изготовленные на желвачном сырье, и второй – на плитчатом (табл. 3). Второй раздел количественно преобладает (72 против 55), но уступает первому по числу изготавливаемых типов, среди которых превалируют долотовидные и с узким лезвием. Видимо, особенности кремневого сырья «диктовали» выбор формы орудий. Найдены чопперы во всех слоях, но наибольшее количество их отмечено в слое 32, давшем 62 экз. (табл. 3).

Таблица 3. Мухкай I. Типология чопперов

Типы	**Все слои (кроме слоя 32)**	**Слой 32 (2011, 2015)**	**ВСЕГО**
ЖЕЛВАК			
С узким лезвием	7	6	**13**
С поперечным лезвием	5	4	**9**
С продольным лезвием	1	2	**3**
С дугообразным лезвием	3	4	**7**
Двусторонние	10	9	**19**
Гигантолит	2	2	**4**
Всего	**28**	**27**	**55**

Окончание таблицы 3

Типы	Все слои (кроме слоя 32)	Слой 32 (2011, 2015)	ВСЕГО
ПЛИТКА			
Долотовидный	22	22	**44**
С узким лезвием	6	5	**11**
Двусторонние	9	6	**15**
Гигантолит	–	2	**2**
Всего	**37**	**35**	**72**
ВСЕГО	**65**	**62**	**127**

Следующей категорией кремневого инвентаря, подвергнутой анализу, стали пики и пикообразные орудия – всего 62 экз. (табл. 4). Из них во всех слоях Мухкайской I стоянки, за исключением слоя 32, было найдено 19 экз. (одна треть) против 43 изделий из слоя 32 (*Селезнев*, 2015). Пики В. П. Любин одним из первых при работе с африканскими коллекциями назвал характерными орудиями как для хронологического горизонта собственно культуры олдован, так и для стадии развитого олдована (*Любин, Геде*, 2000; *Любин, Беляева*, 2004).

Можно заметить, что (в отличие от чопперов) коллекция пиков из слоя 32 еще больше превалирует над остальными слоями, составляя более двух третей всех изделий (табл. 4).

Таблица 4. Мухкай I. Типология пиков и пикообразных

Типы	Все слои (кроме слоя 32)	Слой 32 (2011, 2015)	ВСЕГО
ЖЕЛВАК			
Пик типичный трехгранный	7	12	**19**
Пик плоский	–	10	**10**
Пик-гигантолит	–	1	**1**
Пикообразное орудие	4	–	**4**
Всего	**11**	**23**	**34**
ПЛИТКА			
Пик типичный трехгранный	2	1	**3**
Пик плоский	1	16	**17**
Пик-гигантолит	2	2	**4**
Пикообразное орудие	3	2	**5**
Всего	**8**	**20**	**28**
ВСЕГО	**19**	**43**	**62**

Выделено 4 типа пиков, так же как и чопперы, разделенных по видам кремневого сырья на 2 раздела: первый – из желвачного и второй – из плитчатого сырья. По данным табл. 4 хорошо заметно, что типично трехгранные пики в подавляющем большинстве сделаны из желвачного сырья (19 против 3 экз.).

Почти половина пиков (27 экз.) стоянки Мухкай I относится к типу «плоских» (рис. 1). Этот тип пиков, как справедливо отмечает Х. А. Амирханов, можно назвать промежуточной плоской унифасиальной формой, в своем развитии стремящейся в сторону бифаса – в основном аббевильского рубила (*Амирханов*, 2016).

К пикам примыкает 9 орудий, которые В. П. Любин называет «пиковидные», или «пикоообразные», как не обладающие всем набором признаков классического типа (*Любин, Геде*, 2000).

Все скребки из раскопок Мухкая I были разделены на 5 основных типов, представленных в табл. 5.

Таблица 5. Мухкай I. Типология скребков и скребел

Типы	Все слои (кроме слоя 32)	Слой 32 (2011, 2015)	ВСЕГО
СКРЕБКИ			
Мелкие	4	7	**11**
С шипом	3	–	**3**
Со скошенным лезвием	–	1	**1**
С боковым лезвием	–	2	**2**
Высокой формы	6	1	**7**
Всего скребков	**13**	**11**	**24**
СКРЕБЛА			
С поперечным лезвием	4	8	**12**
С ретушированными выемками	2	1	**3**
Двусторонние	1	–	**1**
Всего скребел	**7**	**9**	**16**
ВСЕГО	**20**	**20**	**40**

В нижней пачке слоев 85–87 скребки найдены не были. Их первые находки были сделаны в слоях из средней части разреза стоянки Мухкай I. В пачке слоев 67–68 (с чередованием слоев с обломочным материалом и слоев с мелкоземом) на глубинах 45/47 м от поверхности было найдено 5 скребков. Интересно, что в самом нижнем слое 68 были найдены 3 скребка высокой формы: скребок на обломке, который напоминает концевые скребки более позднего времени, скребок высокой формы и скребок на массивном отщепе (рис. 2, *1–3*).

В верхней части пачки слоев с чередованием слоев с обломочным материалом и слоев с мелкоземом (слои 14, 17 и 23), на глубинах 8/13 м от поверхности, сопоставляемых с уровнем палеомагнитного эпизода Харамильо, датирующегося 0,99–1,07 млн л. н., были найдены 3 скребка – на массивных первичных отщепах и на обломке желвака.

Так же как и в случае со скребками, типология скребел стоянки Мухкай I отличается большим разнообразием. Найдены скребла с поперечным лезвием, с ретушированными выемками и двусторонние, как на небольших отщепах, так и на первичных сколах и на массивных обломках.

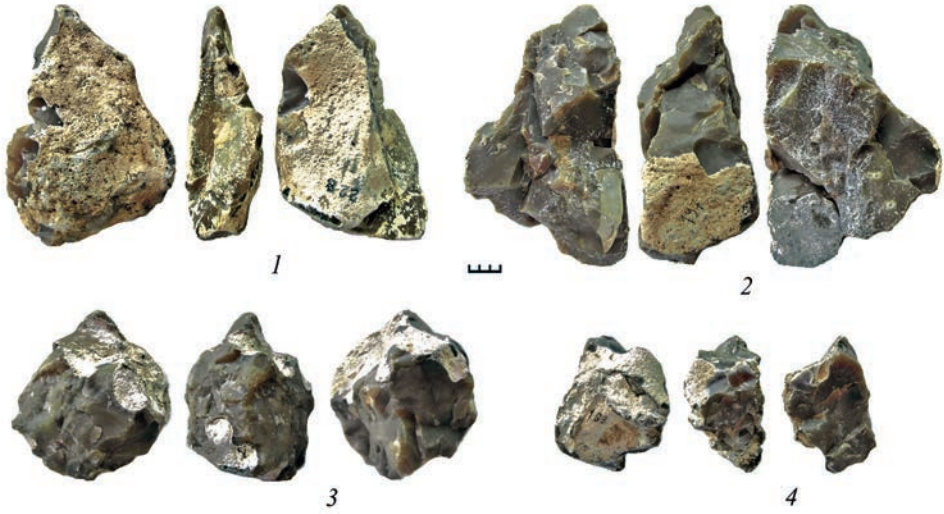


Рис. 1. Мухкай I-2014. Слои 81 (*4*), 85 (*2, 3*), 87 (*1*). Пики

1 – плоский на плоском желваке (№ 228); *2* – плоский на обломке плитки (№ 197); *3* – на желваке (№ 219); *4* – плоский на обломке желвака (№ 163)

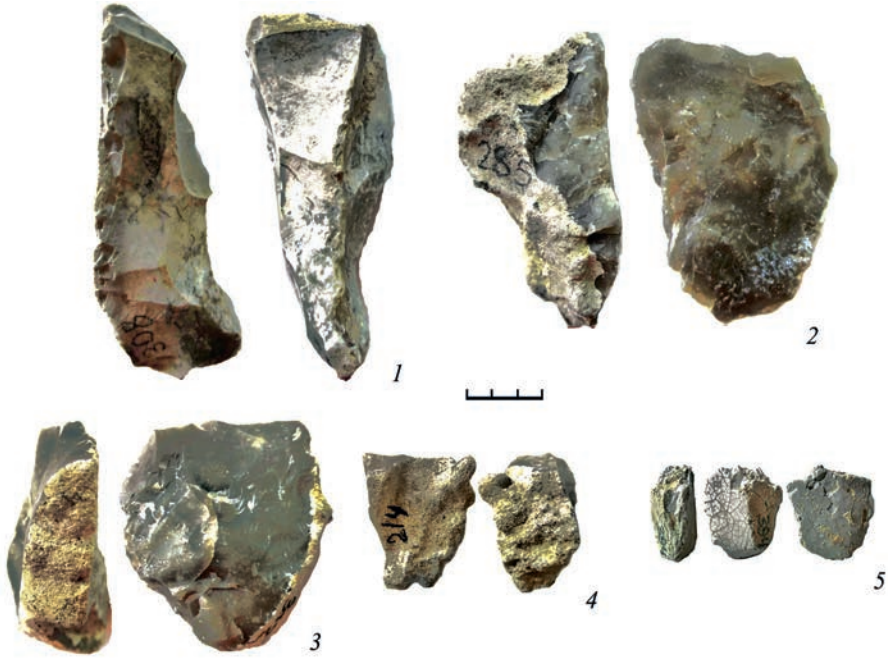


Рис. 2. Мухкай I-2012. Слой 39 (*5*). Мухкай I-2013. Слои 67 (*4*), 68 (*1–3*). Скребки (*1–4*)

1 – концевой с прямым лезвием на обломке (№ 308); *2* – высокой формы (№ 285); 3 – на массивном отщепе (№ 300); *4* – высокой формы (№ 214); *5* – горелый отщеп (№ 394). Фото

Еще одной характерной категорией кремневых изделий стоянки Мухкай I, как и однокультурных памятников Айникаб I и Мухкай II, являются ножи с обушком, среди которых выделяется 2 основных типа – с естественным обушком и с ретушированным обушком (табл. 6).

Таблица 6. Мухкай I. Типология ножей с обушком

Типы ножей	Все слои (кроме слоя 32)	Слой 32 (2011, 2015)	ВСЕГО
С естественным обушком	4	8	**12**
С ретушированным обушком	2	1	**3**
ВСЕГО	**6**	**9**	**15**

Всего найдено 15 ножей, из которых 9 происходят из слоя 32 (*Селезнев*, 2015). Необходимо отметить, что в одном из самых древних слоев с находками кремневых изделий, залегающих в пачке на контакте с третичными известняками на глубине 63 м (слой 87), был найден нож с естественным обушком на отщепе удлиненной формы. В пачке с чередованием слоев с обломочным материалом и слоев с мелкоземом (слои 44, 39 и 35) на глубинах 24/33 м были обнаружены ножи второго типа – с частично ретушированным обушком.

В коллекции кремневых изделий стоянки Мухкай I было найдено 16 орудий с ретушированными выемками на краях, из которых 9 обнаружены во всех слоях, за исключением слоя 32.

К редким формам орудий можно отнести острие на плоском отщепе удлиненной формы из слоя 68 и унифас из слоя 37.

Таким образом, исследования кремневого инвентаря стоянки Мухкай I позволяют полагать, что особенности каменного сырья могли влиять не только на его отбор, но и на получение конечной формы орудий.

Так, например, большинство чопперов на плитчатом сырье Мухкая I представлены экземплярами с долотовидным и узким лезвиями, тогда как на стоянке Айникаб I доля чопперов этого типа составляет менее $^{1}/_{3}$ всей коллекции. Практически все чопперы на плитчатом сырье стоянки Мухкай I происходят из нижних и средних пачек слоев, залегающих ниже уровня, сопоставляемого с палеомагнитным эпизодом прямой намагниченности Харамильо (0,99–1,07 млн л. н.).

В пачке слоев, соотносимых с периодом Харамильо, и в самой верхней пачке слоев (работы 2007 г.) были встречены чопперы, в отличие чопперов из нижних пачек, преимущественно из желвачного сырья, некрупных размеров и односторонние.

Как представляется, подобные факты могут говорить о том, что доступное кремневое сырье поселенцы культуры олдован Горного Дагестана (в разные периоды существования памятника) могли транспортировать из близлежащих сырьевых выходов прямо на стоянку и там же использовать, не снаряжая специальных экспедиций за более качественным сырьем.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Х. А., 2016. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: Мавраевъ. 344 с.

Любин В. П., Беляева Е. В., 2004. Стоянка Homo erectus в пещере Кударо 1. Центральный Кавказ. СПб.: Петербургское востоковедение. 273 с.

Любин В. П., Геде Ф. Й., 2000. Палеолит Республики Кот д'Ивуар. Западная Африка. СПб.: Петербургское востоковедение. 158 с.

Саблин М. В., Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В., 2013. Стоянка эпохи Олдована Мухкай II: палеонтологические данные к датировке и реконструкции природного окружения // РА. № 4. С. 7–19.

Селезнёв А. Б., 2014. Исследования раннепалеолитической стоянки Мухкай I в 2011–2013 гг. // КСИА. Вып. 235. С. 82–101.

Селезнев А. Б., 2015. Кремневый инвентарь из слоя 32 нижнепалеолитической стоянки Мухкай I // КСИА. Вып. 239. С. 258–271.

Сведения об авторе

Селезнев Алексей Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: absel@rambler.ru

A. B. Seleznev

FLINT TOOLS AT THE MUKHKAI I SITE (COMPARATIVE ANALYSIS OF SECONDARY TREATMENT TOOL MANUFACTURE)

Abstract. The article presents results of the study based on comparative analysis of secondary treatment tools in the flint collection from the Early Paleolithic Mukhkai I site located in the Akusha district of the Republic of Dagestan near flint outcrops. Judging by the typological set of lithic tools, the site can be attributed to the Oldovan culture and dated within the range of 2–1,5 million years ago. The site revealed a representative collection of flint tools. The manufacture of flint tools took place at the site, providing an opportunity to conduct the analysis of all aspects of lithic typology, identify and describe various operational chains associated with tools manufacture.

Keywords: Early Paleolithic, Republic of Dagestan, Oldovan, site, flint knapping technology, stratigraphic analysis.

REFERENCES

Amirkhanov Kh. A., 2016. Severnyy Kavkaz: nachalo preistorii [North Caucasus: the beginning of prehistory]. Moscow; Makhachkala: Mavraev". 344 p.

Lyubin V. P., Belyaeva E. V., 2004. Stoyanka Homo erectus v peshchere Kudaro 1 (Tsentral'nyy Kavkaz) [Station of Homo erectus in Kudaro 1 cave (Central Caucasus)]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 273 p.

Lyubin V. P., Gede F. Y., 2000. Paleolit Respubliki Kot D'Ivuar. Zapadnaya Afrika [Palaeolithic of Republic of Côte D'Ivoire. Western Africa]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 158 p.

Sablin M. V., Amirkhanov Kh. A., Ozherel'ev D. V., 2013. Stoyanka epokhi Oldovana Mukhkay II: paleontologicheskie dannye k datirovke i rekonstruktsii prirodnogo okruzheniya [Station of Oldovan epoch Mukhkai II: paleontological data for dating and reconstruction of natural environment]. *RA*, 4, pp. 7–19.

Seleznyov A. B., 2014. Issledovaniya rannepaleoliticheskoy stoyanki Mukhkay I v 2011–2013 gg. [Investigations at the Early Palaeolithic site Mukhkay I in 2011–2013]. *KSIA*, 235, pp. 82–101.
Seleznyov A. B., 2015. Kremnevyy inventar' iz sloya 32 nizhnepaleoliticheskoy stoyanki Mukhkay I [Flint tools from layer 32 of Lower Paleolithic Mukhkai I camp]. *KSIA*, 239, pp. 258–271.

About the author

Seleznev Aleksey B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: absel@rambler.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.42-49

К. Н. Гаврилов, С. Ю. Лев

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ДАНАЯ: ШЕДЕВР ИЗ РАСКОПОК ХОТЫЛЁВО 2, 2016 г.

Резюме. Статья посвящена предварительной публикации новой женской статуэтки из раскопок 2016 г., проводившихся на участке пункта В стоянки Хотылёво 2. Дается описание внешнего вида, сохранности и археологического контекста находки. Определены аналогии и типологическая характеристика. Статуэтка изображает тучную, возможно, беременную женщину и относится к так называемому хотылёвскому типу женских изображений восточного граветта. Фигурка залегала на древней дневной поверхности, рядом с группой преднамеренно уложенных костей мамонта. Археологический контекст новой статуэтки аналогичен контексту первой женской статуэтки из раскопок Ф. М. Заверняева.

Ключевые слова: верхний палеолит, восточный граветт, Хотылёво 2, женская статуэтка.

В 2016 г. при раскопках на участке пункта В верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2 был обнаружен новый памятник первобытного искусства: миниатюрная статуэтка из бивня мамонта (рис. 1). Размеры женской фигурки: длина – 56 мм, макс. ширина – 23,7 мм, макс. толщина – 19 мм. Статуэтка, вероятно, изображает беременную женщину с крупными животом и грудью. Голова склонена вперед, имеет уплощенную биконическую форму. Часть объема живота и грудей не сохранилась из-за отслоения фрагмента статуэтки по естественной трещине вдоль конуса роста бивня. Плечи покатые, линия спины – сутулая. Руки женщины изображены в области предплечья таким образом, что возникает впечатление о положении несохранившихся частей рук поверх грудей. Лобок изображен подчеркнуто рельефно. Ноги, относительно удлиненные, заметно сужающиеся в объеме к низу, смоделированы в классической для восточнограветтских статуэток позе: полусогнутые в коленях, с сомкнутыми бедрами и разведенными голенями. Сохранившееся левое колено выделено: приподнято в виде цилиндра относительно поверхности ноги. Вместо стопы на левой ноге изображено копытце. Ягодицы изображены рельефно гипертрофированными. Над ягодицами на спине подчеркнут жировой валик. В целом общий объем фигурки состоит из отдельных форм, соединенных между собой с большим искусством. Несмотря на свою корпулентность, статуэтка производит изящное впечатление,

Рис. 1. Хотылёво 2. Пункт В, кв. А/8'. Женская статуэтка из бивня мамонта (фото С. Ю. Льва)

Рис. 2. Хотылёво 2. Женская статуэтка из раскопок 2016 г. (фото А. С. Пахунова)

очевидно, благодаря своей миниатюрности и относительной удлиненности ног (рис. 2).

Пункт В исследуется Хотылёвской археологической экспедицией (с перерывами) начиная с 2005 г. (*Gavrilov et al.*, 2015). За все время раскопок было вскрыто 65 кв. м культурного слоя (с учетом раскопок 2016 г.). На этой площади было зафиксировано два комплекса пространственно связанных археологических объектов.

Южный комплекс характеризуется крупными скоплениями преднамеренно уложенных костей мамонтов, структурную основу которых составляли черепа и плоские кости. С данными скоплениями были связаны ямы, в которых также находились преднамеренно уложенные кости мамонта. Кости в скоплениях, а также древняя дневная поверхность вокруг них и под некоторыми черепами были интенсивно окрашены охрой.

Северный комплекс представляет собой расположенные по дуге округлые в плане неглубокие ямы и вкопанные длинные кости мамонта, часть из которых была преднамеренно расколота. В непосредственной близости от некоторых ям были зафиксированы черепа мамонтов. С двумя ямами были связаны группы из попарно уложенных лопаток мамонтов. В ямах и вокруг них были зафиксированы скопления охры. С внутренней стороны дуги, вдоль которой были расположены ямы, располагалось обширное скопление костного угля и золы, в южной части которого была зафиксирована еще одна яма, возможно – очаг. Рядом с ней в 2008 г. была обнаружена двойная женская статуэтка, вырезанная из куска мела (*Гаврилов*, 2012).

Северный комплекс археологических объектов был вскрыт двумя раскопами (Б и В) общей площадью 40 кв. м. В раскопе Б была зафиксирована южная часть данного комплекса, тогда как раскопом В удалось открыть его центральную

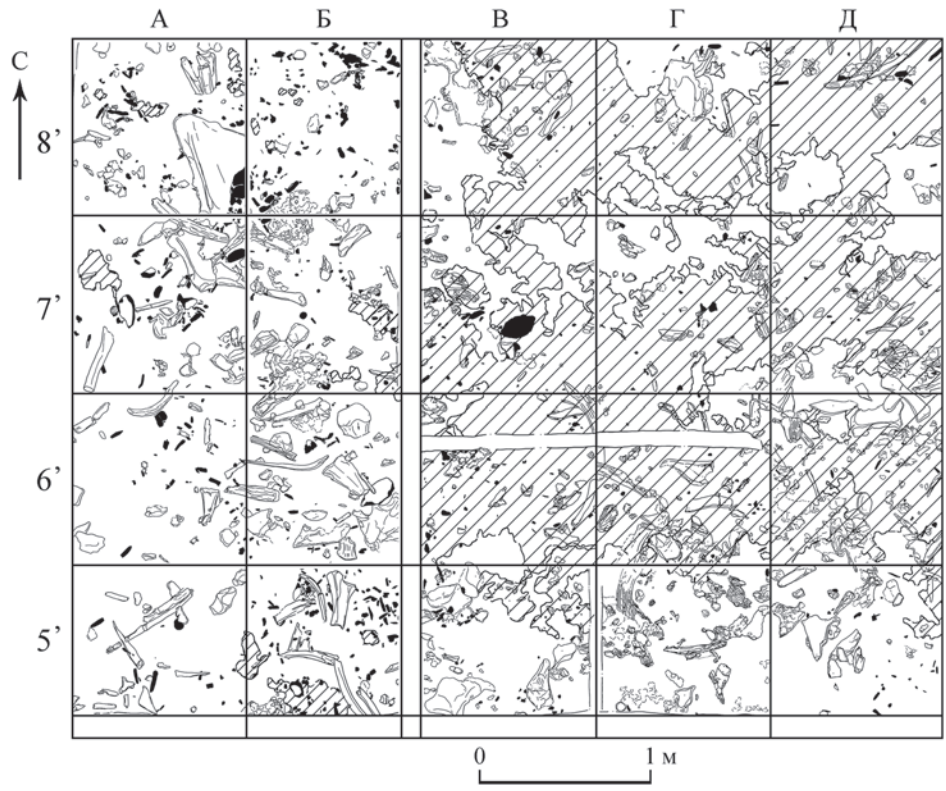


Рис. 3. Хотылёво 2. Пункт В. Общий план раскопа В

Условные обозначения: черные силуэты – расщепленный кремень; косая штриховка – скопления костного угля и золы

часть (рис. 3). В настоящий момент исследование центральной части северного комплекса не завершено. Однако раскопками уже пройден основной уровень залегания находок, и на нынешнем уровне изучения культурного слоя его основные характеристики выглядят следующим образом. Археологический материал представлен костными останками животных, предметами из расщепленного кремня, поделками из кости и бивня мамонта, а также костным углем, золой и охрой. Находки, вскрытые в 2016 г., были связаны с прослойкой гумусированного суглинка серого цвета, а в местах концентрации костного угля и золы – черного цвета.

Простирание культурного слоя по площади раскопа В, прослеженное в профилях стенок раскопа и стратиграфической бровки, а также по нивелировочным отметкам глубин залегания археологического материала, характеризуется следующими чертами. Поверхность культурного слоя в целом залегает с небольшим наклоном в направлении с юга на север и с запада на восток. Максимальный перепад глубин залегания находок составлял около 21 см с юга на север и до 28 см – с запада на восток. Исключение составляет профиль культурного

слоя, зафиксированный в восточном экране стратиграфической бровки в центре раскопа, в котором культурный слой залегает субгоризонтально.

В северо-западном секторе раскопа В на участке квадратов А-Б/8’ было зафиксировано валообразное повышение поверхности культурного слоя шириной около 2 м и высотой до 20 см. Максимальной высоты такое возвышение достигало на квадрате Б/8’ и распространялось в южном направлении до квадрата Б/7’ включительно. Вероятно, это возвышение искусственное, результат деятельности обитателей стоянки. В пользу этого предположения свидетельствует расположение на данном участке групп костей мамонта, которые могут относиться к перекрытию углубленного объекта.

В целом распределение археологического материала на площади раскопа В подчиняется следующим закономерностям. Вся площадь раскопа В делится на две части по признаку соотношения объемов костного угля, расщепленного кремня и фаунистического материала. Одна часть раскопа была занята крупным скоплением костного угля и золы, в толще которого залегали кости животных, а также предметы из расщепленного кремня. Это скопление занимало квадраты В-Д/6’–8’, заходя на квадраты В/5’ и Д/5’, частично – Б/5’ и Б/7’. В толще углисто-золистого скопления по всей площади его распространения были зафиксированы вкрапления охры красного цвета, особенно многочисленные на квадратах Г-Д/6’–8’. Границы названного скопления имели неровные и частично рваные очертания. Мощность скопления составляет от 2 до 3 см.

Костные останки животных были обнаружены на всех квадратах раскопа, однако максимальная плотность их залегания была зафиксирована на площади второй части раскопа, занимавшей квадраты А-Б/5’–8’, а также частично – квадраты В-Д/5’ и В/8’. Максимальная плотность костных остатков на площади раскопа В фактически совпадает с периферией костно-углистого скопления, частично погружаясь в него. Большинство костей животных принадлежат мамонту. Зафиксированы также единичные кости птиц и метаподий волка (предварительное определение Е. Н. Мащенко).

Женская статуэтка, найденная в 2016 г., залегала в культурном слое непосредственно на древней дневной поверхности, интенсивно окрашенной охрой, на квадрате А/8’ раскопа В (рис. 4). Фигурка лежала на спине, с наклоном на правый бок, головой на запад. Она распалась на фрагменты по внутренним трещинам: верхняя часть – голова, плечи и предплечья; средняя – область грудей и живота; нижняя – ноги, распавшиеся на две части, бедренную и голени. Частично статуэтка была окрашена охрой. Особенно выделяется полоска охры, протянувшаяся по правой стороне от макушки головы до голени правой ноги. Такого рода окрашенность свидетельствует о том, что охра попала в культурный слой после того, как в него была помещена статуэтка. В непосредственной близости от фигурки находилось скопление крупных кремневых пластин, а также фрагменты костей мамонта, также окрашенные минеральной краской. К юго-востоку от статуэтки была зафиксирована группа преднамеренно уложенных костей мамонта, в которую входила пара лопаток, бивень и позвонок с сохранившимся остистым отростком (рис. 5). Под ним залегал черешковый наконечник, вырезанный из бивня. Судя по положению лопаток и бивня мамонта, эта группа костей перекрывает яму, входящую в изучаемый в настоящее время комплекс

Рис. 4. Хотылёво 2. Пункт В. Расчищенный культурный слой на кв. А-Б/8'. Красной стрелкой показано местоположение женской статуэтки. Фото. Вид с севера

объектов. С северной стороны от лопаток была обнаружена крупная трубчатая кость мамонта, вкопанная в грунт.

В процессе расчистки и извлечения из грунта целостность статуэтки была нарушена. Кроме того, в процессе высыхания началось расслоение по структуре бивня. Е. Н. Мащенко было принято решение провести полевую консервацию – под рукой оказался клей Eltitan, который закрепил рассыпающиеся фрагменты и впоследствии был успешно удален с применением 96%-ного этилового спирта и ацетона. Расчистка фигурки от грунта выявила наличие трещин, по которым она расслоилась на пять крупных фрагментов (голова с шеей, торс, таз, две ноги ниже колен) и несколько мелких. В лабораторных условиях пропитка очищенных от механических загрязнений фрагментов производилась 5%-ным раствором Paraloid B-72 в этиловом спирте. Впоследствии все выявленные части статуэтки были склеены клеем на базе 20%-ного раствора Paraloid B-72 в ацетоне. Лабораторные работы проводились С. Ю. Львом совместно с О. В. Жмур.

Археологический контекст статуэтки 2016 г. практически идентичен контексту первой хотылёвской фигурки, обнаруженной во время раскопок Ф. М. Заверняева первого комплекса археологических объектов на участке пункта А (*Гаврилов*, 2015). Идентичными являются и позы этих статуэток, достаточно резко отличающие их от другой, «сидящей», хотылёвской статуэтки, также найденной Ф. М. Заверняевым и являющейся аналогом «сидящей» статуэтки из стоянки Павлов I. В результате мы можем утверждать, что женские статуэтки из бивня мамонта, найденные за все годы раскопок Хотылёво 2, могут быть разделены на две

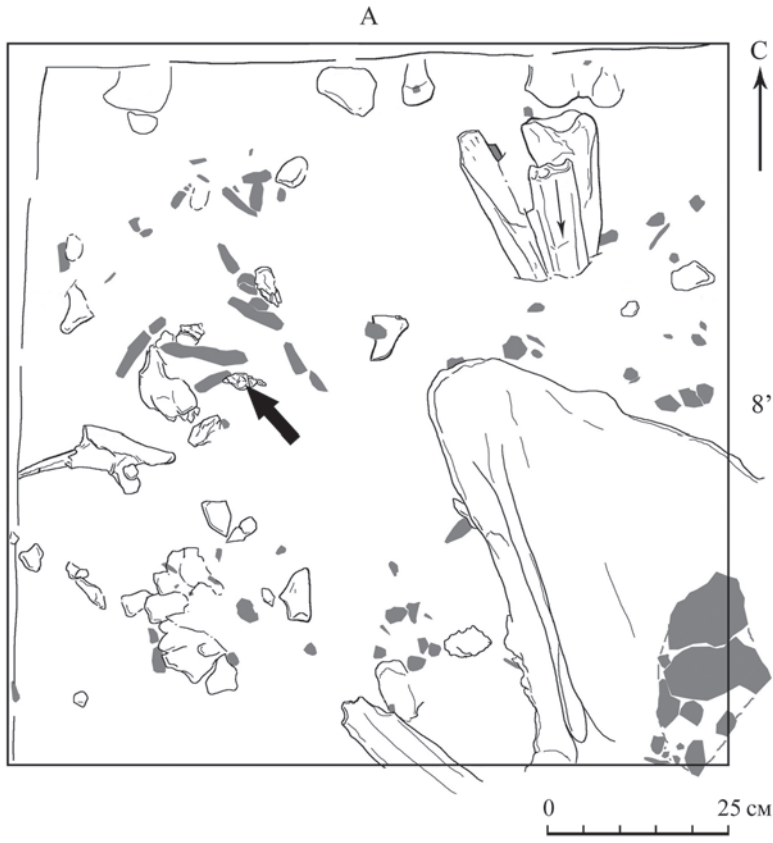


Рис. 5. Хотылёво 2. Пункт В. Общий план кв. А/8’.
Стрелкой указано местоположение женской статуэтки

группы, соответствующие условно «хотылёвскому» (беременные «стоящие») и «павловскому» (тучные «сидящие») канонам построения фигуры. В данном случае подразумевается не технологичская схема, а иконография женского образа.

Если же учесть пропорции фигур, изображенных на двойной статуэтке, можно констатировать присутствие среди мелкой пластики Хотылёво 2 еще одного, «костенковского», канона (*Гаврилов*, 2012). Таким образом, Хотылёвская стоянка характеризуется значительным разнообразием антропоморфных изображений, сопоставимым с разнообразием мелкой пластики опорных памятников восточноевропейского граветта на Русской равнине.

ЛИТЕРАТУРА

Гаврилов К. Н., 2012. Двойная статуэтка из раскопок стоянки Хотылёво 2: контекст, иконография, композиция // SP. № 1. С. 279–292.

Гаврилов К. Н., 2015. Археологический контекст антропоморфной скульптуры стоянки Хотылёво 2 // Вестник Дагестанского научного центра РАН. № 58. С. 49–59.

Gavrilov K. N., Voskresenskaya E. V., Maschenko E. N., Douka K., 2015. East Gravettian Khotylevo 2 site: Stratigraphy, archeozoology, and spatial organization of the cultural layer at the newly explored area of the site // QI. Vol. 359–360. P. 335–346.

Сведения об авторах

Гаврилов Константин Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru;

Лев Сергей Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: zaraysk@yandex.ru

K. N. Gavrilov, S. Yu. Lev

PALEOLITHIC DANAE: A MASTERPIECE FROM THE 2016 EXCAVATIONS AT KHOTYLEVO 2

Abstract. The paper is a preliminary publication of a new female figurine from the 2016 excavations carried out in the section of location B at Khotylevo 2. The paper contains the description of the appearance, the state of preservation and the archaeological context of the find as well as provides analogues and typological characteristics. The figurine features a corpulent, maybe, pregnant woman and is referred to the so called Khotylevo type of female images of Eastern Gravettian art. The figurine was found lying on the day surface near a group of deliberately placed bones of mammoth. The archaeological context of the new figurine is similar to that of the first female statuette coming from F. M. Zavernyaev's excavations.

Keywords: Upper Paleolithic, Eastern Gravettian, Khotylevo 2, female figurine.

REFERENCES

Gavrilov K. N., 2012. Dvoynaya statuetka iz raskopok stoyanki Khotylevo 2: kontekst, ikonografiya, kompozitsiya [Double statuette from Khotylevo 2: context, iconography, composition]. *SP*, 1, pp. 279–292.

Gavrilov K. N., 2015. Arkheologicheskiy kontekst antropomorfnoy skul'ptury stoyanki Khotylevo 2 [Archaeological context of anthropomorphic sculpture from site Khotylevo 2]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of Dagestan scientific centre RAS]*, 58, pp. 49–59.

Gavrilov K. N., Voskresenskaya E. V., Maschenko E. N., Douka K., 2015. East Gravettian Khotylevo 2 site: Stratigraphy, archeozoology, and spatial organization of the cultural layer at the newly explored area of the site. *QI*, 359–360, pp. 335–346.

About the authors

Gavrilov Konstantin N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru;

Lev Sergey Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: zaraysk@yandex.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.50-55

Е. В. Леонова, О. И. Успенская

КРЕМНЕВЫЙ ОТБОЙНИК ИЗ ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Резюме. В статье представлены результаты трасологического и типологического анализа кремневой конкреции естественной причудливой формы (рис. 1). Предмет был обнаружен в культурных отложениях каменного века пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе. Судя по комплексу следов на поверхности и месту находки (брошена у самого входа в пещеру), конкреция имела вполне утилитарное назначение и использовалась в качестве отбойника и, возможно, ретушера и была оставлена (или выброшена) первобытными насельниками.

Ключевые слова: каменный век, Северо-Западный Кавказ, каменный инвентарь, ударно-абразивные орудия, трасологический анализ, отбойник.

Раскопки последних лет в пещере Двойная (Краснодарский край, Мостовской район, Губское ущелье) впервые позволили получить стратифицированные археологические материалы конца верхнего палеолита и мезолита (*Леонова*, 2015). Собраны богатые коллекции каменного инвентаря, в которых представлены серии различных форм орудий, характеризующие своеобразие культурно-стратиграфических подразделений. Но есть и единичные случайно найденные и принесенные на стоянку первобытными людьми предметы, которые привлекли древних насельников своими необычными качествами (форма, фактура, цвет и проч.). Некоторые из них не имели утилитарных функций, другие использовались в хозяйственно-бытовой деятельности. В силу своей уникальности и случайности такие находки не диагностичны для хронологического и культурного различения, но их обнаружение в культурных слоях памятников может дополнить реконструкции поведенческой деятельности первобытных людей.

В привходовой части пещеры была обнаружена кремневая конкреция естественной причудливой формы. Точно определить, к какому слою относится находка, невозможно. Памятник многослойный, выделено три культурных слоя: два мезолитических (верхний соответствует литологическим подразделениям 4 и 5, нижний – 6) и самый древний слой – конец поздней поры верхнего палеолита (7). Разновременные слои локально разделены небольшими прослойками щебня, но около входа в пещеру культурные слои и перекрывающий их горизонт

обвала резко западают или исчезают (слой 6). Видимо, здесь культурные отложения частично уничтожены эрозией. Находка залегала на контакте горизонта обвала и подстилающего его слоя 7. Возможно, что кремневая конкреция происходила из одного из вышележащих мезолитических слоев, а в результате эрозии отложений и под тяжестью собственного веса просела до уровня горизонтов обвала, перекрывающих нижележащий слой. Не исключено также, что орудие было брошено на заключительном этапе формирования верхнепалеолитического слоя и перекрыто впоследствии горизонтом обвала, поэтому большая часть достаточно объемного предмета была заключена в брекчию.

Кремневая конкреция имеет вытянутую подовальную в плане форму, профиль асимметричный (грибовидный): одна сторона слабовыпуклая (почти плоская), вторая – выпуклая, в центральной части имеет выступ в виде полусферы. Со стороны плоского «основания» – несквозное цилиндрическое отверстие с небольшим сужением в центральной части, что придает ему 8-образную форму. Поперечный разрез гальки без учета полусферического выступа – овально-асимметричный (яйцевидный): более широкое ребро предмета в центральной части уплощено и имеет бóльшую степень окатанности, чем остальная поверхность (см. ниже). Длина конкреции – 12,1 см, максимальная ширина – 7,7 см, максимальная высота (включая выступ) – 7,6 см. Размеры отверстия – 2 × 2,6 см, глубина – до 2,4 см. Диаметр выступа-полусферы – 4,4 см, высота – 3,5 см (рис. 1).

Поверхность гладкая, без меловой корки. Естественный рельеф кремневой конкреции образуют дугообразные хаотически расположенные трещины, хорошо различимые под небольшим увеличением. Участки понижения рельефа (небольшой выположенный участок и следы естественных плоских сколов на выпуклой поверхности) имеют более гладкую блестящую поверхность (рис. 1, *4*). Аналогичный рельеф поверхности встречается и на некоторых других изделиях из культурных слоев пещеры Двойная, изготовленных из кремневых галек. Видимо, описываемый рельеф с разнонаправленными развернутыми трещинами конусного вида сформировался в результате пребывания в бурном водном потоке (*Гиря*, 2010. С. 93). Вокруг отверстия на основании несколько концентрических дугообразных трещин-канавок.

Один из концов гальки частично усечен несколькими крупными поперечными однонаправленными сколами и серией последующих чешуйчатых снятий с той же площадки. Кроме этого, на поверхности конкреции выделяются еще три участка с макроследами в виде забитости и выкрошенности.

В результате трасологического анализа[1] на конкреции было выявлено четыре рабочих участка (рис. 1, *1–3, 5*). Первый (рис. 1, *3*) – на вершине сферического выступа в виде сектора 1,5 × 1,5 см (примерно четверть выпуклой поверхности), сформированного несколькими последовательными плоскими однонаправленными фасетками от 2 до 5 мм в поперечнике, понижающими естественный рельеф на 1–2 мм. Судя по направлению и характеру негативов снятий, удары происходили по касательной. Линейные следы на поверхности отсутствуют.

[1] Анализ проведен при помощи бинокулярного микроскопа МБС-2 с насадкой видеоокуляра DCM-130M. Макрофотографии производились зеркальным фотоаппаратом Canon EOS 1100D.

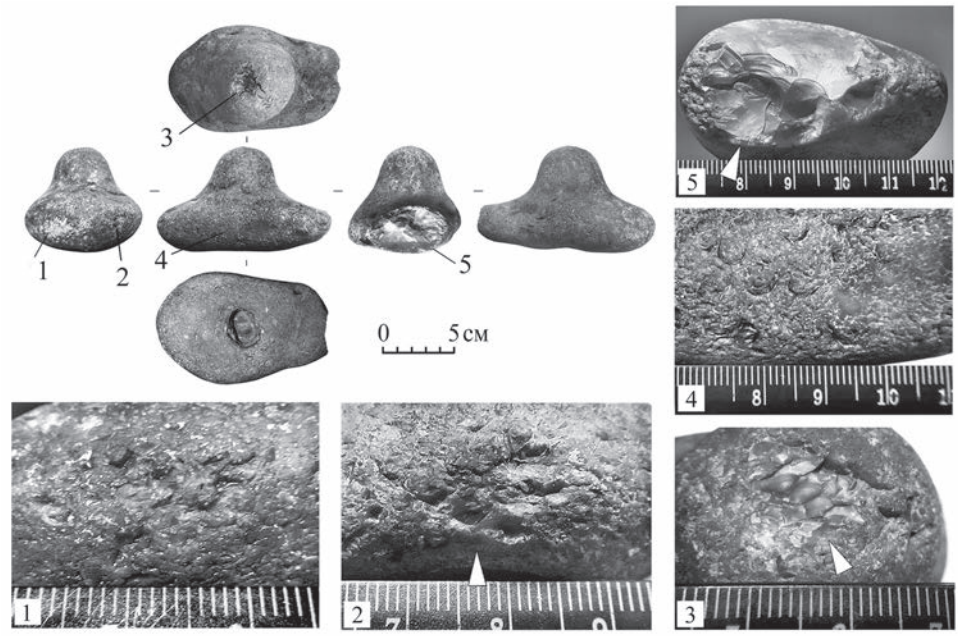


Рис. 1. Пещера Двойная. Кремневая конкреция со следами использования в качестве отбойника

1, 2, 3, 5 – участки со следами износа в виде групп выбоинок на боковых сторонах одного торца конкреции (*1, 2*), усечения поперечными однонаправленными сколами с чешуйчатыми снятиями другого торца (*5*) и плоскими однонаправленными фасетками на вершине сферического выступа конкреции (*3*); *4* – естественный рельеф кремневой конкреции, образованный разнонаправленными трещинами конусного вида и участками с более гладкой поверхностью. Белыми стрелками на выносках указаны преимущественные направления ударов по касательной, производимых отбойником

На более широком торце орудия определены две области со следами износа, приуроченные к поверхностям, прилегающим к боковым сторонам. В центральной, наиболее выпуклой части торца следов утилизации не обнаружено. Поверхность одного из двух выявленных участков (рис. 1, *1*) была перекрыта известняковым натеком, удаленным раствором лимонной кислоты. Обе группы следов представляют собой подовальные совокупности углублений (1 × 1 и 1,5 × 1 см) (рис. 1, *1, 2*), образованных многочисленными выбоинками различной формы – от округлой до многогранной, размерами от 0,5 до 1,5 мм, глубиной до 1,5 мм. Линейные следы на поверхности отсутствуют. На одном из участков (рис. 1, *1*) рабочая поверхность забита и выкрошена, края выбоинок на микроуровне острые, что, вероятно, свидетельствует о прямом приложении силы (удар или нажим) на твердую поверхность. Не исключено, что данный комплекс следов сформировался в результате ретуширования кремневых орудий. В соседней группе следов фиксируется несколько развернутых конусов от ударов по касательной (рис. 1, *2*).

Противоположный, более узкий торец гальки частично усечен несколькими однонаправленными сколами (рис. 1, *5*). Комплекс снятий представляет собой завершающую стадию сработанности отбойника (*Гиря*, 2010). Реконструируются следующие стадии утилизации: интенсивное выкрашивание изначально выпуклой поверхности в результате ударов по касательной привело к снятию крупного поперечного скола и уплощению поверхности рабочей части орудия, которое еще какое-то время использовалось в той же функции со сходной динамикой удара, что привело к последующему формированию ступенчатого рельефа поверхности.

Компактная локализация следов износа в каждом из выявленных участков, однонаправленность фасеток выкрошенности и конусов ударов в каждой из групп исключает их формирование в естественных условиях водного потока. Следы износа перекрывают достаточно монотонно окатанную исходную поверхность кремневой конкреции. Комплекс всех следов позволяет однозначно определить рассматриваемый артефакт как отбойник. На участке поверхности, прилегающей к естественному отверстию, а также на дне и стенках углубления следов обработки или использования не зафиксировано.

Кроме описанного выше отбойника из культурных слоев пещеры Двойная происходит серия орудий для обработки камня: ретушеры из небольших продолговатых кварцитовых или удлиненных сланцевых галечек и даже из окатанного обломка плотного известняка; предметы, сочетающие в себе функции отбойника и наковаленки, в качестве которых использовались крупные песчаниковые гальки (*Александрова*, 2015). Кроме этого, на памятнике выделяется группа сработанных кремневых нуклеусов и сколов, следы на которых указывают на использование их в качестве отбойников и ретушеров. Применение сработанных кремневых нуклеусов и сколов в качестве отбойников и отжимных ретушеров не уникально и отмечалось в материалах различных памятников каменного века (*Семенов*, 1957; 1968; *Щелинский*, 1983; *Нехорошев*, 1999; *Лев*, 2009; *Степанова*, 2015). В пещере Двойная использование кремневых конкреций и сработанных нуклеусов, видимо, связано с отсутствием подходящих по размеру и твердости галек в пределах Губского ущелья и достаточным количеством местного кремневого сырья, которое в виде небольших конкреций встречается в скальных бортах ущелья, на полу и стенках некоторых гротов. В русловых отложениях Губса, состоящих в основном из обломков известняка, можно найти сланцевые галечки, небольшие конкреции ожелезненного песчаника, валунчики из песчаника, довольно редкие обломки кремневых конкреций. Это сырье, за исключением двух последних, совершенно не пригодно для расщепления кремня.

Таким образом, несмотря на своеобразную, привлекающую внимание форму, кремневая конкреция, судя по комплексу следов износа и месту находки (брошена у самого входа в пещеру), имела вполне утилитарное назначение и использовалась в качестве отбойника и, возможно, ретушера и была оставлена (или выброшена) первобытными насельниками. Достаточное количество местного кремневого сырья для изготовления орудий, с одной стороны, отсутствие некремневых галек, пригодных для использования в качестве отбойников, с другой, а также подходящая форма и размер конкреции, видимо, предопределили способы использования данного предмета в хозяйственно-бытовой деятельности обитателей пещеры.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова О. И., 2015. Функциональный анализ каменного инвентаря стоянок конца верхнего палеолита и мезолита Губского ущелья: автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 32 с.

Гиря Е. Ю., 2010. Открытия олдована на Юге России в свете экспериментально-трасологического метода // Исследования первобытной археологии Евразии: сб. ст. к 60-летию чл.-корр. РАН, проф. Х. А. Амирханова. Махачкала: Наука ДНЦ. С. 88–113.

Лев С. Ю., 2009. Каменный инвентарь Зарайской стоянки (типологический аспект) // *Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Бужилова А. П., Бурова Н. Д., Лев С. Ю., Мащенко Е. Н.* Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф. С. 37–187.

Леонова Е. В., 2015. К проблеме хронологии и культурной вариабельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Традиции и инновации в истории и культуре» / ОИФН РАН, ИЭиА РАН. М., 2015. С. 77–87.

Нехорошев П. Е., 1999. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский Дом. 173 с.

Семенов С. А., 1957. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: Наука. 240 с. (МИА; № 54.)

Семенов С. А., 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука. 362 с.

Степанова К. Н., 2015. Немодифицированные каменные орудия верхнего палеолита Восточной Европы: автореф. ... дис. канд. ист. наук. СПб. 33 с.

Щелинский В. Е., 1983. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита / Ред. А. Н. Рогачев. Л.: Наука. С. 72–133.

Сведения об авторах

Леонова Елена Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: lenischa@yandex.ru;

Успенская Олеся Игоревна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: adamena@mail.ru

E. V. Leonova, O. I. Uspenskaya

THE FLINT HAMMERSTONE FROM DVOYNAYA CAVE IN THE NORTHWEST CAUCASUS

Abstract. The paper presents results of trace-wear and typological analyses of flint concretion of a natural fancy form (Fig. 1). The item was discovered in the occupation deposits of the Stone Age in Dvoynaya Cave in the Northwest Caucasus. The examination of the traces on the surface and the location where it was found (it was lying at the entrance to the cave) indicates that the concretion had a practical application and was used as a hammerstone, and, possibly, as a retoucher and was left (thrown away) by prehistoric occupants of the cave.

Keywords: Stone Age, Northwest Caucasus, stone implements, striking and abrasive tools, trace-wear analysis, hammerstone.

REFERENCES

Aleksandrova O. I., 2015. Funktsional'nyy analiz kamennogo inventarya stoyanok kontsa verkhnego paleolita i mezolita Gubskogo ushchel'ya: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Functional analysis of stone inventory from sites of the end of Early Palaeolithic and Mesolithic in Gubs gorge: Ph. D. Abstract]. Moscow: IA RAN. 32 p.

Girya E. Yu., 2010. Otkrytiya oldovana na Yuge Rossii v svete eksperimental'no-trasologicheskogo metoda [Discoveries of Oldovan in South of Russia in light of experimental trace wear method]. *Issledovaniya pervobytnoy arkheologii Evrazii: sbornik statey k 60-letiyu chlena-korrespondenta RAN, professora H. A. Amirkhanova [Investigations of prehistoric archaeology of Eurasia: collection of articles to 60th anniversary of corresponding member of RAS, Professor H. A. Amirkhanov]*. Makhachkala: Nauka, pp. 88–113.

Leonova E. V., 2015. K probleme khronologii i kul'turnoy variabel'nosti kamennykh industriy kontsa verkhnego paleolita i mezolita Severo-Zapadnogo Kavkaza (po materialam navesa Chygay i peshchery Dvoynaya) [On problem of chronology and cultural variability of stone industries of the end of Upper Palaeolithic and Mesolithic of North-Western Caucasus (based on materials from Chygai rock-shelter and Dvoinaya cave)]. *Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma RAN [Traditions and innovations in history and culture: program of fundamental researches of Presidium of RAS]*. Moscow: OIFN RAN, pp. 77–87.

Lev S. Yu., 2009. Kamennyy inventar' Zarayskoy stoyanki (tipologicheskiy aspekt) [Stone inventory of Zaraisk site (typological aspect)]. *Amirkhanov H. A., Akhmetgaleeva N. B., Buzhilova A. P., Burova N. D., Lev S. Yu., Mashchenko E. N. Issledovaniya paleolita v Zarayske. 1999–2005 [Investigations of Palaeolithic in Zaraisk. 1999–2005]*. Moscow: Paleograf, pp. 37–187.

Nekhoroshev P. E., 1999. Tekhnologicheskiy metod izucheniya pervichnogo rasshchepleniya kamnya srednego paleolita [Technological method of study of stone primary knapping in Middle Palaeolithic]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom. 173 p.

Semenov S. A., 1957. Pervobytnaya tekhnika (opyt izucheniya drevneyshikh orudiy i izdeliy po sledam raboty) [Prehistoric technique (experience of investigation of earliest tools and artefacts based on wear traces)]. Moscow; Leningrad: Nauka. 240 p. (MIA, 54.)

Semenov S. A., 1968. Razvitie tekhniki v kamennom veke [aDevelopment of technique in Stone Age]. Leningrad: Nauka. 362 p.

Shchelinskiy V. E., 1983. K izucheniyu tekhniki, tekhnologii izgotovleniya i funktsiy orudiy must'erskoy epokhi [On research of technique, technology of shaping and functions of tools of Mousterian epoch]. *Tekhnologiya proizvodstva v epokhu paleolita [Production technology in Palaeolithic epoch]*. Leningrad: Nauka, pp. 72–133.

Stepanova K. N., 2015. Nemodifitsirovannye kamennye orudiya verkhnego paleolita Vostochnoy Evropy: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Non-modified stone tools of Upper Palaeolithic of Eastern Europe: Ph. D. Abstract]. St. Petersburg. 33 p.

About the authors

Leonova Elena V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: lenischa@yandex.ru;

Uspenskaya Olesya I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: adamena@mail.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.56-73

М. Г. Жилин

НАКОНЕЧНИКИ КОЛЮЩИХ КОПИЙ В МЕЗОЛИТЕ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Резюме. Широкое распространение массивных гладких наконечников колющих копий в мезолите лесной зоны Восточной Европы и большое их количество на стоянках, давших представительные серии предметов вооружения из кости, указывает на большое значение и широкое применение колющих копий у мезолитических охотников лесной зоны от Прибалтики до Зауралья. Вместе с тем зубчатые массивные наконечники копий характерны для Верхнего Поволжья. Массивные гладкие наконечники колющих копий употреблялись на всем протяжении мезолита, с самого его начала и до самого конца, но наиболее многочисленны они на памятниках второй половины пребореального – первой половины бореального периода. Судя по следам использования, массивные колющие копья применялись для охоты на крупного зверя, в том числе для добивания поверженного зверя на земле, и являлись важной частью охотничьего вооружения. Единичные втульчатые наконечники копий из Ивановского 7 и Веретья 1, судя по тщательности отделки, богатой орнаментации и следам использования, были не повседневным охотничьим, а скорее церемониальным оружием.

Ключевые слова: наконечники, копья, мезолит, лесная зона, Восточная Европа.

Наряду с луком и стрелами в мезолите лесной зоны Восточной Европы активно применялись и другие категории дистанционного вооружения. К их числу можно отнести дротики и копья. Эти категории вооружения достаточно универсальны и, по данным археологии и этнографии, применялись как для охоты на сухопутных зверей, так и на ведущих водный образ жизни, а также на птицу и крупную рыбу (*Ошибкина*, 1983; *Жилин*, 2004). Специфической категорией охотничьего метательного оружия являются гарпуны, предназначенные для охоты на зверей, ведущих водный образ жизни, и на крупную рыбу. Примеры использования гарпуна для сухопутной охоты мне не известны. Массивные колющие копья использовались для охоты на крупных зверей (типичный пример – охота на медведя с рогатиной). На основе проведенного комплексного исследования, включающего типологический, трасологический анализ и эксперименты по изготовлению и использованию костяных наконечников, автором предложена следующая функциональная классификация мезолитических наконечников дротиков, острог, копий и гарпунов (табл. 1).

Таблица 1. Функциональная классификация наконечников дротиков, острог, копий и гарпунов

Классификационная единица (уровень)	Критерии выделения	Примеры
Категория	**Вид вооружения – дротики, метательные копья, остроги**	**Наконечники дротиков, метательных копий, острог**
Группа I	Назначение – наносить глубокие колотые раны	Наконечники колющие
Тип 1	Эффекты при попадании – глубокое проникновение	Колющие гладкие
Варианты	Форма наконечника	1. Игловидные 2. Трехгранные 3. Узкие плоские
Тип 2	Эффекты при попадании – проникновение и застревание в теле жертвы	Колющие с зубцами для дротиков, копий и простых острог
Варианты	Форма наконечника	1. С зубцом у острия 2. С редкими зубцами по одному краю 3. С частыми зубцами по одному краю 4. С частыми глубокими нарезками по одному краю
Тип 3	Эффекты при попадании – накалывание рыбы на острогу	Зубчатые острия составных острог
Варианты	Форма наконечника	1. Прямые с зубцом на одном крае 2. Прямые с зубцами на обоих краях 3. Изогнутые с зубцами на одном крае
Группа II	Назначение – наносить глубокие и широкие колото-резаные раны	Наконечники колюще-режущие
Тип 1	Эффекты при попадании – глубокое проникновение, резаная рана	Вкладышевые без зубцов
Варианты	Форма наконечника	1. С одним пазом 2. С двумя пазами
Категория	**Вид вооружения – массивные колющие копья**	**Наконечники массивных колющих копий**
Группа I	Назначение – наносить глубокие колотые раны с большой площадью поражения	Наконечники колющие
Тип 1	Эффекты при попадании – глубокое проникновение	Гладкие

Окончание таблицы 1

Классификационная единица (уровень)	Критерии выделения	Примеры
Варианты	Форма наконечника	1. Массивные из продольно разрезанных костей 2. Втульчатые
Тип 2	Эффекты при попадании – проникновение и застревание в теле жертвы	С зубцами
Варианты	Форма наконечника	1. С одним зубцом 2. С зубцами на одном крае 3. С зубцами на обоих краях
Категория	**Вид вооружения – гарпуны**	**Наконечники гарпунов**
Группа I	Назначение – наносить глубокие колотые раны и удерживаться в теле жертвы	Наконечники колющие
Тип 1	Эффекты при попадании – проникновение и застревание в теле жертвы	Цельные наконечники с зубцами
Варианты	Форма наконечника	1. С одним зубцом у острия 2. С редкими зубцами на одном крае 3. С частыми зубцами на одном крае 4. С частыми зубцами на обоих краях
Тип 2	Эффекты при попадании – глубокое проникновение, колото-резаная рана, застревание в теле жертвы	Вкладышевые наконечники с зубцами
Варианты	Форма наконечника	1. С одним зубцом у острия 2. С редкими зубцами на одном крае

Настоящая статья посвящена анализу одной категории – наконечникам колющих копий, широко распространенным в мезолите лесной зоны Восточной Европы (рис. 1). К ним отнесены массивные острия, насад которых предполагает жесткое крепление в древке толщиной более 3 см. Их назначение – наносить глубокие колотые раны с большой площадью поражения жизненно важных органов. Эти наконечники составляют одну группу и подразделяются на два функциональных типа.

Тип I.1. Массивные наконечники без зубцов, глубоко проникали в тело жертвы. Представлены двумя вариантами:

1. Из продольно разрезанных трубчатых костей лося с коническим острием (рис. 2, *1–5*). Встречены в Звидзе, Оса, Кунда-Ламмасмяги, Звейниеки 2 (средний слой), Пулли, Веретье 1, Озерках 16 и 17, Замостье 2, Ивановском 3 и 7 (слои IIа, III и IV), Чернецком 8, Становом 1 и 4 (слой III, раскопы 2 и 3, слой IV);

Рис. 1. Мезолитические стоянки с костяными наконечниками копий

1 – Пулли; *2* – Звейниеки 2; *3* – Озерки 5, 16 и 17; *4* – Окаёмово 5 и Замостье 2; *5* – Чернецкое 8; *6* – Ивановское 3 и 7; *7* – Становое 1 и 4; *8* – Сахтыш 2а и 14; *9* – Веретье 1; *10* – Шигирский торфяник

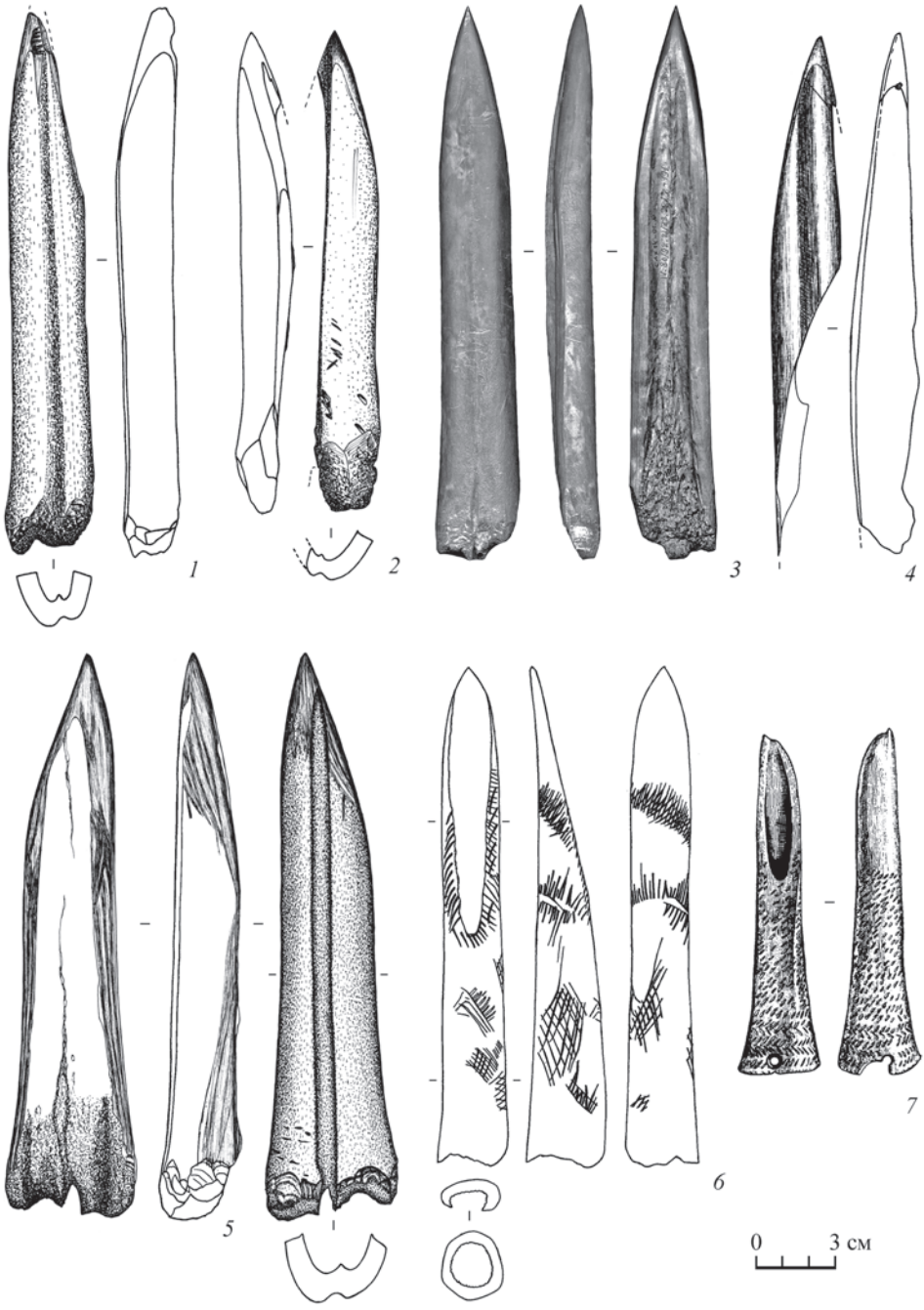


Рис. 2. Наконечники колющих копий

1 – Ивановское 7, слой IIа; *2, 6* – Ивановское 7, слой IV; *3* – Сахтыш 14, слой IV; *4* – Озерки 17, слой IV; *5* – Становое 4, раскоп 2, слой III; *7* – Веретье 1

Сахтыше 14 (слой IV) (*Лозе*, 1988; *Загорскис и др.*, 1984; *Zagorska, Zagorskis*, 1989; *Indreko*, 1948; *Jaanits, Jaanits*, 1975; 1978; *Ошибкина*, 1983; 1997; *Жилин*, 2001; 2014; Замостье 2…, 2013; *Zhilin*, 2014).

2. Втульчатые со срезанным наискось острием (рис. 2, *6, 7*). Найдены в Веретье 1 и Ивановском 7 (слой IV) (*Ошибкина*, 1983; 1997; *Жилин*, 2001; 2014).

Массивные наконечники колющих копий (рогатин) с коническим острием (часто ошибочно называемые в литературе пешнями) изготавливались путем продольного разрезания трубчатых костей копытных на две части, эпифиз обламывался или откалывался, как правило, по надрубу, реже по надпилу, иногда стесывался; острие тщательно продольно выстругивалось. Интересен прием подправки острия таких наконечников из Веретья 1, Станового 4, III слой, и Озерков 17. Тонким абразивом кончик острия плоско скашивался под углом около 45–60° к оси орудия. Размеры получившейся микроплоскости овальной формы составляют 1–2 × 0,5–1,0 мм. Такая подправка делалась, если острие наконечника начинало крошиться (расщепляться), и предохраняла его от дальнейшего разрушения.

Следы работы, как правило, включают смятость и скругленность или микровыкрошенность кончика острия и заполировку различной интенсивности, постепенно затухающую по мере удаления от острия. В ее пределах от кончика острия идут вдоль оси орудия и/или под острым углом к ней тонкие короткие, реже более длинные (до 3 м длиной) царапины, а также редкие грубые борозды с размытыми краями. Выраженность и плотность линейных следов, как и интенсивность заполировки, зависят от длительности использования наконечника, а их характер указывает как на проникновение в мягкий слабо загрязненный материал (шкуру и мясо зверя), так и на отдельные втыкания в землю на незначительную глубину. Сколы и выкрошенность острия указывают на столкновение с твердым материалом (кости), а поперечные сломы говорят об очень больших нагрузках при проникновении. Учитывая форму, размеры и массивность описанных наконечников, наиболее вероятно их применение на охоте в качестве наконечников рогатин, предназначенных для закалывания крупных наземных зверей. Следы втыкания в землю на небольшую глубину могут говорить о добивании зверя, пораженного другими видами оружия и поверженного на землю. Примечательно, что на наконечниках метательных копий и острог подобное сочетание следов на изученных мной материалах не отмечалось, хотя иногда наблюдалось на наконечниках стрел, бывших долгое время в употреблении (*Жилин*, 2014; 2016б; *Zhilin*, 2015; 2016). Следы на остриях массивных колющих копий отличаются и от следов на остриях наконечников острог и рыболовных копий, втыкавшихся в илистое озерное дно (*Жилин*, 2016а. С. 22). Некоторые наконечники этого варианта дали выразительные следы, заслуживающие более подробного описания.

В нижнем слое Ивановского 7 найдено четыре обломка массивных наконечников колющих копий. Они изготовлены из продольно разрезанных метаподий лося. Первый сохранился на всю длину изделия (утрачен лишь левый край). Эпифиз стесан. Коническое острие было сломано, вновь тщательно выстругано и частично подправлено на мелком абразиве (рис. 3, *1, 2*). Кончик острия скруглен и сглажен, заполировка от тусклой до яркой, в ее пределах короткие борозды

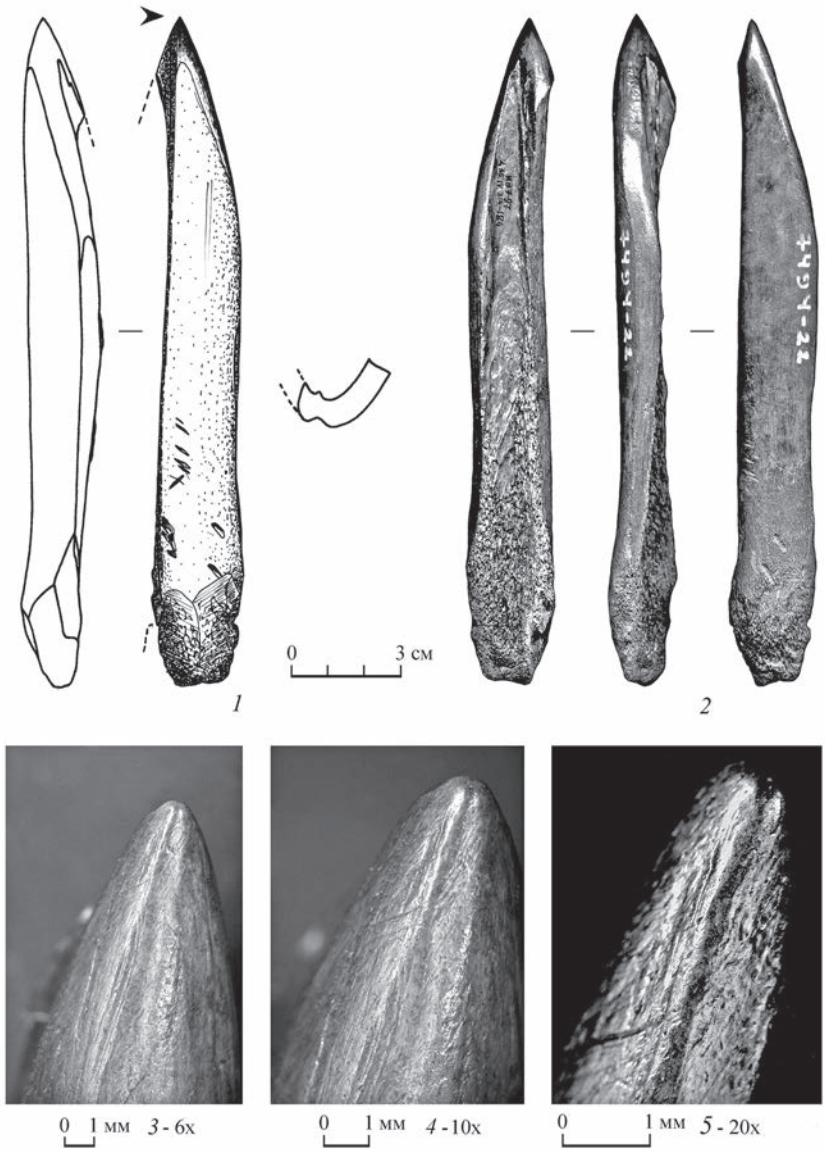


Рис. 3. Ивановское 7, слой IV. Наконечник копья (*1, 2*).
Следы обработки и использования, увелич. 6 ×, 10 × и 20 × (*3–5*)

и царапины, расходящиеся от острия вдоль оси орудия и под острыми углами к ней (рис. 3, *3–5*). Эти следы характерны для наконечников колющего оружия, использовавшихся достаточно интенсивно. Второй – обломок тщательно выструганного острия, самый кончик скошен под углом около 60° к оси орудия при помощи тонкого абразива. Острие сломано в результате сильного бокового нажима или удара, трещина разрыва начинается в 1 см от острия. На кончике острия под микроскопом заметна микровыкрошенность от выступающего края скошенной площадки вдоль оси орудия, скругленность кромки и заполировка, в пределах которой тонкие короткие царапины, как на предыдущем изделии. Кончики острий двух других обломаны.

Целый массивный наконечник колющего копья с коническим острием из слоя III раскопа 2 Станового 4 сделан из продольно разрезанной трубчатой кости лося (рис. 4, *1*; 5, *1*), на краях отчетливо видны следы кремневого резца (рис. 4, *2*), частично снятые ближе к острию продольным строганием кремневым ножом (рис. 4, *3*). Острие тщательно продольно выстругано (рис. 4, *4*) и подправлено на мелкозернистом абразиве. После чего орудие отполировано от острия до середины длины. Эпифиз стесан плоскими сколами. От кончика острия идут плоские сколы, их кромка и выступающие участки сглажены. На кончике острия заметна довольно яркая заполировка, которая сливается с преднамеренной полировкой орудия; в ее пределах от острия вдоль оси орудия и под острыми углами к ней идут тонкие царапины длиной до 3 мм и редкие широкие борозды с размытыми краями (рис. 5, *2–5*). Этот наконечник использовался в течение длительного времени для закалывания добычи. Помимо целого имеется три обломка острий и обломок средней части подобных колющих копий. На обломках острий сломы поперечные, начинаются на одной поверхности и наискось переходят на другую. На обломке средней части наконечника копья сломы направлены как в сторону острия, так и в сторону насада, этот обломок образовался также при поперечном разламывании наконечника рогатины. Подобные сломы типичны для наконечников колющих копий, нередко они наблюдаются и на наконечниках метательного вооружения.

В слое III раскопа 3 Станового 4 найден целый массивный наконечник колющего копья из продольно разрезанной трубчатой кости, острие коническое, немного смещено от оси наконечника (рис. 6, *1*). Эпифиз кости был стесан, после чего кость продольно надрезана почти на всю толщину стенки и расколота по надрезам; острие оформлено продольным строганием, после чего тщательно отполировано со всех сторон. Заполировка не только выпуклых, но и вогнутых участков на внутренней поверхности кости указывает на применение мягкого абразивного инструмента – аналога современной «шкурки». Наиболее вероятно, мелкозернистым песком посыпалась внутренняя поверхность свежеснятой шкуры. Проведенные нами эксперименты показали, что после подсыхания абразивные частички прочно скреплялись с основой и «шкурка» была готова к работе. Кончик острия сильно, но очень плавно сглажен, яркая заполировка постепенно тускнеет по мере удаления от острия. В ее пределах – очень тонкие, довольно короткие царапины, идущие от кончика вдоль оси орудия (рис. 6, *2–5*). Такие следы говорят о проникновении в мягкий, слабо загрязненный материал и длительном употреблении этого наконечника. В том же слое найдено

Рис. 4. Становое 4, раскоп 2, слой III.
Наконечник копья, следы обработки и использования (*1–4*)

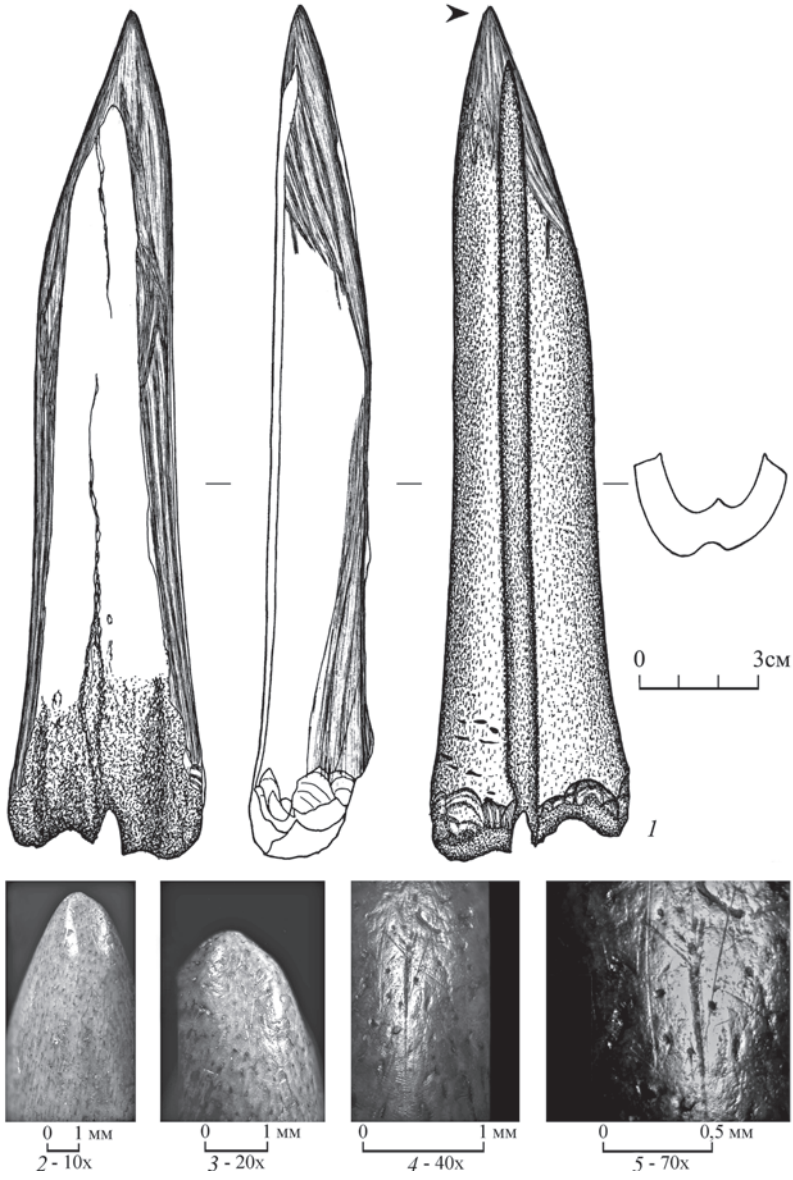


Рис. 5. Становое 4, раскоп 2, слой III. Наконечник копья (*1*). Следы обработки и использования, увелич. 10 ×, 20 ×, 40 × и 70 × (*2–5*)

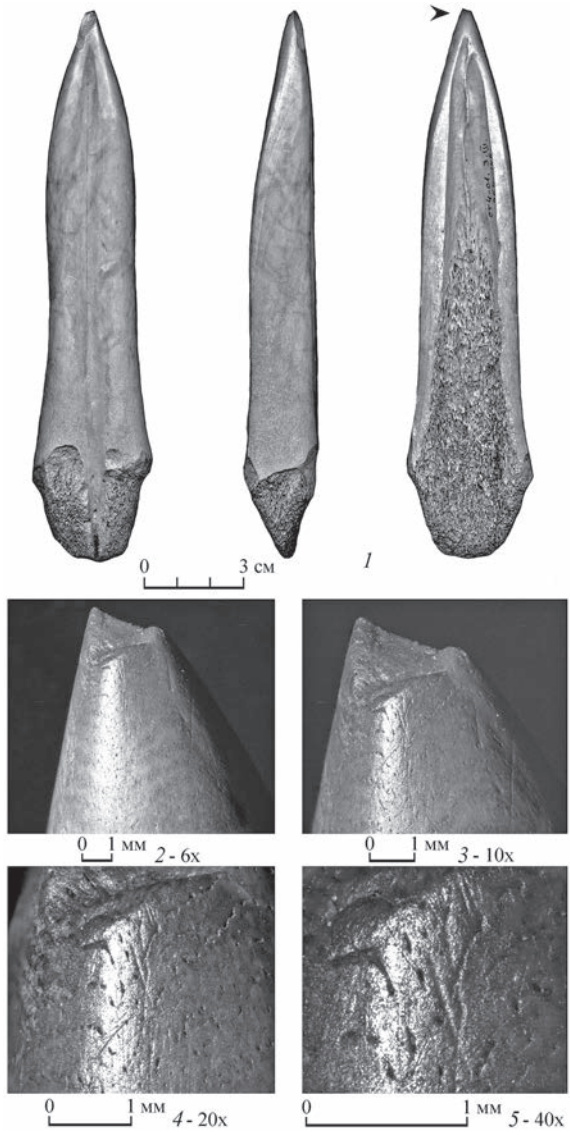


Рис. 6. Становое 4, раскоп 3, слой III. Наконечник копья (*1*). Следы обработки и использования, увелич. 6 ×, 10 ×, 20 × и 40 × (*2–5*)

13 обломков конических острий подобных наконечников рогатин и один обломок с уплощенным острием. Края и острие этих орудий продольно подстружаны, у большинства отшлифованы «шкуркой» и полированы. Если поверхность острия хорошо сохранилась, заметны выраженные в разной степени следы, аналогичные описанным. Мелкие обломки острий сломаны наискось. Один обломок от наконечника, который первоначально был полирован, затем острие было сломано и подправлено продольным строганием, после чего кончик расщепился от удара в твердый материал и был скошен мелкозернистым абразивом под углом около 60° (рис. 7, *1*). Впоследствии от края скоса откололась плоская чешуйка, оставившая фасетку длиной 1 мм. Края скоса сглажены, слабая заполировка и редкие тонкие царапины идут от острия вдоль оси орудия (рис. 7, *2–5*).

Втульчатый наконечник из Ивановского 7 сделан из трубчатой кости медведя (по определению П. А. Косинцева). Эпифиз удален, конец кости срезан наискось, поверхность тщательно выстругана. Резчиком с узкой (0,5 мм) кромкой в технике гравировки (с использованием как всей ширины режущей кромки, так и одного угла инструмента) нанесен орнамент, после чего изделие было очень тщательно полировано (рис. 2, *6*). Большая часть поверхности покрыта различными геометрическими изображениями. По срезу пера идут короткие косые линии, опускающиеся к насаду. На правой стороне они пересекаются под прямым углом такими же линиями. На этой же стороне, в 2 см ниже среза пера – четыре косые параллельные друг другу линии (от верхней отходят перпендикулярные ей короткие насечки), а еще в 5 мм ниже – участок косой сетки из очень тонких линий, чуть выше которых – шесть коротких косых линий, параллельных одной группе нарезок, образующих эту сетку. Несколько ниже, но уже большей частью на боковой поверхности расположен еще участок косой сетки, правее которого прочерчены четыре коротких параллельных линии, а далее – несколько коротких пересекающихся. В 2 см выше их (на той же боковой поверхности втулки, но ближе к перу, частично переходя на противоположную срезу плоскость) находятся два вытянутых участка косой сетки, смыкающихся нижними концами и расходящихся (в сторону острия) верхними. На противоположной боковой поверхности втулки выгравирован вытянутый участок косой сетки, правее и ниже его – две косые линии, соединенные короткими косыми и поперечными нарезками в виде неправильной лесенки. На противоположной срезу поверхности пера, начинаясь на левом крае в 4,5 см от острия наискось в сторону насада до другого края пера, идет полоса косой сетки 7–10 мм шириной. Ниже, от одного до другого края поперек пера нанесена полоса продольных штрихов длиной 5–11 мм. У правого края она подчеркнута косой линией, под острым углом к которой отходит еще одна линия, а от нее в сторону насада – такие же штрихи. В целом композиция изображения довольно сложная и может рассматриваться как сочетание орнамента (по краям среза пера и, возможно, на его противоположной поверхности) с хаотически разбросанными по поверхности втулки отдельными рисунками. Кончик острия, по сравнению с описанными выше наконечниками копий, довольно тупой, следы износа крайне слабые и могут скорее свидетельствовать о единичных втыканиях наконечника в грунт, чем о регулярном использовании его на охоте. В сочетании с необычайно сложным изображением и чрезвычайно тщательной отделкой поверхности это может

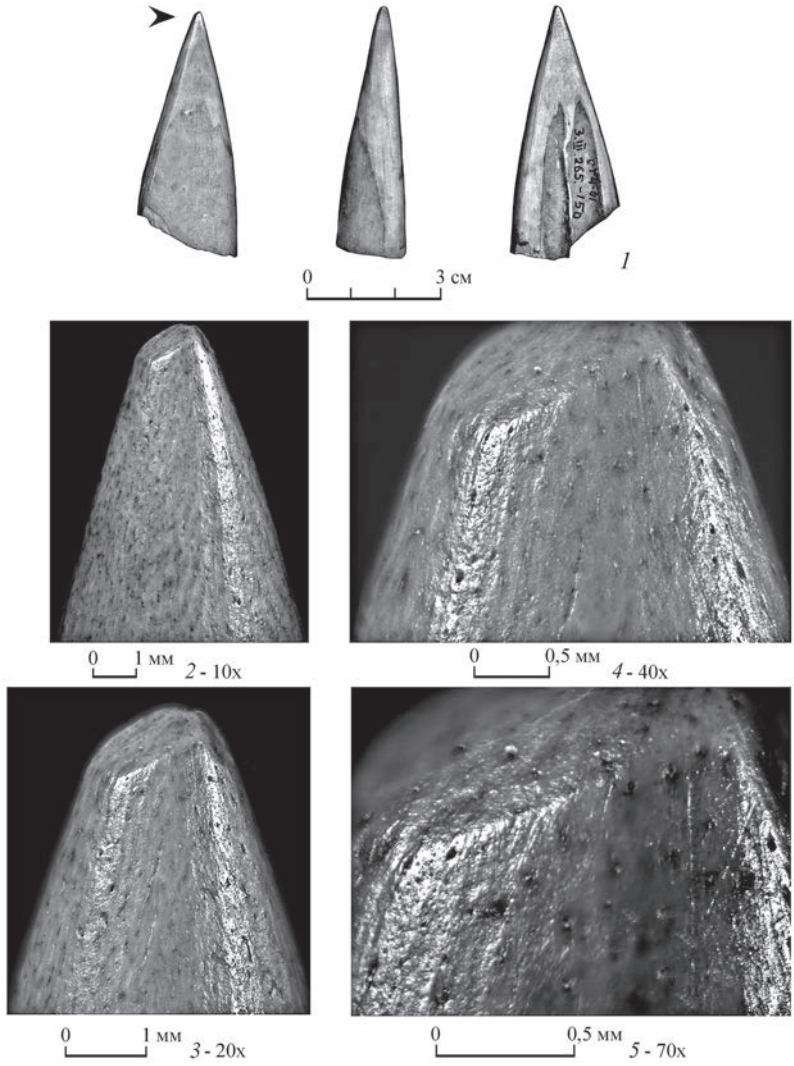


Рис. 7. Становое 4, раскоп 3, слой III. Обломок наконечника копья (*1*). Следы обработки и использования, увелич. 10 ×, 20 ×, 40 × и 70 × (*2–5*)

указывать на специфическое, возможно, ритуальное назначение данного наконечника. Следы на острие втульчатого наконечника копья из Веретья 1 также говорят о втыкании в грунт на небольшую глубину. Изделия из Веретья 1 и Ивановского 7 богато орнаментированы, после этого очень тщательно полированы до блеска, а у края втулки наконечника из Веретья 1 просверлено отверстие (видимо, первоначально оно было ближе к краю, но сломалось).

Тип I.2. Массивные наконечники с зубцами (рис. 8) глубоко проникали и застревали в теле жертвы. Учитывая массивность, вероятно, это было не столько метательное, сколько колющее оружие, что сближает их с наконечниками предыдущего типа. Однако в отличие от последних, зубчатые наконечники копий были рассчитаны не только на поражение, но и на удержание и извлечение добычи. Некоторые авторы называют их наконечниками острог (*Lozovski*, 1996; *Лозовский*, 2008) для добычи крупной рыбы. Действительно, в нижнем слое Замостья 2, где есть такие наконечники, встречаются единичные кости сомов длиной до 1,5 м и весом до 26 кг, однако более 90% костей принадлежит мелкой рыбе. В верхнем мезолитическом слое этой стоянки, где представлена выразительная серия зубчатых наконечников копий, крупной рыбы нет (*Раду, Десс-Берсе*, 2013). Нет костей крупных рыб и в нижнем слое Окаёмово 5 и Озерков 5, где такие наконечники найдены. Зато в большом количестве на всех названных стоянках встречены кости бобра (*Жилин*, 2004). О применении зубчатого острия или гарпуна при охоте на бобров говорит череп бобра из стоянки Сахтыш 1 с застрявшим в нем первым зубцом костяного наконечника этого оружия (Там же. Рис. 22). Учитывая, что размеры бобров в мезолите были значительно больше современных, применение массивных копий с зубчатыми наконечниками для их добычи наиболее вероятно. Это не исключает использования данного вида вооружения и для добычи выдры, а также крупной рыбы на тех стоянках, где она представлена. Менее вероятно применение массивных копий с зубчатыми наконечниками при наземной охоте, где использовались колющие копья с гладкими наконечниками того же размера, сделанные из тех же костей. Последние, в отличие от крупных зубчатых наконечников копий, показывают, наряду со следами проникновения в мягкий материал, и следы втыкания в землю (см. выше). Замостье 2 может быть единственной из известных стоянок, где такие наконечники могли применяться для охоты на лося на воде. В пользу этого говорит как большое количество наконечников этого типа в Замостье 2, так и их сильная фрагментированность (*Лозовская, Лозовский*, 2013), а также преобладание костей лося среди остатков охотничьей добычи в мезолитических слоях этой стоянки (Замостье 2…, 2013).

Проведенный трасологический анализ подтверждает использование этих изделий в качестве наконечников копий. Крупный наконечник из III культурного слоя раскопа 3 Станового IV сделан из трубчатой кости, на одном крае у острия два низких треугольных зубца, насад сломан (рис. 8, *5*). Орудие продольно выстругано и слегка полировано. Кончик острия смят, тусклая заполировка и редкие тонкие царапины идут от острия под острым углом к оси, что характерно для наконечников копий (*Жилин*, 2014; 2016а). Кончик крупного наконечника с одним зубцом из нижнего (III) слоя Окаёмово 5 (рис. 8, *1*) полого сколот. Подобные сколы часто встречаются на наконечниках метательного вооружения. Следы попаданий в мягкий материал отмечены на обломках крупных зубчатых

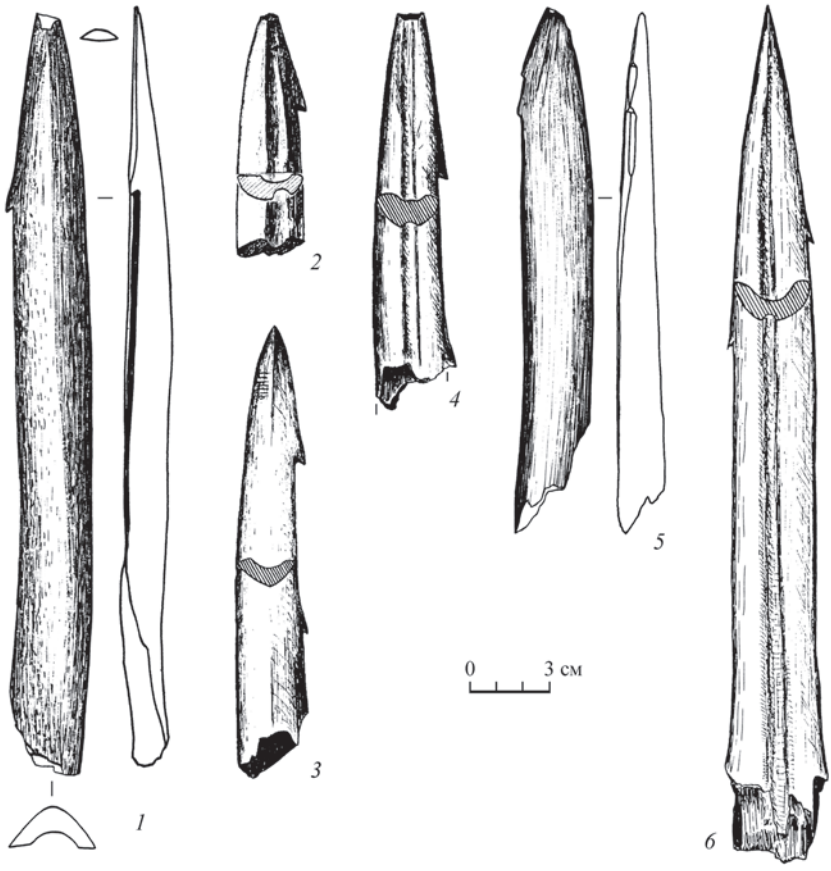


Рис. 8. Зубчатые наконечники копий

1 – Окаёмово 5, слой III; *2–4* – Замостье 2, нижний мезолитический слой (по: *Лозовская, Лозовский*, 2013); *5* – Становое 4, раскоп 3, слой III; *6* – Замостье 2, верхний мезолитический слой (по: *Лозовская, Лозовский*, 2013)

наконечников из нижнего слоя Озерков 5. Остальные подобные наконечники копий с зубцами трасологическому анализу не подвергались.

По форме выделяются три варианта изделий этого типа:

1. С одним зубцом ближе к острию (рис. 8, *1, 2*), встречены в Замостье 2, Окаёмово 5.

2. С зубцами на одном крае (рис. 8, *4–6*), найдены в Замостье 2; Ивановском 3 и 7 (слой IIа), Становом 4 (слой III, раскоп 3).

3. С зубцами на обоих краях (рис. 8, *3*), представлены в Озерках 5; Замостье 2; Ивановском 3 (*Лозовский*, 2008; *Жилин*, 2001).

Широкое распространение массивных гладких наконечников колющих копий в мезолите лесной зоны Восточной Европы и большое их количество на стоянках, давших представительные серии предметов вооружения из кости, указывает

на большое значение и широкое применение колющих копий у мезолитических охотников лесной зоны от Прибалтики до Зауралья. Вместе с тем зубчатые массивные наконечники копий характерны для Верхнего Поволжья. Массивные гладкие наконечники колющих копий употреблялись на всем протяжении мезолита, с самого его начала и до самого конца, но наиболее многочисленны они на памятниках второй половины пребореального – первой половины бореального периода (*Жилин*, 2001). Судя по следам использования, массивные колющие копья применялись для охоты на крупного зверя, в том числе для добивания поверженного зверя на земле, и являлись важной частью охотничьего вооружения. Единичные втульчатые наконечники копий из Ивановского 7 и Веретья 1, судя по тщательности отделки, богатой орнаментации и следам использования, являлись не повседневным охотничьим, а скорее церемониальным оружием.

ЛИТЕРАТУРА

Жилин М. Г., 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС. 326 с.

Жилин М. Г., 2004. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia. 144 с.

Жилин М. Г., 2014. Костяная индустрия бутовской культуры. Преемственность и трансформации в развитии // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://archaeolog.ru/media/books_2014/Zhilin.pdf. Дата обращения: 17.11.2017. М.: ИА РАН. 300 с.

Жилин М. Г., 2016а. Зубчатые острия в мезолите Верхнего Поволжья // КСИА. Вып. 242. С. 17–33.

Жилин М. Г., 2016б. Наконечники стрел бутовской мезолитической культуры // Stratum plus. № 1: Связь времен: в поисках культурной преемственности. С. 137–170.

Загорскис Ф. А., Эберхардс Г. Я., Стелле В. Я., Якубовская И. Я., 1984. Оса – многослойное поселение эпох мезолита и неолита на Лубанской низине (Латвийская ССР) // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.: Наука. С. 55–67.

Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита–неолита в бассейне Верхней Волги / Отв. ред.: В. М. Лозовский, О. В. Лозовская, И. Клементе-Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 240 с.

Лозе И. А., 1988. Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига: Зинатне. 209 с.

Лозовская О. В., Лозовский В. М., 2013. Зубчатые острия и наконечники с зубцом стоянки Замостье 2 // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита–неолита в бассейне Верхней Волги / Отв. ред.: В. М. Лозовский, О. В. Лозовская, И. Клементе-Конте. СПб.: ИИМК РАН. С. 76–109.

Лозовский В. М., 2008. Изделия из кости и рога мезолитических слоев стоянки Замостье 2 // Человек, адаптация, культура: сб. ст. / Отв. ред. А. Н. Сорокин. М.: ИА РАН. С. 200–222.

Ошибкина С. В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука. 296 с.

Ошибкина С. В., 1997. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука. 201 с.

Раду В., Десс-Берсе Н., 2013. Рыбы и рыболовство на стоянке Замостье 2 // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита–неолита в бассейне Верхней Волги / Отв. ред.: В. М. Лозовский, О. В. Лозовская, И. Клементе-Конте. СПб.: ИИМК РАН. С. 194–213.

Indreko R., 1948. Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm: Wahlstrom & Widstrand. 427 S.

Jaanits L., Jaanits K., 1975. Frühmesolithischen Siedlung in Pulli. Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, Ühiskonnateadused. Bd. 24. No. 1. S. 64–70.

Jaanits L., Jaanits K., 1978. Ausgrabungen der frühmesolithischen Siedlung von Pulli // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused. Bd. 27. No. 1. S. 56–63.

Lozovski V. M., 1996. Zamostje 2: the Last Prehistoric Hunter-Fishers of the Russian Plain. Treignes: Editions du CEDARC. 96 p.
Zagorska I., Zagorskis F., 1989. The Bone and Antler Inventory from Zvejnieki II, Latvian SSR // The Mesolithic in Europe / Ed. C. Bonsall. Edinburgh: John Donald Publishers. P. 414–423.
Zhilin M., 2014. Early Mesolithic hunting and fishing activities in Central Russia: A review of faunal and artefactual evidence from wetland sites // Journal of Wetland Archaeology. Vol. 14. No. 1 (September). P. 92–106.
Zhilin M., 2015. Early Mesolithic bone arrowheads from the Volga-Oka interfluve, Central Russia // Fennoscandia Archaeologica. Vol. XXXII. P. 35–54.
Zhilin M., 2016. Mesolithic bone arrowheads from Ivanovskoye 7 (Central Russia): Technology of the manufacture and use-wear traces // QI. Vol. XXX. P. 1–15.

Сведения об авторе

Жилин Михаил Геннадьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mizhilin@yandex.ru

M. G. Zhilin

THRUSTING SPEARHEADS FROM THE MESOLITHIC OF THE EASTERN EUROPE FOREST ZONE

Abstract. A wide spread of large smooth thrusting spearheads from the Mesolithic of the Eastern Europe forest zone and their large quantities at the sites that yielded representative series of bone weapon items is an evidence of high importance and wide application of thrusting spears among Mesolithic hunters of the forest zone from the Baltics to the Trans-Urals region. At the same time, spearheads with a blade with denticulate edges are typical for the Upper Volga Region. Large smooth thrusting spearheads were used throughout the Mesolithic, from its beginning to the final stage; however, their largest number is found at the sites dated to the second half of the Pre-boreal – first half of the Boreal periods. Judging by the use traces, large thrusting spears were used to hunt large animals and also finish off mortally wounded animals and were an important part of hunting gear. Examination of carefully made finishing, rich ornamentation and use traces demonstrates that the socketed spearheads from Ivanovskoye 7 and Veretye, which are very rare finds, were, most likely, ceremonial weapons rather than everyday hunting weapons.

Keywords: spearheads, spears, Mesolithic, forest zone, Eastern Europe.

REFERENCES

Indreko R., 1948. Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm: Wahlstrom & Widstrand. 427 p.
Jaanits L., Jaanits K., 1975. Frühmesolithische Siedlung in Pulli. *Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused*, vol. 24, no. 1, pp. 64–70.
Jaanits L., Jaanits K., 1978. Ausgrabungen der frühmesolithischen Siedlung von Pulli. *Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused*, vol. 27, no. 1, pp. 56–63.
Loze I. A., 1988. Poseleniya kamennogo veka Lubanskoy niziny: Mezolit, ranniy i sredniy neolit [Stone Age settlements of Luban lowland: Mesolithic, early and middle Neolithic]. Riga: Zinatne. 209 p.
Lozovskaya O. V., Lozovskiy V. M., 2013. Zubchatye ostriya i nakonechniki s zubtsom stoyanki Zamost'e 2 [Barbed points and cog picks from settlement Zamost'e 2]. *Zamost'e 2. Ozernoe poselenie drevnikh*

rybolovov epokhi mezolita-neolita v basseyne Verkhney Volgi [Zamost'e 2. Lacustrine settlement of ancient fishers of Mesolithic-Neolithic epochs in Upper Volga basin]. V. M. Lozovskiy, O. V. Lozovskaya, I. Clemente-Conte, eds. St.Petersburg: IIMK RAN, pp. 76–109.

Lozovski V. M., 1996. Zamostje 2: the Last Prehistoric Hunter-Fishers of the Russian Plain. Treignes: Editions du Centre d'Etude et de Documentation Archéologiques. 96 p.

Lozovskiy V. M., 2008. Izdeliya iz kosti i roga mezoliticheskikh sloev stoyanki Zamost'e 2 [Artefacts of bone and antler from Mesolithic layers of of settlement Zamost'e 2]. *Chelovek, adaptatsiya, kul'tura [Man, adaptation, culture]*. Moscow, pp. 200–222.

Oshibkina S. V., 1983. Mezolit basseyna Sukhony i Vostochnogo Prionezh'ya [Mesolithic of Sukhona basin and Eastern part of Onega Lake region]. Moscow: Nauka. 296 p.

Oshibkina S. V., 1997. Veret'e 1. Poselenie epokhi mezolita na Severe Vostochnoy Evropy [Veret'e 1. Settlement of Mesolithic epoch in North of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 201 p.

Radu V., Dess-Berse N., 2013. Ryby i rybolovstvo na stoyanke Zamost'e 2 [Fish and fishery at settlement Zamost'e 2]. *Zamost'e 2. Ozernoe poselenie drevnikh rybolovov epokhi mezolita-neolita v basseyne Verkhney Volgi [Zamost'e 2. Lacustrine settlement of ancient fishers of Mesolithic-Neolithic epochs in Upper Volga basin]*. V. M. Lozovskiy, O. V. Lozovskaya, I. Clemente-Conte, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 194–213.

Zagorska I., Zagorskis F., 1989. The Bone and Antler Inventory from Zvejnieki II, Latvian SSR. *The Mesolithic in Europe*. C. Bonsall, ed. Edinburgh: John Donald Publishers, pp. 414–423.

Zagorskis F. A., Eberkhards G. Ya., Stelle V. Ya., Yakubovskaya I. Ya., 1984. Osa – mnogosloynoe poselenie epokh mezolita i neolita na Lubanskoy nizine (Latviyskaya SSR) [Osa – multilayer settlement of Mesolithic and Neolithic epochs in Luban lowland (Latvian SSR)]. *Arkheologiya i paleogeografiya mezolita i neolita Russkoy ravniny [Archaeology and palaeogeography of Mesolithic and Neolithic of Russian plain]*. Moscow: Nauka, pp. 55–67.

Zhilin M., 2014. Early Mesolithic hunting and fishing activities in Central Russia: A review of faunal and artefactual evidence from wetland sites. *Journal of Wetland Archaeology*, vol. 14, no. 1 (September), pp. 92–106.

Zhilin M., 2015. Early Mesolithic bone arrowheads from the Volga-Oka interfluve, central Russia. *Fennoscandia Archaeologica*, XXXII, pp. 35–54.

Zhilin M., 2016. Mesolithic bone arrowheads from Ivanovskoye 7 (Central Russia): Technology of the manufacture and use-wear traces. *QI*, XXX, pp. 1–15.

Zhilin M. G., 2001. Kostyanaya industriya mezolita lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Bone industry of forest zone Mesolithic in Eastern Europe]. Moscow: URSS. 326 p.

Zhilin M. G., 2004. Prirodnaya sreda i khozyaystvo mezoliticheskogo naseleniya tsentra i severo-zapada lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Natural environment and economy of Mesolithic population in central and north-western parts of forest zone of Eastern Europe]. Moscow: Academia. 144 p.

Zhilin M. G., 2014. Kostyanaya industriya butovskoy kul'tury. Preemstvennost' i transformatsii v razvitii (Elektronnyy resurs) [Bone industry of Butovo culture. Continuity and transformations in development (Electronic resource)]. Moscow: IA RAN. 300 p. URL: http://archaeolog.ru/media/books_2014/Zhilin.pdf.

Zhilin M. G., 2016a. Zubchatye ostriya v mezolite Verkhnego Povolzh'ya [Barbed points of the Upper Volga region in the Mesolithic]. *KSIA*, 242, pp. 17–33.

Zhilin M. G., 2016b. Nakonechniki strel butovskoy mezoliticheskoy kul'tury [Arrowheads of Butovo Mesolithic culture]. *Stratum plus*, 1, pp. 137–170.

About the author

Zhilin Mikhail G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mizhilin@yandex.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.74-84

Е. Ю. Полянская

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ МОРФОМЕТРИИ ПРИ АНАЛИЗЕ ФОРМ КАМЕННЫХ МОТЫЖЕК СОЧИ-АДЛЕРСКОГО ТИПА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИМЕРЕТИНСКОЙ НИЗМЕННОСТИ)

Резюме. Охранно-спасательные работы на территории Имеретинской низменности в рамках подготовки к Олимпиаде дали обширную коллекцию археологического материала, в т. ч. каменных земледельческих орудий, в контексте культурного слоя. Статья посвящена количественному анализу разнообразия форм мотыжек сочи-адлерского типа методами геометрической морфометрии. Прослежена хронологическая изменчивость данного вида орудий.

Ключевые слова: Имеретинская низменность, мотыжки сочи-адлерского типа, каменные орудия, геометрическая морфометрия, метод главных компонент, эпоха бронзы, ранний железный век.

Имеретинская низменность расположена в Адлерском районе города Сочи, на побережье Черного моря в междуречье реки Мзымта и реки Псоу, по которой проходит государственная граница России (рис. 1).

Несмотря на регулярный интерес исследователей, вплоть до последнего десятилетия территория Имеретинской низменности оставалась недостаточно изученной археологами. Однако сотрудниками отдела сохранения археологического наследия ИА РАН в рамках проекта подготовки к Олимпиаде на данной территории проведены (начиная с 2008 г.) масштабные разведочные работы и планомерные раскопки.

Предметом данного исследования являются каменные мотыжки сочи-адлерского типа, выделенные Л. Н. Соловьевым в соответствии с территорей распространения (*Соловьев*, 1958). Материалом для изготовления подобных орудий служила расколотая вдоль галька подовальной формы. Полученный широкий отщеп сохранял на одной стороне естественную поверхность гальки. Нижний край будущей мотыжки либо подправлялся по периферии для получения относительно острого лезвия, либо оставлялся без обработки, верхний край путем нескольких грубых сколов и последующей более тонкой ретуши преобразовывался

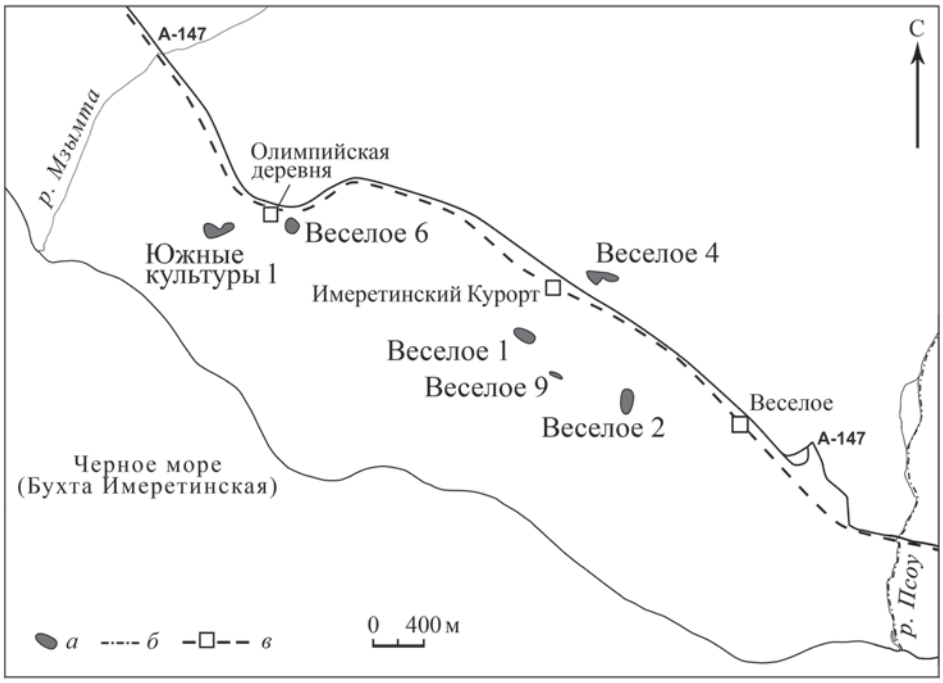


Рис. 1. Карта района исследований (Имеретинская низменность) с границами памятников, обнаруженных и исследованных в 2008–2011 гг.

Условные обозначения: *а* – границы объектов археологического наследия; *б* – граница Российской Федерации; *в* – железная дорога

в черешок мотыжки. Следует отметить, что мотыжки, датируемые эпохой бронзы, отличаются более тонкой ретушью и тщательной проработкой деталей. Высота орудий составляет от 5,5 до 13 см, ширина рабочей поверхности – от 4 до 10,5 см (рис. 2). Разнообразие форм и размеров мотыжек может свидетельствовать об их различной специализации, в том числе неземледельческого характера. Так, Л. Н. Соловьевым была предпринята попытка типологизации мотыжек сочи-адлерского типа и высказано предположение, что часть этих орудий может являться кожевенными ножами (*Соловьев*, 1972. С. 82–85).

В 50–80-х гг. XX в. исследователями отмечалось большое сходство мотыжек сочи-адлерского типа с земледельческими орудиями Передней Азии, датируемыми концом VI – рубежом IV–III тыс. Это может свидетельствовать как о связях Северо-Восточного Причерноморья с более южными районами, так и об изобретении мотыжек без внешнего влияния, в условиях, близких по уровню и характеру производительных сил к Передней Азии более раннего времени (*Воронов*, 1979. С. 37; *Соловьев*, 1958. С. 138; *Формозов*, 1964. С.13).

В литературе по археологии Кавказского Причерноморья мотыжки сочи-адлерского типа широко датировались неолитом – энеолитом – ранней бронзой (*Воронов*, 1979. С. 35; *Скаков и др.*, 2005. С. 261; *Соловьев*, 1972. С. 87). Этот

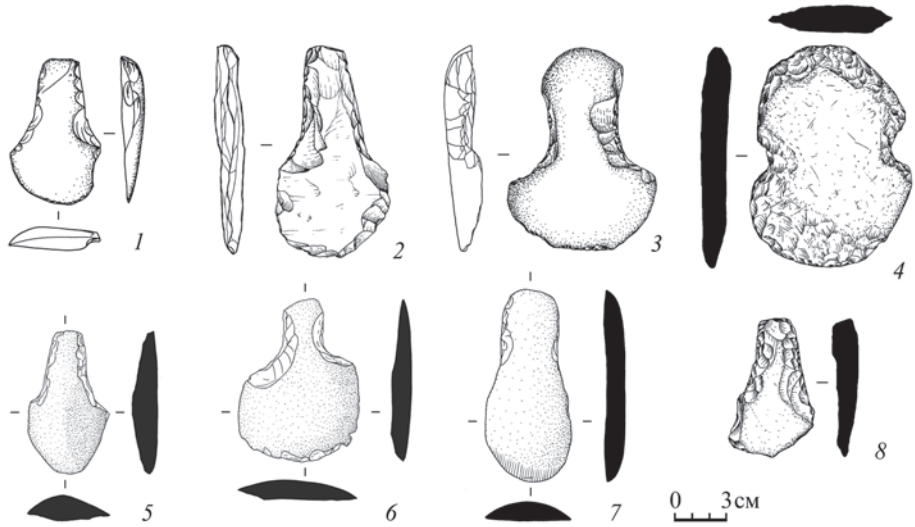


Рис. 2. Мотыжки сочи-адлерского типа

1 – селище Весёлое 4; *2, 3* – селище Весёлое 9; *4* – селище Весёлое 6; *5–7* – селище Весёлое 1; *8* – селище Южные культуры 1

вид каменных орудий характерен для территории от г. Гагры до Сочи, но до недавнего времени большинство из них было известно лишь по месту находки, без привязки к культурному слою памятника.

В 2003–2004 гг. в результате раскопок поселения эпохи бронзы в селе Абгархук Гудаутского района Республики Абхазия была получена серия мотыжек сочи-адлерского типа в непотревоженном слое, что позволило датировать их последней четвертью II тыс. до н. э. (*Скаков и др.*, 2005).

В 2008–2011 гг. в ходе научно-исследовательских работ Сочинского отряда ИА РАН под руководством Р. А. Мимохода на территории Имеретинской низменности впервые были обнаружены мотыжки сочи-адлерского типа в контексте культурного слоя памятников. Результаты охранно-спасательных изысканий позволяют с уверенностью говорить о бытовании данного типа орудий вплоть до раннего железного века включительно (*Джопуа и др.*, 2009; *Мимоход*, 2009; 2012а; 2012б; *Клещенко*, 2012).

В основу исследования была положена обширная серия мотыжек сочи-адлерского типа, полученная Сочинским отрядом ИА РАН в ходе исследования памятников археологии, расположенных на территории Имеретинской низменности. Кроме того, был привлечен материал селища Весёлое 4 (*Прохорова*, 2012), а также и материалы Причерноморской экспедиции ИА АН СССР по результатам разведок на территории Имеретинской долины в 1972 г. (*Бжания*, 1973).

Целью данной работы было выявить основные закономерности вариации формы мотыжек типа «Сочи – Адлер» с помощью методов геометрической морфометрии.

Основы геометрической морфометрии были разработаны в 80-х гг. XX в. для решения прикладных задач биологии (*Kendall*, 1984; *Bookstein*, 1991). Методы геометрической морфометрии направлены на выявление различий между морфологическими объектами по форме как таковой, исключая «размерный фактор» (*Павлинов, Микешина*, 2002). Исследования последних лет показывают, что указанные методы могут с успехом применяться и в археологии (*Громов, Казарницкий*, 2014; *Тарасова*, 2015; *Cardillo*, 2010; *Okumura, Araujo*, 2016; *Chacón et al.*, 2016).

Для анализа материала методами геометрической морфометрии были использованы целые мотыжки, а также орудия с минимальными утратами, не препятствующими восстановлению формы. Всего было отобрано 72 экз. наилучшей степени сохранности:

селище Весёлое 1 (V в. до н. э. – I в. н. э.) – 35;
селище Весёлое 2 (V в. до н. э. – I в. н. э.) – 1;
селище Весёлое 6 (V–IV вв. до н. э.) – 7;
селище Весёлое 9 (середина – втор. пол. II тыс. до н. э.) – 5;
селище Южные культуры 1 (V–IV вв. до н. э.) – 3;
селище Весёлое 4 (втор. пол. II тыс. – начало I тыс. до н. э.) – 18;
материалы Причерноморской экспедиции ИА АН СССР – 3 экз.

Из-за несимметричности объектов исследования расставить фиксированные точки оказалось невозможно, поэтому были расставлены через равные промежутки 39 полуточек (semilandmarks) – с помощью программы tpsDig (*Rolf*, 2005). Количество полуточек, наиболее точно описывающее форму объекта при преобразовании в контуры (wireframe), было определено опытным путем. В рамках данной работы использовался прокрустов анализ и метод главных компонент, вычисления выполнялись в программном пакете MorphoJ (*Klingenberg*, 2011).

При применении метода главных компонент (ГК, Principal components) доли изменчивости распределились следующим образом (рис. 3, *В*): ГК 1 – 63,6 %; ГК 2 – 11,9 %; ГК 3 – 7,9 %.

При визуализации крайних значений по первой компоненте становится очевидным, что данная компонента демонстрирует ширину рабочей поверхности мотыжек.

При визуализации изменчивости формы по второй главной компоненте видно, что она отображает высоту черешка и профилировку плечиков мотыжки.

Третья же главная компонента показывает степень асимметричности изделия.

Проверка распределений критерием Шапиро – Уилкса показала, что распределение по первой главной компоненте соответствует нормальному. Распределение по второй главной компоненте достоверно отличается от кривой нормального распределения, что обусловило более подробное рассмотрение координат меток по ГК2 (рис. 3, *А, Б*).

Несмотря на отсутствие четкого деления на группы, анализ по второй компоненте позволяет выделить находки селищ Весёлое 9 и Весёлое 4, относящиеся к эпохе бронзы. Подавляющее большинство мотыжек располагается в верхней части графика, что свидетельствует о высокой степени выраженности черешка по отношению к рабочей поверхности мотыжек (рис. 4, *А*).

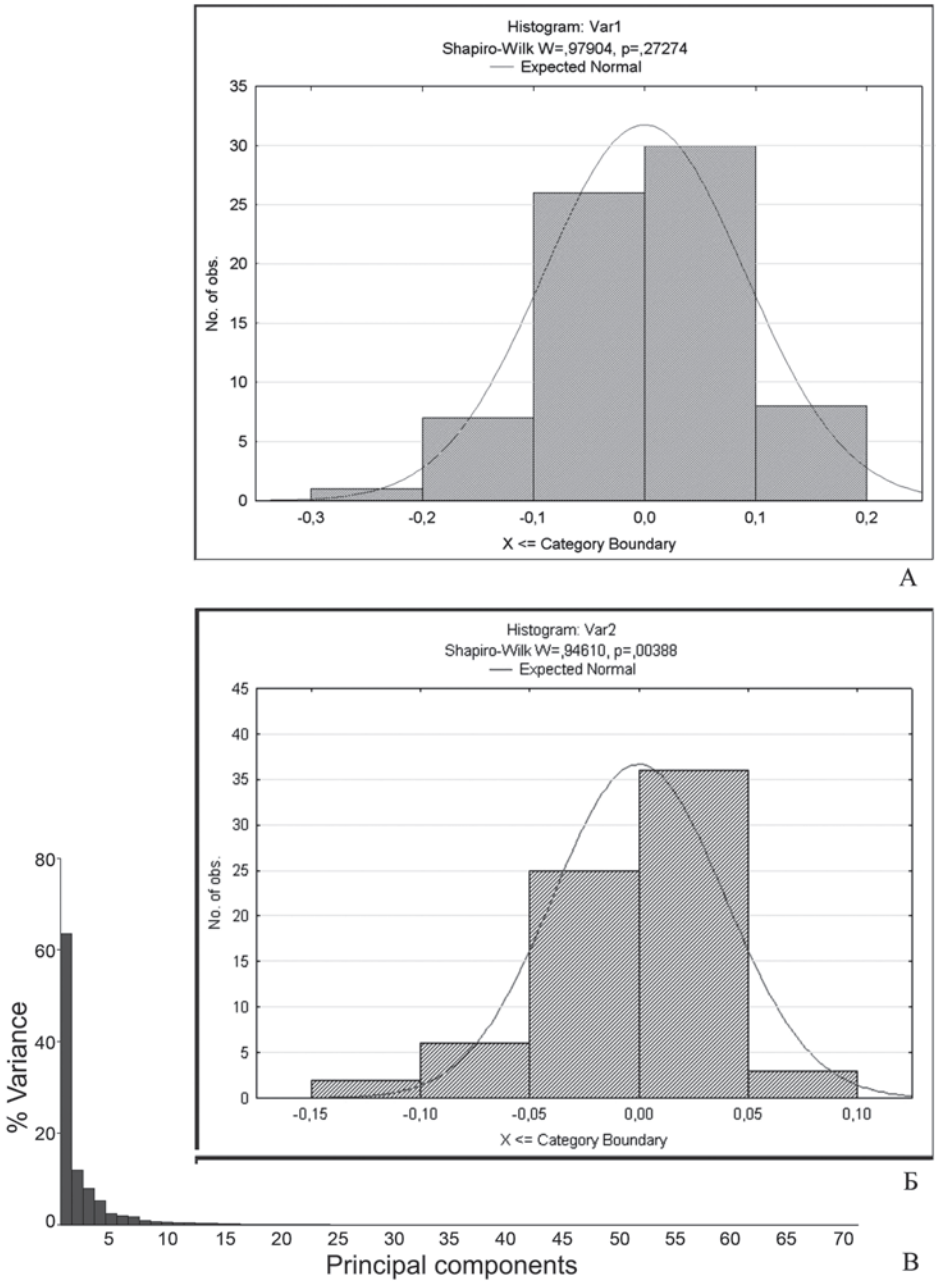


Рис. 3. Мотыжки сочи-адлерского типа.
Проверка нормальности распределения 1 ГК (*А*) и 2 ГК (*Б*).
График доли изменчивости главных компонент (*В*)

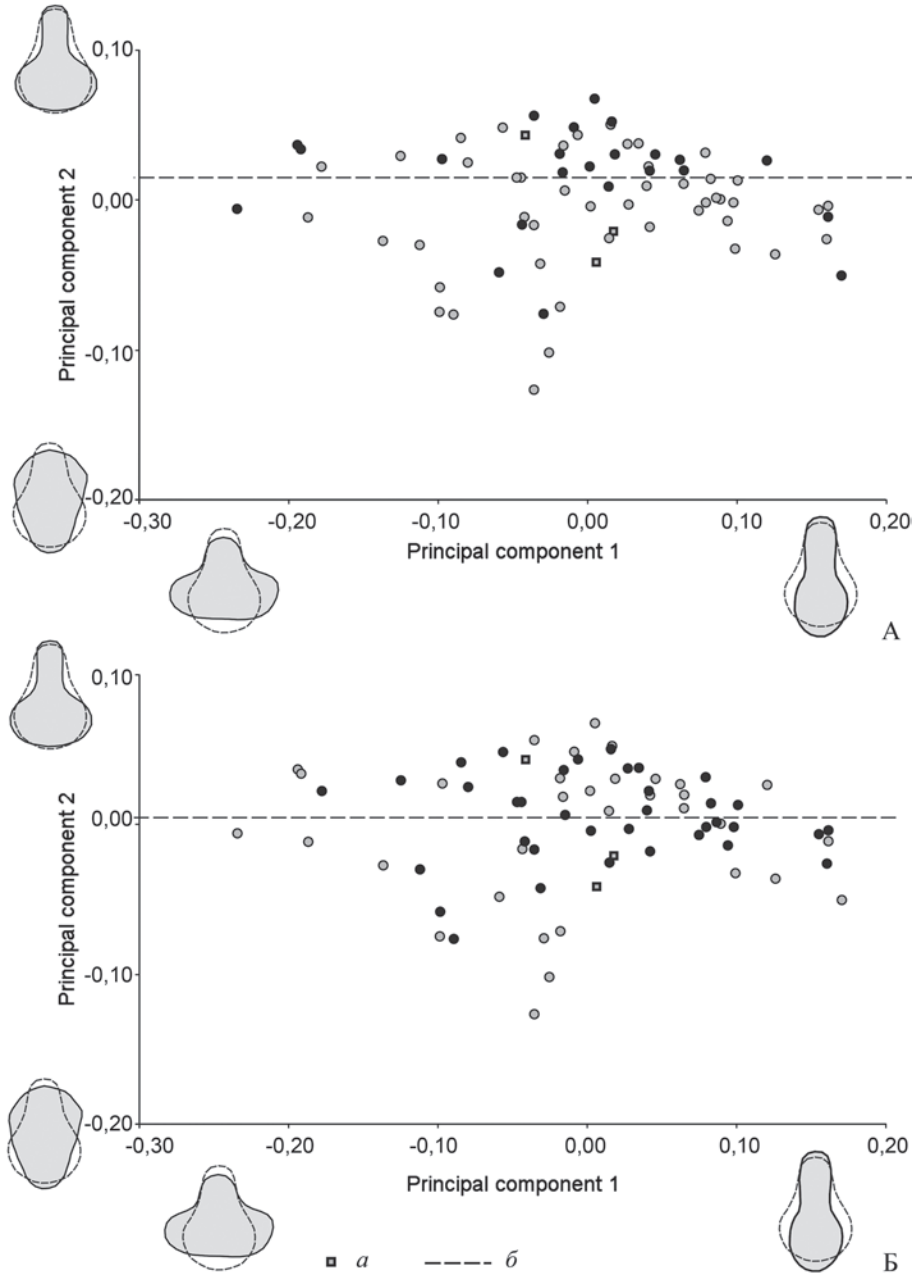


Рис. 4. Мотыжки сочи-адлерского типа.
Распределение объектов в пространстве главных компонент

Условные обозначения: *а* – материалы Причерноморской экспедиции ИА АН СССР; *б* – среднее арифметическое всех координат части выборки в ГК2

А – селища Весёлое 4 и 9; *Б* – селища Весёлое 1 и 2

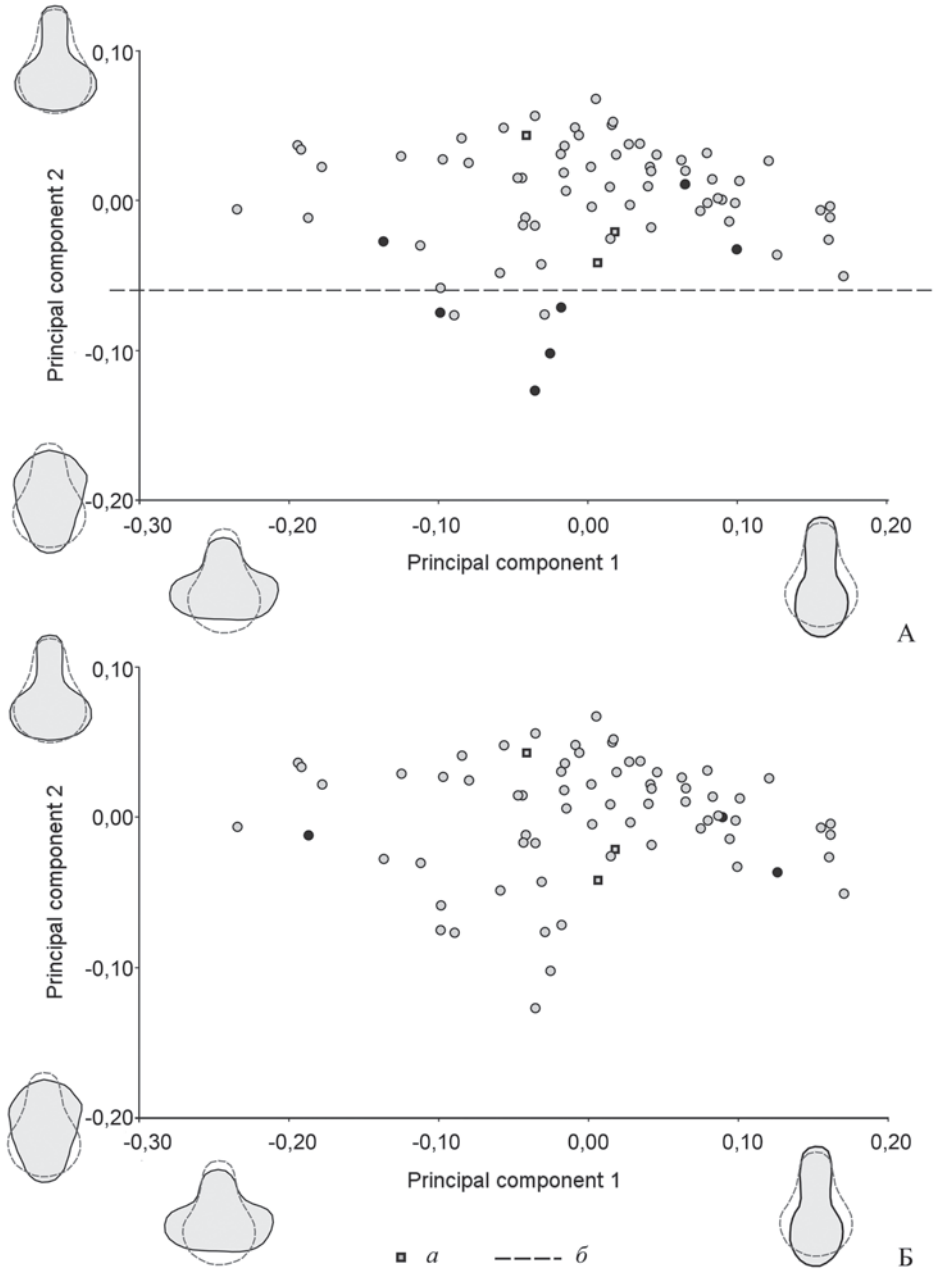


Рис. 5. Мотыжки сочи-адлерского типа.
Распределение объектов в пространстве главных компонент

Условные обозначения – см. на рис. 4

А – селище Весёлое 6; *Б* – селище Южные культуры 1

Вторая группа представлена коллекцией мотыжек селища Весёлое 1 и единственным экземпляром с селища Весёлое 2 (синхронные памятники, датируемые ранним железным веком). Данная выборка больше, нежели выборка предыдущего времени, и расположена на графике несколько ниже, в связи с распространением форм с более коротким черенком и широкой рабочей поверхностью (рис. 4, *Б*). Среднее значение координат ГК2 этой выборки практически равно нулю, и это означает, что их усредненная форма совпадает с усредненной формой выборки в целом.

В отдельную группу следует выделить мотыжки селища Весёлое 6, датируемого V–IV вв. до н. э. Несмотря на то что часть мотыжек морфологически близка к усредненной форме суммарной выборки в целом, данная выборка выделяется наличием орудий с очень широким черешком, практически равным по ширине рабочему краю мотыги (рис. 5, *А*).

Выборка орудий селища Южные культуры, к сожалению, слишком невелика и не позволяет сделать какие-либо выводы (рис. 5, *Б*).

Находки, полученные в ходе разведок Причерноморской экспедиции ИА АН СССР, полностью укладываются в масштаб изменчивости группы селищ Весёлое 1 и 2 (рис. 4, *Б*), что позволяет сделать предположение об их синхронности и вероятности происхождения с территории одного из этих памятников (с большей вероятностью – с территории селища Весёлое 1, так как значительная часть общей выборки происходит именно оттуда, в то время как находка мотыжки на Весёлом 2 – единична и, возможно, носила случайный характер).

Применение методов геометрической морфометрии позволило произвести количественный анализ разнообразия форм мотыжек сочи-адлерского типа. В ходе работы была выявлена хронологическая изменчивость, различимая только статистически: для мотыжек, датируемых эпохой бронзы (селища Весёлое 9 и 4), характерен более четко выраженный и длинный черенок, нежели для мотыжек более позднего времени (селища Весёлое 1 и 2). Материал селища Весёлое 6 выделяется в отдельную группу, так как для этого памятника характерны мотыжки с чрезвычайно широким черенком, не встречающиеся нигде более.

Таким образом, по результатам применения методов геометрической морфометрии с определенной долей осторожности возможно делать предположения как о культурной, так и о хронологической принадлежности аналогичных находок, обнаруженных вне контекста памятников.

ЛИТЕРАТУРА

Бжания В. В., 1973. Отчет о работах Причерноморской экспедиции ИА АН СССР (по открытому листу № 170) на территории Имеретинской долины в 1972 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 4924.

Воронов Ю. Н., 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во. 127 с.

Громов А. В., Казарницкий А. А., 2014. Применение методов геометрической морфометрии при изучении форм керамической посуды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань: Отечество. С. 140–142.

Джопуа А. И., Мимоход Р. А., Скаков А. Ю., Клещенко А. А., 2009. Новые поселения эпохи бронзы – раннего железа на территории Имеретинской низменности и их место в системе поселенческих древностей Северо-Западного Закавказья // Пятая Кубанская археологическая конференция: тез. докл. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 90–93.

Клещенко А. А., 2012. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок на «Селище Южные культуры 1» (Имеретинская низменность, Адлерский район города Сочи Краснодарского грая) // Архив ИА РАН. Р-1.

Мимоход Р. А., 2009. Археологические разведки на участке строительства олимпийских объектов в Имеретинской низменности (Адлерский район г. Сочи) в 2008 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Мимоход Р. А., 2012а. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок на «Селище Веселое 1» и «Селище Веселое 2» в зоне строительства олимпийских объектов (Имеретинская низменность, Адлерский район города Сочи Краснодарского грая) // Архив ИА РАН. Р-1.

Мимоход Р. А., 2012б. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок на «Селище Веселое 6» в зоне строительства олимпийских объектов (Имеретинская низменность, Адлерский район города Сочи Краснодарского грая) // Архив ИА РАН. Р-1.

Павлинов И. Я., Микешина Н. Г., 2002. Принципы и методы геометрической морфометрии // Журнал общей биологии. Т. 63. № 6. С. 473–493.

Прохорова Т. А., 2012. Отчет о выполнении охранно-спасательных археологических исследований памятников археологии – селища «Весёлое-4», расположенного в поселке Весёлом Адлерского района города-курорта Сочи Краснодарского края. Краснодар // Архив ИА РАН Ф. 1. Р-1. № 36435.

Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Цвинария И. И., 2005. К вопросу о времени бытования мотыжек типа «Сочи-Адлер» // Четвертая Кубанская археологическая конференция: тез. докл. Краснодар. С. 261–263.

Соловьев Л. Н., 1958. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – стоянки Воронцовской пещеры // Труды Абхазского ИЯЛИ. Т. XXIX. Сухуми: АН Грузинской ССР. С. 135–184.

Соловьев Л. Н., 1972. Мотыгообразные орудия сочи-адлерского типа // Известия Абхазского ИЯЛИ. Вып. I. Тбилиси: Мецниереба. С. 81–97.

Тарасова А. А., 2015. Геометрическая морфометрия как метод сравнительного количественного анализа формы археологических объектов // Новые материалы и методы археологического исследования: мат-лы III междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН. С. 196–198.

Формозов А. А., 1964. Неолит и энеолит Северо-Западного Кавказа в свете последних исследований // СА. № 3. С. 8–20.

Bookstein F. L., 1991. Morphometric tools for landmark data: geometry and biology. Cambridge: Cambridge University Press. 198 p.

Cardillo M., 2010. Some applications of Geometric Morphometrics to archaeology. Springer. Morphometrics to Nonmorphometricians / Ed. A. M. T. Elewa. P. 325–341. (Lecture Notes in Earth Sciences.)

Chacón M. G., Détroit F., Coudenneau A., Moncel M.-H., 2016. Morphometric Assessment of Convergent Tool Technology and Function during the Early Middle Palaeolithic: The Case of Payre, France [Electronic resource] // PLoS ONE. Vol. 11. No. 5. P. e0155316.

Kendall D. G., 1984. Shape-manifolds, procrustean metrics and complex projective spaces // Bull. London. Mat. Soc. Vol. 16. No. 1. P. 81–121.

Klingenberg C. P., 2011. MorphoJ: an integrated software package for geometric morphometrics // Molecular Ecology Resourses. Vol. 11. Iss. 2. P. 353–357.

Okumura M., Araujo F. G. M., 2016. The Southern Divide: Testing morphological differences among bifacial points from southern and southeastern Brazil using geometric morphometrics // Journal of Litic Studies. Vol. 3. No 1. P. 107–131.

Rolf F. J., 2006. TpsDig, Digitize landmarks and outlines, Version 2.05 (computer program) [Electronic resource]. New York: Department of Ecology and Evolution, State University of New York at Stony Brook.

Сведения об авторе

Полянская Евгения Юрьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: PolyanskayaEY@iaran.ru

E. Yu. Polyanskaya

EXPERIENCE IN APPLYING METHODS OF GEOMETRIC MORPHOMETRY IN ANALYZING SHAPES OF STONE HOES OF THE SOCHI-ADLER TYPE (BASED ON MATERIALS FROM THE IMERETI LOWLANDS)

Abstract. The rescue and salvage excavations in the Imereti Lowlands in the course of preparation for the Olympic Games yielded a vast collection of archaeological materials, including lithic agricultural tools deposited in the occupation layer. The paper focuses on quantitative analysis of the Sochi-Adler type of hoes marked by a diversity of shapes. Method of geometric morphometry was used. Chronological variability of this type of implements was traced down.

Keywords: Imereti Lowlands, hoes of Sochi-Adler type, lithic tools, geometric morphometry, principle components methods, Bronze Age, Early Iron Age.

REFERENCES

Bookstein F. L., 1991. Morphometric tools for landmark data: geometry and biology. Cambridge: Cambridge University Press. 198 p.

Bzhaniya V. V., 1973. Otchet o rabotakh Prichernomorskoy ekspeditsii IA AN SSSR (po otkrytomu listu № 170) na territorii Imeretinskoy doliny v 1972 godu [Report on activities of Pontic expedition of IA AS USSR (by license № 170) in territory of Imereti valley in 1972]. Archive of IA RAS. (In Russian, unpublished.)

Cardillo M., 2010. Some applications of Geometric Morphometrics to archaeology. *Morphometrics to Nonmorphometricians*. A. M. T. Elewa, ed. Heidelberg; Dordrecht; London; New York: Springer, pp. 325–341. (Lecture Notes in Earth Sciences.)

Chacón M.G., Détroit F., Coudenneau A., Moncel M.-H., 2016. Morphometric Assessment of Convergent Tool Technology and Function during the Early Middle Palaeolithic: The Case of Payre, France (Electronic resource). *PLoS ONE*, vol. 11, no. 5, pp. e0155316.

Dzhopua A. I., Mimokhod R. A., Skakov A. Yu., Kleshchenko A. A., 2009. Novye poseleniya epokhi bronzy – rannego zheleza na territorii Imeretinskoy nizmennosti i ikh mesto v sisteme poselencheskikh drevnostey Severo-Zapadnogo Zakavkaz'ya [New settlements of Bronze Age – Early Iron Age in territory of Imereti lowland and their position in system of occupational antiquities of North-western Transcaucasia]. *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: tezisy dokladov [Fifth Kuban' archaeological conference: abstracts]*. Krasnodar: Kubanskiy gos. universitet, pp. 90–93.

Formozov A. A., 1964. Neolit i eneolit Severo-Zapadnogo Kavkaza v svete poslednikh issledovaniy [Neolithic and Eneolithic of North-Western Caucasus in the light of recent investigations]. *SA*, 3, pp. 8–20.

Gromov A. V., Kazarnitskiy A. A., 2014. Primenenie metodov geometricheskoy morfometrii pri izuchenii form keramicheskoy posudy [Application of methods of geometric morphometry for investigation of shapes of ceramic ware]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani [Transactions of IV (XX) All-Russian arvhaeological congress in Kazan']*, IV. Kazan': Otechestvo, pp. 140–142.

Kendall D. G., 1984. Shape-manifolds, procrustean metrics and complex projective spaces. *Bulletin of the London Mathematical Society*, vol. 16, no. 1, pp. 81–121.

Kleshchenko A. A., 2012. Otchet o provedenii okhranno-spasatel'nykh raskopok na «Selishche Yuzhnye kul'tury 1» (Imeretinskaya nizmennost', Adlerskiy rayon goroda Sochi Krasnodarskogo kraya) [Report on carrying out protection-salvage excavations at «Open settlement Southern plants 1» (Imereti lowland, Adler district, city of Sochi, Krasnodar region)]. Archive of IA RAS. (In Russian, unpublished.)

Klingenberg C. P., 2011. MorphoJ: an integrated software package for geometric morphometrics. *Molecular Ecology Resourses*, 11, pp. 353–357.

Mimokhod R. A., 2009. Arkheologicheskie razvedki na uchastke stroitel'stva olimpiyskikh ob"ektov v Imeretinskoy nizmennosti (Adlerskiy rayon g. Sochi) v 2008 godu [Archaeological surveys in construction area of Olympic objects in Imereti lowland (Adler district , Sochi city) in 2008]. Archive of IA RAS. (In Russian, unpublished.)

Mimokhod R. A., 2012a. Otchet o provedenii okhranno-spasatel'nykh raskopok na «Selishche Veseloe 1» i «Selishche Veseloe 2» v zone stroitel'stva Olimpiyskikh ob"ektov (Imeretinskaya nizmennost', Adlerskiy rayon goroda Sochi Krasnodarskogo kraya) [Report on carrying out protection-salvage excavations at «Settlement Veseloe 1» and «Settlement Veseloe 2» in construction area of Olympic objects (Imereti lowland, Adler district, city of Sochi, Krasnodar region)]. Archive of IA RAS. (In Russian, unpublished.)

Mimokhod R. A., 2012b. Otchet o provedenii okhranno-spasatel'nykh raskopok na «Selishche Veseloe 6» v zone stroitel'stva Olimpiyskikh ob"ektov (Imeretinskaya nizmennost', Adlerskiy rayon goroda Sochi Krasnodarskogo kraya) [Report on carrying out protection-salvage excavations at «Settlement Veseloe 6» in construction area of Olympic objects (Imereti lowland, Adler district, city of Sochi, Krasnodar region)]. Archive of IA RAS. (In Russian, unpublished.)

Pavlinov I. Ya., Mikeshina N. G., 2002. Printsipy i metody geometricheskoy morfometrii [Principles and methods of geometric morphometry]. *Zhurnal obshchey biologii [Journal of general biology]*, vol. 63, no. 6, pp. 473–493.

Prokhorova T. A., 2012. Otchet o vypolnenii okhranno-spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy pamyatnikov arkheologii – selishcha «Veseloe-4» raspolozhennogo v poselke Veselom Adlerskogo rayona goroda-kurorta Sochi Krasnodarskogo kraya. Krasnodar [Report on carrying out protection-salvage investigations of archaeological sites – settlement «Veseloe-4» located in settlement Veseloe, Adler district, city-resort Sochi, Krasnodar region. Krasnodar]. Archive of IA RAS. (In Russian, unpublished.)

Rolf F. J., 2006. TpsDig, Digitize Landmarks and Outlines, Version 2.05 (computer program) (Electronic resource). New York: Department of Ecology and Evolution, State University of New York at Stony Brook.

Skakov A. Yu., Dzhopua A. I., Tsvinariya I. I., 2005. K voprosu o vremeni bytovaniya motyzhek tipa «Sochi-Adler» [On problem of time of existence of hoes of «Sochi-Adler» type]. *Chetvertaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: tezisy dokladov [Fourth Kuban' archaeological conference: abstracts]*. Krasnodar, pp. 261–263.

Solov'ev L. N., 1958. Novyy pamyatnik kul'turnykh svyazey Kavkazskogo Prichernomor'ya v epokhu neolita i bronzy – stoyanki Vorontsovskoy peshchery [New site of cultural relations in Caucasus Pontic coast in the epoch of Neolithic and Bronze Age – Vorontsovskaya cave stations]. *Trudy Abkhazskogo IYaLI [Transactions of Abkhazian IYaLI]*, XXIX. Sukhumi: AN Gruzinskoy SSR, pp. 135–184.

Solov'ev L. N., 1972. Motygoobraznye orudiya sochi-adlerskogo tipa [Hoe-like tools of Soci-Adler type]. *Izvestiya Abkhazskogo IYaLI [Bulletin of Abkhazian IYaLI]*, I. Tbilisi: Metsniereba, pp. 81–97.

Tarasova A. A., 2015. Geometricheskaya morfometriya kak metod sravnitel'nogo kolichestvennogo analiza formy arkheologicheskikh ob"ektov [Geometric morphometry as a method of comparative quantitative analysis of shape of archaeological objects]. *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: materialy III mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh [New materials and methods of archaeological research: transactions of III international conference of young scientists]*. Moscow: IA RAN. C. 196.

Voronov Yu. N., 1979. Drevnosti Sochi i ego okrestnostey [Antiquities of Sochi and its vicinities]. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 127 p.

About the author

Polyanskaya Evgeniya Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: PolyanskayaEY@iaran.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.85-101

А. А. Клещенко

БОЛЬШИЕ БУЛАВОЧНЫЕ НАБОРЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КУРГАННОЙ ГРУППЫ КЁНДЕЛЕНСКАЯ I И «ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ» ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Резюме. Статья посвящена публикации серии погребений развитого этапа северокавказской культуры из могильника Кёнделенская I (Баксанское ущелье, Кабардино-Балкария) с большими булавочными наборами, состоявшими из нескольких десятков и сотен предметов. Публикуемые комплексы представляют уникальный материал для изучения материальной культуры населения Центрального Предкавказья второй четверти III тыс. до н. э. Их предварительный анализ, в частности, позволяет вполне обоснованно предположить существование в эпоху средней бронзы булавок из органических материалов – вероятнее всего, дерева. В то же время состав и положение больших булавочных наборов в погребениях могильника у с. Кёнделен заставляет с большой осторожностью относиться к интерпретации подобных наборов как определенных деталей костюма населения Центрального Предкавказья эпохи средней бронзы.

Ключевые слова: большие булавочные наборы, северокавказская культура, «поясные наборы», Центральное Предкавказье, эпоха средней бронзы.

Неизменным атрибутом погребений раннего этапа эпохи средней бронзы Предкавказья являются роговые и бронзовые булавки различных форм. При этом примерно в четверти случаев булавки сопровождались бронзовыми бляхами, реже – костяными и каменными изделиями, составляющими вместе так называемые булавочные наборы. В разное время теме булавок и булавочных наборов посвящали свои исследования Б. А. Латынин, В. А. Сафронов, В. Я. Кияшко, С. Н. Кореневский, А. Н. Гей. В последнее время накопление источниковой базы по курганным древностям Предкавказья заставляет вновь возвращаться к «булавочной» проблематике и пересматривать сделанные ранее выводы. К одним из таких новых источников относится серия погребений средней бронзы, исследованная экспедицией ИА РАН в 2014 г. в Баксанском ущелье у с. Кёнделен Кабардино-Балкарской Республики (*Клещенко*, 2015а; 2015б; *Клещенко, Атабиев*, 2016). В 9 из 65 открытых здесь погребений эпохи средней бронзы

были встречены булавочные наборы. Из них особый интерес представляли три погребения развитого этапа северокавказской культуры (423/9, 424/2 и 424/5) с четырьмя «большими»[1] булавочными наборами, состоявшими из нескольких десятков и сотен предметов.

Погребение 423/9 было впущено в насыпь кургана и представляло собой захоронение женщины в возрасте 15–20 лет, совершенное, вероятно, в вытянутом на спине положении головой на северо-северо-запад (рис. 1, *1*). Особенности погребальной конструкции проследить не удалось. Кости скелета практически полностью истлели, сохранившись только в местах скопления бронзовых изделий. По ним были установлены его предположительные размер и положение (рис. 1, *1*). В погребении было обнаружено порядка 540 предметов – украшений и культовых предметов, 363 из которых удалось зафиксировать *in situ*. Они составляли пять отдельных наборов: украшения головы, ожерелье, браслет правой руки, первый и второй булавочные наборы. Здесь и далее описаны только булавочные наборы, представляющие интерес в рамках настоящей работы.

Первый набор (рис. 1, *1*; 2, *1*) был обнаружен справа от скелета и лежал вдоль его оси – начиная от нижней части правого предплечья и вниз – до середины берцовых костей. Он представлял собой четыре звена общей длиной около 50 см, каждое из которых включало по пять пронизей. Линии пронизей между звеньями были разделены одной или двумя бусинами. Возможно, что между бронзовыми были вставлены также мелкие фаянсовые дисковидные бусины – при зачистке было зафиксировано три таких сочетания. К сожалению, сохранность материала *in situ* не позволяет сказать большего. Набор бус и пронизей заканчивался полимолоточковидной булавкой и двумя моделями сосудиков. Свернутые из кованого гофрированного бронзового листа пронизи имели длину 10–11 см и диаметр 0,45–0,5 см (рис. 2, *1*; 3, *5–8*[2]). Каждое из четырех звеньев состояло из пронизей, орнаментированных определенным образом. Первое сверху звено имело прямое поперечное рифление, расположенное тремя зонами – по краям и в центре трубочки (рис. 3, *5*), второе звено – сплошное поперечное рифление (рис. 3, *6*), третье – четырехзональное наклонное (рис. 3, *7*), четвертое – сплошное наклонное (рис. 3, *8*). Литых бронзовых бус-разделителей изначально должно было быть не менее 30, однако на месте при расчистке были зафиксированы только 18. Все они имели усеченно-биконическую форму с длиной, равной диаметру (по 0,7–0,8 см; рис. 3, *19*), и лишь одна имела размеры 0,5 × 0,65 см. К сожалению, точную позицию заканчивающих набор булавки и сосудиков зафиксировать не удалось – находясь на краю погребения, они были смещены с места в момент обнаружения погребения, поэтому на рис. 1, *1* и 2, *1* их положение показано условно. Булавка (рис. 3, *2*) имела три пары молоточков с грибовидными навершиями и орнамент в верхней части стержня, состоявший из вертикальных параллельных зигзагов и горизонтальной «обмотки»,

[1] Под «большими булавочными наборами» подразумеваются достоверные комплекты соединенных вместе многочисленных пронизей и бус, блях и собственно булавок.

[2] Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность художнику К. С. Окорокову, выполнившему рисунки металлических и каменных находок из могильника Кёнделенская I на очень высоком профессиональном уровне.

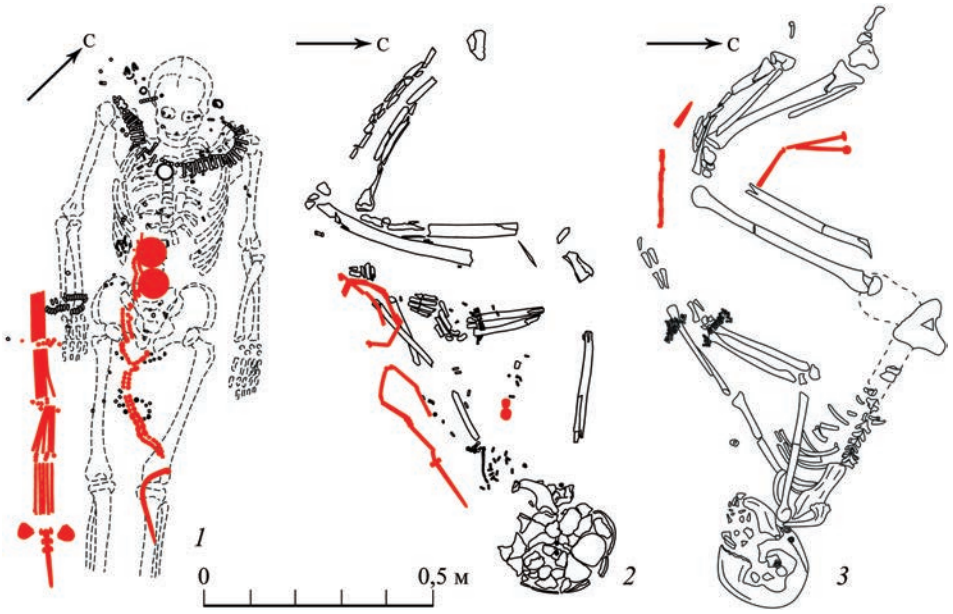


Рис. 1. Кёнделенская I. Погребения с булавочными наборами

1 – погр. 423/9 (реконструкция); *2* – погр. 424/2; *3* – погр. 424/5

отделявшей зону зигзагов от головки булавки[3]. Длина булавки – 13 см, ширина пар молоточков – 3; 2,4 и 2,2 см. Модели сосудиков (рис. 3, *9, 10*) имели до тонкостей схожие размеры, пропорции и детали орнамента. Они имитировали двуручную низкогорлую амфору с широким устьем и скругленным дном, горизонтально украшенную по плечикам горизонтальной высокой волной-«змейкой», ограниченной сверху тонкой «обмоткой», а снизу – рядом жемчужин. Высота моделей и максимальный диаметр тулова одинаков – 3,2–3,3 см.

Второй булавочный набор из этого же захоронения включал порядка 150 предметов (рис. 1, *1*; 2, *2*). Он располагался по длинной оси погребения – примерно от живота до колен погребенной. В его состав входили 112 бусин, зафиксированных *in situ*, две бляхи и булавка. Большая часть из 53 бусин, обнаруженных при переборке отвала, без сомнения, также происходила именно из этого набора. Кроме того, в этом же районе были обнаружены не менее 40 фаянсовых бус и пронизей, лежавших без особой системы, в связи с чем отношение их с булавочным набором не может быть установлено наверняка. Основу набора составляли две параллельно лежавшие низки литых бронзовых бус усеченно-биконической, реже – бочонковидной формы. Самые крупные из них (18 шт. – здесь и далее учитываются бусы, обнаруженные при переборке отвала) имели

[3] Здесь и далее для краткости в описании индивидуальных предметов, изображенных на рис. 2 и 3, мелкие детали опущены. Полное же описание предметов можно найти в научном отчете (*Клещенко*, 2015б).

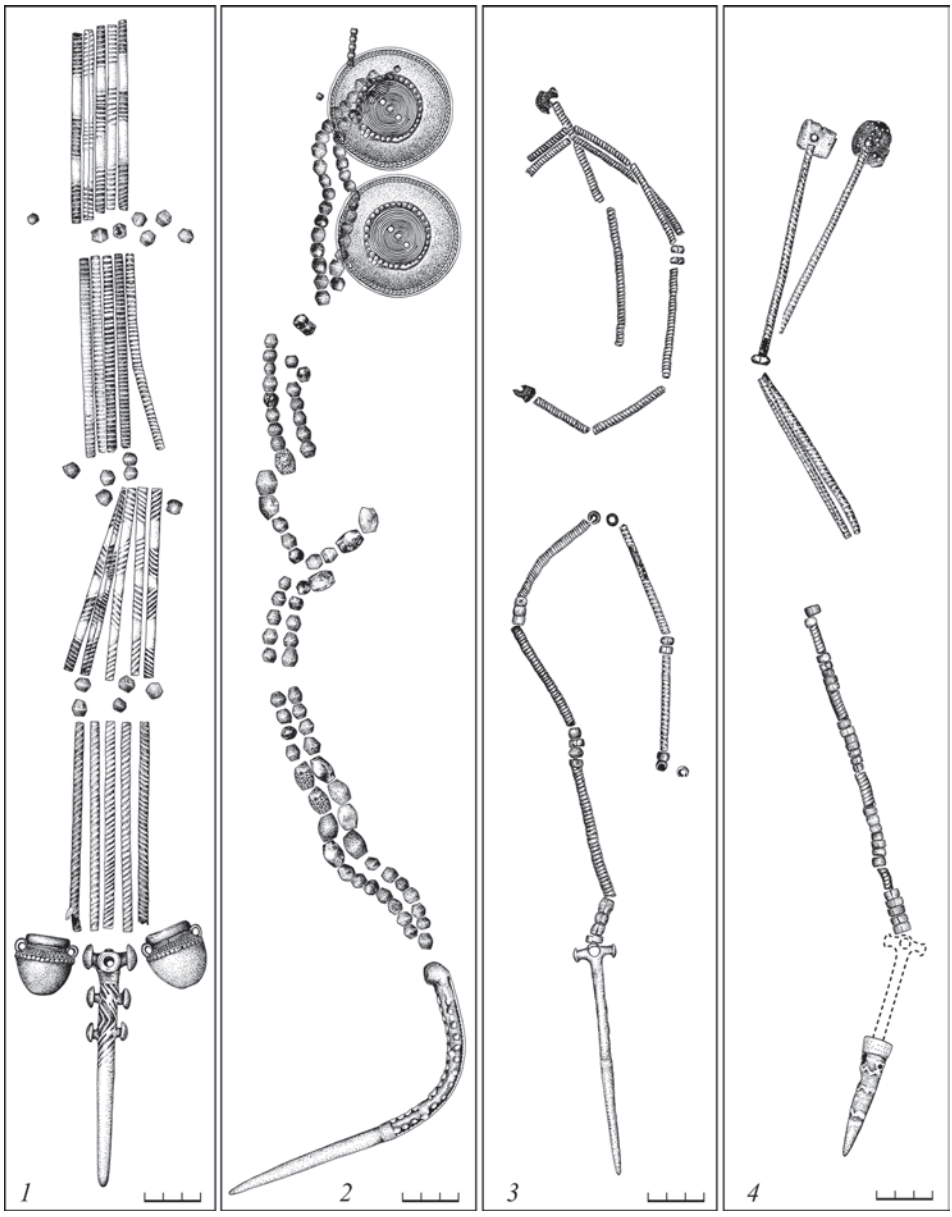


Рис. 2. Кёнделенская I. Булавочные наборы

1, 2 – погр. 423/9; *3* – погр. 424/2; *4* – погр. 424/5 (положение булавки реконструировано)

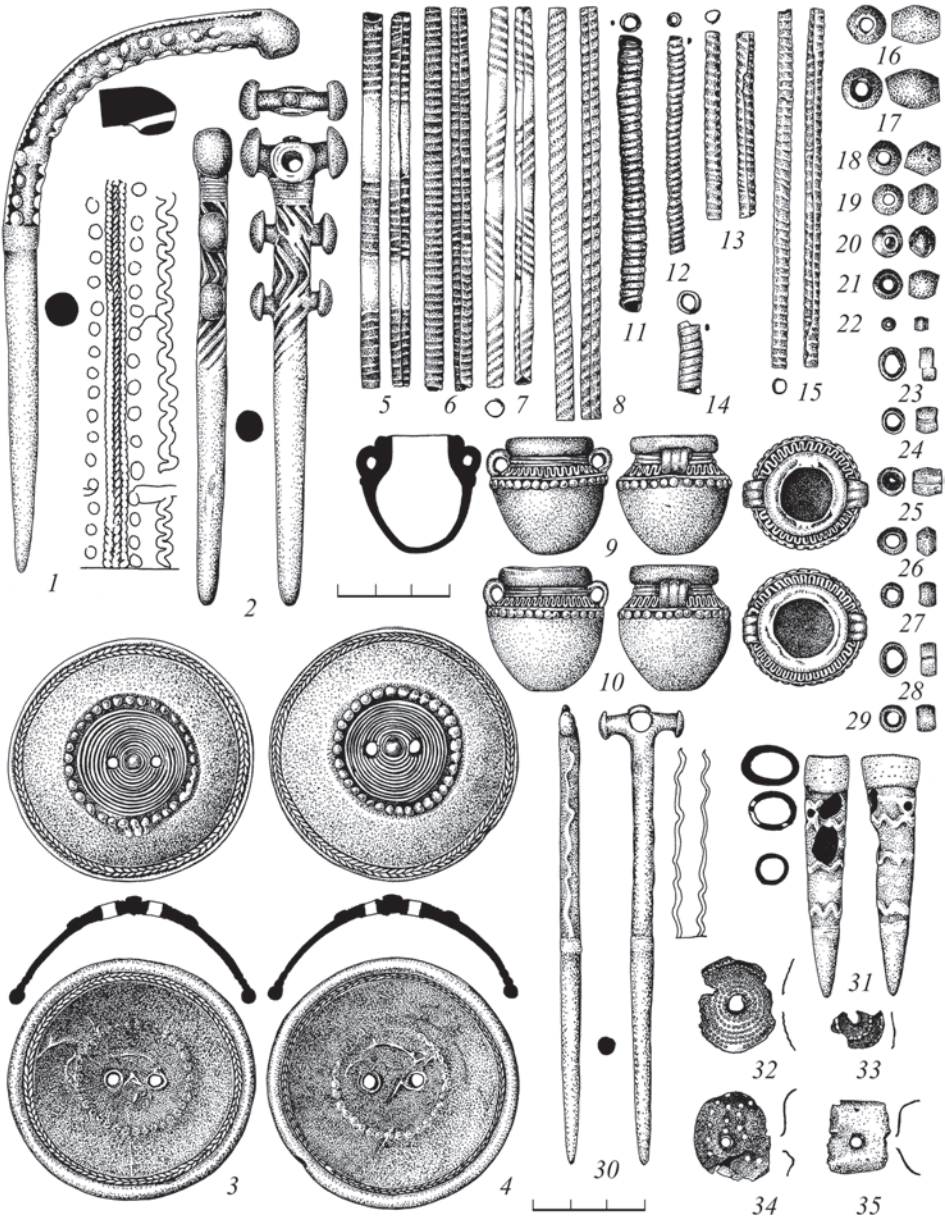


Рис. 3. Кёнделенская I. Отдельные бронзовые предметы из больших булавочных наборов (художник К. С. Окороков)

1–9, 15–22 – погр. 423/9; *11–13, 23–27, 30, 32, 33* – погр. 424/2; *14, 15, 28, 29, 31, 34, 35* – погр. 424/5

1, 2, 30 – булавки; *3, 4* – литые бляхи; *5–8, 13, 15* – пронизи из кованого листа; *9, 10* – модели сосудов; *11, 12, 14* – пронизи из проволоки; *16–22, 26, 29* – литые бусы; *23–25, 28* – кованые бусы; *31* – наконечник булавки; *32–35* – бляшки кованые

длину 1,3–1,4 см и диаметр до 0,9–1 см (рис. 3, *16, 17*), средние (около 120 шт.) – длину и диаметр по 0,6–0,9 см (рис. 3, *18–21*), мелкие – 0,4–0,5 см (12 шт.). Сам набор состоял как будто бы из двух равных частей длиной по 25–27 см: верхняя имела вид двух параллельных низок, проходивших от живота через пояс примерно до паха. Судя по пробелам в положении бусин, именно к этой части могли относиться экземпляры, обнаруженные при переборке отвала. Нижняя часть набора начиналась в районе паха (или чуть ниже) двумя наклонно сходящимися низками, которые, соединившись, шли далее параллельно в направлении левого колена погребенной. Следует отметить, что ряды бус были подобраны симметрично по размерам: на центральном отрезке нижней части набора и при соединении нижней и верхней частей низки состояли из более крупных бусин. Непосредственно на верхней части низок бус – на животе и ближе к поясу – лицевой стороной вверх лежали две литые бронзовые полусферические орнаментированные бляхи с двумя отверстиями в центре (под каждой из них сохранились позвонки погребенной). Бляхи практически идентичны по размерам. Здесь присутствовали орнаментальные мотивы, схожие с композицией на моделях сосудов из первого набора: центральная часть была украшена тонкой «нарезкой», окаймленной рядом жемчужин, а по внешнему краю с обеих сторон поверхности проходила полоса двойного «шнура». Диаметр блях – 6,7–6,8 см, высота – 2,8–3 см. Здесь также не удалось зафиксировать точное положение заканчивающей набор булавки, поэтому на рис. 1, *1* и 2, *2* она нанесена условно. Литая бронзовая посоховидная булавка имела общую длину 21 см, высоту 15 см и ширину 8 см. Верхняя часть ее была покрыта продольным орнаментом в виде тройного шнура (по внешней части изгиба), волны-«змейки» (по внутренней) и двух рядов выпуклин-жемчужин (по бокам).

Третий большой булавочный набор был обнаружен в погребении 424/2, предположительно, основном в кургане. Оно представляло собой прямоугольную яму размерами 2,6 × 2,3 м и глубиной до 1,7 м. На дне находился скелет женщины в возрасте старше 55 лет в положении строго скорченно на левом боку с ориентировкой головой на восток (рис. 1, *2*). Левая ее рука была вытянута вдоль корпуса по направлению к коленям. Правая была согнута в локте так, что кисть ее лежала перед левым предплечьем. Ноги были согнуты в бедре под тупым, а в коленях – под острым углом. Погребенную сопровождал богатый инвентарь, состоявший из четырех наборов: украшения головы, ожерелье, браслет и булавочный набор.

Последний располагался вдоль левой руки погребенной – перед и под ней. Набор состоял из двух частей. Первая (условно – нижняя) часть длиной 24–25 см, обнаруженная под левыми кистью и предплечьем (рис. 1, *2*), представляла собой комплект бронзовых предметов из девяти пронизей, сложенных дугой в форме буквы G, двух бусин и двух бляшек-ограничителей (рис. 2, *3*). Пронизи из туго свернутой бронзовой проволоки сечением 1 × 2 мм, сохранившей, между прочим, эластичность до наших дней, имели одинаковый диаметр (0,4 см) и различную длину: от 2,6 до 8,4 (рис. 3, *12*). Две дисковидные кованые бронзовые бусины (диаметр – 0,8 см, длина – 0,35 см) (рис. 3, *23*) находились в центральной части низки, отделяя участок с одиночным рядом пронизей от участка со сдвоенным. То, что сложенные в замысловатую фигуру пронизи составляли единый

набор, подтверждает наличие у концов крайних трубочек кованых бронзовых бляшек-ограничителей (диаметром около 1,5 см) с пуансонным кольцевым орнаментом (рис. 3, *33*).

Вторая часть большого булавочного набора, общей длиной 37–38 см, находившаяся перед локтем и плечевой костью погребенной, состояла из пяти пронизей, 18 бусин и собственно булавки (рис. 1, *2*; 2, *3*). Низка пронизей была согнута пополам таким образом, что изгиб разделил ее на две части по две и три пронизи в каждой. Между пронизями, а также в их конце и между крайней пронизью и булавкой на низке находились по две – четыре бусины. Пронизи относились к двум разным видам. Первые три, подходящие непосредственно к булавке, как и в первой части набора, были сделаны из туго свернутой бронзовой проволоки, имели диаметр 0,5–0,6 см и длину 5,2–7,4 см (рис. 3, *11*). Еще две были свернуты из кованого гофрированного бронзового листа с поперечным рифлением, они имели диаметр 0,4 см и длину 5,1–6,6 см (рис. 3, *13*). Бронзовые бусы также отличались разнообразием – кованые: дисковидные (10 шт., рис. 3, *23*), по одной бочонковидной (рис. 3, *24*) и усеченно-биконической (рис. 3, *25*); а также литые: дисковидные (3 шт., рис. 3, *27*) и одна усеченно-биконическая (рис. 3, *26*). Кованые бусы имели диаметр 0,6–0,9 см и длину 0,3–0,8 см, литые – 0,4–0,6 и 0,6–0,8 см. Литая бронзовая молоточковидная булавка (рис. 3, *30*), находившаяся на конце низки пронизей и бус (напротив плеча) и обращенная острием к черепу, имела орнамент в виде двух продольных рядов «змеек» по боковым сторонам. Высота булавки – 12,5 см, ширина молоточков – 2,3 см. К большому булавочному набору, по аналогии с другими комплексами, могли относиться также и две кованые бронзовые бляшки с пуансонным орнаментом диаметром 2–2,5 см (рис. 3, *32*), которые были обнаружены в районе груди погребенной.

Четвертый большой булавочный набор находился во впускном погребении 424/5. Оно было совершено в прямоугольной яме размерами 2,5 × 1,7 м и глубиной 1,4 м. В нем был обнаружен скелет женщины в возрасте старше 55 лет в положении строго скорченно на левом боку с ориентировкой головой на восток-юго-восток. Левая рука была вытянута в сторону колен, правая – согнута в локте под прямым углом и кистью направлена в сторону левого запястья. Ноги были согнуты в бедре под прямым углом, в коленях – под острым (рис. 1, *3*). Инвентарь состоял из украшения головы, двух браслетов, комплекта пронизей и булавочного набора. Несмотря на то что пронизи находились отдельно от булавочного набора, по аналогии с погребением 424/2 можно предположить, что вместе они представляли собой большой булавочный набор, состоявший из двух частей (рис. 2, *4*).

Первая часть (длиной 23 см) находилась у тыльной стороны правой голени и включала четыре пронизи из кованого бронзового гофрированного листа с поперечным рифлением (длиной 9,7–12 см и диаметром 0,4 см; рис. 3, *15*), лежавших в линию попарно; на месте соединения двух пар пронизей находились одна или две кованых бронзовых дисковидных бусины диаметром 1 см и длиной 0,4 см (рис. 3, *28*); с одной стороны пронизи заканчивались двумя коваными бронзовыми слабовыпуклыми бляшками-ограничителями: овальной формы (2,4 × 2 см) с пуансонным орнаментом (рис. 3, *34*) и прямоугольной (2 × 1,6 см) без орнамента (рис. 3, *35*).

Вторая часть набора лежала по оси погребения – от левой кисти и до берцовых костей (рис. 1, *3*) – и имела вид низки из четырех пронизей, 26 бус и наконечника стержня булавки (рис. 2, *4*). Группы из двух, пяти и семи кованых (всего 19 шт., диаметр 0,5–0,9 см, длина – 0,3–0,5 см) (рис. 3, *28*) и литых (всего 7 шт., диаметр 0,6 см, длина – 0,4–0,6 см) (рис. 3, *29*) дисковидных бронзовых бус были разделены пронизями, сделанными из туго свернутой бронзовой проволоки (диаметр – 0,5 см, длина – 1,2–1,9 см) (рис. 3, *14*). В 6 см от края низки лежал литой бронзовый полый наконечник конической формы с приплюснутым основанием и двумя сквозными поперечными отверстиями (длина его – 6,5 см, диаметр основания конуса – 1,1–1,6 см) (рис. 3, *31*). К сожалению, следов дерева ни внутри наконечника, ни рядом зафиксировано не было[4], в том числе из-за того, что сам предмет лежал на участке темно-коричневого органического тлена, затрудняющего идентификацию остатков схожих по фактуре деревянных волокон. Тем не менее есть все основания предполагать, что на конце низки находилась булавка (скорее всего, молоточковидная) из органического материала (предположительно, деревянная), а наконечник являлся ее «рабочей частью» – на это указывают как сквозные отверстия в верхней части наконечника, служащие для крепления вставляемого в наконечник предмета, так и его приплюснутое основание, свидетельствующее о стремлении надежно зафиксировать недошедший до наших дней предмет во втулке. В этой связи следует особо отметить, что шесть молоточковидных булавок, обнаруженных в других погребениях могильника, как и многие булавки из комплексов Центрального Предкавказья, имели длину 10–14 см. В данном случае расстояние от острия наконечника до края низки составляло 12 см, что соответствует средней длине молоточковидных булавок. Длина второй части набора вместе с наконечником составила 30 см. Таким образом, общая длина обеих частей – порядка 50 см – вполне соотносима с размерами описанных выше больших булавочных наборов из погребений 423/9 и 424/2 курганной группы Кёнделенская I.

Обнаруженные большие булавочные наборы являются весьма редкими находками. Достаточно сказать, что всего в Предкавказье в настоящее время известно порядка 300 закрытых погребальных комплексов раннего этапа эпохи средней бронзы, содержавших булавки различных видов. Из них лишь в 12, с учетом кёнделенских материалов, были встречены указанные наборы, что составляет 4 % случаев. Из них один был обнаружен в Закубанье – в верховьях р. Лаба – Мостовской 1/22 (*Шишлов*, 2001. С. 13–16. Рис. 97, 98) (рис. 4, *9*; 5, *7*), а остальные 11 – на территории Центрального Предкавказья – в долинах Подкумка и правых притоков Терека (рис. 1; 4, *1–8*; 5, *1–6*). Помимо описанных выше комплексов из Кёнделена, это северокавказские погребения Чегем II 23/1 (*Нагоев*, 1972. С. 27–29. Рис. 26, *Г*; 38; *Бетрозов, Нагоев*, 1984. С. 28, 72, 74. Рис. 28, *4*; 29, *26, 28*), Кызбурун III/27 и 28 (*Мизиев*, 1974. С. 18–20. Рис. 60; 62; 64, *А, Б*; 1984. С. 104, 107–110. Рис. 11, 13, *14–27*), Белый Уголь II 1/17

[4] Следует отметить, что в погребениях могильника из-за специфики почв совершенно не сохранились даже фрагменты деревянных перекрытий.

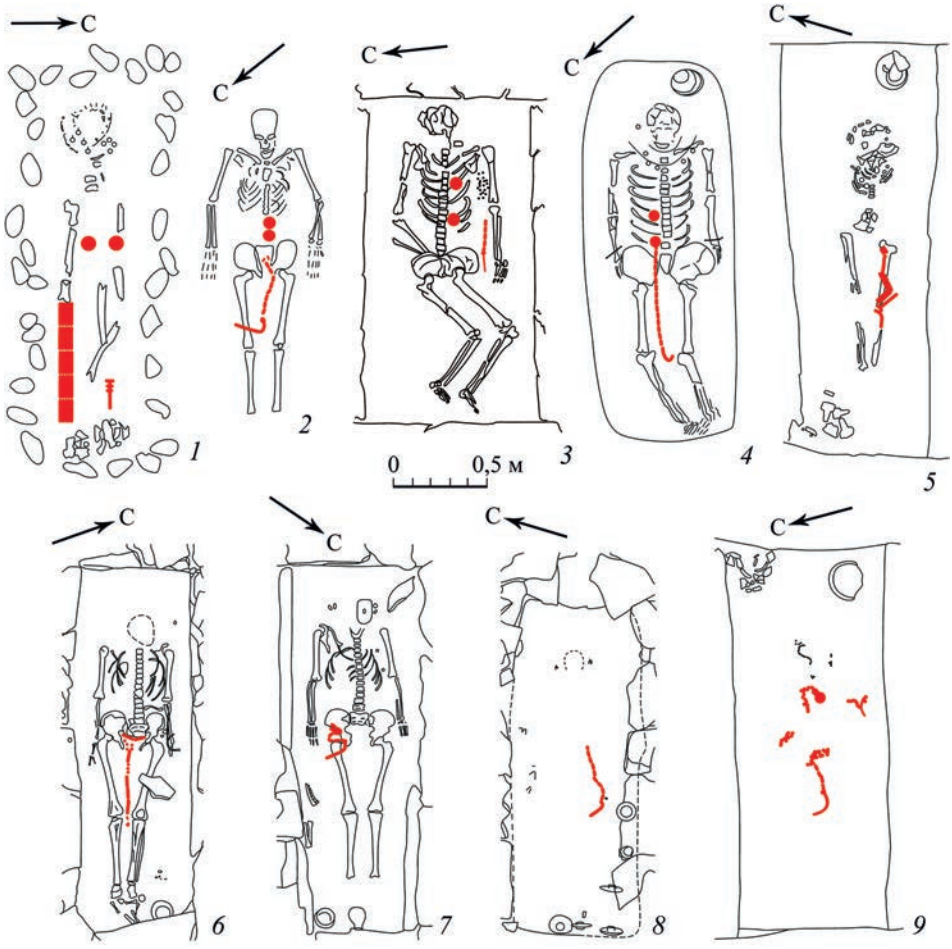


Рис. 4. Погребения с большими булавочными наборами Предкавказья

1 – Чегем II 23/1; *2* – Нижний Черек 1/6; *3* – Кызбурун III/27; *4* – Кызбурун III/28; *5* – Белый Уголь II 1/17; *6* – Нежинский I 2/15; *7* – Нежинский I 2/21; *8* – Нежинский I 3/19; *9* – Мостовской 1/22

(*Бабенко*, 2003. С. 43–47. Рис. 259, 262, 281, 283–286), Нежинский I 2/15[5], 2/21 (*Кореневский*, 1982. С. 60, 61, 65, 66. Рис. 265, 272, 273, 298, 307, 308; 1990. С. 146, 164. Рис. 22; 46, *6, 7*) и 3/19 (*Кореневский*, 1983. С. 42–45. Рис. 124,

[5] Собственно, «булавочным» этот набор назвать нельзя, так как самой булавки на конце набора там не обнаружено. Однако, как показали материалы из погребения Кёнделенская I 424/5, булавки могли быть изготовлены и из органического материала. Кроме того, набор из погребения Нежинский I 2/15 чрезвычайно схож с другими большими булавочными наборами, в связи с чем этот комплекс был поставлен в один ряд с остальными.

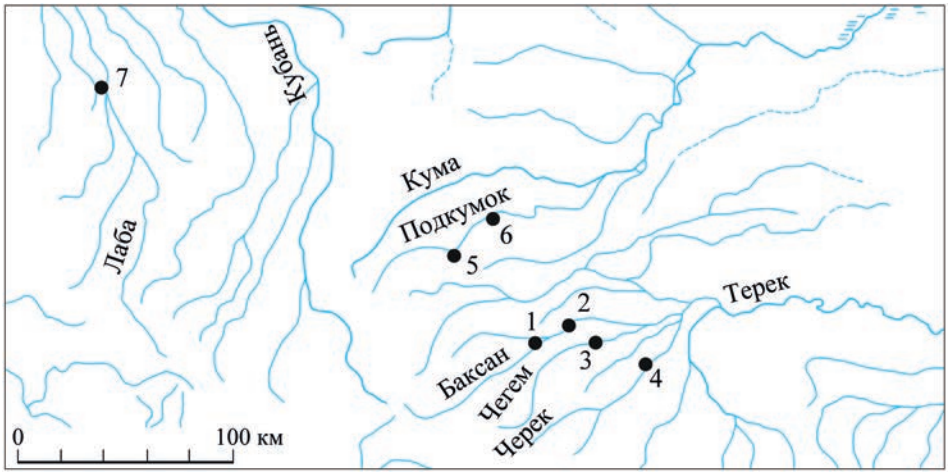


Рис. 5. Карта памятников Предкавказья с большими булавочными наборами

1 – Кёнделенская I; *2* – Кызбурун III; *3* – Чегем II; *4* – Нижний Черек; *5* – Нежинский I; *6* – Белый Уголь II; *7* – Мостовской

126, 127; 1990. С. 165. Рис. 47), а также один из немногих известных в Центральном Предкавказье раннекатакомбных комплексов – Нижний Черек 1/6 (*Керефов*, 1983. С. 39–42. Рис. 35, *Б*; 36). Все они были совершены на спине в вытянутом или скорченном – в одном случае – положении (в каменных ящиках Нежинский I 3/19 и Мостовской 1/22 кости не сохранились, поэтому поза погребенных предположительна) и содержали по одному большому булавочному набору. В большинстве случаев булавки представлены посоховидными и дуговидными формами, в одном (Белый Уголь II 1/17) вместе с посоховидной булавкой была обнаружена и молоточковидная; в двух случаях зафиксированы только молоточковидная (Кызбурун III/27) и полимолоточковидная (Чегем II 23/1) булавки; а в Нежинском I 2/15 булавка и вовсе отсутствовала.

Из перечисленных комплексов аналогичные по составу и положению кёнделенским наборам обнаружены в следующих. Для первого набора из погребения 423/9 – Чегем II 23/1 (рис. 4, *1*); различия – в количестве звеньев пронизей и отсутствию моделей сосудов. Для второго набора из этого же захоронения – Нижний Черек 1/6, Кызбурун III/28, Нежинский I 3/19, Мостовской 1/22 (рис. 4, *2, 4, 8, 9*); различие в том, что в этих комплексах было по одной низке бус. Частичную аналогию нижней части второго набора из погребения Кёнделенская I 423/9 можно увидеть в положении комплекта из пронизей и бус в погребении Нежинский I 2/15, которые, впрочем, также составляли одиночную низку (рис. 4, *6*).

Аналогий положению булавочных наборов из захоронений 424/2 и 424/5 со скорченными на боку погребенными нет, так как ранее все погребения с такими наборами были совершены по обряду вытянутой или скорченной на спине ингумации. По составу же они наиболее близки комплексу Кызбурун III/27 (рис. 4, *3*), где был обнаружен набор, схожий по составу и типу предметов

со второй частью булавочного набора из Кёнделенской I 424/5, а также с наборами из погребений Нежинский I 2/15 (рис. 4, *б*) и Белый Уголь II 1/17 (рис. 4, *5*), с той оговоркой, что в первом из них, как уже было отмечено, бронзовой булавки не было, а второй автор раскопок интерпретировал как «деревянную сумочку (с булавками и костяными предметами) с наборной бронзовой ручкой» (*Бабенко*, 2003. С. 44).

Следует сказать несколько слов и об отдельных предметах, входивших в кёнделенские большие булавочные наборы. Посоховидные и молоточковидные булавки не являются редкостью и встречены примерно в половине погребений эпохи средней бронзы Предкавказья с этой категорией изделий (из порядка 300 закрытых комплексов – 60 и 80 соответственно), чего нельзя сказать о полимолоточковидных булавках. В погребениях их обнаружено всего около 10, еще столько же или чуть больше известно по отдельным открытым комплексам и находкам. Примерно так же обстоит дело и с литыми бронзовыми полусферическими бляхами. Находки же миниатюрных моделей сосудов следует пока относить к редчайшим случаям. По литературным и архивным данным известно еще три таких комплекса: два северокавказских – Суворовская 11/13 (*Нечитайло*, 1979. С. 55. Рис. 59, *11*), Дигора 1/2 (*Тменов*, 1968. Рис. 7, *б, в*), и один раннекатакомбный – Нижний Черек 1/4 (*Керефов*, 1983. С. 34, 35. Рис. 31, *Б, В*). Интересно, что во всех трех комплексах были обнаружены и литые полусферические бляхи.

Единственным в своем роде является наконечник из погребения 424/5, подразумевающий присутствие здесь, предположительно, деревянной булавки. О существовании таких предметов в погребениях «булавочного горизонта» напрямую в литературе как будто бы упоминаний нет, хотя наличие их в немногочисленных комплексах без роговых или бронзовых булавок, но с парными бронзовыми бляхами и другими обычно сопровождающими булавки предметами (например, упоминавшееся погр. Нежинская I 2/15) вполне можно было предположить. Более того, в Поднепровье известны совершенно реальные находки деревянных булавок, правда, посоховидной формы (*Кияшко*, 1992. С. 49. Рис. 9, *11*). Посвятивший немалое внимание изучению булавок, их назначения и смысла, В. Я. Кияшко отмечал, что изготовление булавок «из кости» могло символизировать тотемную символику этого фетиша (*Кияшко*, 1989. С. 86), однако здесь скорее актуальна другая идея этого же автора (и других исследователей) – о символике булавки как Мирового Древа – в прямом смысле этой мифологемы. Не вдаваясь в дальнейшие подробности булавочной семантики, стоит лишь упомянуть подмеченный В. Я. Кияшко пассаж из Ибн-Фадлана об использовании кочевниками Поволжья в X в. в качестве религиозного фетиша обычной деревянной палочки «величиной с фалл» (*Кияшко*, 1992. С. 20).

Наконец, в рамках характеристики публикуемых материалов нельзя обойти вопрос о так называемых поясных наборах эпохи средней бронзы Центрального Предкавказья (*Кореневский*, 1986; 1990. С. 58, 59 и др.). Как видно из описания и чертежей погребений (рис. 1), ни один булавочный набор из Кёнделена нельзя назвать «поясным». В частности, первый набор из погребения 423/9 и наборы из комплексов 424/2 и 424/5 следует относить скорее к «ручным», если

вообще имеет смысл связывать явно культовые предметы с какими-либо деталями костюма[6].

На первый взгляд, идея о «поясных наборах», сформулированная С. Н. Кореневским наиболее полно в работе 1986 г., кажется довольно доказательной. Однако при более подробном рассмотрении наборов, определяемых автором как «поясные», такая их интерпретация выглядит не столь убедительно. Так, автор указывает, что в погребении 23/1 могильника у с. Чегем II «находился *пояс* (здесь и далее выделено мной. – *А. К.*) …рядом с *поясным набором*… обнаружены две литые бляхи» (*Кореневский*, 1986. С. 35). В первую очередь, следует обратить внимание, что сохранность костей и качество расчистки погребения (рис. 4, *1*; см. также: *Нагоев*, 1972. Рис. 27, *Б–Г*) не дает возможности однозначно установить положение набора относительно костей таза и правой руки. По аналогии с комплексом 423/9 из Кёнделенской I можно с большой долей уверенности предположить, что верхний конец чегемского набора находился в районе правой кисти или предплечья. Положение же блях – в 30–40 см от верхнего края набора пронизей (рис. 4, *1*) – вряд ли можно назвать «рядом». Кроме того, судя по положению блях относительно ожерелья, они могли лежать не в районе пояса, а на животе погребенного. Вопрос же о том, откуда взялась такая трактовка этого набора, решается просто. В научном отчете указано, что «вдоль южной стенки ямы обнаружены бронзовые трубочки, служившие украшением *в виде пояса*» (*Нагоев*, 1972. С. 28). Далее, в публикации (где, к слову, чертежа погребения нет) данный набор трактуется уже как, «вероятно, *украшения для пояса*» (*Бетрозов, Нагоев*, 1984. С. 28). Таким образом, изначальная попытка автора отчета описать внешний вид открытого им набора переросла в его интерпретацию.

В качестве других иллюстраций «поясных наборов» приводятся погребения Кызбурун III/28, Нежинский I 2/15, 2/21 и 3/19 (*Кореневский*, 1986. С. 35–37. Рис. 1, *1, 2, 5, 7*). Набор из Кызбуруна (рис. 4, *4*), как уже было отмечено, в целом повторяет схему второго булавочного набора из погребения Кёнделенская I 423/9: верхняя бляха, находящаяся в начале набора, в обоих случаях лежит на животе. Местоположение же второй бляхи рядом с поясом, как представляется, не может быть аргументом для интерпретации набора как «поясного». В одном из нежинских погребений (3/19) не сохранилось костей погребенного, поэтому объективно судить о положении набора нельзя. Таким образом, вывод о существовании «поясных наборов», строго говоря, можно сделать на основании лишь двух комплексов из кургана 2 могильника Нежинский I (рис. 4, *6, 7*).

Помимо перечисленных больших составных «поясных наборов» доказательством существования таковых, по мнению автора, служат аккумулятивные схемы расположения булавок и бронзовых блях в других погребениях эпохи средней бронзы Центрального Предкавказья (*Кореневский*, 1986. С. 38. Рис. 2). Следует отметить, что автором были взяты не все известные на тот момент комплексы,

[6] Кроме того, как показали результаты взвешивания, общая масса булавочных наборов из погребения 423/9 курганной группы Кёнделенская I составляла более 900 граммов. Вряд ли такие относительно тяжелые конструкции, конец которых к тому же находился в районе колен человека, были удобны для использования в быту в качестве деталей костюма.

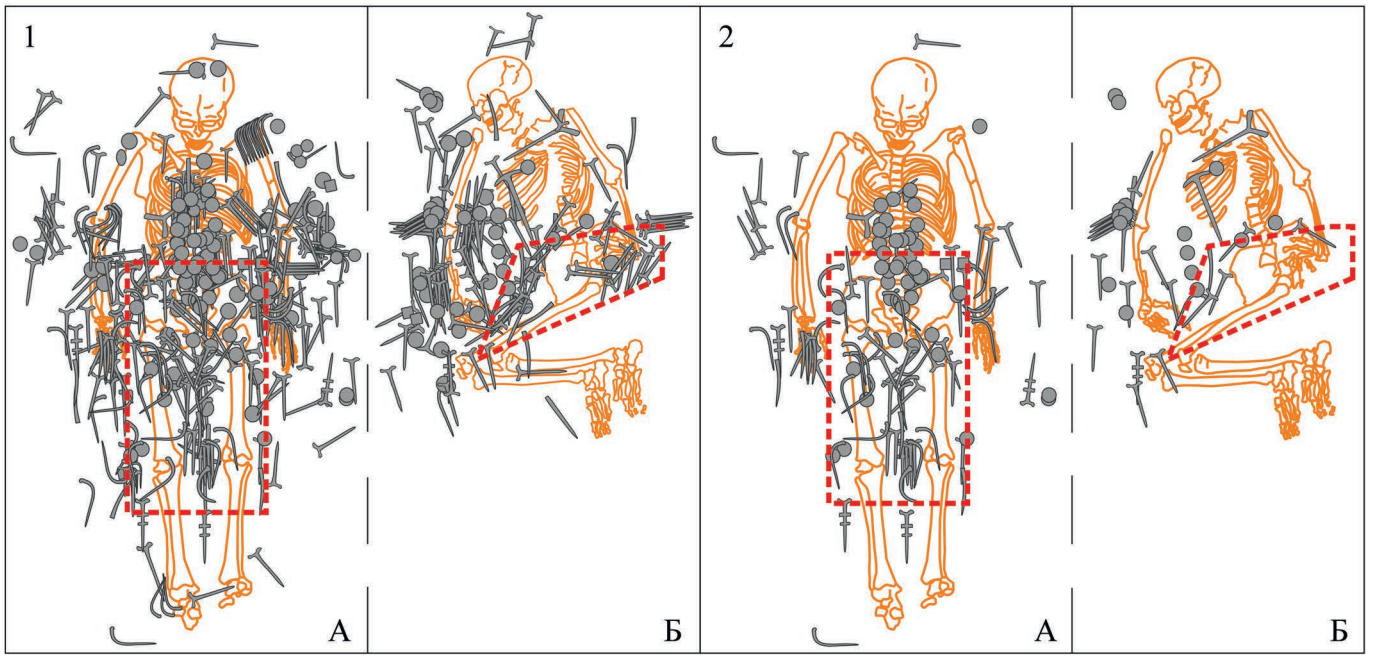


Рис. 6. Аккумулятивная схема расположения булавок и бронзовых блях в погребениях эпохи средней бронзы

1 – Предкавказье в целом; *2* – Центральное Предкавказье

А – вытянутые и скорченные на спине погребения; *Б* – скорченные на боку погребения; рамками выделены зоны возможного расположения «поясных наборов»

а из отобранных часть отображена не вполне верно, тем более что использованные материалы не всегда давали возможность точно определить местоположение предметов относительно скелета погребенных. В итоге С. Н. Кореневский делает вывод о том, что «находки (булавок) у нижних позвонков, между тазом и запястьями, на тазовой кости, между костями ног или просто у бедренной кости отражают прикрепление украшений к поясу» (*Кореневский*, 1986. С. 39). Однако новые данные по составу и положению булавочных наборов, в первую очередь – в погребении 423/9 Кёнделенского I могильника, предполагают и другие их трактовки. В частности, с учетом этого комплекса нельзя достоверно интерпретировать все находки булавок между ног погребенного или рядом с ними как части «поясных наборов» – во всяком случае, в тех комплексах, где сопутствующие булавке бляхи или одна из них находились выше пояса. Таким образом, по уточненным подсчетам, лишь половину из 35 использованных в подсчетах С. Н. Кореневского комплексов с булавками и бляхами можно предположительно отнести к «поясным наборам».

Характерно, что анализ современной источниковой базы подтверждает это соотношение. В настоящее время по литературным и архивным данным в районе Кавминвод и его окрестностях известно не менее 63 погребений с установленным местоположением булавок. Из них наличие «поясных наборов», с учетом вышеизложенных критериев, можно предполагать в 32 комплексах, т. е. в половине случаев (рис. 6, *2*). В то время как на территории Терского левобережья (современная территория Кабардино-Балкарии) из 23 наборов как «поясные» можно интерпретировать только два. В целом же в комплексах различных культур эпохи бронзы Предкавказья, содержавших булавки и сопровождающие их предметы, расположение их в погребении в районе таза и бедер зафиксировано примерно в 30% случаев (85 комплексов из 277) (рис. 6, *1*). Однако, учитывая обоснованную выше неоднозначность интерпретации самих булавок как деталей костюма, достоверно относить их собственно к «поясным наборам» представляется не вполне обоснованным.

Подводя итог, следует отметить, что публикуемые комплексы из курганов группы Кёнделенская I представляют яркий, а отчасти и уникальный материал для изучения материальной культуры населения Центрального Предкавказья второй четверти III тыс. до н. э. Во-первых, они позволяют с большой долей вероятности предположить существование булавок из органических материалов (вероятнее всего, дерева). Во-вторых же, состав и положение больших булавочных наборов в погребениях могильника у с. Кёнделен заставляют с большой осторожностью относиться к интерпретации других схожих наборов как деталей определенных частей костюма населения Центрального Предкавказья эпохи средней бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко В. А., 2003. Отчет об охранных раскопках курганного могильника «Белый Уголь II» на юго-западной окраине г. Ессентуки Ставропольского края в 2003 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 28304–28305.

Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х., 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек (1-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик: Эльбрус. С. 7–87.

Керефов Б. М., 1983. Отчет об охранных раскопках 1983 года в совхозе «Нальчикский» и у с. Нижний Черек // Архив ИА РАН. Р-1. № 9519.
Кияшко В. Я., 1989. Рогатые амулеты раннего бронзового века // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во. С. 76–88.
Кияшко В. Я., 1992. К вопросу о молоточковидных булавках // Донские древности. Вып. 1. Азов: Азовский полиграфист. С. 4–57.
Клещенко А. А., 2015а. Курганы эпохи бронзы Центрального Предкавказья // Институт археологии: новые экспедиции и проекты. М.: ИА РАН. С. 28–29.
Клещенко А. А., 2015б. Отчет о раскопках курганов № 422, 423, 424, 425 и 426 гурганной группы «Кёнделенская Первая», расположенной на территории Баксанского и Эльбрусского районов Кабардино-Балкарской Республики в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 50131–50136.
Клещенко А. А., Атабиев Б. Х., 2016. Исследование курганной группы Кёнделенская I в Эльбрусском и Баксанском районах Кабардино-Балкарской Республики // АО 2014 года. М.: ИА РАН. С. 232–234.
Кореневский С. Н., 1982. Отчет о раскопках на Кавминводах в 1982 г. курганной группы урочища Клин-Яр у г. Кисловодска // Архив ИА РАН. Р-1. № 9059.
Кореневский С. Н., 1983. Отчет о работах на Кавминводах в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9659.
Кореневский С. Н., 1986. О поясных наборах периода средней бронзы из Центрального Предкавказья // КСИА. Вып. 185. С. 35–42.
Кореневский С. Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.: ИА АН СССР. 174 с.
Мизиев И. М., 1974. Отчет о раскопках кургана у сел. Кишпек КБ АССР в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5449.
Мизиев И. М., 1984. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик: Эльбрус. С. 88–111.
Нагоев А. Х., 1972. Отчет о раскопках курганов в Чегемском районе Кабардино-Балкарской АССР в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №4966.
Нечитайло А. Л., 1979. Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова думка. 85 с.
Тменов В. Х., 1968. Отчет о доисследовании разрушенного кургана эпохи бронзы около г. Дигора Северо-Осетинской АССР летом 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3736.
Шишлов А. В., 2001. Об археологических раскопках кургана в пос. Мостовском Краснодарского края в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 25283–25284.

Сведения об авторе

Клещенко Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sansanych@bk.ru

A. A. Kleshchenko

LARGE PIN SETS FROM THE GRAVES OF THE KENDELENSKAYA I KURGAN GROUP AND «BELT SETS» OF THE MIDDLE BRONZE AGE FROM THE CENTRAL FORE-CAUCASUS

Abstract. The paper is devoted to the publication of a series of graves associated with the developed stage of the North Caucasus culture from the Kendelenskaya I burial ground (Baksan Gorge, Kabardino-Balkaria) that contained large pin sets composed of several dozen and even hundreds of items. The assemblages described in this paper are unique materials for studying the material culture of the population that inhabited the Central Fore-Caucasus in the second quarter of III mill. BC. Preliminary analysis provides, in particular, strong evidence that in the Bronze Age some pins were made

from organic materials, most likely, wood. At the same time, the composition and the position of large pin sets in the graves of the kurgan cemetery near the village of Kendelenskaya make researchers be very cautious as to interpretation of such sets as certain parts of the garments worn by the population of the Central Fore-Caucasus in the Middle Bronze Age.

Keywords: large pin sets, North Caucasus culture, «belt sets», Central Fore-Caucasus, Middle Bronze Age.

REFERENCES

Babenko V. A., 2003. Otchet ob okhrannykh raskopkakh kurgannogo mogil'nika «Belyy Ugol' II» na yugo-zapadnoy okraine g. Essentuki Stavropol'skogo kraya v 2003 g. [Report on rescue excavations of kurgan cemetery «Belyy Ugol' II» in south-western outskirts of Essentuki city, Stavropol' region in 2003].). *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Betrozov R. Zh., Nagoev A. Kh., 1984. Kurgany epokhi bronzy u seleniy Chegem I, Chegem II i Kishpek (1-ya i 3-ya gruppy) [Bronze Age kurgans near villages Chegem I, Chegem II and Kishpek (1st and 3rd groups)]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii [Archaeological investigations in construction zones of Kabardino-Balkaria]*, 1. Nal'chik: El'brus, pp. 7–87.

Kerefov B. M., 1983. Otchet ob okhrannykh raskopkakh 1983 goda v sovkhoze «Nal'chikskiy» i u s. Nizhniy Cherek [Report on rescue excavations of 1983 in state farm «Nal'chikskiy» and near village Nizhniy Cherek]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished).

Kiyashko V. Ya., 1989. Rogatye amulety rannego bronzovogo veka [Horned amulets of Early Bronze Age]. *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya [Bulletin of Rostov regional museum of local lore]*, 6. Rostov-na-Donu: Knizhnoe izdatel'stvo, pp. 76–88.

Kiyashko V. Ya., 1992. K voprosu o molotochkovidnykh bulavkakh [On problem of pins with hammer-like heads]. *Donskie drevnosti [The Don antiquities]*, 1. Azov: Azovskiy poligrafist, pp. 4–57.

Kleshchenko A. A., 2015a. Kurgany epokhi bronzy Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [Bronze Age kurgans of Central Forecaucasus]. *Institut arkheologii: novye ekspeditsii i proekty [Institute of Archaeologyn: new expeditions and projects]*. Moscow: IA RAN, pp. 28–29.

Kleshchenko A. A., 2015b. Otchet o raskopkakh kurganov №422, 423, 424, 425 i 426 Kurgannoy gruppy «Kendelenskaya Pervaya», raspolozhennoy na territorii Baksanskogo i El'brusskogo rayonov Kabardino-Balkarskoy Respubliki v 2014 g. [Report on excavations of kurgans Nos. 422, 423, 424, 425 and 426 of kurgan group «First Kendelenskaya», situated in territory of Baksan and El'brus districts of Republic of Kabardino-Balkaria in 2014]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Kleshchenko A. A., Atabiev B. Kh., 2016. Issledovanie kurgannoy gruppy Kendelenskaya I v El'brusskom i Baksanskom rayonakh Kabardino-Balkarskoy Respubliki [Research of kurgan group Kendelenskaya I in El'brus ad Baksan districts, Republic of Kabardino-Balkaria]. *AO 2014*. Moscow: IA RAN, pp. 232–234.

Korenevskiy S. N., 1982. Otchet o raskopkakh na Kavminvodakh v 1982 g. kurgannoy gruppy urochishcha Klin-Yar u g. Kislovodska [Report on excavations in Kavminvody in 1982 of kurgan group in locality Klin-Yar near Kislovodsk city]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Korenevskiy S. N., 1983. Otchet o rabotakh na Kavminvodakh v 1983 g. [Report on works in Kavminvody in 1983]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Korenevskiy S. N., 1986. O poyasnykh naborakh perioda sredney bronzy iz Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [On belt sets of Middle Bronze Age from Central Forecaucasus]. *KSIA*, 185, pp. 35–42.

Korenevskiy S. N., 1990. Pamyatniki naseleniya bronzovogo veka Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [Sites of Branze Age population of Central Forecaucasus]. Moscow: IA AN SSSR. 174 p.

Miziev I. M., 1974. Otchet o raskopkakh kurgana u sel. Kishpek KB ASSR v 1974 g. [Report on excavations of kurgan near village Kishpek, KB ASSR in 1974]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Miziev I. M., 1984. Dva kurgana u seleniy Kishpek i Kyzburun III [Two kurgans near villages Kishpek and Kyzburun III]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii [Archaeological investigations in construction zones of Kabardino-Balkaria]*, 1. Nal'chik: El'brus, pp. 88–111.

Nagoev A. Kh., 1972. Otchet o raskopkakh kurganov v Chegemskom rayone Kabardino-Balkarskoy ASSR v 1972 g. [Report on excavations of kurgans in Chegem district, Kabardino-Balkaria ASSR in 1972]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)

Nechitaylo A. L., 1979. Suvorovskiy kurgannyy mogil'nik [Suvorovskaya kurgan cemetery]. Kiev: Naukova dumka. 85 p.

Shishlov A. V., 2001. Ob arkheologicheskikh raskopkakh kurgana v pos. Mostovskom Krasnodarskogo kraya v 2001 g. [On archaeological excavations of kurgan in settlement Mostovskoy, Krasnodar region in 2001]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)

Tmenov V. Kh., 1968. Otchet o doissledovanii razrushennogo kurgana epokhi bronzy okolo g. Digora Severo-Osetinskoy ASSR letom 1968 g. [Report on further investigations of destroyed Bronze Age kurgan near Digora city, North Ossetia ASSR in summer of 1968]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)

About the author

Kleshchenko Alexandr A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sansanych@bk.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.102-111

А. Н. Гей

СХЕМАТИЧЕСКАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ СТЕЛА С ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Резюме. В 2016 г. при исследовании археологических памятников в зоне строительства подъездных путей к Керченскому мосту был раскопан курган 2 Вышестеблиевского XXI могильника. Курган был сооружен в несколько приемов и содержал 12 погребений различных периодов бронзового века. Древнейшее и основное для первой насыпи погребение № 5 относится к ямной культурно-исторической общности эпохи ранней бронзы. Оно представляло собой кенотаф или, не исключено, детское захоронение с несохранившимся скелетом. Небольшая прямоугольная яма была перекрыта плитами из ракушечного известняка и слоем камки (морских водорослей). Одна из плит представляла собой подобие схематической антропоморфной стелы с так называемыми чашечными углублениями на обеих плоскостях. Аналогии данной детали обряда на прилегающей с востока территории Прикубанья и Западного Кавказа в целом отсутствуют. Зато перекрытия из плит с использованием стел, в том числе с чашечными углублениями, встречаются в ямных погребениях Крыма и южных районов Украины. Очевидно, данное направление связей является одним из факторов, определяющих своеобразие культуры ранней бронзы Таманского полуострова, ее отличия от синхронных ямных и новотиторовских памятников Предкавказья.

Ключевые слова: бронзовый век, Таманский полуостров, курганное погребение, древнеямная культура, схематическая антропоморфная стела, чашевидные углубления.

В 2016 г. Вышестеблиевский отряд Южной новостроечной экспедиции ИА РАН провел раскопки двух курганов Вышестеблиевского XXI могильника в зоне строительства автодороги к Керченскому мосту.

Памятник расположен на гребне высокой широтной складки, тянущейся через всю южную половину Таманского полуострова, на расстоянии 4,4 км к северо-западу от СЗ-оконечности станицы Вышестеблиевской и 4,0 км к юго-востоку от южной окраины пос. Приморский. Самый большой в группе курган № 2 был частично раскопан в 1880 г. Н. П. Кондаковым (ОАК, 1880. С. IX). Информация об этих работах крайне лаконична: «…как центральная земляная могила, так и большая каменная гробница в южной поле оказались разоренными еще

в древности. Исследование остальных частей его (кургана. – *А. Г.*) также не привело ни к каким открытиям…» (ОАК, 1880. С. IX–X). Из этих слов ясно, что глухая траншея шириной более 6 м и длиной 25–30 м, проведенная с восточной стороны до центра насыпи и выкопанная до уровня древнего горизонта, а также раскоп размером более чем 25 × 25 м в ЮЮВ-секторе, углубленный до уровня предматерика, являются следами работ конца XIX в. Вероятно, к этому же времени можно отнести и большой заплывший раскоп на северном склоне кургана. Помимо этого, насыпь во многих местах оказалась испорчена на всю высоту позднейшими нарушениями, грабительскими ямами диаметром до 4–6 м и даже горизонтальной штольней, пробитой из южного раскопа Кондакова на север, к центру. В результате к началу наших работ курган имел вид причудливо изрезанного холма размерами до 65–70 м в поперечнике и с перепадом высот от вершины до полы от 4 м с восточной стороны до 6,75 м с северной. Истинные размеры, судя по профилям бровок, составляли: диаметр около 55 м, высота от уровня древней поверхности более 5,8 м.

В ходе проведенных раскопок открыто 12 погребений. Древнейшая группа (погребения 5, 10 и 12) относится к эпохе ранней бронзы и связана с первичной насыпью из желтовато-коричневого суглинка. Примерные размеры ее – 20 × 24 м, длинная ось ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ, высота в центре составляла 2,80 м. Грунт для нее был взят, скорее всего, с прилегающей площади, на что указывает выраженная западина, примыкавшая к южной поле. Все последующие досыпки, увеличившие курган до современных размеров, вероятно, произведены за сравнительно короткий промежуток времени и связаны с группой катакомбных захоронений эпохи средней бронзы (погребения 2, 3, 9). Могилы эпохи поздней бронзы (№ 1, 6, 8, 11), относящиеся к срубной культуре, впущены с южной стороны кургана в полу последней насыпи у самого ее края. К последующим эпохам относятся плохо сохранившиеся и неопределимые в культурном отношении погребения 4 и 7.

На уровне древней поверхности под первой насыпью расчищена площадка, покрытая тонким слоем органического тлена, сохранившегося отдельными участками неправильных очертаний. В северо-восточной ее части, где преобладал древесный тлен темного, почти черного цвета, располагалось погребение 10 в простой прямоугольной яме с четкими углами, ориентированной по оси СВ–ЮЗ. Размеры ямы: 2,00 × 1,15 м, глубина от уровня древнего горизонта 0,90–1,10 м. Заполнение состояло из коричневого суглинка с включениями серого песка, незначительным содержанием известковой крошки и включениями камки. На дне зафиксированы небольшие участки древесного тлена, розовато-белесый тлен в юго-западной половине и коричневый у северо-восточной стенки. В юго-западном конце ямы отмечено пятно красной охры диаметром около 5 см, других находок и следов костей не было.

Погребение 10, скорее всего, является кенотафом эпохи ранней бронзы. С учетом того, что оно находилось в самом центре кургана и одновременно почти целиком в границах глухой траншеи 1880 г., а никаких других ям в дне этой траншеи обнаружено не было, велика вероятность, что здесь мы имеем дело с той самой, упомянутой Н. П. Кондаковым «центральной земляной могилой, …разоренной еще в древности». Положение в кургане и относительно

покрытой органическим тленом площадки на древней поверхности указывает, что оно могло предшествовать возведению первой насыпи или входить в число основных, однако утверждать это со всей определенностью трудно, т. к. насыпь над ямой прокопана в 1880 г. и непотревоженность ее на данном участке не поддавалась проверке.

Бесспорно, основным в кургане является погребение 5, находившееся в 3 м к западу-юго-западу от предыдущего и расположенное как бы на одной оси с ним. Настил на горизонте вокруг него имел более светлую, коричневую окраску, а с ЗЮЗ, на расстоянии 1,0–1,2 м от края могилы на настиле расчищены две плохо сохранившиеся трубчатые кости животного (?) и большое, до 25 см в поперечнике, пятно красной с кирпичным оттенком охры.

Перекрытие могильной ямы размером 1,65–1,35 × 1,60–1,50 м ориентировано по оси ВСВ–ЗЮЗ. Состояло из двух больших известняковых плит, уложенных поперек могильной ямы (ССЗ–ЮЮВ) и дополненных по краям и сверху камнями меньших размеров из того же материала (рис.1, *1*). Западная плита неправильной подпрямоугольной формы (130 × 70 × 18 см) разбита на две части. Восточная, подтрапециевидных очертаний, представляет собой подобие антропоморфной стелы простейшего типа.

Обе плиты уложены встык, оставшаяся между ними щель аккуратно заложена сверху небольшими камнями и большим фрагментом стенки крупного лепного темнолощеного сосуда с примесью дресвы в тесте. После этого все перекрытие застелено сплошным слоем камки (толстый спрессованный органический тлен серо-белого цвета с хаотически расположенными плоскими ленточными волокнами), края которого свисают по краю камней и ложатся на древнюю поверхность.

После снятия камней перекрытия на грунте обрисовались четкие контуры небольшой прямоугольной ямы, заполненной серым суглинком и ориентированной по оси ВСВ–ЗЮЗ. Размеры – 1,20 × 0,60 м, глубина 0,50 м. Вертикальные стенки тщательно выровнены, даже заглажены, дно покрыто слоем черно-коричневого органического тлена волокнистой структуры от подстилки. В северо-восточном и юго-восточном углах имелись незаполненные грунтом вертикальные каналы диаметром около 2,5 см, прослеживавшиеся на глубину до 25–30 см ниже дна. Вероятнее всего, это следы от кольев, вбитых в грунт по углам ямы. В двух других углах подобных ямок не было.

В восточной части ямы на подстилке лежал сферосидерит шарообразной формы диаметром 2 см с обточенной поверхностью, а рядом с ним крохотный кусочек оранжеватого органического тлена. Других признаков погребения на дне не было. Скорее всего, данный погребальный комплекс следует определять как кенотаф. Косвенным подтверждением здесь может служить не только отсутствие следов человеческих костей в другом, гипотетически основном, погребении № 10 и странный набор костей во впускном погребении 12, о котором чуть ниже, но и то, что два из трех катакомбных погребений следующего стратиграфического пласта в данном кургане также оказались кенотафами. Тем не менее нельзя полностью исключить и версию о детском или младенческом захоронении с полностью разложившимися останками погребенного. О такой возможности говорят размеры могильной ямы, неудовлетворительная сохранность

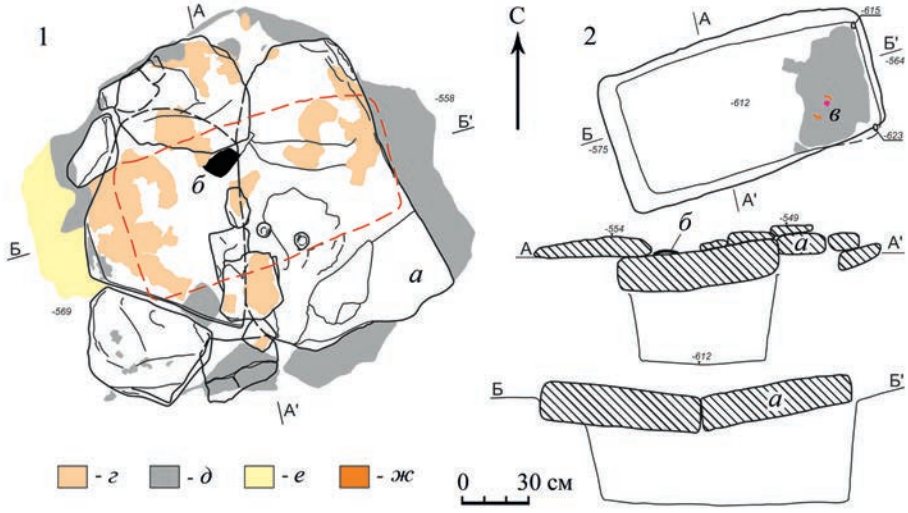


Рис. 1. Погребение 5 кургана 2 Вышестеблиевского XXI могильника

1 – план перекрытия; *2* – план могильной ямы (*а* – антропоморфная стела; *б* – фрагмент стенки сосуда; *в* – сферосидерит; *г* – камка; *д* – темный тлен; *е* – светлый тлен; *ж* – оранжеватый тлен)

костных останков в других захоронениях данного могильника и даже наличие сферосидерита – обычной находки для детских захоронений ямной и новотиторовской культур. Если это и кенотаф, то кенотаф по смыслу именно детский.

Следующим по времени в кургане было погребение 12, впущенное в северо-западный склон первой насыпи. Представляло собой так называемую яму с уступом, перекрытую деревом на уровне заплечиков и со следами каких-то деревянных конструкций, вроде облицовки стенок и участка дна в нижней ямекамере. На дне, в центральной части, расчищены два небольших скопления молочных зубов человека и кусок известняка, а в одном из углов – лепной плоскодонный горшок с уступчатым плечиком – форма, обычная для позднеямных комплексов разных территорий.

Стела из перекрытия основной могилы 5 представляет собой плиту вытянуто-подтрапециевидной формы из ракушечного известняка с прослойками желтого песчаника (рис. 2, *1*). Размеры ее 135 × 90 – 44 × 16 см. Зауженное основание имеет следы грубых сколов. На широком, предположительно верхнем, основании трапеции имеется невысокий плавный округленно-подтрапециевидный выступ, аналогичный таким, какие обозначают головы у более выразительных образцов. Впрочем, он смещен к одному краю, а некоторое, менее четкое поднятие имеется и ближе к противоположному краю, что наводит на мысль о возможности оформления второй головы. На обращенной вверх при помещении в перекрытие плоскости плиты ближе к одной из длинных боковых сторон имеются два чашечных углубления, выбитых пикетажем (диаметром 6–7 см и глубиной 3,0–3,5 см). На противоположной стороне есть еще 5 таких углублений.

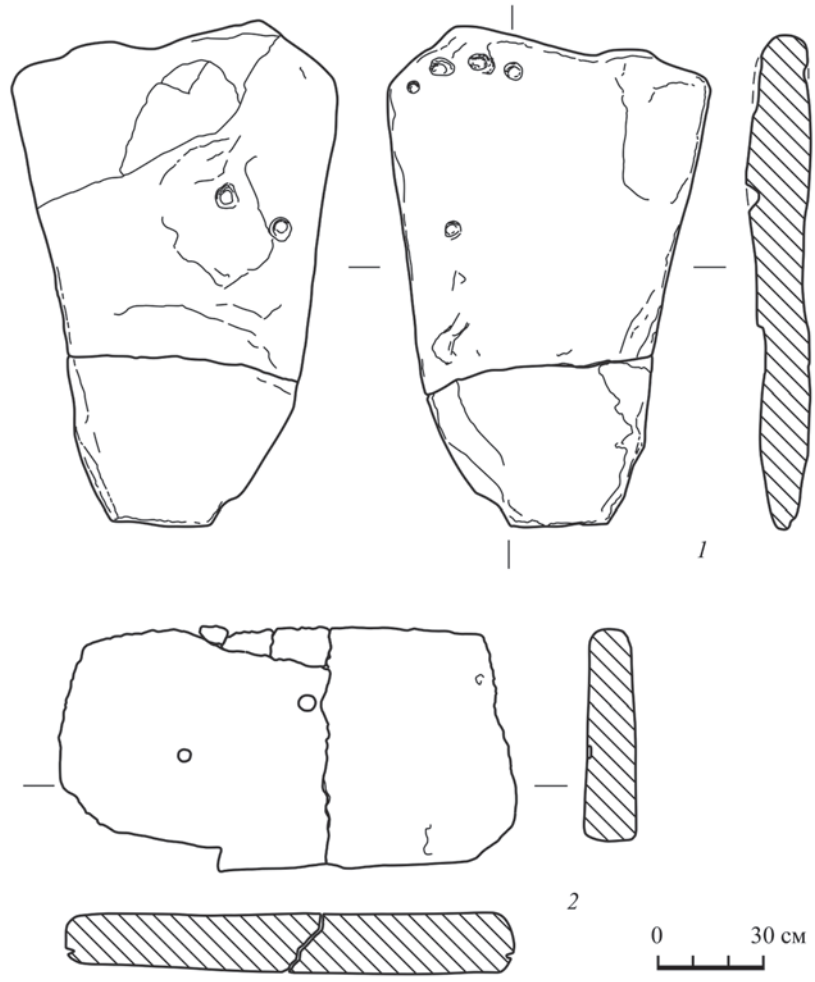


Рис. 2. Стела из Вышестеблиевского XXI могильника

1 – стела из перекрытия погребения 5 кургана 2 Вышестеблиевского XXI могильника; *2* – плита с чашечными углублениями из перекрытия погребения 4 кургана 2 могильника Балка Хреева

Четыре из них расположены по дуге возле того угла, над которым находится менее выразительный выступ, что может служить подтверждением неслучайного характера этой детали. Они также выбиты пикетажем, причем более крупные (диаметром 4,5–5,0 см и глубиной до 3,5 см) расположены в середине дуги, а поменьше (3,0–3,5 см при глубине 1,0–1,5 см) по ее краям. Пятое, менее отчетливое, выбито ниже, ближе к середине одной из боковых сторон плиты. Эта поверхность имеет следы преднамеренного выравнивания пикетажем и затиранием или пришлифовкой (?). Подобные стелы хорошо известны по погребальным

памятникам и случайным находкам во многих районах ямной культурно-исторической общности/области, и с примерно равными основаниями наша стела может быть сопоставлена с типами 1, 10 и 11 антропоморфных изваяний одной из наиболее подробных классификаций (*Шапошникова и др*., 1986).

Говоря об аналогиях, надо отметить, что при всей необычности комплекс со стелой из наших раскопок не одинок. В этом же 2016 г. при раскопках кургана 2 группы Балка Хреева, находящейся в 8 км к западу от Вышестеблиевского XXI могильника, И. Б. Тищенко было открыто погребение № 4 в подпрямоугольной яме, перекрытой поперек тремя песчаниковыми плитами, на одной из которых (размерами 135 × 73 × 19 см) также имелись 2 чашевидных углубления диаметром 4 и глубиной до 3 см[1]. Добавлю, что расположение их примерно такое же, как и у лунок на одной стороне нашей стелы (рис. 2, *2*). Как и в нашем случае, погребение было основным в кургане, а щель между плитами была аккуратно заложена камнями меньших размеров. Эта могила не была кенотафом, на дне ямы, покрытом слоем черно-коричневого тлена от подстилки, находились остатки плохо сохранившегося скелета взрослого человека, погребенного в скорченной позе, предположительно на левом боку, и ориентированного головой на запад-юго-запад (*Тищенко*, 2016).

Традиция нанесения чашевидных углублений на плиты известна на Западном Кавказе, но здесь они представлены на покровных плитах дольменов горной зоны (*Марковин*, 1978. С. 218, 219; *Гей, Черкасов*, 2006. С. 143) или плитах из числа случайных находок, в частности в Анапском районе (*Новичихин*, 1995). В обоих случаях в ином контексте: множество таких углублений покрывает значительную часть поверхности камня и сочетается с прямыми, а чаще извилистыми «змеевидными» канавками. В подкурганных захоронениях ямной и новотиторовской культур эпохи ранней бронзы на прилегающих территориях Прикубанья случаи перекрывания могильных ям каменными плитами неизвестны. Нет здесь и находок антропоморфных изваяний. Несколько дальше к северу и северо-востоку, в Нижнем Подонье, случаи перекрывания захоронений ямной культуры каменными плитами известны как редкое исключение. Случаи эти к тому же отличаются от наших конструктивными особенностями (одна большая плита, навал из глыб). Небольшую серию образуют 4 ямных погребения из Каменнобродского могильника, где перекрытия устроены из 4–6 небольших плит, составленных на манер двускатного шалашика (*Гуркин*, 1985), и близкое к ним плоское перекрытие из 6 уплощенных блоков, выложенных в два параллельных ряда, из погребения 11 кургана 1 группы Ростов-Северный (*Казакова*, 1982). Немногие примеры укладки двух – четырех плит неправильной формы поперек могильной ямы представлены погребением 5 кургана 15 группы Ростов – Мехзавод (*Казакова*, 1974) и западнее, на Миусском полуострове, погребением 4 кургана в Новолакедемоновке и погребением 11 кургана III в Лакедемоновке (*Ильюков, Казакова*, 1988. С. 16, 20). Антропоморфные стелы в нижнем течении Донца и Дона встречаются, но происходят, если не считать случайных находок,

[1] Выражаю искреннюю признательность И. Б. Тищенко за возможность использовать материалы его раскопок.

из более поздних, катакомбных захоронений, где они помещались во входных шахтах катакомб (*Беспалый*, 1994; *Красильников*, 1998).

Устройство перекрытий из нескольких плит, уложенных поперек могильной ямы, равно как и использование в их составе реалистических (назвать их так можно лишь с большой долей условности) и схематичных антропоморфных стел, в том числе и с нанесенными на них чашечными углублениями, – обряд хорошо известный по погребальным комплексам ямной культуры степного и предгорного Крыма и степной полосы Северного Причерноморья от Нижнего Поднепровья до низовьев Днестра. В Крыму таких перекрытий отмечено около 15 против 20 комплексов с обычными деревянно-камышовыми настилами. В нескольких случаях (3 в собственно ямных комплексах и до 12 с учетом так называемых кеми-обинских) в составе перекрытия использованы антропоморфные стелы. На некоторых из них нанесено по нескольку (от 2–3 до 8?) чашевидных углублений (*Тощев*, 2007. С. 29, 33, 88. Рис. 40 на с. 90). Характерной особенностью ямных памятников региона, правда, не с каменными, а с деревянными конструкциями, является использование в их перекрытиях камки (Там же. С. 33, 57). Наибольшая встречаемость перекрытий из плит отмечается на ямных памятниках Побужья и Поингулья, где доля таких захоронений доходит до 50–80 % их общего числа, а число перекрытий с использованием антропоморфных стел различных типов на разных территориях составляет от 7 до 30 % общего количества погребений с каменными перекрытиями (*Шапошникова и др*., 1986. С. 15–16). Интересны находки стелы с тремя головными выступами из могильника Лиманы и стел с заметным смещением головного выступа от центральной оси изваяния (Там же. С. 15. Рис. 7, *9*; 54, *6*), объясняющие некоторым образом сомнения относительно числа «голов» на нашем экземпляре. Особых упоминаний о чашечных углублениях для материалов из Побужья и Поингулья нет, но, судя по некоторым рисункам, они имеются и на некоторых плитах перекрытий, и, вероятно, на отдельных стелах (Там же. Рис. 29, *5*; 54, *10*). Это тем более вероятно, что схематические стелы с чашевидными углублениями, использованные в перекрытиях ямных погребений, известны и на памятниках Северо-Западного Причерноморья (*Новицкий*, 1990. С. 130, 135).

Приведенные данные служат вполне отчетливым указанием на то, что западное направление связей (Крым и степная Украина) является одним из важных факторов, определивших своеобразие пока еще недостаточно изученной, но, судя по всему, входящей в состав ямной культурно-исторической общности культуры ранней бронзы Таманского полуострова, ее отличия от синхронных ямных и новотиторовских памятников Предкавказья. Добавлю, что аналогичные наблюдения, в том числе и в материалах раскопанного в 2016 г. кургана, имеются применительно к более поздним катакомбным захоронениям.

ЛИТЕРАТУРА

Беспалый Е. И., 1994. Раскопки в 1993 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 13: ...в 1993 году. Азов: Азовский краевед. музей. С. 10–11.

Гей А. Н., Черкасов А. Н., 2006. «Корытообразные» дольмены Абина и Бугундыря // Первая Абхазская международная археологическая конференция: мат-лы конф. Сухум: Абхазский ин-т гуманитарных иссл. АН Абхазии. С. 142–147.

Гуркин С. В., 1985. Отчет о раскопках курганов в зонах строительства орошаемых участков в совхозах «Каменнобродский» Аксайского района и «Рогачевский» Багаевского района Ростовской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 10540.

Ильюков Л. С., Казакова Л. М., 1988. Курганы Миусского полуострова. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та. 166 с.

Казакова Л. М., 1974. Отчет о спасательных работах в зоне строительства Новоростовской ТЭЦ-2 и Механического завода в 1972–1973 гг. // Архив ИА РАН. Р-I. № 6380.

Казакова Л. М., 1982. Отчет о доследовании археологических памятников в зонах строительства на территориях города Ростова-на-Дону в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 8851.

Красильников К. И., 1998. Каменные изваяния ранней и средней бронзы Среднедонечья // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: тез. докл. VII Донской археолог. конф. Ростов-на-Дону. С. 47.

Марковин В. И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука. 328 с.

Новицкий Е. Ю., 1990. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Изд-во Управления культуры. 181 с. (Вестник Одесского охранного археологического центра; вып. 2.)

Новичихин А. М., 1995. Плиты с чашевидными углублениями из района Анапы // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир; М.: Армавирский краевед. музей. С. 25–27.

ОАК. 1880. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1880 год. СПб. 1882.

Тищенко И. Б., 2016. Итоговый отчет о результатах выполнения работ по сохранению объекта археологического наследия (раскопки) кургана № 2 курганной группы «Балка Хреева», расположенного в Темрюкском районе Краснодарского края в полевой сезон 2016 года // Архив ИА РАН. Р-I.

Тощев Г. Н., 2007. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Запорожский нац. ун-т. 304 с.

Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д., 1986. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). Киев: Наукова думка. 156 с. (САИ; вып. В1-03.)

Сведения об авторе

Гей Александр Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: donkuban@mail.ru

A. N. Gey

THE SCHEMATICAL ANTHROPOMORPHOUS STELE FROM THE TAMAN' PENINSULA

Abstract. In 2016 during excavation of archaeological sites in the area of access roads to the Kerch Bridge, kurgan 2 of the burial ground known as Vyshesteblievskiy XXI was excavated. The kurgan was constructed in stages at various periods of the Bronze Age and contained 12 burials. Burial No. 5, which is the earliest primary burial of the first mound, is attributed to the Yamnaya cultural and historical community of the Early Bronze Age. It was a cenotaph or, probably, a child's burial the skeleton of which did not survive. A small rectangular pit was roofed with slabs made from shell limestone and a layer of common eelgrass. One of the slabs looked like a schematic anthropomorphous stele with the so called cup-shaped hollows on both planes. There is no clear analogy to this type of the funerary rite in the adjacent areas of the Kuban' River Region and the entire West Caucasus. However, roofs made from slabs and stelae, including stelae with cup-shaped hollows, are found in Yamnaya burials of the Crimea and southern areas of Ukraine. Apparently, these contacts is one of the factors, which determined distinctive

features of the Early Bronze Age culture in the Taman' Peninsula and made it different from synchronous Yamnaya and Novotitorovka sites in the Fore-Caucasus.

Keywords: Bronze Age, Taman' Peninsula, kurgan burial, Yamnaya culture, schematical anthropomorphous stele, cup-shaped hollows.

REFERENCES

Bespalyy E. I., 1994. Raskopki v 1993 godu [Excavations in 1993]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu [Historical-archaeological investigations in Azov and on Lower Don]*, 13. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 10–11.

Gey A. N., Cherkasov A. N., 2006. «Korytoobraznye» dol'meny Abina i Bugundyrya [«Trough-like» dolmens of Abin and Bugundyr']. *Pervaya Abkhazskaya mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy konferentsii [First Abkhazian international archaeological conference: conference proceedings]*. Sukhum: Abkhazskiy institut gumanitarnykh issledovaniy AN Abkhazii, pp. 142–147.

Gurkin S. V., 1985. Otchet o raskopkakh kurganov v zonakh stroitel'stva oroshaemykh uchastkov v sovkhozakh «Kamennobrodskiy» Aksayskogo rayona i «Rogachevskiy» Bagaevskogo rayona Rostovskoy oblasti v 1984 g. [Report on excavations of kurgans in zones of construction of irrigation plots in state farms «Kamennobrodskiy», Aksay district and «Rogachevskiy», Bagaevskiy district, Rostov region, in 1984]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Il'yukov L. S., Kazakova L. M., 1988. Kurgany Miusskogo poluostrova [Kurgans of Mius Peninsula]. Rostov-na-Donu: Rostovskiy universitet. 166 p.

Kazakova L. M., 1974. Otchet o spasatel'nykh rabotakh v zone stroitel'stva Novorostovskoy TETs-2 i Mekhanicheskogo zavoda v 1972–1973 gg. [Report on rescue works in zone of construction of Novorostov TPS-2 and Mechanical works in 1972–1973]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Kazakova L. M., 1982. Otchet o dosledovanii arkheologicheskikh pamyatnikov v zonakh stroitel'stva na territoriyakh goroda Rostova-na-Donu v 1981 g. [Report on further investigation of archaeological sites in construction zones in territory of Rostov-na-Donu city in 1981]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Krasil'nikov K. I., 1998. Kamennye izvayaniya ranney i sredney bronzy Srednedonech'ya [Stone sculptures of Early and Middle Bronze Ages from Middle Donets region]. *Problemy arkheologii Yugo-Vostochnoy Evropy: tezisy dokladov VII Donskoy arkheologicheskoy konferentsii [Problems of archaeology of South-Eastern Europe: abstracts of VII Don archaeological conference]*. Rostov-na-Donu, p. 47.

Markovin V. I., 1978. Dol'meny Zapadnogo Kavkaza [Dolmens of West Caucasus]. Moscow: Nauka. 328 p.

Novichikhin A. M., 1995. Plity s chashevidnymi uglubleniyami iz rayona Anapy [Slabs with cup-like hollows from Anapa region]. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh [Historical-archaeological miscellany]*, 1. Armavir; Moscow: Armavirskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 25–27.

Novitskiy E. Yu., 1990. Monumental'naya skul'ptura drevneyshikh zemledel'tsev i skotovodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [Monumental sculpture of earliest farmers and stock-breeders of North-Western part of Pontic zone]. Odessa: Upravlenie kul'tury. 181 p. (Vestnik Odesskogo okhrannogo arkheologicheskogo tsentra, 2.)

OAK. 1880. Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii za 1880 god [Report of Imperial Archaeological Commission for 1880]. St. Petersburg. 1882.

Shaposhnikova O. G., Fomenko V. N., Dovzhenko N. D., 1986. Yamnaya kul'turno-istoricheskaya oblast' (yuzhnobugskiy variant) [Pit-grave cultural-historical entity (Southern Bug variant)]. Kiev: Naukova dumka. 156 p. (SAI, V1-03.)

Tishchenko I. B., 2016. Itogovyy otchet o rezul'tatakh vypolneniya rabot po sokhraneniyu ob"ekta arkheologicheskogo naslediya (raskopki) kurgana № 2 kurgannoy gruppy «Balka Khreeva», raspolozhennogo v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya v polevoy sezon 2016 goda [Final report on results of works on preservation of object of archaeological heritage (excavations)

of kurgan No. 2 in kurgan group «Balka Khreeva», located in Temryuk district, Krasnodar region in field season of 2016]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Toshchev G. N., 2007. Krym v epokhu bronzy [Crimea and the Bronze Age]. Zaporozh'e: Zaporozhskiy natsional'nyy universitet. 304 p.

About the author

Gey Aleksandr N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: donkuban@mail.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.112-123

В. И. Мельник

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ В РАННЕКАТАКОМБНОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Резюме. Статья посвящена вопросу, связанному с изменениями в погребальной раннекатакомбной практике Восточного Приазовья. Выделенные ранее группы послужили основой, позволяющей фиксировать изменения в погребальной практике. Таковыми тенденциями являются округление углов погребальных камер, увеличение сводчатых потолков камер, более сильная степень скорченности погребенных, расширение ориентировок входа в катакомбу, уменьшение числа случаев использования мела и охры. Все эти тенденции закрепляются в позднекатакомбный период, что свидетельствует об изменении мировоззрения, проявляющегося в погребальной обрядности.

Ключевые слова: раннекатакомбные погребения эпохи бронзы, обрядовая группа, восточноприазовская катакомбная культура, Восточное Приазовье, культурная трансформация.

История культуры свидетельствует о том, что ее даже самые устойчивые формы со временем видоизменяются. Для выявления характера изменений в уже устоявшихся формах погребальной практики необходима опора в типологически очерченных и хронологически расставленных группах погребений.

Погребальные комплексы Восточного Приазовья, относящиеся к эпохе средней бронзы, не являются однородными в культурном отношении. Они представлены целым рядом культурных образований, к тому же занимающих различную хронологическую позицию. Основополагающая работа по культурно-хронологическому членению данного региона в рассматриваемый период проделана В. А. Трифоновым (*Трифонов*, 1983; 1991). Им представлена группировка в рамках катакомбной культурно-исторической общности в 3 этапах: катакомбные памятники типа I, соответствующие 5-му этапу общей схемы периодизации Прикубанья с эпохи энеолита; катакомбные памятники типа II – 6-й этап; памятники, представляющие предкавказскую катакомбную культуру (частично тип 2) и ее батуринский вариант (тип 3) – 7-й этап.

Основные наблюдения В. А. Трифонова относительно выделяемых им ранних катакомбных групп сводились к следующему. Для погребений типа 1 характерны катакомбы с прямоугольной или трапециевидной в плане шахтой, соединенной наклонным коридором (спуском) с прямоугольной, трапециевидной или овальной формы камерой. Камеры прямоугольной или трапециевидной формы имеют плоский потолок. Наклонный спуск в камеру всегда уже шахты, поэтому вдоль ее длинных стен остаются горизонтальные уступы-ступеньки. Пропорции шахт и камер более устойчивы, чем их размеры. Чаще всего ширина шахты относится к ее длине приблизительно как 1:1,3. Характерной чертой являются наклонные внутрь длинные боковые стенки шахт и в сторону, противоположную камере, – короткие торцовые.

В зависимости от особенностей форм катакомбы и положения погребенных внутри типа 1 выделено 4 варианта.

К 1-му варианту отнесены немногочисленные катакомбы с овальными камерами (тип 1–1). Погребенные лежат в слабоскорченном положении на правом боку, лицом к входу в камеру, руки протянуты к коленям или бедрам или, крайне редко, вытянуты вдоль туловища. В этих случаях костяк развернут на спину; одновременно отмечена большая степень скорченности. Скорченность в тазобедренных суставах около 100°, в коленных – 90–100°. Все катакомбы ориентированы камерой к центру кургана и, как правило, впущены в восточно-северо-восточный и южный сектора. 2-й вариант типа 1 представляют наиболее многочисленные катакомбы с прямоугольными или трапециевидными камерами (учтено 62 погребения), в которых погребенные лежат скорченно на правом боку, руки протянуты к коленям, лицом к входу в камеру. Положение спиной к входу встречается редко. Скорченность слабая – около 100° в тазобедренных суставах и 80–100° в коленных. Почти все катакомбы ориентированы камерой к центру кургана и впущены преимущественно в северо-северо-восточный и юго-западный сектора. Седьмая часть катакомб связана с сооружением досыпок. Размеры таких погребений значительно превосходят средние. По размеру, пропорциональному росту погребенного, выделяются детские катакомбы. 3-й вариант погребений представлен расчлененными костяками, помещенными в катакомбы с прямоугольными камерами (учтено 4 погребения). Расчленение произведено только в коленных и локтевых суставах, а костяку придано положение на правом боку. Погребения 4-го варианта также малочисленны, но достаточно своеобразны. Их главная особенность – вытянутое на спине положение погребенных. Такая поза костяков отражена в форме и пропорциях камер – они длиннее и уже, чем в других вариантах. Их форма может быть трапециевидной с закругленными углами, причем камера всегда сужается в ногах погребенного. Другой особенностью погребений этого варианта является характер соединения шахты и камеры, последняя располагается асимметрично относительно длинной оси шахты и примыкает к ней наиболее широкой частью (*Трифонов*, 1991. С. 142–143, 145–166).

Некоторые коррективы в общую схему были внесены А. Н. Геем (*Гей*, 1991; 2000). Не вдаваясь в детали, ныне культурно-хронологическая схема может быть представлена в таком виде: восточноприазовская катакомбная культура,

батуринская катакомбная культура, западноманычская катакомбная культура, восточноманычская катакомбная культура, северокавказская катакомбная культура в широком понимании, из которой выделена позднекатакомбная суворовская культура (*Клещенко*, 2013), правда, за пределами рассматриваемого нами региона. Известны комплексы, которые могут быть включены в северокавказскую культуру в традиционном ее восприятии.

Предложенные разработки дают общую схему культурно-типологической дифференциации в рассматриваемом регионе. Нами была предпринята попытка группировки катакомбных комплексов Восточного Приазовья для поиска обрядовой специфики, и она представлена большим числом вариаций (*Мельник*, 2013; 2016б). Такая группировка может послужить рассмотрению поставленного вопроса. Традиционно погребальные обрядовые группы в археологии выделяются по позиции погребенных, а иногда этот показатель используется и для разграничения культур. В рассматриваемых условиях позиция погребенных в ряде случаев выступала в качестве культурного идентификатора. Внутрикультурная же группировка основывалась преимущественно на особенностях устройства могильного сооружения. Для поставленной задачи, опираясь на обобщенную характеристику выделенных групп, постараемся отметить переходные формы и отклонения, которые не очень вписываются в обозначенные группы.

Раннекатакомбные погребальные комплексы связаны, в рассматриваемом пространстве, с восточноприазовской культурой. Эта культура дает наиболее многочисленное представительство по количеству погребений. Сюда может быть отнесено не менее 500 комплексов. Однако далеко не все они могли быть использованы для выделения полноценных обрядовых групп. В большинстве погребений могильное сооружение прослеживалось лишь частично либо вообще не прослеживалось. Своеобразие группы зиждется на форме могильного сооружения в сочетании с позой. Керамика здесь присутствует в редких случаях. Что касается других категорий инвентаря, то они малоинформативны, особенно в плане культурной идентификации.

Форма могилы в рассматриваемом культурном образовании представлена катакомбой так называемого Т-образного вида. Эта форма сочетается с положением погребенных слабоскорченно на правом боку с руками, протянутыми к ногам. Такова общая основа данной группировки. В плане изучения погребальной обрядности представляется возможным иное разделение на группы по сравнению со схемой В. А. Трифонова. Для этой цели использовались комплексы наилучшей сохранности, это обеспечило широкий спектр сопоставимости, но резко сократило количество привлекаемых для анализа погребений. Особые группы – ямно-катакомбная и северокавказская катакомбная – представлены всего несколькими погребениями. Неоднозначная трактовка некоторых признаков, особенно с учетом реконструкции, может влиять на количественный состав как в сторону уменьшения, так и увеличения, но основа выделяемых групп сохраняется. Более того, отклонения и неоднозначность восприятия некоторых форм и параметров погребений могут свидетельствовать об изменениях, происходящих в погребальной обрядности. В пространственном отношении выбранные комплексы практически полностью покрывают территорию восточноприазовской катакомбной культуры (рис. 1).

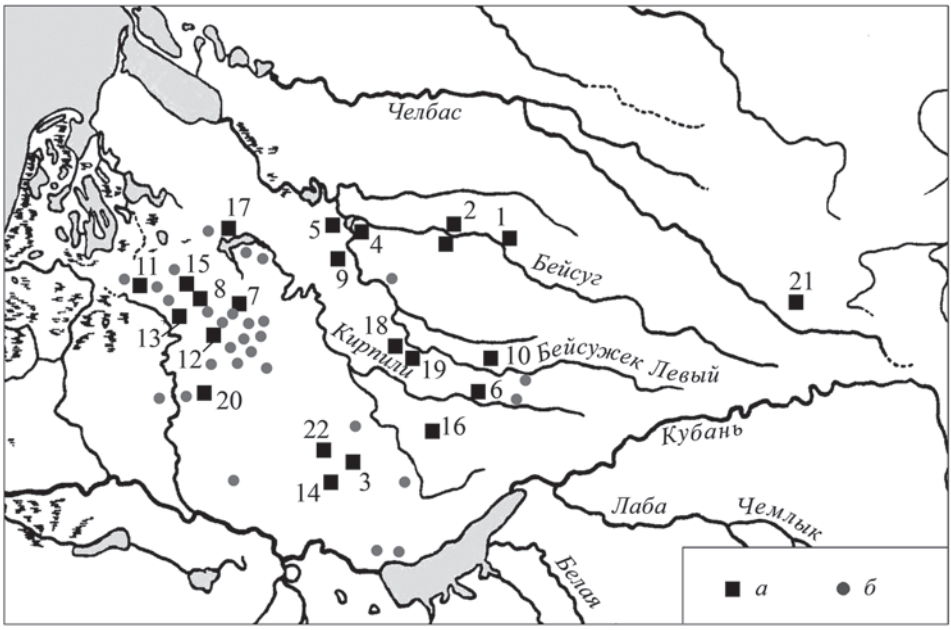


Рис. 1. Памятники, представляющие раннекатакомбные обрядовые группы

а – памятники, представляющие раннекатакомбные обрядовые группы; *б* – памятники восточноприазовской катакомбной культуры

1 – Анапская; *2* – Батуринская I и II; *3* – Белевцы I; *4* – Брюховецкая I; *5* – Брюховецкая II; *6* – Верхний; *7* – Восточномалайский I; *8* – Греки I; *9* – Кавказский, С и Ю группы; *10* – Кореновский VII; *11* – Лебеди I; *12* – Малаи I, II, III; *13* – Новониколаевский I; *14* – Новотитаровская; *15* – ПКОС; *16* – Пластуновская; *17* – Приазовский I; *18* – Пролетарская I; *19* – Пролетарский; *20* – Старонижнестеблиевская III; *21* – Степной; *22* – Текучка I

Наиболее ранние катакомбные памятники соотносятся с группой погребальных комплексов, имеющих трапециевидную или прямоугольную шахту – вход в катакомбу, четырехугольную камеру с выделенными углами и плоским потолком (рис. 2, *1*). Эта группа сближается со 2-м вариантом типа I по В. А. Трифонову (45 погребений).

Основная позиция погребенных в этой группе – слабоскорченная на правом боку с руками, протянутыми к ногам. Левая рука часто слегка согнута. Тело погребенного обычно занимало центральную часть камеры погребального сооружения. Все погребенные, за исключением нескольких случаев, лежали лицом к входу в камеру, и поэтому их ориентировка по лицу совпадала с направлением входа в камеру. Такие принадлежности костюма, как бронзовые и костяные бусы, располагались в районе шеи, рук и пояса. Серебряные височные зажимы в 1,5 оборота и серебряные колечки-серьги – в районе головы, а также бронзовые височные подвески в виде жгутика с капелькой на конце.

Погребенные, за редким исключением, лежали на подстилках черного или темно-коричневого цвета. Наличие мела отмечалось примерно в четверти погребений.

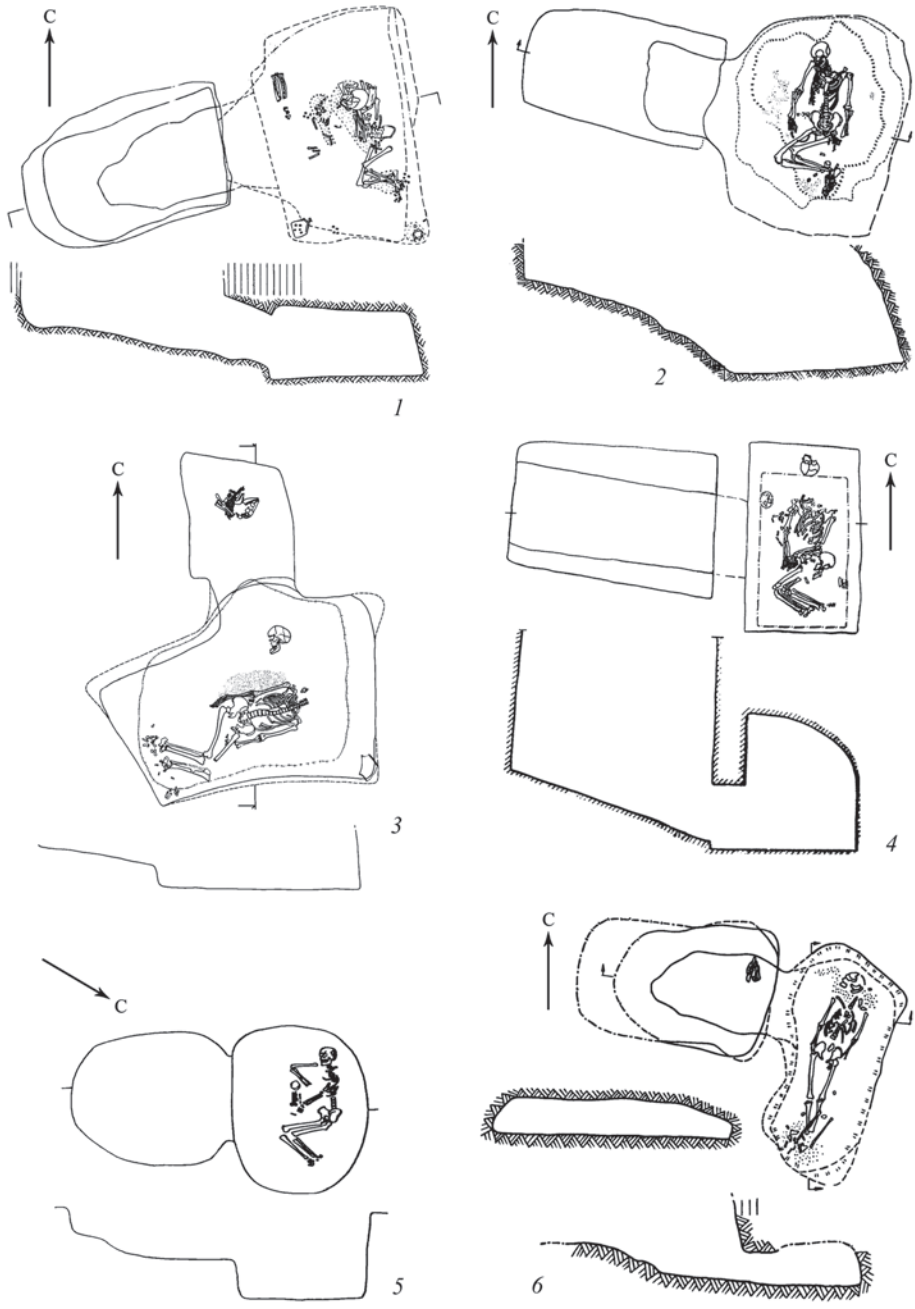


Рис. 2. Погребения, представляющие основные типы погребальных групп

1 – Брюховецкая I 1/6 (*Бочкарев и др.*, 1991) – группа 1; *2* – Анапская I 5/9 (*Бочкарев*, 1982) – группа 2; *3* – Степной 4/7 (*Мельник*, 1987) – ямно-катакомбная группа; *4* – Новотитаровская 1/5 (*Нехаев*, 1980) – группа 2А; *5* – ПКОС 59/2 (*Марченко и др.*, 1979) – группа 3; *6* – Брюховецкая I 1/10 (*Бочкарев и др*., 1991) – северокавказская катакомбная группа

Россыпь мела занимала обычно почти всю камеру или в некоторых случаях сосредотачивалась на площади, занимаемой погребенным, то есть, как правило, в центральной части камеры. Угольки фиксировались в ряде комплексов, иногда совместно с мелом. Наличие угольков часто обнаруживается рядом с жаровнями и в самих жаровнях. Красная краска присутствовала в большей части погребений. Она концентрировалась в районе головы, стоп ног, голеней и таза. Кости животных принадлежали мелкому рогатому скоту, среди которых преобладали черепа и кости ног животных. Они располагались, как правило, на уступах шахты справа и слева от входа в камеру и в самой камере также слева и справа от входа. Керамические сосуды единичны. Рассмотренные комплексы концентрировались в центральной и северо-восточной частях кургана. Направление входа катакомб по большей части также лежало в северо-восточном секторе.

К восточноприазовской группе 1 весьма близка ямно-катакомбная группа, которая по основным признакам совпадает и отличается, прежде всего, позицией погребенных на спине скорченно. Сопряжена с этим временем и катакомбная северокавказская группа с позицией погребенных вытянуто на спине. Эти три группы объединяет общий подход к устройству могильного сооружения в виде Т-образных катакомб с выделенными углами, что, безусловно, отражает некое межкультурное взаимодействие.

Ямно-катакомбная группа представлена двумя погребениями, которые располагались в курганной группе у поселка Степной в верховьях реки Челбас. Это погребение 4 кургана 3 и погребение 7 кургана 4 (рис. 2, *3*).

Первое из этих погребений располагалось в центральной части кургана в Т-образной катакомбе с трапециевидной шахтой. Длина шахты составляла 2,8 м, широкая часть – 1,5 м, узкая – 1 м. Шахта была ориентирована по линии С-Ю и имела наклон в южную сторону к входу в камеру с четырьмя ступеньками. На середине первой ступеньки лежала часть сосуда с венчиком (жаровня). В камеру вел лаз, имеющий сводчатую форму, высотой 0,45 м и шириной 0,8 м. Камера была четырехугольной с подчеркнуто выделенными углами и имела форму параллелограмма. Длина камеры по центральному сечению 2,3 м, ширина – 1,3 м. Стенки камеры до высоты 0,5 м были вертикальные, свод камеры не сохранился. На середине камеры лежал скелет взрослого человека на спине слегка скорченно и был ориентирован черепом на запад. Руки были вытянуты вдоль туловища и ладонями обращены вниз. Костяк лежал на подстилке с белесыми волокнами, проходившими поперек остова. С южной стороны от черепа и правого плеча прослежен отпечаток красной краски. В северо-восточном, левом от входа углу камеры лежало днище сосуда с углями (жаровня). Рядом лежали череп и ножка барана.

Второе погребение представляло также Т-образную катакомбу, находящуюся в центре кургана. Здесь была прослежена только нижняя часть шахты. Ее длина составляла 1 м, ширина – 0,9 м. Дно ее было наклонно и понижалось к лазу в южную сторону. Камера по форме представляла неправильную трапецию. Длина ее была 2,2 м, ширина в средней части – 1,5 м. Стенки камеры до высоты 0,5 м были вертикальные, а затем круто поворачивали на потолок, который не сохранился. В средней части камеры на спине скорченно лежал скелет взрослого человека, череп которого находился в 0,25 м от правого плеча. Верхней частью

туловища скелет был ориентирован на восток. Ноги были согнуты в коленях под тупым углом и повернуты в южную сторону. Руки были вытянуты вдоль туловища и ладонями обращены вниз. Судя по всему, первоначальное положение погребенного было полусидячим. Дно камеры в центральной части было покрыто тленом темно-коричневого цвета. Правая рука и пространство камеры вдоль нее были покрыты толстым слоем красной краски. В юго-западном углу камеры лежала часть сосуда с венчиком (жаровня).

Катакомбная северокавказская группа также немногочисленна и представлена четырьмя погребениями (рис. 2, *6*). Эти погребения находятся в бассейне Бейсуга (Брюховецкая I 1/10, Батуринская I 9/7, Батуринская II 3/9 , Пролетарская I 1/11). Особенностью погребений является вытянутая поза умерших. Углы камер не всегда четко выражены. В погребении Брюховецкая I 1/10 сохранился плоский потолок. Наличие костей животных и красной краски фиксируется во всех названных погребениях. Несмотря на специфику погребений, мы видим здесь элементы, созвучные с ранними катакомбными комплексами.

Межкультурные контакты отражали хронологически близкие явления, которые стали общими для различных по происхождению групп населения. В этом отношении весьма показательным является создание стилистически однородных погребальных конструкций, которые маркируют некий этап в развитии погребальных форм (*Мельник*, 2014; 2016а).

Погребальные сооружения в виде Т-образной катакомбы с прямоугольной (подпрямоугольной) шахтой, прямоугольной (подпрямоугольной) камерой и сводчатым потолком служат основанием для выделения второй приазовской группы (рис. 2, *2*). В связи с тем что одним из признаков является наличие свода, который далеко не всегда сохраняется, следует отметить, что использовались также косвенные данные, указывающие на его существование (20 погребений). Размеры погребальных сооружений рассматриваемой группы, хотя и близки предыдущим группам, в среднем несколько меньше. Погребенные лежали в скорченной позе на правом боку, иногда с отклонениями на спину. Скорченность стандартная, такая же, как и в группе 1, с небольшими отклонениями. Лицом погребенные были обращены преимущественно к входной шахте с выделяющимся направлением в юго-западном секторе.

Среди принадлежностей костюма здесь также имели место серебряные колечки и жгутиковые подвески с «капелькой». В большинстве погребений прослежены подстилки, они черного и темно-коричневого цвета. Посыпка мелом редка. Красная краска присутствовала в большинстве погребений и располагалась в районе головы, рук и ног.

Кости животных (череп, челюсти, ножки) находились практически в каждом втором погребении. Они располагались в некоторых случаях в шахте либо в камере слева от входа, за головой умершего и в его ногах. Керамика обнаружена в двух погребениях – это жаровня и маленький сосудик.

К рассмотренной группе примыкает как вариант другая, видимо, локальная группа (2А) с высокими вертикальными стенками камер (рис. 2, *4*), где потолки могли располагаться на высоте в отдельных случаях до 2 м, которые, конечно, не всегда могут быть прослежены (11 погребений). Особенностью устройства камер является также то, что сохранившиеся потолки камер представляли собой

полусвод, а он замыкается не на уровне лаза, а значительно выше. В тех случаях, где потолок не сохранился, разная высота стенок указывает именно на этот вариант. Такого рода памятники сосредотачиваются в курганных группах у станицы Новотитаровская. По общей типологии, как было уже сказано, они согласуются со второй восточноприазовской группой. Размеры катакомб примерно в тех же пределах. Ориентировка шахт распределяется по северо-западному, юго-восточному и, в меньшей мере, северо-восточному секторам. Погребенные лежат в обычной восточноприазовской позиции. Исключение составляет парное захоронение (Новотитаровская 6/2), где умершие были обращены лицом друг к другу. Бронзовые височные кольца также фиксируются в этой группе. Подстилки и красная краска прослеживались в большинстве случаев. Мел отсутствовал. Уголь редок. Кости животных связаны более чем с половиной погребений. В одном погребении находился баночный сосудик. Иной реквизит не обнаружен.

Стратиграфически более позднее место занимает восточноприазовская группа 3 (рис. 2, *5*), однако следует иметь в виду, что отдельные погребения, совпадая по форме, могли существовать в более раннее время. Ее можно представить в двух подгруппах. Подгруппа Т-образных катакомб с прямоугольной (околопрямоугольной) шахтой и овальной камерой распространена в основных районах, занимаемых другими восточноприазовскими памятниками, и отражает, видимо, более поздние формы погребальной обрядности (18 погребений). В ориентировках входа выделяются СВ- и ЮЗ- направления. Поза погребенных здесь обычная слабоскорченная. Украшения представлены бронзовыми бусами, бронзовыми и серебряными височными кольцами. Часто фиксировались обычные темные подстилки. Встречается посыпка мелом. В некоторых погребениях прослеживались угольки. Красная краска присутствовала в большинстве погребений и распределялась преимущественно в районе головы и ног. В нескольких погребениях имелись кости животных и керамика.

Подгруппа погребений в Т-образных катакомбах, имеющих овальные шахты и овальные камеры, также, видимо, представляет поздний вариант реализации восточноприазовской обрядности (8 погребений). В ориентировках входа преобладают направления СВ и ЮВ. Погребенные находились в слабоскорченной позиции, как и во всех восточноприазовских погребениях. По другим характеристикам данная подгруппа близка предыдущей.

Представленные группы на основании стратиграфических данных демонстрируют хронологическую последовательность. Однако не следует ее абсолютизировать, так как различные формы могли сосуществовать. Видимо, лучше говорить о тенденциях изменений, приводящих к появлению новых форм. Одной из таких тенденций является скругление углов камеры катакомбы. Наиболее ранние катакомбы имеют четырехугольные камеры с выделенными углами, иногда приближающиеся в плане к трапеции (Брюховецкая 1/12) или прямоугольнику (Брюховецкая 1/13). В то же время в первой и второй восточноприазовских группах появляются камеры катакомб с сильно скругленными углами: с одним (Брюховецкая 3/16), с двумя (Приазовская I 4/6, Приазовская I 1/16), с тремя (Малаи I 15/16, Анапская I 9/5) и со всеми четырьмя (Приазовская I 5/8), что почти неотличимо от овала. Овальная камера – уже признак более поздней третьей восточноприазовской группы.

Другой варьирующий показатель – потолок камеры. Камер с полностью сохранившимися потолками не так уж много. Наиболее ранние катакомбы имеют плоский горизонтальный потолок (Брюховецкая I 1/6). В некоторых же случаях потолок плоский, но скошен (Брюховецкая I 3/4, Брюховецкая I 3/8). Во второй группе потолок сводчатый (Приазовская I 1/16). В группе 2А потолки были представлены полусводом. В третьей, по данным реконструкции, потолки сводчатые, но есть горизонтальный плоский (Брюховецкая I 4/7), горизонтальный плоский, плавно закругляющийся на стенки (Брюховецкая II 5/8) и слегка вогнутый (ПКОС 42/17). Можно предполагать, что погребения с плоским потолком занимают более раннюю хронологическую позицию.

Высота камеры также варьируется. В первой и второй группах она колеблется в пределах от 40 до 70 см и лишь в некоторых случаях выше. Группа 2А отличается, прежде всего, высокими вертикальными стенками камеры, в результате чего высота потолка находилась в пределах от 70 до 200 см. В группе 3 высота камер устанавливается в средних пределах. Площадь шахты и камеры не столь заметно, но все же имеет тенденцию к ее уменьшению. Таким образом, погребальная конструкция претерпевает серьезные изменения по сравнению с ее наиболее ранними вариантами.

Позиция погребенных практически всегда допускает вариабельность, но тем не менее на фоне всеобщей средней скорченности имеются случаи сильной скорченности, получившей широкое распространение в позднекатакомбный период.

Использование мела и в меньшей мере охры также определенно сокращается. По подсчетам представленных выборок, группа 1 дает 84,4 % погребений с охрой, группа 2 – 70 %, группа 2А – 72,7 %, первая подгруппа группы 3 – 61 %, вторая подгруппа группы 3 – 50 %. Применение мела распределяется следующим образом: 1-я группа – 26,67 %, 2-я группа – 5 %, группа 2А – 0, первая подгруппа группы 3 – 9 %, вторая подгруппа группы 3 – 0.

Ориентировка входа камеры, концентрирующаяся в ранней группе погребений в северо-восточном секторе, в более поздних группах смещается в восточный, южный и западный сектора.

По разным причинам те или иные элементы со временем становятся более употребляемыми и иногда вырастают до всеобщих в рамках того или иного культурного образования.

Представленные варианты трансформации погребальной практики, безусловно свидетельствуют об изменениях и в содержательной стороне погребального обряда. Как уже отмечалось (*Стеганцева*, 2010), образ дольменного «ящика» мог стать проформой камеры катакомбы с выделенными углами и плоским потолком. Последующие видоизменения, видимо, отражают переосмысление образа погребальной камеры уже как «повозки», о чем может свидетельствовать утверждение сводчатого потолка камер. Особенно показательна в этом отношении группа 2А, имеющая высокие камеры с вертикальными стенками. На то, что происходили серьезные изменения в миропонимании, указывает и изменение характера ориентировок. Изменения других сторон погребального комплекса могут говорить о постепенном угасании некоторых традиционных установок, таких как использование мела и красной краски (*Мельник*, 2015). Параллельно

этим переменам происходят изменения и в области металлопроизводства на территории степного Предкавказья (*Гак*, 2016).

Названные тенденции видоизменений и дальнейшая трансформация погребальных элементов получили продолжение в позднекатакомбный период.

ЛИТЕРАТУРА

Бочкарев В. С., 1982. Отчет Кубанской археологической экспедиции о раскопках курганов в Тимашевском и Кореновском районах Краснодарского края в 1982 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9505.

Бочкарев В. С., Бестужев Г. Н., Бианки А. М., Трифонов В. А., 1991. Раскопки у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука. С. 3–56.

Гак Е. И., 2016. Этапы трансформаций в металлопроизводстве среднего бронзового века на территории степного Предкавказья и юго-востока Русской равнины // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.): сб. тр. конф. СПб.: ИИМК РАН. С. 74–79.

Гей А. Н., 1991. Новотиторовская культура (предварительная характеристика) // СА. № 1. С. 54–71.

Гей А. Н., 2000. Новотиторовская культура. М.: Старый сад. 224 с.

Клещенко А. А., 2013. Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА. Вып. 228. С. 171–190.

Марченко И. И., Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1979. Отчет о работе Северокавказской археологической экспедиции Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (СОГУ) в Краснодарском крае в 1979 году // Архив ИА Р-1. № 7863–7866.

Мельник В. И., 1987. Отчет Тихорецкого отряда Северокавказской экспедиции о раскопках в Кавказском районе Краснодарского края в 1987 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7863–7866.

Мельник В. И., 2013. Обрядовая группировка катакомбных комплексов Восточного Приазовья // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: мат-лы конф. Краснодар: Экоинвест. С. 282–283.

Мельник В. И., 2014. Межкультурные контакты эпохи средней бронзы в восточных районах степного правобережья Кубани // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред.: А. Г. Ситдиков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Т. I. Казань: Отечество. С. 469–471.

Мельник В. И., 2015. Цветовая триада в погребальной обрядности бронзового века степей Восточной Европы // КСИА. Вып. 241. С. 59–68.

Мельник В. И., 2016а. Культурный синкретизм в погребальной практике эпохи средней бронзы степного Прикубанья // КСИА. Вып. 245. Ч. I. С. 120–131.

Мельник В. И., 2016б. Особенности наиболее ранних катакомбных погребений степного Прикубанья // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев. Грозный: Изд-во Чеченского гос. ун-та. С. 43–44.

Нехаев А. А., 1980. Раскопки курганов в Кореновском районе Краснодарского края в 1980 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9708.

Стеганцева В. Я., 2010. Еще раз о сходстве погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье и на Западном Кавказе // Записки ИИМК РАН. № 5. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 125–138.

Трифонов В. А., 1983. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: автореф. дис. … канд. ист. наук. Л. 26 с.

Трифонов В. А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука. С. 92–166.

Сведения об авторе

Мельник Валерий Иосифович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: melvaler@yandex.ru

V. I. Mel'nik

TENDENCIES IN TRANSFORMATIONS OF THE EARLY CATACOMB FUNERARY PRACTICE IN THE EASTERN LITTORAL AREAS OF THE SEA OF AZOV

Abstract. The paper explores the problems related with transformations in burial practice of the Early Catacomb groups in the eastern littoral areas of the Sea of Azov. The groups identified earlier were used as a baseline in documenting changes in the funerary practices. Such tendencies include rounded angles of burial chambers, higher arched chamber ceilings, a more contracted posture of the dead, more orientations of the entry to the catacomb, including the southern half of the circle, fewer cases of chalk and ochre use. All these tendencies were formalized in the Late Catacomb period, suggesting changes in the world views which manifested themselves through funerary rites.

Keywords: Early Catacomb burials of the Bronze Age, ritual group, Catacomb culture of the eastern littoral areas of the Sea of Azov, cultural transformations.

REFERENCES

Bochkarev V. S., 1982. Otchet Kubanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii o raskopkakh kurganov v Timashevskom i Korenovskom rayonakh Krasnodarskogo kraya v 1982 godu [Report of Kuban' archaeological expedition on excavations of kurgans in Timashevskiy and Korenovskiy districts of Krasnodar region in 1982]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Bochkarev V. S., Bestuzhev G. N., Bianki A. M., Trifonov V. A., 1991. Raskopki u stanitsy Bryukhovetskoy Krasnodarskogo kraya v 1978 g. [Excavations near Cossack village Bryukhovetskaya, Krasnodar region in1978]. *Drevnie kul'tury Prikuban'ya [Ancient cultures of Kuban' region]*. Leningrad: Nauka, pp. 3–56.

Gak E. I., 2016. Etapy transformatsiy v metalloproizvodstve srednego bronzovogo veka na territorii stepnogo Predkavkaz'ya i yugo-vostoka Russkoy ravniny [Stages of transformations in metal production of Middle Bronze Age in territory of steppe Forecaucasus and South-East of Russian plain]. *Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoy Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n. e.): sbornik trudov konferentsii [Inner and outer connections of steppe (stock-breeding) cultures of Eastern Europe in Eneolithic and Bronze Age (V–II mill. BC.): conference transactions]*. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 74–79.

Gey A. N., 1991. Novotitorovskaya kul'tura (predvaritel'naya kharakteristika) [Novotitorovka culture (preliminary characteristic)]. *SA*, 1, pp. 54–71.

Gey A. N., 2000. Novotitorovskaya kul'tura [Novotitorovka culture]. Moscow: Staryy sad. 224 p.

Kleshchenko A. A., 2013. Suvorovskaya katakombnaya kul'tura: predvaritel'naya kharakteristika [Suvorovskaya catacomb culture: preliminary characteristic]. *KSIA*, 228, pp. 171–190.

Marchenko I. I., Nikolaeva N. A., Safronov V. A., 1979. Otchet o rabote Severokavkazskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova (SOGU) v Krasnodarskom krae v 1979 godu [Report on works of North Caucasus archaeological expedition of K.L. Khetagurov North Ossetian State university (SOGU) in Krasnodar region in 1979]. *Archive of IA RAN* (In Russian, unpublished.)

Mel'nik V. I., 1987. Otchet Tikhoretskogo otryada Severokavkazskoy ekspeditsii o raskopkakh v Kavkazskom rayone Krasnodarskogo kraya v 1987 godu [Report of Tikhoretskaya group of North Caucasus expedition in Kavkazsk district, Krasnodar region in 1987]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Mel'nik V. I., 2013. Obryadovaya gruppirovka katakombnykh kompleksov Vostochnogo Priazov'ya [Grouping by rite of Catacomb culture complexes in western part of Azov Sea region]. *Shestaya mezhdunarodnaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: materialy konferentsii [Sixth international Kuban' archaeological conference: tfansactions of the conference]*. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 282–283.

Mel'nik V. I., 2014. Mezhkul'turnye kontakty epokhi sredney bronzy v vostochnykh rayonakh stepnogo pravoberezh'ya Kubani [In-culture contacts of Middle Bronze Age in eastern areas of Kuban' right bank steppe region]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani [Transactions of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan']*, I. A. G. Sitdikov, N. A. Makarov, A. P. Derevyanko, eds. Kazan': Otechestvo, pp. 469–471.

Mel'nik V. I., 2015. Tsvetovaya triada v pogrebal'noy obryadnosti bronzovogo veka stepey Vostochnoy Evropy [The colour triad in the burial rite of the East European steppes in the Bronze Age]. *KSIA*, 241, pp. 59–68.

Mel'nik V. I., 2016a. Kul'turnyy sinkretizm v pogrebal'noy praktike epokhi sredney bronzy stepnogo Prikuban'ya [Cultural syncretism in the burial practice during the Middle Bronze Age in the Kuban' River steppes]. *KSIA*, iss. 245, pt. I, pp. 120–131.

Mel'nik V. I., 2016b. Osobennosti naibolee rannikh katakombnykh pogrebeniy stepnogo Prikuban'ya [Features of earliest catacomb burials of steppe Kuban' region]. *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Research and preservation of archaeological heritage of peoples of the Caucasus. XXIX Krupnov readings: transactions of International scientific conference]*. M. Kh. Bagaev, Kh. M. Mamaev, eds. Groznyy: Chechenskiy gos. universitet, pp. 43–44.

Nekhaev A. A., 1980. Raskopki kurganov v Korenovskom rayone Krasnodarskogo kraya v 1980 godu [Excavations of kurgans in Korenovskiy district, Krasnodar region in 1980]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)

Stegantseva V. Ya., 2010. Eshche raz o skhodstve pogrebal'nykh obryadov epokhi ranney bronzy v Vostochnom Priazov'e i na Zapadnom Kavkaze [Once again on similarity of burial rites of Early Bronze Age in eastern part of Azov Sea region and in West Caucasus]. *Zapiski IIMK RAN [Proceedings of IIMK RAS]*, 5. St.Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 125–138.

Trifonov V. A., 1983. Stepnoe Prikuban'e v epokhu ranney i sredney bronzy: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Steppe Kuban' region in Early and Middle Bronze Age: Ph. D. Abstract]. Leningrad 26 p.

Trifonov V. A., 1991. Stepnoe Prikuban'e v epokhu eneolita-sredney bronzy (periodizatsiya) [Steppe Kuban' region in epoch of Eneolithic – Middle Bronze Age (periodization)]. *Drevnie kul'tury Prikuban'ya [Ancient cultures of Kuban' region]*. Leningrad: Nauka, pp. 92–166.

About the author

Mel'nik Valeriy I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: melvaler@yandex.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.124-141

А. А. Клещенко, Ю. В. Лунькова, В. Ю. Луньков

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ТРЕХБАЛОЧНЫЙ: НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ КАЛИТВА

Резюме. В статье рассматриваются материалы эпохи средней и поздней бронзы могильника Трехбалочный, полученнные при исследовании экспедицией ИА РАН под руководством А. А. Клещенко в Ростовской области в 2013 г. Приводится описание и анализ погребальных комплексов (13 погребений из 4 курганов), относящихся в большинстве случаев к срубной культуре Волго-Донского междуречья, предлагается их относительная хронология в рамках ее развитого периода. Особое внимание уделяется изучению керамического комплекса, представленного сосудами со сложными орнаментальными композициями. Предпринимается попытка связать орнамент на керамике с полом и возрастом погребенных.

Ключевые слова: средняя – поздняя бронза, катакомбная культура, срубная культура, погребальный комплекс, статистический анализ, сосуды со сложными орнаментальными композициями.

Могильник Трехбалочный, расположенный в Чертковском районе Ростовской области в верховьях реки Калитва (рис. 1, *I*), был исследован в 2013 г. экспедицией ИА РАН под руководством А. А. Клещенко, одного из авторов статьи (*Клещенко*, 2014).

Он представлял собой цепочку курганов, вытянутых в направлении юго-восток – северо-запад, и был сооружен в эпоху средней и поздней бронзы (рис. 1, *II*). В ходе раскопок изучено четыре из семи курганов (№ 3, 3а, 4 и 5).

Исследованный комплекс включал пять погребений среднедонской катакомбной культуры и восемь захоронений срубной культуры Волго-Донского междуречья, а также несколько объектов более позднего времени.

Статья посвящена публикации и анализу материалов эпохи бронзы изученного могильника.

Курган 3, имевший размеры 35 × 42 м и высоту около 0,6 м, сооружен в два приема (рис. 1, *III–IV*). Первая насыпь, диаметром 23–24 м, была перекрыта с западной стороны досыпкой, совершенной над погр. 3, выкид из которого зафиксирован в профилях западной бровки.

В южной и северной полах кургана в профилях отмечена неглубокая (до 0,4 м) западина шириной до 2 м, являющаяся прикурганным ровиком, откуда частично брался грунт для сооружения насыпи или досыпки (рис. 1, *IV*). В кургане выявлено три объекта позднего времени[1] и три погребения эпохи бронзы.

Погребение 1 (основное) уничтожено грабительской ямой (рис. 1, *III*), в которой обнаружены обломки человеческих костей, принадлежавшие молодой (до 25 лет) женщине или подростку, а также мужчине старше 35 лет[2]. В северной части ямы на глубине 3,13 м от вершины кургана расчищены фрагменты костей левой ноги (берцовая и кости стопы), лежавшие *in situ*. Они предположительно указывают на правобочное положение погребенного и ориентировку головой на юг. Возле костей обнаружены маленькая бронзовая пластинка, фрагменты керамического сосуда эпохи средней бронзы (рис. 2, *IIIа*) и венчика сосуда эпохи поздней бронзы (рис. 2, *IIIб*).

Форма сосуда эпохи средней бронзы полностью реконструирована. Он представлял собой высокий плоскодонный горшок с раструбовидным венчиком (рис. 2, *IIIа*). Высота его – 23,6 см, диаметр венчика – 18 см, дна – 8 см. По плечику горшок украшен двумя одинаковыми сплошными горизонтальными налепными валиками, оформленными в виде зигзага. Черепок в изломе серого цвета, внешняя поверхность – светло-коричневая.

Фрагмент венчика от лепного сосуда эпохи поздней бронзы незначительно отогнут. Край уплощен и украшен косыми и прямыми насечками. Ширина насечек – 0,2–0,4 см, расстояние между ними – 0,5–0,7 см. Толщина стенки – 0,9 см. Черепок в изломе черного цвета, внешняя поверхность – светло-коричневая (рис. 2, *IIIб*).

Погребение 2 (впускное) обнаружено в 6,3 м к западу-юго-западу от центра кургана (рис. 1, *III*) в материке, на глубине 1,46 м от его вершины. Яма имела овальную форму и ориентирована по длинной оси в направлении северо-северо-восток – юго-юго-запад (рис. 2, *I*). Размеры ямы по дну – 1,12 × 0,65 м, глубина – 0,33 м[3].

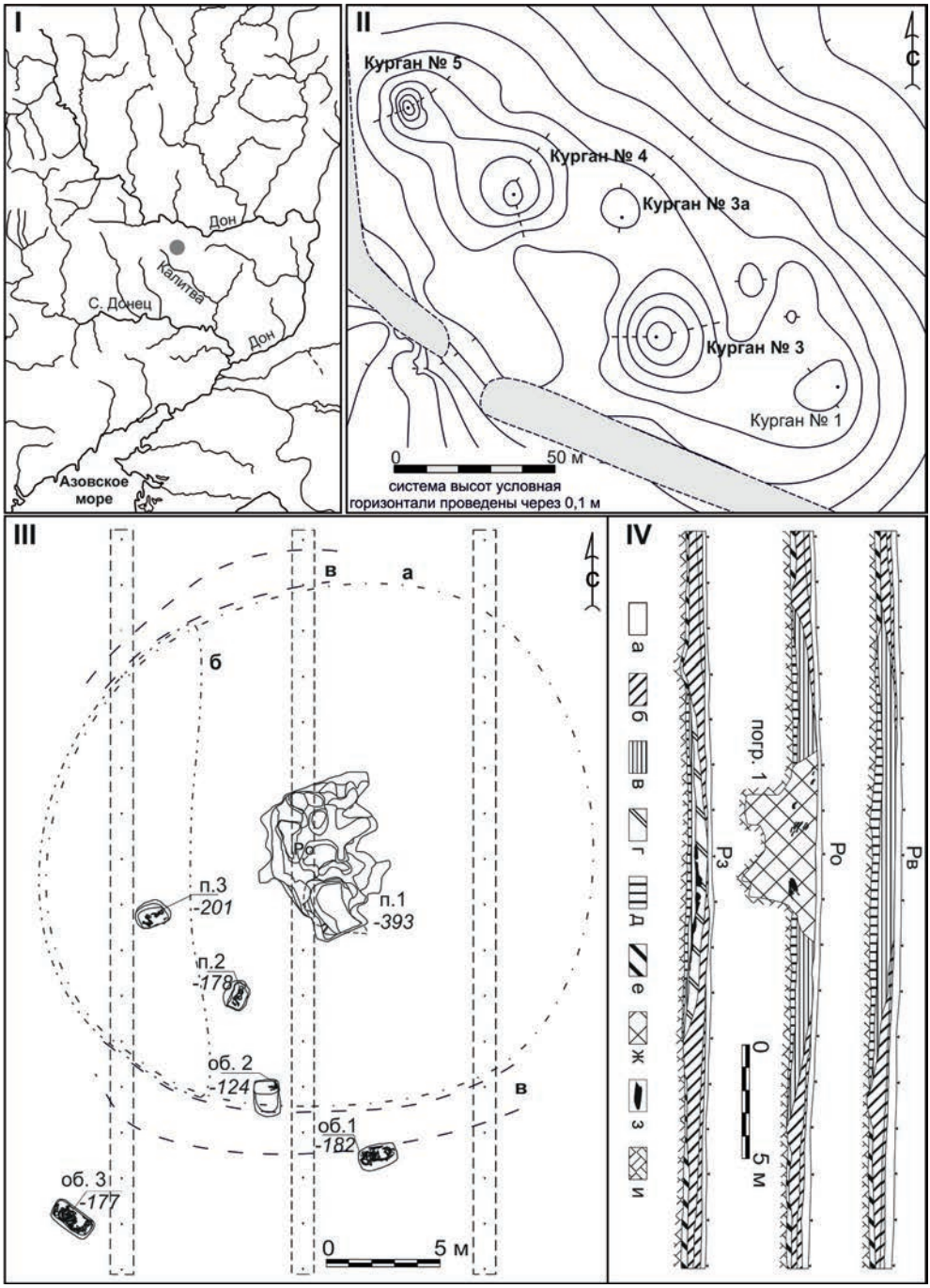
Скелет подростка 9–10 лет лежал в скорченном положении на левом боку в позе «адорации» и ориентирован головой на северо-северо-восток. Под костяком и за ним, на дне, расчищен слабый тлен от органической подстилки темного цвета. Между тазовыми костями и локтями рук располагался лепной плоскодонный орнаментированный остроребериый горшок закрытого типа (рис. 2, *IIIв*).

Общая высота сосуда – 12 см, диаметр венчика – 15 см, диаметр наибольшего расширения тулова – 18,2–19 см, реконструируемый диаметр дна – 8 см, толщина стенок – 0,9 см. Горшок орнаментирован по внешней поверхности ребра, плечику и венчику зубчатым штампом. Орнамент представляет собой фриз из сложной композиции косых линий и грубо выполненных треугольников, обращенных вершинами вверх. Сверху и снизу фриз окаймлен двумя непрерывными

[1] Они представляли собой захоронения взрослых особей крупного рогатого скота (объекты 1 и 3) и яму с частично кремированными останками двух особей мелкого рогатого скота (объект 2). В объектах 1 и 2 были обнаружены несколько железных предметов.

[2] Антропологические определения выполнены к. и. н. А. А. Казарницким.

[3] Здесь и далее глубина указана от уровня обнаружения могильной ямы.


I
Дон
Калитва
С. Донец
Дон
Азовское
море
II
Курган № 5
Курган № 4
Курган № 3а
Курган № 3
Курган № 1
С
0
50 м
система высот условная
горизонтали проведены через 0,1 м
III
в
а
б
Ро
п.3
-201
п.1
-393
п.2
-178
об. 2
-124
об.1
-182
об. 3
-177
в
С
0
5 м
IV
а
б
в
г
Д
е
ж
з
и
погр. 1
Рз
Ро
Рв
0
5 м

горизонтальными линиями, выполненными в той же технике. Основание фриза находится непосредственно на ребре сосуда. На сохранившейся части орнамент выполнен в виде зигзага. Черепок в изломе серого цвета, внешняя и внутренняя поверхности – светло-коричневые.

Погребение 3 (впускное), с которым связана досыпка в кургане, обнаружено в 6,7 м к юго-западу от центра кургана (рис. 1, *III*) на глубине 1,45 м от его вершины. Могильная яма овальной формы ориентирована по длинной оси в направлении северо-северо-восток – юго-юго-запад, размеры по дну – 1,25 × 0,8 м, глубина – 0,55 м (рис. 2, *II*).

Скелет подростка 15–18 лет лежал скорченно на левом боку в позе «адорации» и ориентирован головой на восток. По всему дну ямы зафиксирован слабый тлен от органической подстилки темного цвета.

К юго-юго-востоку от черепа находились фрагменты венчика и стенки лепного сосуда (рис. 2, *IIIг*). Форма и размеры сосуда не реконструируются. На внешней поверхности – на плечике и венчике – сохранился толстый слой нагара.

В результате геофизической разведки[4] межкурганного пространства курганов 3 и 4 был выявлен **курган 3а** (рис. 1, *II*). В процессе исследований было установлено, что сооружался он в один прием и имел размеры 11,5 × 9,5 м, высота его не превышала 0,7 м (рис. 2, *IV*). В нем обнаружено два погребения эпохи бронзы.

Погребение 1 (впускное) находилось в 1,5 м к юго-юго-западу от условного центра кургана на глубине 0,54 м от современной поверхности (рис. 2, *IV*). Яма подпрямоугольной формы (1,25 × 0,7 м), ориентирована по длинной оси в направлении север – юг (рис. 2, *V*).

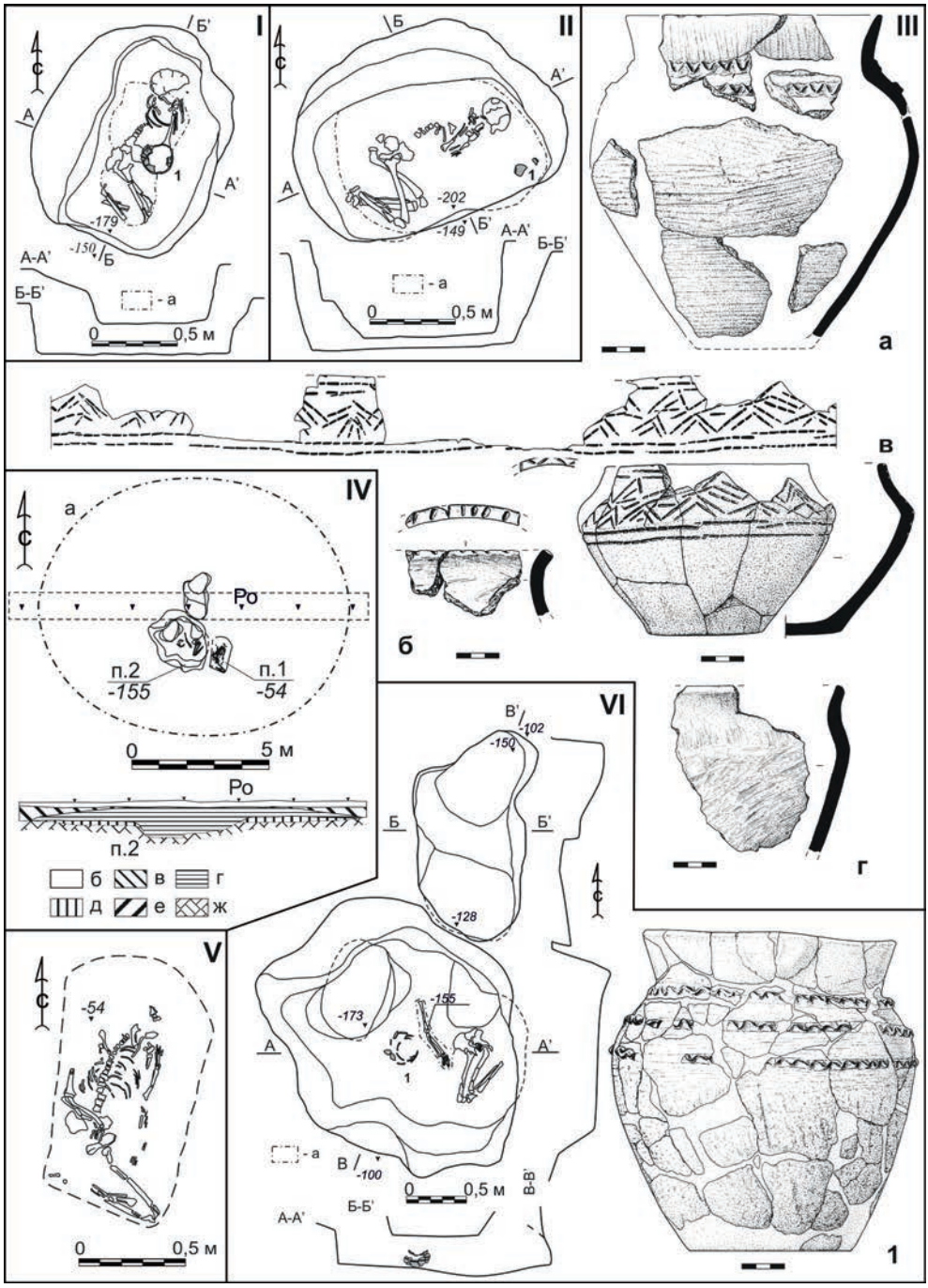
Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку с разворотом на спину и был ориентирован головой на север. Левая рука была вытянута параллельно туловищу, ладонью вниз. Правая рука согнута под тупым углом, кисть лежала ладонью вниз на тазовых костях. Левая нога сильно согнута в коленном суставе, в тазобедренном – под тупым углом. Погребение безынвентарное.

Погребение 2 (основное) зафиксировано на глубине 1,05–1,5 м от современной поверхности (рис. 2, *IV*). Конструкция сильно повреждена грызунами, что не позволяет однозначно утверждать наличие катакомбы (рис. 2, *VI*). Тем не менее можно предположить ее наличие по продолговато-аморфному пятну (1,8 × 0,9 м), располагавшемуся к северо-северо-востоку от камеры. Предположительно камера имела овальные очертания и ориентирована по длинной оси в направлении

Рис. 1. Могильник Трехбалочный

I – местоположение могильника в бассейне р. Дон; *II* – топографический план могильника; *III* – общий план кургана 3 (*а* – границы насыпи 1; *б* – границы насыпи 2; *в* – зафиксированные границы ровика); *IV* – западные фасы бровок кургана 3 (*а* – пашня; *б* – чернозем; *в* – насыпь 1 (серо-коричневый суглинок с карбонатами); *г* – насыпь 2 (серо-коричневый суглинок); *д* – погребенная почва (светло-серый суглинок); *е* – предматерик (пестрый желто-черный суглинок); *ж* – перекоп; *з* – линзы материковой глины; *и* – материк (желтая глина))

[4] Разведка была проведена В. Г. Бездудным, за что выражаем ему искреннюю благодарность.


I
II
III
IV
V
VI
а
б
в
г
1
-179
-150
-202
-149
-54
-155
-173
-128
-102
-100
А-А'
Б-Б'
В-В'
- а
0
0,5 м
5 м
Ро
п.1
п.2
д
е
ж

северо-запад – юго-восток. Размеры ее по верхнему краю – 2,3 × 2 м. На глубине около 0,3 м от уровня обнаружения она сузилась до размеров 1,8 × 1,3 м.

В северо-восточной части камеры обнаружена часть скелета взрослого человека. Судя по расположению костей, погребенный лежал скорченно на правом боку, скорее всего – с разворотом на спину, и головой на северо-запад. Правая рука слегка согнута в локтевом суставе, кисть лежала ладонью вниз. Фаланги левой кисти находились на левом крыле таза. Ноги в коленях сильно согнуты, а в тазобедренном суставе – под тупым углом. Под правой рукой выявлен тлен от органической подстилки темного цвета.

У локтя правой руки стоял лепной плоскодонный горшок с отогнутым раструбовидным венчиком (рис. 2, *VI–1*). Высота его – 22 см, диаметр венчика – 17,5 см, дна – 7,5 см. Верхняя часть тулова была украшена тремя одинаковыми сплошными горизонтальными налепными валиками с пальцевыми защипами, оформленными в виде зигзага. Черепок в изломе серого цвета, внешняя и внутренняя поверхности – светло-коричневые.

Курган 4 был вытянут по линии север – юг, имел размеры 40 × 30 м и высоту 0,4 м (рис. 1, *II*; 3, *I–II*). Курган сооружался в один прием и содержал два объекта, атрибуция которых невозможна по причине отсутствия находок, и два погребения эпохи бронзы.

Погребение 1 (впускное) находилось в 5 м к юго-западу от условного центра кургана и сильно разрушено норами грызунов (рис. 3, *I, III*). Предположительно, могильная конструкция представляла собой катакомбу. Шахта ее находилась к югу от камеры и имела размеры 2 × 1,5 м. Дно фиксировалось на глубине 1,3 м от вершины кургана. В центральной части восточного края на возвышении находился развал лепного керамического сосуда, перевернутого устьем вниз.

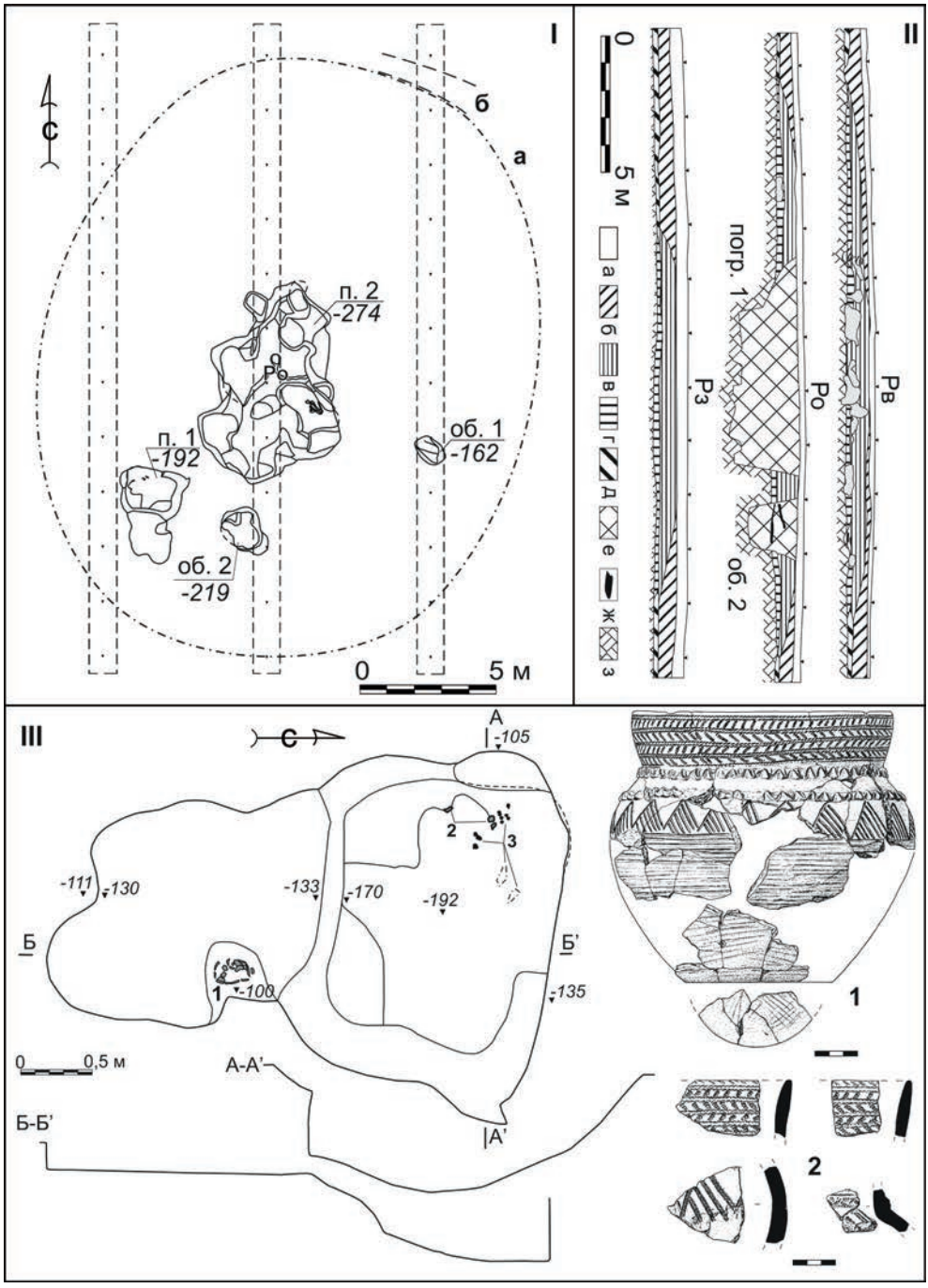
Шахта переходила в камеру через плавный уступ высотой 0,4 м. Камера имела подпрямоугольную форму и размеры по верхнему краю – 2,2 × 1,6 м, по нижнему – 1,8 × 1,3 м. Глубина ее от вершины кургана достигала 1,9 м.

В западной части ямы расчищены отдельные фрагменты керамики, а также участки органического тлена (рис. 3, *III–2, 3*). Профильные части имели орнамент, технически и морфологически сходный с орнаментацией сосуда из шахты.

Форма керамического сосуда, обнаруженного в восточной части шахты, восстанавливается (рис. 3, *III–1*). Он представляет собой, скорее всего, плоскодонный горшок с резко отогнутым раструбовидным венчиком. Высота горшка – около 19 см, диаметр венчика – 18,2 см. Сосуд покрыт сложной орнаментальной композицией. Венчик украшен четырьмя горизонтальными линиями двойного шнура, пространство между которыми заполнено рядами косых оттисков мелкозубчатого штампа. По плечикам проходили два одинаковых сплошных

Рис. 2. Могильник Трехбалочный. Курганы 3 (I–III) и 3а (IV–VI)

I – погр. 2 (*1* – сосуд керамический; *а* – границы тлена от подстилки); *II* – погр. 3 (*1* – фр-ты сосуда керамического; *а* – границы тлена от подстилки); *III* – керамика из погребений: *а, б* – погр. 1; *в* – погр. 2; *г* – погр. 3; *IV* – общий план и южный фас бровки (*а* – границы насыпи; *б* – пашня; *в* – чернозем; *г* – насыпь (серо-коричневый суглинок); *д* – погребенная почва (светло-серый суглинок); *е* – предматерик (пестрый желто-черный суглинок); *ж* – материк (желтая глина)); *V* – погр. 1; *VI* – погр. 2 (*1* – сосуд керамический; *а* – границы тлена от подстилки)


I
С
б
а
п. 2
-274
Ро
п. 1
-192
об. 1
-162
об. 2
-219
0
5 м
II
0
5 м
а
б
в
г
д
е
ж
з
погр. 1
об. 2
Рз
Ро
Рв
III
С
А
-105
Б
Б'
-111
-130
-133
-170
-192
-135
1
-100
2
3
0
0,5 м
А-А'
А'
Б-Б'
1
2

горизонтальных налепных валика, оформленных в виде зигзага; ниже находился прочерченный фриз из заштрихованных косыми линиями треугольников, обращенных вершинами вверх. Черепок в изломе серого цвета, внешняя и внутренняя поверхности – светло-коричневые.

Погребение 2 (основное) практически полностью уничтожено грызунами (рис. 3, *I*). В процессе выборки ямы обнаружены кости животных и двух человек: ребенка или подростка и взрослого, а также фрагмент стенки лепного сосуда.

В восточной части котлована на уровне около 2,4 м от вершины кургана зафиксированы кости ног, таза и кистей взрослого мужчины, лежавших в анатомическом порядке. Их положение указывает на то, что погребенный находился на правом боку с разворотом на спину, головой в западном направлении. Правая рука его протянута к правому бедру, левая находилась на левом бедре. Ноги сильно согнуты в коленях. Под костями на дне зафиксирована посыпка охрой.

Курган 5 имел правильную овальную форму и был вытянут по оси север – юг (рис. 4, *I–II*). Современные размеры – 40 × 25 м, высота – до 0,3 м. Удалось реконструировать и его первоначальный размер – 21 × 18 м. Курган сооружался в один прием и содержал 6 погребений эпохи бронзы.

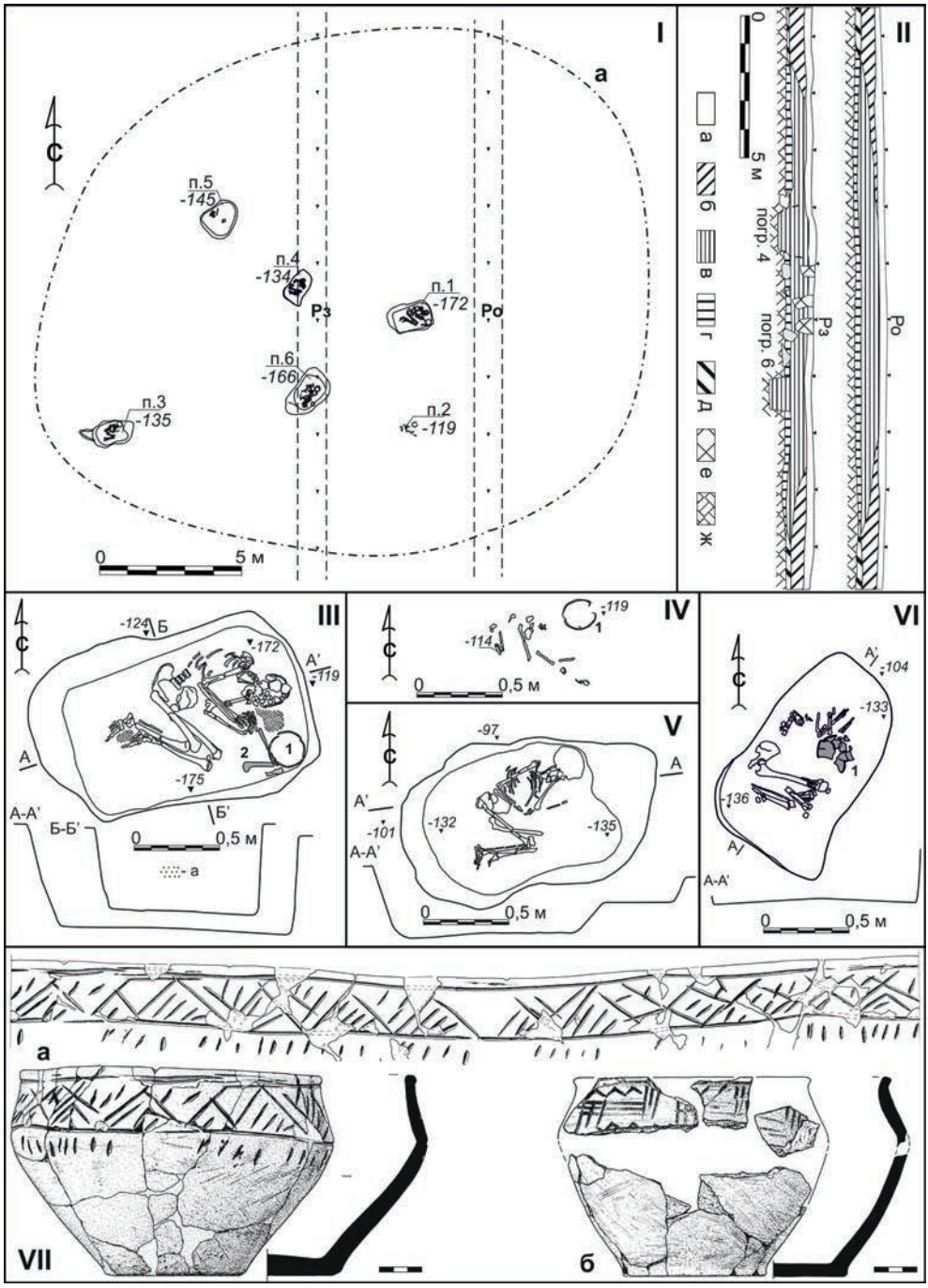
Погребение 1 (основное?) обнаружено в 2 м к западу от условного центра кургана (рис. 4, *I*) на глубине 1,7 м от его вершины. Яма подпрямоугольной формы имела размеры по дну – 1,38 × 0,83 м, глубину – до 0,56 м (рис. 4, *III*).

Скелет взрослого мужчины 45–55 лет лежал скорченно на левом боку головой на восток. Руки согнуты в локтях под острым углом, кисти находились перед лицом, причем левая накрывала правую. Ноги поджаты к туловищу под острым углом, стопы подтянуты к тазу. У черепа и между костями стоп прослежена посыпка охрой.

В юго-восточном углу могильной ямы стоял лепной орнаментированный остроребериый горшок закрытого типа (рис. 4, *VIIa*). Размеры сосуда: высота – 13,5–15 см, наибольший диаметр венчика – 21,7–21 см, диаметр наибольшего расширения тулова (на высоте 9 см от дна) – 22,5 см, диаметр дна – 10 см, толщина стенок – до 1,3 см, дна – до 1,5 см. Горшок орнаментирован по внешней поверхности ребра и плечику прочерченными пересекающимися линиями, образующими разновеликие заштрихованные треугольники, обращенные вершинами вверх, и ромбы. Всего насчитывается не менее 10 треугольников и два ромба. Вне фигур также прочерчены короткие косые линии, заполняющие пространство. Сверху (непосредственно при переходе от венчика к плечику) и снизу (по ребру сосуда) орнаментальная композиция отчеркнута грубыми горизонтальными линиями. Непосредственно под ребром основной орнамент дополнен

Рис. 3. Могильник Трехбалочный. Курган 4

I – общий план (*а* – границы насыпи; *б* – зафиксированные границы ровика); *II* – западные фасы бровок (*а* – пашня; *б* – чернозем; *в* – насыпь (серо-коричневый суглинок); *г* – погребенная почва (светло-серый суглинок); *д* – предматерик (пестрый желто-черный суглинок); *е* – перекоп; *ж* – линзы материковой глины; *з* – материк (желтая глина)); *III* – погр. 1 (*1* – сосуд керамический; *2* – фр-ты керамики; *3* – участки плотного черного органического тлена)


I
а
С
п.5
-145
п.4
-134
Рз
п.1
-172
Ро
п.6
-166
п.3
-135
п.2
-119
0
5 м
II
0
5 м
а
б
в
г
д
е
ж
погр. 4
погр. 6
Рз
Ро
III
-124
Б
-172
А'
-119
А
2
1
-175
А-А'
Б-Б'
Б'
0
0,5 м
а
IV
-119
1
-114
0
0,5 м
V
-97
А
А'
-101
А-А'
-132
-135
0
0,5 м
VI
А'
-104
-133
1
-136
А
А-А'
0
0,5 м
а
VII
б

местами прерывающимся рядом коротких вертикальных прочерченных линий (не менее 37). Высота основной орнаментальной композиции – 4–4,3 см. Черепок в изломе серого цвета, внешняя и внутренняя поверхности – светло-коричневые, местами прокалены до ярко-оранжевого цвета.

С запада от сосуда и частично под его дном обнаружены кости взрослой особи свиньи.

Погребение 2 (впускное) обнаружено в 5 м к юго-юго-западу от условного центра кургана (рис. 4, *I*) на глубине 1,2 м от его вершины. Могильная яма не прослежена. Скелет ребенка 5–6 лет лежал скорченно на левом боку с подогнутыми ногами и подтянутыми к тазу стопами, головой на юго-восток (рис. 4, *IV*).

У бедренных костей располагались фрагменты лепного сосуда (рис. 4, *IV–1*), форма которого восстановлена (рис. 4, *VIIб*). Он представлял собой орнаментированный остроребериый горшок с плоским дном с небольшой закраиной. Ребро находилось в верхней трети тулова. Высота сосуда – 14 см, диаметр венчика – 16,2 см, диаметр наибольшего расширения тулова (на высоте 9,4 см от дна) – 19 см, реконструируемый диаметр дна – 10 см, толщина стенок – до 1 см, дна – 0,8 см. Внешняя и внутренняя поверхности заглажены, причем внешняя имеет следы разнонаправленных неглубоких расчесов (от пучка травы?). Сосуд орнаментирован по внешней поверхности ребра и плечику неглубокими, местами едва заметными, оттисками мелкозубчатого штампа. Судя по сохранившимся фрагментам, орнамент представлен двумя мотивами: горизонтальным зигзагом (шириной 0,7 см), расположенным непосредственно под венчиком, и пересекающимися под прямым углом вертикальными и горизонтальными линиями. Зафиксированная ширина орнаментальной композиции – 3,4 см. Черепок в изломе темно-серого цвета, внутренняя поверхность – светло-серого цвета, внешняя – местами светло-коричневая.

Погребение 3 (впускное) обнаружено в 13,5 м к западу-юго-западу от условного центра кургана (рис. 4, *I*) на глубине 1,35 м.

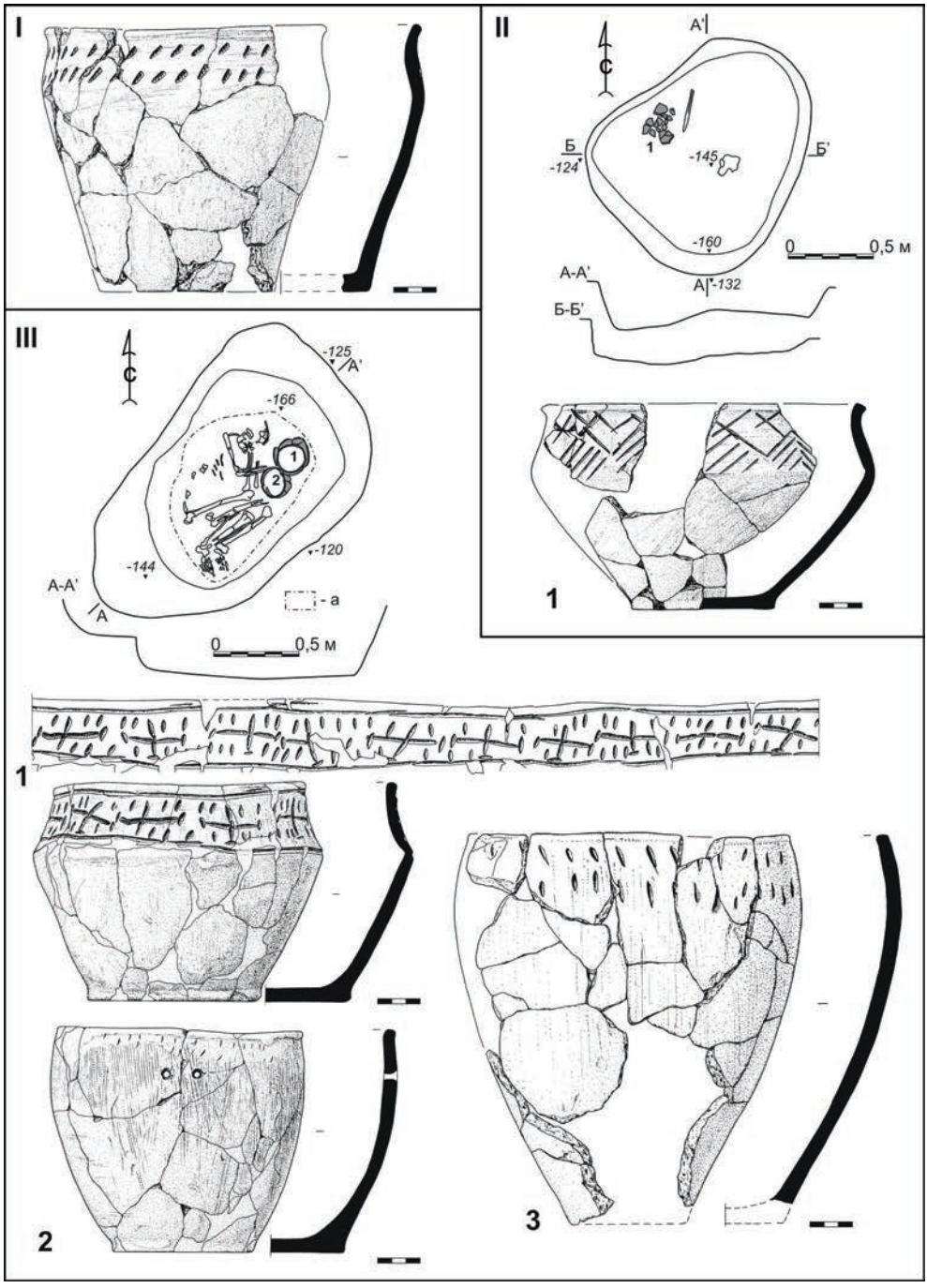
Яма овальной формы ориентирована по длинной оси в направлении запад – восток с небольшим отклонением к северу. Размеры ее по дну – 1 × 0,75 м, глубина от уровня обнаружения – 0,44 м.

Скелет подростка 9–10 лет лежал скорченно на левом боку и был ориентирован черепом на северо-восток. Правая рука согнута в локтевом суставе под прямым углом, ее кисть находилась у локтя левой руки. Левая рука согнута под острым углом кистью перед лицом. Ноги в тазобедренных и коленных суставах согнуты под острыми углами (рис. 4, *V*). Погребение безынвентарное.

Погребение 4 (впускное) обнаружено в 6,5 м к западу от условного центра кургана (рис. 4, *I*) на глубине 1,35 м от его вершины.

Рис. 4. Могильник Трехбалочный. Курган 5

I – общий план (*а* – границы насыпи); *II* – западные фасы бровок (*а* – пашня; *б* – чернозем; *в* – насыпь (серо-коричневый суглинок); *г* – погребенная почва (светло-серый суглинок); *д* – предматерик (пестрый желто-черный суглинок); *е* – перекоп; *ж* – материк (желтая глина)); *III* – погр. 1 (*1* – сосуд керамический; *2* – кости животного; *а* – охра); *IV* – погр. 2 (*1* – сосуд керамический); *V* – погр. 3; *VI* – погр. 4 (*1* – сосуд керамический); *VII* – сосуды из погребений: *а* – погр. 1; *б* – погр. 2


I
II
A'
C
Б
-124
1
-145
Б'
-160
0
0,5 м
А-А'
А
-132
Б-Б'
1
III
C
-125
A'
-166
1
2
-120
-144
А-А'
А
- а
0
0,5 м
1
2
3

Яма подпрямоугольной формы по длинной оси ориентирована в направлении северо-восток – юго-запад (рис. 4, *VI*). Размеры ее придонной части – 1,22 × 0,68 м.

Скелет подростка 18 лет неполной сохранности лежал скорченно на левом боку и был ориентирован головой на северо-восток. Руки согнуты в локтевом суставе, кисти – перед лицом. Ноги были согнуты в тазобедренном суставе под прямым углом, стопы подтянуты к тазу.

На локтях находился развал лепного сосуда, лежавшего на боку, представлявшего собой горшок вертикальных пропорций с наибольшим расширением в верхней трети тулова (рис. 5, *I*). Высота горшка – 18,5 см, диаметр венчика – 19,5 см, диаметр наибольшего расширения тулова (на высоте 14,3 см от дна) – 20,3 см, реконструируемый диаметр дна – 12,5 см, толщина стенок – до 1,3 см, дна – 1,1 см. Внешняя и внутренняя поверхности сосуда шероховатые, со следами заглаживания – местами видны следы разнонаправленных неглубоких расчесов (от пучка травы?). Сосуд орнаментирован по плечику двумя рядами глубоких наклонных (под углом в 45°) вдавлений, выполненных мелкозубчатым штампом. Общая ширина орнаментальной композиции – 2,2 см. Длина отдельного оттиска – до 1,1 см, ширина – 0,5 см. Расстояние между рядами – 0,9 см. Черепок в изломе темно-серого цвета, внутренняя и внешняя поверхности пятнистые – от темно-серого до светло-коричневого цвета.

Погребение 5 (впускное) обнаружено в 10 м к северо-западу от условного центра кургана (рис. 4, *I*) на глубине 1,45 м от его вершины. Яма, неправильно-овальной формы с расширением в юго-западной части, вытянута по линии северо-восток – юго-запад (рис. 5, *II*). Размеры ее по дну – 1,2 × 1,05 м, глубина – 0,2 м.

В яме находились фрагмент таза и малая берцовая кость взрослого человека, у которой зафиксирован развал лепного остроребероного горшка (рис. 5, *II–1*). Плоское дно имело небольшую закраину, ребро находилось в верхней трети тулова. Высота сосуда – 14,4 см, диаметр венчика – 22,7 см, диаметр наибольшего расширения тулова (на высоте 9,5 см от дна) – 24 см, диаметр дна – 10 см, толщина стенок – до 0,8 см, дна – до 0,8 см. Внешняя и внутренняя поверхности шероховатые, местами хорошо заглажены (на нижней части тулова различимы следы расчесов). Горшок орнаментирован по внешней поверхности ребра, плечику и венчику глубокими прочерченными линиями, образующими в нижней части композиции непрерывный (?) горизонтальный фриз из заштрихованных треугольников (сохранилось 4) без подчеркнутого основания, а в верхней – горизонтальный ряд из косых крестов и таких же открытых снизу небольших треугольников, но уже без штриховки. Черепок в изломе черного цвета, внешняя и внутренняя поверхности – ярко-оранжевые, местами – с проступающими черными пятнами (в нижней части корпуса).

Погребение 6 (впускное) обнаружено в 6,5 м к северо-западу от условного центра кургана (рис. 4, *I*) на глубине 1,66 м от его вершины.

Рис. 5. Могильник Трехбалочный. Курган 5

I – сосуд из погр. 4; *II* – погр. 5 (*1* – сосуд керамический); *III* – погр. 6 (сосуды керамические: *1, 2* – из погребения; *3* – из заполнения ямы; *а* – границы тлена от подстилки)

Яма подпрямоугольной формы ориентирована по длинной оси в направлении северо-восток – юго-запад (рис. 5, *III*). Размеры ее по дну – 1,3 × 0,9 м, глубина – 0,5 м.

Скелет мужчины 45–50 лет лежал в сильно скорченном положении на левом боку и ориентирован головой на северо-восток. Правая рука отведена от груди под острым углом и согнута в локте под прямым углом. Левая рука сильно согнута в локте таким образом, что предплечье лежит вплотную к плечу. Ноги коленями были подтянуты к груди, а стопами к тазу. Под скелетом и вокруг него был прослежен тлен от органической подстилки.

Перед черепом и грудью погребенного вплотную друг к другу стояли два сосуда.

Сосуд 1 представлял собой остроребериый горшок с ребром в верхней трети тулова и плоским дном с закраиной (рис. 5, *III–1*). Высота сосуда – 15,5 см, диаметр венчика – 17,7 см, диаметр наибольшего расширения тулова (на высоте 10 см от дна) – 20 см, диаметр дна – 12 см, толщина стенок и дна – до 0,9 см. Внешняя и внутренняя поверхности шероховатые. Горшок орнаментирован по внешней поверхности ребра, плечику и венчику глубокими прочерченными линиями. Композиция включает в себя 10 крестов с удлиненными горизонтальными линиями. Некоторые кресты выполнены с небольшим скосом. Сверху (в нижней части венчика) и снизу (по ребру) орнамент ограничен непрерывными горизонтальными линиями. Свободное пространство между линиями и крестами заполнено короткими овальными вертикальными вдавлениями в довольно хаотичном порядке. Общая ширина орнаментальной композиции – до 4 см. Черепок в изломе серого цвета, внешняя и внутренняя поверхности – серо-коричневые.

Сосуд 2 представлял собой горшок вертикальных пропорций закрытого типа с плоским дном с небольшой закраиной (рис. 5, *III–2*). Высота сосуда – 16 см, диаметр венчика – 17 см, диаметр наибольшего расширения тулова (на высоте 11,5 см от дна) – 18 см, диаметр дна – 9 см, толщина стенок – до 1,3 см, дна – 0,9 см. Внешняя и внутренняя поверхности шероховатые, со следами заглаживания. Внешняя поверхность практически на всей плоскости имеет следы неглубоких горизонтально направленных расчесов (от пучка травы?). На расстоянии 3 см от края венчика в сосуде сделаны два сквозных, расположенных в горизонтальной плоскости относительно друг друга круглых отверстия, которые можно рассматривать как следы ремонта (стяжки). Расстояние между ними – 1,7 см, диаметр – 0,45 см. Между отверстиями и краем венчика – два ряда вертикальных ногтевых вдавлений (ширина «орнамента» – 12 см). Черепок в изломе темно-серого цвета, поверхности – пятнистые: от серого до темно-коричневого.

Кроме этого, в заполнении могильной ямы был обнаружен развал лепного сосуда, фрагменты которого залегали на глубине от 0,43 до 0,71 м от вершины кургана. Он представлял собой крупный высокий орнаментированный горшок закрытого типа (рис. 5, *III–3*). Высота сосуда – 27,5 см, диаметр венчика – 22,5 см, диаметр наибольшего расширения тулова (на высоте 22 см от дна) – 24,5 см, реконструируемый диаметр дна – 8 см, толщина стенок – до 1 см, дна – 1,1 см. Внешняя и внутренняя поверхности шероховатые, со следами заглаживания – местами видны следы разнонаправленных неглубоких расчесов (от пучка травы?). Горшок орнаментирован по плечику двумя рядами глубоких вертикальных

овальных вдавлений. Общая ширина орнаментальной композиции – 4 см. Черепок в изломе темно-серого цвета, внутренняя поверхность также темно-серого цвета, внешняя – пятнистая: от темно-серого до ярко-оранжевого и даже красного цвета.

Рассмотренные выше комплексы по погребальному обряду и сопровождающему инвентарю могут быть датированы временем существования среднедонской катакомбной культуры и срубной культуры лесостепной зоны Волго-Донского междуречья.

К среднедонской катакомбной культуре относятся погребения: 3/1, 3а/1, 3а/2, 4/1, 4/2; а к срубной культуре лесостепной зоны Волго-Донского междуречья – 3/2, 3/3, 5/1, 5/2, 5/3, 5/4, 5/5, 5/6.

К сожалению, степень сохранности катакомбного материала не позволяет провести детального анализа. Тем не менее можно отметить ряд моментов. Памятник расположен южнее известных на данный момент катакомбных комплексов Среднего Подонья и западнее этой же культуры на Северском Донце. Аналогии обоим видам сосудов (с прочерченной и шнуровой орнаментацией – из погр. 4/1 и с валиковой – из погр. 3/1 и 3а/2) есть на всей рассматриваемой территории. Однако по организации орнаментальных схем (треугольники вершинами вверх в первом случае и комбинация из нескольких валиков во втором) и стилистическим особенностям керамика из могильника Трехбалочный стоит ближе к катакомбной посуде ряда донских могильников (Зареченский, Прилепы I, Стояновский, Павловский – верхняя группа, Ольховатские I и II), сосредоточенных в южной части донского ареала. По существующей классификации оба вида сосудов могут быть отнесены ко второму или развитому этапу среднедонской культуры (*Синюк*, 1996. С. 168. Рис. 41). Полученные пока немногочисленные материалы имеют прямое отношение к вопросу о контактах двух больших субареалов среднедонской катакомбной культуры[5].

Степень сохранности комплексов срубной культуры позволяет более подробно рассмотреть данный материал.

В исследованной части могильника зафиксировано 8 погребений срубной культуры в курганах 3 и 5. Курган 3 содержал разновременные комплексы, а курган 5 – только срубные. По основным характеристикам погребального обряда, а также анализу керамического инвентаря рассматриваемые материалы могут быть отнесены к развитому периоду срубной культуры (*Пряхин, Матвеев*, 1988. С. 147; *Лунькова*, 2002. С. 13; 2003). В качестве основных маркеров стоит указать такие признаки, как:

– неглубокие и небольшие по площади могильные ямы;

– совпадение ориентировок могильных ям (по длинной оси) и погребенных при значительном доминировании северо-восточного (с незначительными отклонениями) направления;

– устойчивое положение костяка на левом боку в средне и сильно скорченном состоянии и тяготение в расположении костей рук к лицевому отделу черепа;

[5] Выражаем глубокую благодарность А. Н. Гею за анализ катакомбного материала из могильника Трехбалочный.

– преобладание погребений с одним сосудом при относительно высоком проценте остроребериых горшков.

В качестве локальных черт могильника можно отметить наличие органической подстилки, характер исполнения и орнаментации сосудов (в частности – из кургана 5).

Наиболее близкими территориально, хронологически и по характеру обнаруженного материала могут рассматриваться курганы Радченское, Лофицкое и курганные могильники: Богучарский I, II; Советское I, II.

Наличие достаточно аргументированных разработок по хронологии погребального обряда срубной культуры (*Лунькова*, 2002; 2003; *Отрощенко*, 2002) позволяет нам (несмотря на плохую сохранность и даже частичное разрушение погребальных комплексов, следствием чего явилось отсутствие достоверной стратиграфии) предложить схему последовательности совершения погребений. Так, наиболее ранними погребениями в рамках развитого периода можно считать погр. 3/2 и 3/3 (степень скорченности костяка с подогнутыми ногами, органическая подстилка, форма остроребериого сосуда). Далее был возведен курган 5, содержащий только срубный материал. Наиболее ранними для этого кургана можно назвать погр. 1 и, возможно, 3, затем следуют второе и пятое; поздними – погр. 4 и 6. Сосуд из насыпи над погр. 6 из-за вытянутых пропорций и характерного орнамента может быть датирован завершающей стадией развитого периода срубной культуры.

Одной из ярких черт данного могильника является керамический комплекс со сложными орнаментальными композициями. Рассматривать его в качестве необычного или «экстраординарного» в настоящее время необоснованно. С момента выхода работы Е. Ю. Захаровой по сосудам с рисунками (несимметричным орнаментом) и знаками (*Захарова*, 2000), где было учтено более 300 экз., их число за последнее время значительно увеличилось. Наиболее полную сводку аспектов в изучении орнаментации срубной керамики приводит В. В. Цимиданов (2010. С. 120). Исследователь обращает особое внимание на связь орнамента сосудов из погребений с возрастом, полом, социальной позицией погребенного; а то, что общество носителей срубной культуры социально дифференцировано, им отмечалось неоднократно (*Цимиданов*, 2004).

Благодаря наличию и половозрастных определений погребенных, и сосудов со сложными орнаментальными композициями в погребениях, мы смогли провести сопоставительный анализ этих компонентов. В срубных погребениях встречено восемь сосудов, пять из которых содержат композицию с нарушением орнаментального ритма (о ней см.: *Луньков*, 2004. С. 62, 63). Они зафиксированы в трех погребениях взрослых людей, в двух случаях это были мужчины возраста 40–55 лет, подростка 9–10 лет и ребенка 5–6 лет. То есть во всех комплексах с взрослыми людьми встречена такая керамика, что позволяет рассматривать ее в качестве характерной черты обряда в рамках данного могильника. Стоит отметить наличие такого рода керамики в погребении подростка кургана 3[6], в то время

[6] Погребения срубной культуры из кургана 3 предположительно относятся к чуть более ранней стадии, чем погребения из кургана 5, но все они находятся в рамках развитого периода.

как в погребениях подростков кургана 5 – отсутствует. Что касается детского погребения, то сказать что-то конкретно об обряде достаточно сложно в силу его плохой степени сохранности.

Сопоставляя данные этого могильника с материалами, приведенными В. В. Цимидановым (2010. С. 129–131. Табл. 1–6), стоит отметить близость по указанным характеристикам с памятниками данного региона.

Таким образом, проанализированный материал эпохи средней и поздней бронзы из курганного могильника Трехбалочный представляет определенный интерес как для изучения взаимодействия и взаимовлияния между носителями разных культурных образований в силу своего расположения в пограничной зоне лесостепи и степи, так и для понимания погребального обряда в рамках одного могильника.

ЛИТЕРАТУРА

Захарова Е. Ю., 2000. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы / Науч. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во. 163 с.

Клещенко А. А., 2014. Отчет об охранно-спасательных исследованиях курганных могильников Трехблочный, Попасный II и Арпачинский III в Чертковском, Миллеровском и Багаевском районах Ростовской области в 2013 году // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.

Луньков В. Ю., 2004. Керамические изделия // Каргалы. Т. III: Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования / Отв. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 22–74.

Лунькова Ю. В., 2002. Погребальный обряд срубной культуры Волго-Донского междуречья: автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 20 с.

Лунькова Ю. В., 2003. Обрядовые группы срубной культуры Волго-Донского междуречья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее: мат-лы науч. конф. Ч. 1. М.: ГИМ. С. 126–129.

Отрощенко В. В., 2002. К вопросу о периодизации покровской срубной культуры // Проблемы археологии Евразии / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Тула: Гриф и К. С. 175–180.

Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П., 1988. Курганы Побитюжья. Воронеж: ВГУ. 180 с.

Синюк А. Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Воронежский педуниверситет. 350 с.

Цимиданов В. В., 2004. Социальная структура срубного общества. Донецк: ИА НАНУ. 204 с.

Цимиданов В. В., 2010. Орнаментация керамики срубной культуры: социальный и половозрастной аспект // Археологический альманах. № 21: Изобразительное искусство в археологическом наследии: сб. ст. / Гл. ред. А. В. Колесник. Донецк: Лебедь. С. 120–139.

Сведения об авторах

Клещенко Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sansanych@bk.ru;

Лунькова Юлия Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ylunkova@rambler.ru;

Луньков Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: vlunkov@rambler.ru

A. A. Kleshchenko, Yu. V. Lun'kova, V. Yu. Lun'kov

THE KURGAN CEMETERY TREKHBALOCHNYY: THE NEW BRONZE AGE SITE IN UPPER REACHES OF THE KALITVA RIVER

Abstract. The article considers materials of the Middle and Late Bronze Ages from the cemetery Trekhbalochnyy, recovered in the course of investigations in Rostov region in 2013. The expedition of the Institute of Archaeology, RAS was headed by A. A. Kleshchenko. The paper presents description and analysis of burial associations (totally 13 burials from 4 kurgans). The majority of complexes are attributed to the Timber-grave (Srubnaya) culture of the Volga-Don interfluve; relative chronology of the complexes within the framework of its developed stage is suggested. Special attention is paid to the research of the ceramic complex, which includes vessels with elaborate ornamental compositions. An attempt is made to relate ornaments on the pottery with sex and age of the dead.

Keywords: Middle – Late Bronze Age, Volga-Don interfluve, Catacomb culture, Timber-grave culture, burial association, statistical analysis, vessels with elaborate ornamental compositions.

REFERENCES

Kleshchenko A. A., 2014. Otchet ob okhranno-spasatel'nykh issledovaniyakh kurgannykh mogil'nikov Trekhblochnyy, Popasnyy II i Arpachinskiy III v Chertkovskom, Millerovskom i Bagaevskom rayonakh Rostovskoy oblasti v 2013 godu [Report on protective rescue investigations of kurgan cemeteries Trekhbalochnyy, Popasnyy II and Arpachinskiy III in Chertkovskiy, Millerovo and Bagaevskiy districts of Rostov region in 2013]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Lun'kov V. Yu., 2004. Keramicheskie izdeliya [Ceramic artefacts]. *Kargaly [Kargaly], III. Selishche Gornyy: arkheologicheskie materialy, tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva, arkheobiologicheskie issledovaniya [Open settlement Gornyy: archaeological materials, technology of mining and metallurgical production, archaeobiological investigations]*. E. N. Chernykh, ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 22–74.

Lun'kova Yu. V., 2002. Pogrebal'nyy obryad srubnoy kul'tury Volgo-Donskogo mezhdurech'ya: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Burial rite of Timber-grave culture in Volga-Don interfluve: Ph. D. Thesis Abstract]. Moscow. 20 p.

Lun'kova Yu. V., 2003. Obryadovye gruppy srubnoy kul'tury Volgo-Donskogo mezhdurech'ya [Rite groups of Timber-grave culture of Volga-Don interfluve]. *Chteniya, posvyashchennye 100-letiyu deyatel'nosti V. A. Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee: materialy nauchnoy konferentsii [Reading in honour of centenary of V. A. Gorodtsov's activity in State Historic museum: transactions of scientific conference]*, 1. Moscow: GIM, pp. 126–129.

Otroshchenko V. V., 2002. K voprosu o periodizatsii pokrovskoy srubnoy kul'tury [On problem of periodization of Pokrovka Timber-grave culture]. *Problemy arkheologii Evrazii [Problems of archaeology of Eurasia]*. R. M. Munchaev, ed. Tula: Grif i K, pp. 175–180.

Pryakhin A. D, Matveev Yu. P., 1988. Kurgany Pobityuzh'ya [Kurgans of Bityug region]. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet. 180 p.

Sinyuk A. T., 1996. Bronzovyy vek basseyna Dona [The bronze age of the Don basin]. Voronezh: Voronezh state pedagogical university. 350 p.

Tsimidanov V. V., 2004. Sotsial'naya struktura srubnogo obshchestva [Social structure of Timber-grave culture society]. Donetsk: IA NANU. 204 p.

Tsimidanov V. V., 2010. Ornamentatsiya keramiki srubnoy kul'tury: sotsial'nyy i polovozrastnoy aspekt [Ornamentation of Timber-grave culture pottery: social and gender-age aspect]. *Arkheologicheskiy al'manakh [Archaeological miscellany], 21. Izobrazitel'noe iskusstvo v arkheologicheskom nasledii:*

sbornik statey [Figurative art in archaeological heritage: collected articles]. A. V. Kolesnik, ed. Donetsk: Lebed', pp. 120–139.

Zakharova E. Yu., 2000. Sosudy so znakami srubnoy obshchnosti epokhi pozdney bronzy [Vessels with signs of Timber-grave entity of Late Bronze Age]. A. D. Pryakhin, ed. Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo. 163 p.

About the authors

Kleshchenko Alexandr A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sansanych@bk.ru;

Lun'kova Yuliya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ylunkova@rambler.ru;

Lun'kov Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: vlunkov@rambler.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.142-152

С. Н. Кореневский

СИМВОЛИКА СКУЛЬПТУР ВОИНОВ И ЖЕНСКОГО БОЖЕСТВА В КОМПЛЕКСАХ С ОРУЖИЕМ У ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ДУНАЙСКОГО РЕГИОНА ЭПОХИ ХАЛКОЛИТА

Резюме. Археологические источники эпохи халколита Дунайского региона V тыс. до н. э. указывают на появление в мифологии местных племен антропоморфных персонажей с оружием в руках. В каноны погребального обряда ряда культур в качестве инвентаря входит оружие рукопашной схватки. В наиболее престижных погребальных комплексах с оружием и орудиями труда культур Хаманджия и Варна с оружием совмещается схематическая женская фигурка и украшения из золота, которые являлись частью символики культа богини плодородия. Такие комплексы позволяют ставить вопрос о том, что образ богини-матери стал важен для значимости захоронений с оружием. Последнее обстоятельство можно связывать с развитием в мифологии идеи связи богини плодородия с военным делом и «страной без возврата», т. е. с формированием образа богини войны и смерти на поле брани. Отмечается, что в кладах с оружием рукопашной схватки (Карбуна, Брад, Клад I Каменец-Подольского района) несколько раз встречаются те же символические украшения, связанные с культом богини плодородия. Вероятно, такие клады подчеркивали особый, возможно сакральный, престиж набора из оружия и символов женского божества.

Ключевые слова: халколит, Дунайский регион, символика, богиня плодородия, магия, культ, престиж, оружие, украшения, клад, погребение.

Дунайский бассейн в конце VI – V тыс. до н. э. был одним из самых передовых в военном отношении регионов Европы. Здесь у племен культуры линейно-ленточной керамики (*Tumов*, 1980. С. 288) активно использовались каменные топоры-молоты, костяные клевцы и кинжалы, менее известны каменные булавы. В V тыс. до н. э. широкое распространение получают также медные топоры-молоты. Возникают специализированные типы оружия ударного действия, как, например, медные втульчатые клевцы, усиливающие его пробивную способность (*Todorova*, 1981; *Vulpe*, 1975).

Искусство древних племен Подунавья не осталось в стороне от роста военного напряжения в регионе.

Символику целого военного соединения отражает группа статуэток (рис. 1, *1*), найденная в 2008 г. в жилище на поселении Стублине культуры Винча D-2 (ок. 4600 ВС) в Сербии (*Crnobrnja*, 2011. С. 139. Fig. 9). Строение имело размер 9,1 × 4,8 м. Характер его определяется как жилой и культовый. В жилище был очаг, сосуды для приготовления пищи, зернотерки, алтарь. Общее количество фигурок – 43 экз. Некоторые статуэтки были найдены перед большим очажным местом. Но большая их часть (34 экз.) находилась под завалом стены. Статуэтки имели цилиндрическое туловище, руки у них отсутствовали. Глиняная модель оружия ударного действия крепилась на палочке, воткнутой в плечо статуэтки.

Автор публикации отмечает, что фигурки были выполнены в традициях культуры Винча. Они не имели признаков пола и воспринимаются скорее как абстрактные фигуры неких монстров. Лица статуэток, по мнению автора статьи, напоминают головы птиц (рис. 1, *4*).

Среди глиняных моделей можно различить (по мнению автора статьи) два типа топоров-молотов, три варианта топоров-клевцов и три предмета, специализация которых неясна. Отчетливо видна палица-булава. Фигурки в жилище при детальном рассмотрении располагаются группами. Три группы включают по три статуэтки, три группы по шесть статуэток и одна (центральная) группа состояла из 9 статуэток, сгруппированных вокруг «вождя» – самой крупной фигурки с булавой. В таком расположении можно проследить, видимо, магию чисел 3 : 6 : 9, а возможно, указание на численность боевого подразделения. А. Црнобрня пишет, что здесь может быть отражена идея символической процессии воинов или же это были лишь фишки для игры (*Crnobrnja*, 2011).

На наш взгляд, такие статуэтки имели культовый характер, отражающий некие мифологические представления местного населения о воинах с палицей и боевыми топорами в руках. «Войско» явно располагает своим лидером. Он, как и многие вожди в первобытном искусстве, показан самым крупным. Лидер вооружен палицей-булавой, остальные – медными или каменными топорами. В любом случае, перед нами как бы группа воинов со своим военачальником, имеющим особое оружие предводителя (булаву). Кого изображают эти статуэтки? Они лишены пола, абстрактны, их головы напоминают головы птиц. Может быть, это некие образы людей или божеств (духов), переданных в самой общей форме? Трудно сказать, но факт изображения отряда с оружием рукопашной схватки, как показатель реалий своего времени, здесь очевиден.

В каноны погребального обряда ряда культур дунайского халколита в качестве инвентаря начинают включать и предметы вооружения. В ряде случаев в комплексах с оружием рукопашной схватки можно встретить разнообразные украшения в виде подвесок, медальонов и блях. Что могли отражать такие наборы? Попытаемся прокомментировать подобные случаи взаимной встречаемости оружия и упомянутых выше украшений.

Начнем с того, что культуры Дунайского бассейна медно-бронзового века V тыс. до н. э. (например, Тиса, Хаманджия, Гумельница, Варна, Коджадермен, Кукутени-Триполье) за время своего существования выработали сложную идеологию и богатую мифологию, передаваемую в разнообразных изобразительных образах. Персонажи верований нашли воплощение в изображениях на керамике, в глиняной скульптуре, костяных и медных изделиях. Одним из наиболее

популярных персонажей стала, видимо, богиня-мать (или богиня плодородия). Фигура волшебницы передавалась в фантастических образах (рис. 2, *12*) (*Бурдо*, 2008. С. 138. Рис. *Позиция 3*) или частично реалистичных скульптурах из глины. Обзор антропоморфной культовой пластики и рисунков на сосудах культур дунайского халколита, в том числе культуры Кукутени-Триполье, представлен в монографиях С. Хансена (*Hansen*, 2007) и Н. Б. Бурдо (*Бурдо*, 2008). Ниже мы затронем тему о схематических украшениях-подвесках, символических предметах, воплощавших идею культа богини плодородия, формы которых уже почти не напоминают антропоморфные очертания божества.

В развитии этого направления о стилизации женской фигуры богини можно отметить несколько сюжетных линий. Одну из них можно обозначить как *реально стилизованный антропоморфизм*, другую – как *абстрактный антропоморфный геометризм*. Так, древние художники, работая в стиле *стилизованного антропоморфизма*, могли сохранить контуры туловища божества, существенно его преобразовав. Голова изображалась в виде прямоугольника, овала, серповидной фигуры, но с обязательными отверстиями в ушах или по периметру (рис. 1, *2, 4*). Это была имитация ношения престижных металлических подвесок в ушах и даже под нижней губой на подбородке. В итоге голова оказывалась как бы в круге отверстий. Лицо моделировалось в виде выступа (рис. 1, *4*). Голова вообще могла не отображаться и не прорабатываться как часть тела. Руки показаны в виде отростков, расставленных в стороны или опущенных вниз от горизонтальной линии плеч, образуя как бы перекладину буквы «Т» (рис. 1, *4*). Четко подчеркивались женская грудь, талия, область живота (чрева), отмечался крутой переход к бедрам.

Стиль *абстрактного антропоморфного геометризма* упрощал контуры фигуры до неузнаваемости и превращал тело богини в некую геометрическую фигуру – подвеску, которая могла крепиться к костюму через отверстие. Так, в могильнике Варна в погр. 1, 3, 4, 36 встречены подвески в виде прямоугольной пластины из кости или мрамора с отростком-талией и опущенными вниз стилизованными руками (рис. 1, *2*). Такая композиция в виде буквы «Т» напоминала вполне реалистичную фигуру богини, но без головы. На некоторых подвесках (рис. 1, *6, 7*) крепились выпуклые золотые бляшки с парными отверстиями по краям (рис. 1, *14*). Подобные украшения также можно рассматривать как детали, относящиеся к символике богини плодородия. В могильнике Варна встречены более крупные бляшки из золота с пуансонным орнаментом по краю или без него, что связывает этот тип орнамента с символикой женского божества (рис. 1, *5, 14*).

В Карбунском кладе встречены медные пластины, имитирующие туловище, шею и голову божества (рис. 1, *10, 13*). Последние незамысловатые украшения очень важны для понимания того, что они дали еще более примитивную модификацию украшения в виде так называемой скорлупки (рис. 1, *11, 12*).

Еще одной вариацией крайне стилизованной фигуры божества стали подвески-медальоны с отверстием в центре или кольцевидные медальоны (рис. 1, *6, 7*).

Теперь обратимся к комплексам, в которых найдены антропоморфные статуэтки богини и ее символы: бляшки, медальоны и оружие.

Рис. 1. Фигурки с оружием и стилизованные изображения богини

1 – Стублине; *2* – Варна, погр. 4; *3, 5, 14* – Варна, погр. 43; *4* – Градешница; *6* – Мойград; *7* – Прогар; *8–13* – Карбунский клад; *15* – клад Брад; *16* – Клад I из Каменец-Подольского района (по рисункам и фотографиям авторов, соответственно упоминающихся в ссылках в тексте)

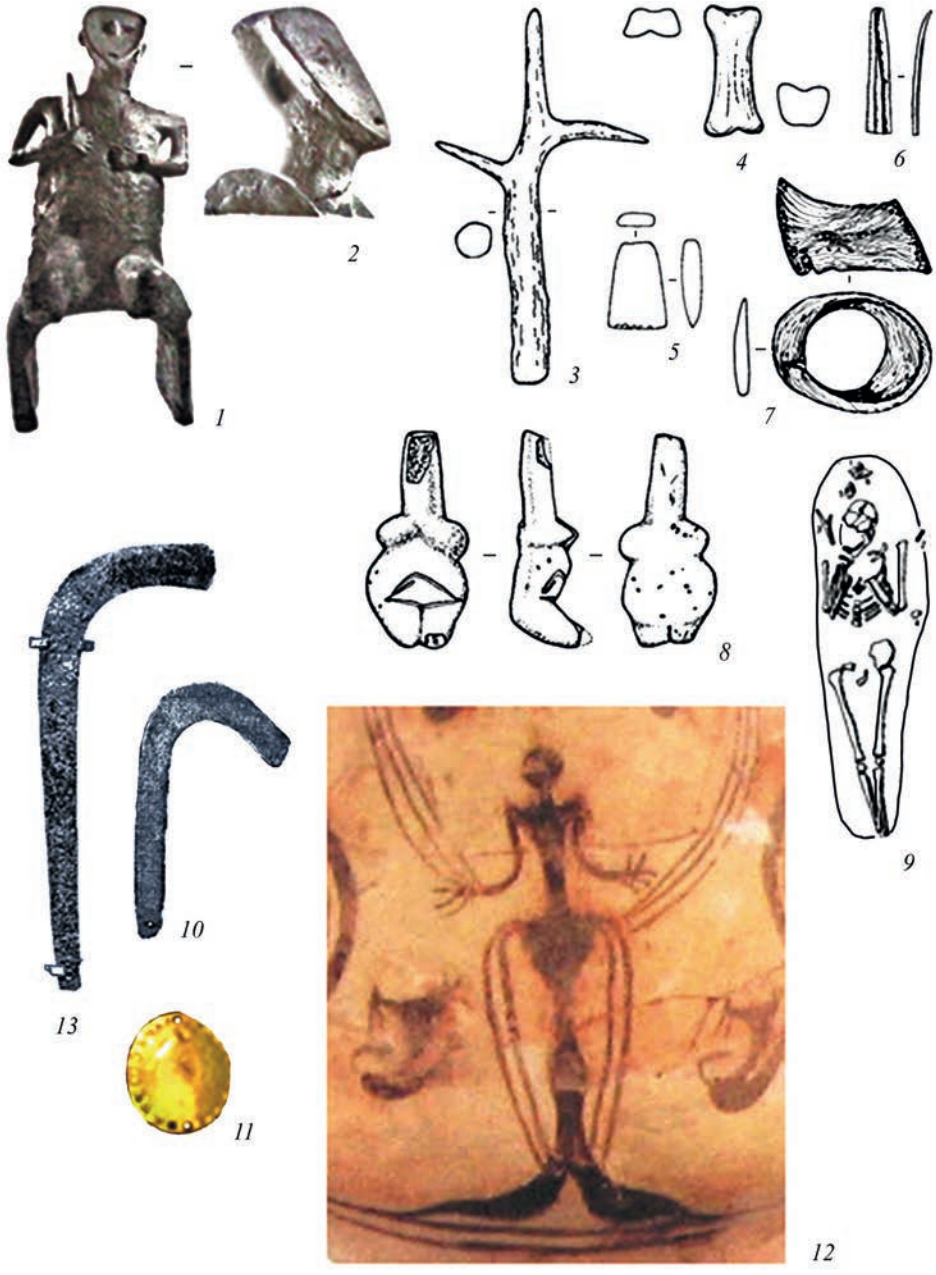


Рис. 2. Изображения богини и вещи из комплексов культур дунайского халколита

1, 2 – Сегвар-Тусковец, культура Тиса; *3–9* – Дуранкулак, погр. 1036, культура Хаманджия; *10, 11* – Варна, погр. 36, культура Варна; *12* – поселение Главан I (Молдова), изображение богини на сосуде культуры Кукутень-Триполье; *13* – Заласентмихай (Венгрия), медная палица (по рисункам и фотографиям авторов, соответственно упоминающихся в ссылках в тексте)

Одно из наиболее ранних захоронений с таким набором вещей – погр. 1036 могильника Дуранкулак культуры Хаманджия (рис. 2, *3–9*). В нем был погребен мужчина с палицей – жезлом из рога оленя с острыми отростками (рис. 2, *3*), каменным теслом (рис. 2, *5*) и статуэткой богини (рис. 2, *8*). Здесь же найдены путовые кости осла – еще одна категория атрибутов погребального обряда, также связанная с культом богини плодородия (*Todorova*, 2002a; 2002b). Такой вывод можно сделать на том основании, что в ранней неолитической культуре Криш в Румынии (VII–V тыс. до н. э.) встречены идолы с женским символом, изготовленные из фаланг животных. Они найдены на поселении Кунья Турчулуй (*Vlassa*, 1976. P. 79. Fig 5; 6). Путовые кости лошади с нанесенными на них женскими символами известны из Варфоломеевской стоянки на востоке Европы (*Юдин*, 2004. С. 126) и в культуре Ботай в Казахстане (*Olsen, Harding*, 2008).

Следующее захоронение с оружием и символами богини – это богатейший комплекс погребения 43 в Варне (рис. 1, *3*). В нем был похоронен мужчина в возрасте около 45–50 лет ростом 170 см. Он принадлежал к лицам старшей возрастной группы. В погребении было найдено оружие с символикой высокого престижа – великолепно отполированный каменный топор, рукоятка которого была украшена золотом. У левого плеча лежал медный наконечник копья с черенковым насадом. В области бедер зафиксированы медные тесло и узкое долото. Между ног находилось каменное тесло (или только его символ).

В погребении было найдено много золотых блях с пуансоном или блях-колпачков без пуансона с двумя парами отверстий по краям (рис. 1, *5*). Под головой покойного лидера, как полагает В. Славчев, была подушка (рис. 1, *3*) (*Slavchev*, 2015). По ее периметру были выложены крупные золотые бляхи с пуансонным орнаментом по краям и с парой отверстий каждая (рис. 1, *5*), что как бы имитировало ореол вокруг головы умершего. В целом можно констатировать, что в этом выдающемся комплексе символика вооружения, инструментов труда и богини плодородия были объединены в одном погребальном наборе как выражение его высочайшего престижа в системе локальных верований и мифологии смерти.

Пластинки, символизирующие богиню плодородия, бляшки из золота в могильнике Варна встречены также в символических захоронениях с оружием и золотом (погребения 1, 4, 36). В погр. 1 зафиксирован набор из двух медных топоров, медного тесла, долота, Т-образной антропоморфной фигурки, блях из золота с парными отверстиями по краям. В погр. 4 – набор из каменного топора с золотой обкладкой рукоятки, медных орудий и оружия (клевца-пробойника, топора, тесла и стержня с крюком), Т-образной статуэтки, блях из золота с парными отверстиями по краям.

Погребение 36 могильника Варна включало набор из золотого молота на обложенной золотом (символом изогнутой палицы) рукоятке, крупных золотых и мелких бляшек с парными отверстиями по краю, кольцевидных медальонов с широкой и узкой петлей для подвешивания (рис. 2, *10, 11*) (*Иванов*, 1978; *Ivanov*, 1988).

Все эти данные показывают, что самые престижные комплексы с оружием и инструментами – так называемой элитарной военно-производственной символикой культуры Варна – сопровождались символикой богини плодородия.

И оружие, и украшения, которые можно трактовать как символы богини-матери, встречаются в кладах культур дунайского энеолита. Таков упоминавшийся выше Карбунский клад. В него входил 851 предмет, в том числе медные и каменные топоры, каменные тесла, а также многочисленные украшения из меди в виде крайне стилизованных антропоморфных культовых подвесок: дисковидные подвески, подвески-«скорлупки» (рис. 1, *8–13*). Клад Брад в Румынии был обнаружен внутри сосуда в слое поселении культуры Кукутени А3 (4200–4050 ВС). В состав клада входил боевой топор и более 480 металлических и костяных украшений: золотые бляхи с двумя отверстиями (рис. 1, *15*), серебряные бляхи меньшего размера с двумя отверстиями, два массивных литых браслета, украшения из зубов оленя и костяные бусы. Сочетание оружия и украшений (золотой бляхи) отмечается и здесь (*Дергачев*, 1998. С. 25; *Popovici*, 2000. Fig. 40; 41; *Lazarovici et al.*, 2009).

Третий клад, введенный в научный оборот В. А. Дергачёвым, происходит из Каменец-Подольского района Хмельницкой области (*Дергачёв*, 2016). Клад включал топор типа Ясладань, золотую диадему, антропоморфную подвеску в виде сильно стилизованной антропоморфной фигуры (рис. 1, *16*), «ступенчатой» угловатостью напоминающей очертания богини на сосуде из поселения Главан I в Молдове (*Бурдо*, 2008; *Lazarovici et al.*, 2009) культуры Кукутени-Триполье (рис. 2, *12*), только ноги богини из Каменец-Подольского района обернуты спиралями, а у богини на сосуде из поселения Главан I они скорее похожи на ласты или рыбий хвост.

Интересно отметить, что символика украшений, связанных с богиней-матерью, проникает далеко на восток к племенам протоямной культуры. Таковы медные бляшки с пуансоном и медные скорлупки из погребений Айгурский 2/17, Верхний Акбаш 1/11, Веселая Роща II 1/15, Шарахалсун 5/8, хут. Стеблицкий 1/3 (*Кореневский*, 2012. Рис. 8; 10; 11; 29; 46), но оружие их не сопровождает.

Скульптура из глины дополняет наши материалы своими сюжетами. Для культуры Тиса (Венгрия) (первая половина V тыс. до н. э.) характерны статуэтки сидящего на троне (?) человека (*Hansen*, 2007). Некоторые фигурки имеют признаки мужского пола (Ibid. S. 194. Abb. 63). Другие их лишены, у них показаны груди и четко передан признак женского пола.

В данном контексте следует обратить внимание на статуэтки с оружием в руках. Так, у фигурки сидящего на троне человека из Сегвар-Тусковец (рис. 2, *1*) на плече четко видна медная палица с изгибом в верхней части, известная как реальное оружие из меди по находке из Заласентмихай (рис. 2, *13*) (*Титов*, 1980. С. 357. Рис. 215). Ее имитацию в золоте передает подвеска из погр. 36 Варненского могильника (рис. 2, *10*). Признаков мужского пола на статуэтке из Сегвар-Тусковец незаметно. Лицо изображено как вогнутая внутрь поверхность. Это совершенно не характерно для антропоморфной пластики культур дунайского халколита, которые передаются выпуклым рельефом. Нос у статуэтки как бы провалился. Расстояние между ним и прорезью рта непропорционально велико для живого человека (рис. 2, *1, 2*). Может быть, так обозначена маска? Но, скорее всего, здесь изображена богиня смерти, лицо которой – это не лицо живого человека, а подверженная тлению голова покойного. Еще одна подобная статуэтка (также из Сегвар-Тусковец) держит на плече боевой топор (*Hansen*, 2007. Taf. 233, *4*).

Нельзя не отметить, что в литературе существует иное мнение об этих статуэтках, интерпретируемых как образы мужчин с оружием. Но, на наш взгляд, оружие – не аргумент в определении пола. Не исключено, что изображаемые божества вообще могли быть андрогинного характера, т. е. двуполые или способные менять пол.

Подведем итоги. Пантеон божеств религии природы знает много богов и богинь, отвечающих за различные сферы деятельности. Среди женских персонажей у разных народов особо почитаемыми были богини-прародительницы и богини плодородия. Они играли доминирующую роль среди сообщества мифологических властителей мира наряду с богами – творцами и созидателями. Одной из специализаций богинь в мифах Древнего Египта, Месопотамии, Ирана, Греции, Германии стала и военная деятельность, и забота о павших героях (например: Сехмет (Египет), Инанна-Иштар (Месопотамия), Афина (Греция), Фрейя и валькирии (германо-скандинавские народы)). Богини войны были многочисленны в мифологии кельтов (*Джонс-Блей*, 1997; *Jones-Bley*, 2008).

Археологические источники эпохи халколита Дунайского региона V тыс. до н. э. показывают, что в изобразительной традиции местных племен появились антропоморфные скульптуры с оружием в руках. Погребальная практика ряда культур начала активно допускать проникновения оружия рукопашной схватки в каноны погребального обряда. Более того, показательно, что в наиболее престижных погребальных комплексах с оружием и инструментами культур Хаманджия, Варна стали появляться символы женского божества. Такие комплексы позволяют ставить вопрос о том, что образ богини-матери стал значимым для захоронений с военным снаряжением. Последнее обстоятельство могло быть следствием развития в мифологии местных племен идеи о связи богини плодородия с военным делом и «страной без возврата», т. е. отражать возникновение образа богини войны и смерти на поле брани. Не менее важно отметить, что в кладах с оружием рукопашной схватки (Карбуна, Брад, Клад I Каменец-Подольского района) несколько раз встречаются те же символические украшения культа богини плодородия.

По всей видимости, такие погребения и клады подчеркивали особый, возможно сакральный, смысл набора из оружия и символики женского божества.

Примечание. Пользуюсь случаем исправить опечатку в своей статье «Древнейшие катакомбы и символика орудий ударного действия у племен начала медно-бронзового века понто-предкавказских степей» в КСИА-245 (С. 105–119). Комплекс Прогресс-2, к. 4, п. 12 надо читать как Прогресс-1, к. 1, п. 37.

(*Подробнее. Было*: Прогресс-2, к. 4, п. 12 (рис. 1, *11–14*). *Надо*: Прогресс-2, к. 1, п. 37; С. 107. Рис. 1, *11–14*. *Было*: к. 4 п. 12. *Надо*: Прогресс-2, к. 1, п. 37; С. 109, 110. Табл. 1, № 17. *Было*: Прогресс-2, к. 4, п. 23; *Надо*: Прогресс-2, к. 1, п. 37.)

ЛИТЕРАТУРА

Бурдо Н. Б., 2008. Сакральний світ Трипільської цивилизаії. Київ: Наш час. 296 с.

Дергачев В. А., 1998. Кэрбунский клад = Carbuna deposit. Кишинев: Tipografia Academiei de Ştiinţe. 120 с.

Дергачев В. А., 2016. Новые клады металлических изделий культуры Кукутень-Триполья из Среднего Поднестровья // Culturi, Procese şi Contexte în Arheologie: Volum omagial Oleg Leviţki la 60 de ani. Chisinäu: Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Ştiinţe a Moldovei. С. 36–51.

Джонс-Блей К., 1997. Женщина и война в индоевропейском мире // Стратум: структуры и катастрофы: сб. символической индоевропейской истории. СПб.: Нестор. С. 67–72.

Иванов И. С., 1978. Съкровищата на Варненския халколитен некропол. София: Септември. 125 с.

Кореневский С. Н., 2012. Рождение кургана. М.: Таус. 247 с.

Титов В. С., 1980. Археология Венгрии. М.: Наука. 358 с.

Юдин А. И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Саратовский ун-т. 200 с.

Crnobrnja A. N., 2011. Arrangement of Vinča culture figurines: a study of social structure and organization // Documenta Praehistorica. Vol. XXXVIII. Ljubljana. P. 31–147.

Hansen S., 2007. Bilder vom Menschen der Steinzeit. Mainz: Philipp von Zabern. 2 Teile.

Ivanov I., 1988. Das Gräberfeld von Varna – Katalog // Macht, Herrschaft und Gold. Das Gräberfeld von Varna (Bulgarien) und die Anfänge einer neuen Europäischen Zivilisation: Ausstellungskatalog. Saarbrüken: Moderne Galerie des Saarland-Museums. S. 183–240.

Jons-Bley K., 2008. Arma Feminamque Cano: Warrior-Women in the Indo-European World // Are all warriors male? Gender roles on the Ancient Eurasian Steppe / Eds: K. M. Linduff, K. S. Rubinson. Lanham; New York; Toronto; Plymouth: AltaMira Press. P. 35–50.

Lazarovici C.-M., Lazarovici G.-C., Turcanu S., 2009. Cucuteni. The Last Great Chalcolithic Civilisation of Europe: The exhibition was opened in the Archaeological Museum of Thessaloniki, Greece, September – December. Iaşi. 350 p.

Olsen S., Harding D. G., 2008. Women's Attire and Possible Sacred Role in 4th Millennium Northern Kazakhstan // Are all warriors male? Gender roles on the Ancient Eurasian Steppe / Eds: K. M. Linduff, K. S. Rubinson. Lanham; New York; Toronto; Plymouth: AltaMira Press. P. 67–92.

Popovici D. N., 2000. Cultura Cucuteni. Faza A. Pietra-Neamt: Constantin Matasa. 356 p. (Repertoriul aşezărilor, vol. 1.)

Slavchev V., 2015. Pottery as a Source of information about Copper Age Burial Costom: Data from Burial 43 in the Varna Cemetery // Neolithic and Copper Age between the Carpathians and Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to 4th Millennium BC / Eds: S. Hansen, P. Raczky, A. Anders, A. Reingruber. Bonn: Habelt. P. 369–379.

Todorova H., 1981. Die kupferzeitlichen Äxte und Beile in Bulgarien. Munchen: Beck. VIII. 66 S. 37 Taf. (Prahistorische Bronzefunde; Abt. IX, Bd. 14.)

Todorova H., 2002a. Durankulak, Band II: Der prähistorischen Gräber von Durenkulak. Teil. I. Sofia: Deutsches Archäologisches Institut in Berlin. 359 S., 294 Abb., Tab.

Todorova H., 2002b. Durankulak. Bd. II: Der prähistoroschen Gräber von Durenkulak. Teil. II. Sofia: Deutsches Archäologisches Institut in Berlin. 162 S., 203 Taf.

Vlassa N., 1976. Neoliticul Trasilvaniei. Studii, articole, note. Cluj-Napoca: Comitetul pentru Cultură şi Educaţie Socialistă. 264 p. (Bibliotheca Musei Napocensis; vol. III.)

Vulpe Al., 1975. Die Äxte und Beile in Rumänien: II. München. 98 S. (Prähistorische bronzefunde; Abt. IX, Bd. 5.)

Сведения об авторе

Кореневский Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru

S. N. Korenevskiy

SYMBOLICS OF THE WARRIOR AND FEMALE DEITY SCULPTURES IN THE ASSEMBLES CONTAINING WEAPONS LEFT BY THE AGRICULTURALISTS OF THE DANUBE REGION IN THE CHALCOLITHIC AGE

Abstract. Archaeological sources of the Chalcolithic Age from the Danube Region of V mill. BC point to appearance of anthropomorphic statues carrying weapons which depicted mythological characters. Hand-to-hand weapons began to be actively used in burial rites in a number of cultures. In the most prestigious funeral assemblages containing weapons and tools of the Hamangia and Varna cultures weapons were accompanied by schematic female statues and gold jewelry which were part of the symbolism typical for the fertility goddess cult. Such assemblages imply that the prestige of the mother goddess was important to emphasize a high-ranking status of the burials containing weapons. It is likely, that it was a reflection of a mythological idea on linkages between the fertility goddess and warfare and the country 'from which nobody returns', which means emergence of an image of the goddess of war and death on the battle-field. Interestingly, in the treasures with hand-to hand weapons (Karbuna, Brad, Treasure I of the Kamenets-Podol'sk district) the same symbolic jewelry linked to the fertility goddess has been found repeatedly. Apparently, such treasures emphasized a special, probably, sacral and prestigious status of the set consisting of weapons and symbols of a female goddess.

Keywords: Chalcolithic, Danube region, symbolism, fertility goddess, magic, cult, prestige, weapons, jewelry, treasure, burial.

REFERENCES

Burdo N. B., 2008. Sakral'nyy svit Tripil's'koï tsivilizaiï [Sacral world of Trypillya civilization]. Kyïv: Nash chas. 296 p.

Crnobrnja A. N., 2011. Arrangement of Vinča culture figurines: a study of social structure and organization. *Documenta Praehistorica*, XXXVIII. Ljubljana. P. 131–147.

Dergachev V. A., 1998. Carbuna deposit. Kishinev: Tipografia Academiei de Ştiinţe. 120 p.

Dergachev V. A., 2016. Novye klady metallicheskikh izdeliy kul'tury Kukuten'-Tripol'ya iz srednego Podnestrov'ya [New hoards of metal items of Cucuten'-Tripol'ye culture from Middle Dniester region]. *Culturi, Procese şi Contexte în Arheologie: Volum omagial Oleg Leviţki la 60 de ani*. Chisinău: Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Ştiinţe a Moldovei, pp. 36–51.

Jones-Bley K., 1997. Zhenshchiny i voyna v indoevropeyskom mire [Women and war in Indo-European world]. *Stratum: struktury i katastrofy: sbornik simvolicheskoy indoevropeyskoy istorii [Stratum: structures and catastrophes: book on symbolic Indo-European history]*. St. Petersburg: Nestor, pp. 67–72.

Jones-Bley K., 2008. Arma Feminamque Cano: Warrior-Women in the Indo-European World. *Are all warriors male? Gender roles on the Ancient Eurasian Steppe*. K. M. Linduff, K. S. Rubinson, eds. Lanham; New York; Toronto; Plymouth: AltaMira Press, pp. 35–50.

Hansen S., 2007. Bilder vom Menschen der Steinzeit. Mainz: Philipp von Zabern. 2 vols.

Ivanov I. S., 1978. S"krovishchata na Varnenskiya khalkoliten nekropol [Treasures of Varna Chalcolithic necropolis]. Sofiya: Septemvri. 125 p.

Ivanov I., 1988. Das Gräberfeld von Varna – Katalog. *Macht, Herrschaft und Gold. Das Gräberfeld von Varna (Bulgarien) und die Anfänge einer neuen Europäischen Zivilisation: Ausstellungskatalog*. Saarbrücken: Moderne Galerie des Saarland-Museums, Ss. 183–240.

Korenevskiy S. N., 2012. Rozhdenie kurgana [Birth of Kurgan]. Moscow: Taus. 247 p.

Lazarovici C.-M., Lazarovici G.-C., Turcanu S., 2009. Cucuteni. The Last Great Chalcolithic Civilization of Europe: The exhibition in the Archaeological Museum of Thessaloniki, Greece, September – December. Iaşi. 350 p.

Olsen S., Harding D. G., 2008. Women's Attire and Possible Sacred Role in 4th Millennium Northern Kazakhstan. *Are all warriors male? Gender roles on the Ancient Eurasian Steppe*. K. M. Linduff, K. S. Rubinson, eds. Lanham; New York; Toronto; Plymouth: AltaMira Press, pp. 67–92.

Popovici D. N., 2000. Cultura Cucuteni. Faza A. Pietra-Neamt: Constantin Matasa. 356 p. (Repertoriul aşezărilor, 1.)

Slavchev V., 2015. Pottery as a Source of information about Copper Age Burial Custom: Data from Burial 43 in the Varna Cemetery. *Neolithic and Copper Age between the Carpathians and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to 4th Millennium BC*. S. Hansen et al., eds. Bonn: Habelt, pp. 369–379.

Titov V. S., 1980. Arkheologiya Vengrii [Archaeology of Hungary]. Moscow: Nauka. 358 p.

Todorova H., 1981. Die kupferzeitlichen Äxte und Beile in Bulgarien. München: Beck. VIII, 66 S., 37 Taf. (Prähistorische Bronzefunde, Abt. IX, Bd. 14.)

Todorova H., 2002a. Durankulak. Bd. II: Der prähistoroschen Gräber von Durankulak, I. Sofia: Deutsches Archäologisches Institut in Berlin. 359 S., 294 Abb., Tab.

Todorova H., 2002b. Durankulak. Bd. II: Der prähistoroschen Gräber von Durenkulak, II. Sofia: Deutsches Archäologisches Institut in Berlin. 162 S., 203 Taf.

Vlassa N., 1976. Neoliticul Trasilvaniei. Studii, articole, note. Cluj-Napoca: Comitetul pentru Cultură şi Educaţie Socialistă. 264 p. (Bibliotheca Musei Napocensis, III.)

Vulpe Al., 1975. Die Äxte und Beile in Rumänien: II. München. 98 S. (Prähistorische bronzefunde, Abt. IX, Bd. 5.)

Yudin A. I., 2004. Varfolomeevskaya stoyanka i neolit stepnogo Povolzh'ya [Varfolomeevka station and Neolithic of steppe Volga region]. Saratov: Saratovskiy universitet. 200 p.

About the author

Korenevskiy Sergey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: Skorenevskiy@yandex.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.153-166

Е. В. Волкова

КУЛЬТУРНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЖИЛИЩ ПОСЕЛЕНИЯ ГАЛАНКИНА ГОРА (ПО ДАННЫМ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ)

Резюме. В статье приводятся результаты анализа всего керамического комплекса поселения Галанкина Гора, включающего в себя выжумскую, балановскую, «валиковую» и смешанную керамику. Проведенное исследование керамики и анализ данных о планиграфии поселения позволили реконструировать культурный состав его населения и относительную периодизацию всех жилищ и построек.

Ключевые слова: историко-культурный подход, поздневолосовская керамика, балановская керамика, «валиковая» керамика, керамика выжумского типа, смешение гончарных традиций, относительная периодизация.

Поселение Галанкина Гора, расположенное на мысу высокого всхолмления надпойменной террасы левого берега р. Волга в 1 км к юго-западу от д. Майдан Юринского района Республики Марий Эл, раскапывалось в 1959 и 1966 гг. А. Х. Халиковым, в 1982–1983 и 1989 гг. Б. С. Соловьевым. Поселение изучено полностью. На площади 1730 кв. м раскопано 13 полуземлянок, из-за деревьев некоторые из них исследованы частично. Б. С. Соловьев подчеркивает, что все находки сделаны в заполнении «построек, которые следует рассматривать в качестве условно закрытых единовременных бытовых комплексов» (*Соловьев*, 2000. С. 117).

Три жилища (№ 1, 2 и 3), связанные между собой переходами, располагались вдоль восточного склона мыса. Пять жилищ (№ 4, 5, 8, 9, 10), также связанные между собой переходами, тянулись вдоль западного склона мыса. Еще два жилища (№ 11 и 12), представляли собой третью линию построек, соединенную с предыдущими жилищами переходом от жилища 9 к жилищу 11. К этому переходу примыкает постройка 13. Она небольшого размера, без очага и каких-либо находок. Эта постройка трактуется автором раскопок как подсобное помещение (Там же. С. 121). В центре поселения находились еще две постройки: жилище 6, связанное переходами с жилищами 3, 5 и 9, и постройка 7, связанная сквозным коридором с жилищами 6 и 3. В постройке 7 практически не было керамики, но

было много следов от металлообработки. Эта постройка совершенно справедливо трактуется автором раскопок как металлургическая мастерская (*Соловьев*, 2000. С. 119, 191. Рис. 18).

Первый исследователь этого памятника А. Х. Халиков по материалам раскопанных им первых четырех жилищ выделил три группы керамики: поздневолосовскую (преобладающую), балановскую и смешанную поздневолосовско-балановскую, которую он назвал чирковско-сейминской (*Халиков*, 1969. С. 184–191). По мнению А. Х. Халикова, именно этот памятник дает наиболее ранние материалы чирковско-сейминской культуры конца первой половины II тыс. до н. э. (Там же. С. 191). Надо также отметить, что автор среди поздневолосовской керамики выделял группу посуды с валиками и считал это «явлением, принесенным со стороны» (Там же. С. 190).

Б. С. Соловьев, раскопавший всю оставшуюся часть поселения, предлагает называть поздневолосовскую керамику из комплексов Марийского Поволжья «керамикой выжумского типа» и считает ее одним из компонентов, участвовавшим в сложении чирковской культуры. Смешанное поселение Галанкина Гора он относит ко времени формирования чирковской культуры – первая треть II тыс. до н. э. (*Соловьев*, 2015. С. 166). Проанализировав всю «валиковую» посуду с поселения Галанкина Гора и сравнив ее с поздневолосовской керамикой выжумского типа, Б. С. Соловьев пришел к выводу о необходимости отнести ее к отдельной культуре (*Соловьев*, 1988. С. 22–25). В целом на данном памятнике он выделяет четыре группы керамики: выжумская, балановско-атликасинская, «валиковая» и гибридная (*Соловьев*, 2000. С. 117).

Таким образом, поселение Галанкина Гора уникально, во-первых, тем, что оно представляет собой закрытый комплекс практически одновременных построек, и, во-вторых, тем, что почти в каждом жилище представлена керамика трех разных культур: поздневолосовской выжумского типа, балановско-атликасинской и «валиковой», а также керамика со смешанными культурными традициями. Все материалы поселения очень подробно опубликованы (*Соловьев*, 2000).

Предпринятое мною изучение всего керамического комплекса поселения Галанкина Гора с позиций историко-культурного подхода преследует две цели: первая – определить культурные компоненты всех групп керамики и выяснить содержание понятия «смешанная» керамика, вторая – попытаться выявить относительную хронологию всех 12 жилищ.

Благодаря разработанному А. А. Бобринским историко-культурному подходу к изучению керамики (*Бобринский*, 1978), мы можем не только выделять навыки труда и традиции древних гончаров на разных этапах гончарного производства, но и судить о различных процессах в среде изучаемого населения, в частности о процессах смешения групп населения с разными гончарными традициями. Об этих процессах свидетельствуют изменения, происходящие в приспособительных навыках труда гончаров, которые меняются очень быстро, в течение нескольких лет. Это навыки по отбору и обработке сырья, составлению формовочных масс, механической обработке поверхности. Еще быстрее меняются навыки орнаментации и представления о необходимой форме сосуда. Поэтому данное исследование базируется на анализе приспособительных навыков труда

гончаров, которые в первую очередь изменяются в результате смешения населения с разными гончарными традициями.

Технологическому и морфологическому анализу подверглись все группы керамики поселения Галанкина Гора, составляющие единый поселенческий комплекс: 80 сосудов поздневолосовской керамики, 121 балановско-атликасинский сосуд (в дальнейшем будем называть эти сосуды балановскими), 18 «валиковых» сосудов и 107 сосудов со смешанными культурными традициями, всего 326 сосудов, хранящихся в Национальном музее Республики Марий Эл им. Т. Евсеева в Йошкар-Оле[1]. В выделенную мною группу со смешанными культурными традициями попали сосуды, отличающиеся какими-либо признаками от традиций основных трех культурных групп населения.

В результате проведенного анализа стало ясным, что по материалам поселения Галанкина Гора возможно выделить три основные группы керамики – поздневолосовская, балановская и «валиковая» – и три производные группы со смешанными гончарными традициями: смешанная поздневолосовская, смешанная балановская и смешанная «валиковая». Названия этих смешанных групп отражают преимущественные культурные традиции в каждой из них. Все эти группы керамики оставлены в той или иной степени различными по культурному составу носителями.

Охарактеризуем гончарные традиции населения, изготавливавшего керамику каждой выделенной культурной группы.

Для группы *поздневолосовской керамики* характерно использование слабоожелезненной (73 %), преимущественно сильнозапесоченной (56 %) глины (критерии степени запесоченности глин, используемые автором, см.: *Волкова*, 1996. С. 33). Во всех сосудах формовочная масса состоит из подобной глины и птичьего помета во влажном состоянии в большой концентрации. Преобладают плоскодонные слабопрофилированные горшки высоких пропорций с короткой отогнутой шеей, а также банки с отогнутым венчиком (рис. 1, *1–5*). Разреженными горизонтальными зонами орнаментирована либо вся внешняя поверхность тулова, либо верхняя часть сосуда. Дно не орнаментировано. Часто орнамент нанесен по торцу венчика и с внутренней стороны шеи. Гладкий штамп значительно преобладает (64 %) над зубчатым (26 %), инструментом для прочерчивания (9 %) и инструментом, рабочий край которого оставляет округлые вдавления (4 %). Доминирующий орнаментальный образ – «горизонтальный ряд наклонных линий» (84 %), далее по встречаемости идет образ «группы параллельных наклонных линий» (14 %), остальные образы орнамента использовались редко (2–9 %)[2].

Для группы *балановской керамики* характерно применение слабоожелезненной (86 %), преимущественно слабозапесоченной (44 %) глины. Во всех сосудах в формовочную массу добавлен шамот, в основном крупный (более 2 мм). Его концентрация колеблется в разных сосудах от $^1/_4$ до $^1/_7$. Кроме того, в формовочную массу большинства сосудов (91 %) добавлена выжимка из навоза,

[1] Пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность Б. С. Соловьеву и работникам музея, оказавшим мне помощь в работе с материалом.

[2] За 100 % принято число случаев фиксации конкретного орнаментира или орнаментального образа на керамике каждой из 6 групп.

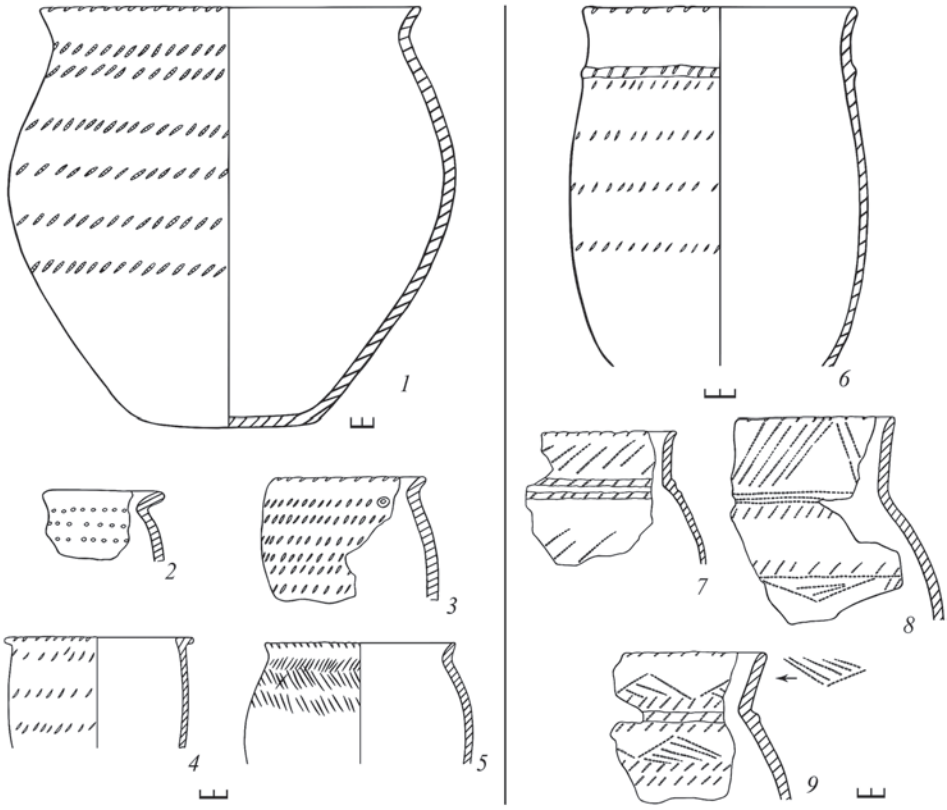


Рис. 1. Галанкина Гора. Поздневолосовская (*1–5*) и поздневолосовская смешанная (*6–9*) керамика. Рисунки всех сосудов выполнены А. Д. Семеновой по: (*Соловьев*, 2000. Рис. 19–44)

в редких случаях присутствует не выжимка, а сам навоз во влажном состоянии (7 %). Имеются единичные случаи (два сосуда) с более сложным рецептом формовочной массы: глина + выжимка из навоза + шамот + дресва. Керамика представлена в основном шаровидными круглодонными горшками с выделенной вертикальной шеей и несколькими «амфоровидными» сосудами (рис. 2, *1–5*). Стенки и дно сосудов имеют следы выбивания, а их внешние поверхности часто лощеные по слегка подсушенной основе. Орнамент нанесен на верхней части сосуда, иногда орнаментированы днища. Для этой керамики характерно доминирование зубчатого штампа (71 %) над остальными орнаментирами: ножом для прочерчивания (42 %), гладким штампом (11 %) и инструментом, оставляющим округлые ямочки (8 %). Доминирующий орнаментальный образ – «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» (74 %). Выделяются также два массовых образа: «горизонтальная прямая линия» (48 %) и «группы параллельных переменно-наклонных линий» (34 %). Другие орнаментальные образы зафиксированы в количестве от 1 до 19 % всей орнаментированной керамики этой группы.

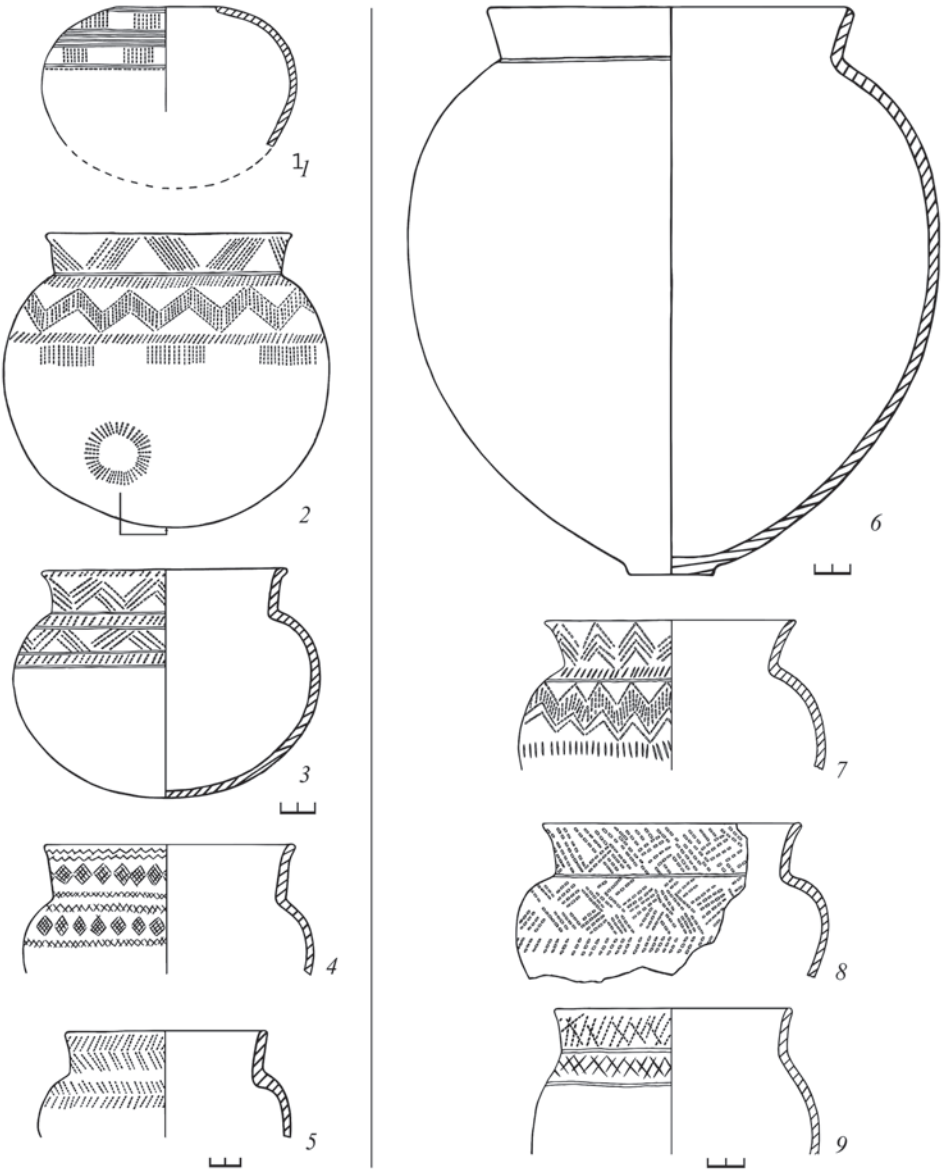


Рис. 2. Галанкина Гора. Балановская (*1–5*) и балановская смешанная (*6–9*) керамика

«*Валиковая*» *керамика* сделана в основном из слабоожелезненной глины (75 %). Любопытно, что почти в равной степени использовались сильнозапесоченные (50 %) и слабозапесоченные (43 %) глины, а среднезапесоченные применялись очень редко (7 %). Зафиксировано два рецепта составления формовочных масс. Первый – доминирующий рецепт: глина + птичий помет во влажном состоянии (88 %), второй – глина + дробленая раковина (12 %). Во всех сосудах, кроме одного, концентрация искусственных примесей очень высокая. Сосуды представлены банками без шеи и с плоским дном, а также слабопрофилированными плоскодонными горшками с короткой отогнутой шейкой (рис. 3, *1–4*). К этой же группе относятся единичные экземпляры ладьевидных сосудов. Во время лепки стенки сосудов выбивались, внешняя поверхность заглаживалась. Орнаментирована вся внешняя поверхность сосудов вместе с донной частью. Сосуды декорированы широкими горизонтальными зонами. В верхних частях сосудов орнамент обычно нанесен отдельными отпечатками зубчатого штампа, а ниже идут зоны плотношагающей гребенки. В верхней части сосуда всегда имеется налепной горизонтальный валик, иногда с различными ответвлениями вверх или вниз, всегда покрытый косыми отпечатками зубчатого штампа, что в целом создает имитацию шнура. Часто орнаментировался и торец венчика. В качестве орнаментира использовался зубчатый штамп, в единичных случаях – инструмент для нанесения округлых ямочных вдавлений. Часто для орнаментации одного и того же сосуда использовались два зубчатых штампа: короткий и длинный.

Для группы *поздневолосовской смешанной керамики* характерно использование того же сырья, что и для поздневолосовской: слабоожелезненных (62 %) сильнозапесоченных (69 %) глин. Также преобладает рецепт поздневолосовских формовочных масс: глина + птичий помет (92 %), но концентрация последнего в 30 % случаев сильно уменьшена. Встречаются единичные рецепты: глина + дробленая раковина, глина + птичий помет + шамот и глина + выжимка из навоза + шамот. Рецепты с шамотом указывают на смешение подневолосовских традиций с балановскими. Слабопрофилированные плоскодонные поздневолосовские горшки высоких пропорций приобретают более длинную, хорошо выделенную шею (балановская традиция) или остаются по форме прежними, равно как и банки, но имеют иную орнаментацию или волнообразный венчик (рис. 1, *6–9*). Стенки сосудов более тонкие, часто выбитые (балановская и «валиковая» традиции), внешние поверхности тщательно заглажены. В качестве орнаментира преобладает использование зубчатого штампа (50 %) (балановская и «валиковая» традиции) над гладким (38 %). Имеются сосуды, на которых орнамент нанесен и гладким и зубчатым штампом. По-прежнему широко употребляемым орнаментальным образом остается «горизонтальный ряд наклонных линий» (84 %), но увеличилось число используемых образов от 7 (на поздневолосовской керамике) до 12 (в основном за счет включения балановских образов: различных треугольников, ромбов, решетки). Правда, эти образы отличаются от балановских своеобразным исполнением за счет применения длинных зубчатых штампов (рис. 1, *8–9*). Иногда на месте перехода плеча в шею имеется валик с гребенчатыми отпечатками («валиковая» традиция).

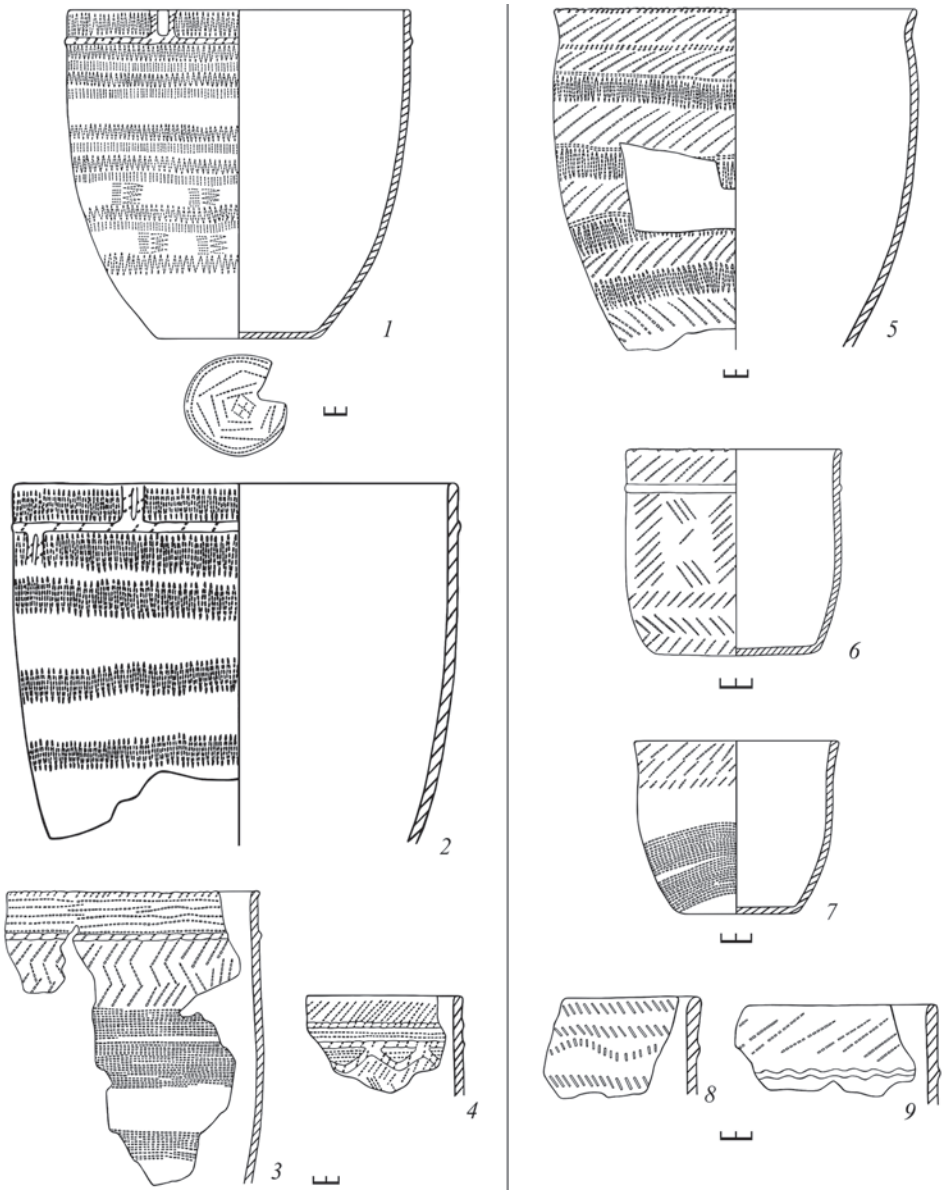


Рис. 3. Галанкина Гора. «Валиковая» (*1–4*) и «валиковая» смешанная (*5–9*) керамика

Таблица 1. Соотношение разных групп керамики в жилищах (число сосудов и %)

№ жилища	Поздневолосовская	Балановская	«Валиковая»	Смешанная 4	Смешанная 5	Смешанная 6	Всего
Ж1	6 (21)	**11 (38)**	2 (7)	4 (14)	4 (14)	2 (7)	29 (100)
Ж2	**16 (42)**	13 (34)	1 (3)	6 (16)	1 (3)	1 (3)	38 (100)
Ж3	18 (35)	**26 (50)**	1 (2)	4 (8)	3 (6)	–	52 (100)
Ж4	**11 (32)**	**11 (32)**	2 (6)	6 (18)	4 (12)	–	34 (100)
Ж5	8 (18)	**20 (45)**	1 (2)	13 (30)	2 (5)	–	44 (100)
Ж6	**7 (27)**	5 (19)	4 (15)	5 (19)	3 (12)	2 (8)	26 (100)
Ж8	**14 (45)**	4 (13)	1 (3)	10 (32)	–	2 (6)	31 (100)
Ж9	–	**19 (68)**	3 (11)	–	5 (18)	1 (4)	28 (100)
Ж10	–	**10 (36)**	2 (7)	7 (25)	7 (25)	2 (7)	28 (100)
Ж11	–	1 (10)	1 (10)	2 (20)	**3 (30)**	**3 (30)**	10 (100)
Ж12	–	1 (17)	–	1 (17)	**3 (50)**	1 (17)	6 (100)
Всего	80 (25)	**121 (37)**	18(6)	58 (18)	35 (10)	14 (4)	326 (100)

Примечание: смешанная 4 – смешанная поздневолосовская; смешанная 5 – смешанная балановская; смешанная 6 – смешанная «валиковая»

Балановская смешанная керамика делалась преимущественно из сильнозапесоченных (55 %), слабоожелезненных (77 %) глин. Использование таких глин характерно для поздневолосовской и «валиковой» керамики. При доминировании рецепта формовочной массы глина + выжимка из навоза + шамот (84 %) встречаются единичные рецепты: глина + влажный навоз + шамот (6 %), глина + выжимка из навоза + шамот + песок (3 %) и глина + птичий помет + шамот (6 %). Появление в этой керамике рецепта с птичьим пометом является результатом смешения с поздневолосовской или «валиковой» традицией. По форме сосуды почти не отличаются от балановских – это круглодонные горшки с шаровидным туловом и выделенной шеей. Иногда в этой группе нарушены традиционные балановские пропорции сосуда, например встречаются горшки с более вытянутым туловом (поздневолосовское влияние). Балановская смешанная группа сильно выделяется орнаментальными традициями (рис. 2, *6–9*). Здесь сосуды украшены в равной степени как зубчатым штампом (54 %), так и ножом для прочерчивания (54 %); больше, чем на балановской керамике, гладкого штампа (23 %) и имеется один сосуд, где орнаментальный образ «ромб с решеткой» выполнен не отдельными оттисками тонкого гладкого штампа, а сложным резным штампом в виде ромба с решеткой (сосуд из жилища 3). Часто встречается не свойственное балановской культуре использование разных орнаментиров для выполнения одного и того же образа на одном сосуде. Например, в жилище № 6 есть сосуд, у которого косая решетка на шее нанесена зубчатым штампом, а на плече – прочерчена ножом. Набор орнаментальных образов у балановской и балановской смешанной керамики очень близкий. Только на балановской смешанной керамике меньше доля образов «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» (55 %) и «группы параллельных переменно-наклонных линий» (21 %), зато чаще представлен образ «косая решетка» (38 %), причем исполнение его, как правило, отличается от традиционного балановского (рис. 2, *9*). Это керамика вообще выделяется либо «небрежным» нанесением орнаментальных образов, либо просто их «незнанием». Можно сказать, что для смешанной балановской керамики в целом характерно постепенное утрачивание балановских традиций.

«*Валиковая*» *смешанная керамика* изготавливалась в основном из сильнозапесоченной (100 %) среднеожелезненной (80 %) глины, в которую добавлен влажный птичий помет (60 %), кроме того, по двум сосудам зафиксирован рецепт: глина + влажная органика + шамот + кальцинированная кость. Форма сосудов не отличается от «валиковой» керамики: плоскодонные банки и слабопрофилированные горшки. Орнамент нанесен, в основном, двумя видами зубчатого штампа: коротким и длинным, встречается и гладкий штамп (рис. 3, *5–9*). На одном из сосудов орнаменты нанесены и зубчатым и гладким штампом, что не свойственно «валиковой» керамике. Абсолютно доминирует орнаментальный образ «горизонтальный ряд наклонных линий» (100 %), «шагающей гребенки» почти нет (14 %), встречаются единичные сосуды с балановскими образами: «группы параллельных переменно-наклонных линий» (7 %), «горизонтальная елочка» (7 %), «заштрихованные треугольники вершинами вверх» (7 %). В целом орнаментация сосудов более разрежена, чем у «валиковых», имеются большие зоны без орнамента. На многих сосудах валики отсутствуют, а на некоторых имеется

волнистый валик (рис. 3, *8–9*). В целом для этой группы, так же как и для балановской смешанной, характерно утрачивание традиций «валиковой» керамики.

Таким образом, на памятнике Галанкина Гора выделяется керамика трех несмешанных групп: поздневолосовская, балановская и «валиковая», а также керамика трех смешанных групп: поздневолосовская смешанная, балановская смешанная, «валиковая» смешанная. Все жилища отличаются друг от друга по процентному соотношению в них керамики этих групп (табл. 1). Соглашаясь с тем, что жилища на данном поселении в целом существовали практически одновременно, я предполагаю, что строились они не все сразу, а в определенной последовательности. В связи с этим я попыталась выяснить и обосновать относительную последовательность их функционирования. Она будет базироваться на трех основаниях. Во-первых, на выявленных гончарных традициях разных групп населения, керамика которых зафиксирована в каждом жилище. Во-вторых, на расположении жилищ на памятнике и связи их между собой коридорами. В-третьих, на количественных данных о степени сходства керамики из разных жилищ.

Степень сходства рассчитывалась по предложенному Д. Я. Телегиным методу (*Телегин*, 1977. С. 60), с некоторыми поправками Ю. Б. Цетлина (2008. С. 16) (подробнее см.: *Волкова*, 2010. С. 93, 94). В данном случае коэффициент сходства рассчитывался по каждому из 23 параметров культурных традиций отдельно: 1 – соотношение различных групп керамики в жилище; 2 – степень запесоченности и 3 – степень ожелезненности глины поздневолосовской керамики; 4 – поздневолосовские орнаментиры; 5 – поздневолосовские образы орнамента; 6 – степень запесоченности и 7 – степень ожелезненности глины балановской керамики; 8 – размер и 9 – концентрация шамота в балановской керамике; 10 – балановские орнаментиры; 11 – балановские орнаментальные образы; 12 – степень запесоченности и 13 – степень ожелезненности глины «валиковой» керамики; 13 – орнаментальные образы «валиковой» керамики; 14 – степень запесоченности и 15 – степень ожелезненности глины поздневолосовской смешанной керамики; 16 – поздневолосовские смешанные орнаментиры; 17 – поздневолосовские смешанные образы; 18 – степень запесоченности и 19 – степень ожелезненности балановской смешанной керамики; 20 – размер и 21 – концентрация шамота балановской смешанной керамики; 22 – орнаментиры балановской смешанной керамики и 23 – орнаментальные образы балановской смешанной керамики. Затем наиболее сильные связи по этим параметрам суммировались по каждому жилищу. Поскольку степень сходства по каждому параметру может изменяться в интервале от 0 до 100 % (т. е. от полного несходства до полного тождества), суммарная степень сходства по нескольким параметрам всегда превышала 100 %. Для того чтобы избежать такой нестандартной ситуации, максимальная суммарная степень сходства, зафиксированная при анализе между жилищами 2 и 3 и равная 1105 %, была приравнена к 1,0. Соответственно, все меньшие суммарные показатели сходства между жилищами были менее 1,0.

Как известно, смешанные гончарные традиции – это результат смешения их прямых носителей, а для доремесленного производства и всего населения в целом (*Бобринский*, 1978; 1999).

В данном случае смешивались три разные группы населения, и в результате мы имеем три смешанные группы керамики. Предполагается, что жилища, в которых слабее всего представлены смешанные группы керамики – наиболее ранние и, наоборот, жилища с преимущественно смешанной керамикой – наиболее поздние. Здесь, справедливости ради, необходимо напомнить, что Б. С. Соловьев предполагал, что жилища № 9–12 являются наиболее поздними из-за отсутствия в них поздневолосовской керамики и большого количества гибридной. По результатам проведенного мною анализа, базировавшегося на изучении самой керамики и публикации Б. С. Соловьева (2000. С. 191–217. Рис. 18–44), меньше всего смешанной керамики имеется в жилище № 3 (14 %) (табл. 1). Можно предположить, что это жилище было сооружено первым и просуществовало на протяжении жизни всего поселения. Практически сразу после жилища 3 построили жилище 2, так как, во-первых, рядом с проходом, их связывающим, находился большой балановский сосуд, вкопанный в землю, во-вторых, там также мало смешанной керамики (19 %), в-третьих, у этих жилищ наиболее сильные связи по коэффициенту сходства (КС = 1,0). Следующим по времени было жилище 1, связанное коридором с жилищем 2 (рис. 4).

Далее были построены жилище 6 и помещение 7. Жилище 6 справедливо трактуется Б. С. Соловьевым как общее для всего поселения. В нем был только один очаг и практически в равных долях представлена керамика всех культурных групп. Помещение 7 представляет собой металлургическую мастерскую также с одним очагом, следами металлургического производства и практически без керамики. Я поместила мастерскую в этот хронологический диапазон, так как она соединена широким коридором с жилищем 3, проходящим через жилище 6.

Далее практически одновременно были построены жилища 5 и 4 (КС = 0,85). Затем было сооружено жилище 8, связанное с жилищем 5 коридором, и позднее – жилища 9 и 10 (КС = 0,72). Самыми последними на поселении построены жилища 11 и 12: во-первых, в них в основном присутствует керамика смешанных традиций (в жилище 11 – 80 %, в жилище 12 – 84 %), во-вторых, у них слабые связи с остальными жилищами. Можно предположить, что во время постройки жилища 12 жилища 1, 2, 4, 5 уже не функционировали; по крайней мере, это можно точно сказать про жилище 1, так как между этими крайними на поселении жилищами нет ни одной сильной связи.

Таким образом, анализ гончарных традиций населения, оставившего поселение Галанкина Гора, позволил, во-первых, выделить три несмешанные и три смешанные группы населения, обитавшего здесь длительное время, во-вторых, наметить и обосновать относительную последовательность бытования жилищ на этом поселении. Керамический комплекс данного поселения отражает процессы смешения, происходящие между тремя основными группами населения. По мнению Б. С. Соловьева, поздневолосовская керамика была, наряду с другими, компонентом сложения чирковской культуры (*Соловьев*, 2015. С. 166). Проведенный технологический анализ керамики поселения Галанкина Гора показал, что более вероятно в качестве такого компонента чирковской культуры рассматривать только носителей, делавших смешанную поздневолосовскую керамику.

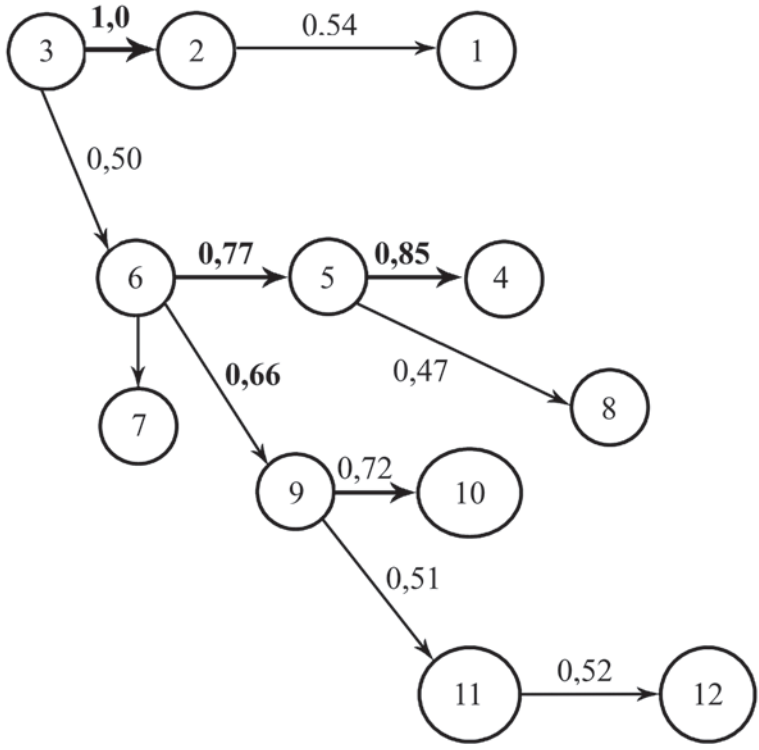


Рис. 4. Галанкина Гора. Схема относительной хронологии жилищ. Цифрами над стрелками указаны коэффициенты связей между жилищами

Все эти выводы оказалось возможным сделать благодаря, с одной стороны, применению историко-культурного подхода к изучению древних гончарных традиций, а с другой – тщательности проведенных раскопок на поселении, детальной фиксации материала и его подробной публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. С. 5–109.

Волкова Е. В., 1996. Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука. 122 с.

Волкова Е. В., 2010. Новинковские могильники фатьяновской культуры. М.: ИА РАН. 246 с.

Соловьев Б. С., 1988. Валиковая керамика в Среднем Поволжье и Прикамье (к вопросу о сейминско-турбинском транскультурном феномене) // Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 21–43. (Археология и этнография Марийского края; вып. 14.)

Соловьев Б. С., 2000. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 263 с. (Труды Марийской археологической экспедиции; т. VI.)

Соловьев Б. С., 2015. К вопросу о финале волосовской культуры на Средней Волге // Вопросы археологии камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 165–175. (Археология и этнография Марийского края; вып. 31.)

Телегин Д. Я., 1977. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука. С. 59–64.

Халиков А. Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука. 395 с.

Цетлин Ю. Б., 2008. Неолит Центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К. 352 с.

Сведения об авторе

Волкова Елена Витальевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: volk_h@mail.ru

E. V. Volkova

THE CULTURAL COMPOSITION OF THE POPULATION AND RELATIVE PERIODIZATION OF DWELLINGS AT THE GALANKINA GORA SETTLEMENT (BASED ON CERAMIC STUDIES)

Abstract. The paper provides results of the studies related to the entire ceramic assemblage at the Galankina Gora settlement which includes Vyzhum, Balanovo, «relief-band» and mixed ceramics. This study of the ceramics and the analysis of the spatial structuring of the site offered a possibility to reconstruct the cultural composition of its population and relative periodization of all dwellings and constructions.

Keywords: historical and cultural approach, Late Volosovo ceramics, Balanovo ceramics, «relief-band» ceramics, ceramics of the Vyzhum type, mingling of pottery traditions, relative periodization.

REFERENCES

Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and research methods]. Moscow: Nauka. 272 p.

Bobrinskiy A. A., 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery-making technology as object of historical-cultural research]. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Topical problems of investigation of ancient pottery-making]*. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 5–109.

Khalikov A. Kh., 1969. Drevnyaya istoriya Srednego Povolzh'ya [Ancient history of Middle Volga region]. Moscow: Nauka. 395 p.

Solov'ev B. S., 1988. Valikovaya keramika v Srednem Povolzh'e i Prikam'e (k voprosu o seyminsko-turbinskom transkul'turnom fenomene) [Ribbed pottery in Middle Volga and Kama regions (on problem of Seima-Turbino transcultural phenomenon)]. *Etnogenez i etnicheskaya istoriya mariytsev [Ethnogenesis and ethnic history of Mari people]*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy NIIYaLI, pp. 21–43. (Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya, 14.)

Solov'ev B. A., 2000. Bronzovyy vek Mariyskogo Povolzh'ya [Bronze Age of Mari Volga region]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy NIIYaLI. 263 p. (Trudy Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, VI.)

Solov'ev B. A., 2015. K voprosu o finale volosovskoy kul'tury na Sredney Volge [On problem of terminal stage of Volosovo culture on Middle Volga]. *Voprosy arkheologii kamnya i bronzy v Srednem*

Povolzh'e i Volgo-Kam'e [Problems of archaeology of Stone and Bronze Ages in Middle Volga and Volga-Kama regions]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy NIIYaLI, pp. 165–175. (Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya, 31.)

Telegin D. Ya., 1977. Opyt statisticheskogo opredeleniya indeksa rodstvennosti neoliticheskikh kompleksov po elementam ornamenta [Experience of statistical determination of kinship index of Neolithic complexes based on elements of ornament]. *Problemy arkheologii Evrazii i Severnoy Ameriki [Problems of archaeology of Eurasia and North America]*. Moscow: Nauka, pp. 59–64.

Tsetlin Yu. B., 2008. Neolit Tsentra Russkoy ravniny: ornamentatsiya keramiki i metodika periodizatsii kul'tur [Neolithic of the Centre of Russian plain: pottery ornamentation and methods of periodization of cultures]. Tula: Grif i K. 350 p.

Volkova E. V., 1996. Goncharstvo fat'yanovskikh plemen [Pottery-making of Fat'yanovo tribes]. Moscow: Nauka. 122 p.

Volkova E. V., 2010. Novinkovskie mogil'niki fat'yanovskoy kul'tury [Novinki cemeteries of Fat'yanovo culture]. Moscow: IA RAN. 246 p.

About the author

Volkova Elena V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: volk_h@mail.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.167-173

Е. Г. Дэвлет, А. Р. Ласкин

ПЕТРОГЛИФЫ НА р. КИЯ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ*

Резюме. Обследован комплекс петроглифов, выполненных в эпоху неолита на вертикальном скальном выходе коренного берега р. Кия Хабаровского края. Зооморфные изображения и личины маски по технике выполнения и иконографическим особенностям схожи с известными петроглифами Сикачи-Аляна и Шереметьево, что позволяет считать эти памятники единой самобытной традицией первобытного творчества на Дальнем Востоке. Оценено состояние сохранности местонахождения, обнаружена одна ранее неизвестная личина.

Ключевые слова: Дальний Восток, наскальное искусство, антропоморфные личины, петроглифы.

Среди памятников амуро-уссурийской провинции наскального искусства Дальневосточного региона есть небольшие по площади и репертуару, но выразительные по содержанию и изобразительному ряду объекты, заслуживающие внимания исследователей. Один из них – петроглифы на реке Кия на юге Хабаровского края (район им. Лазо). Горная река, берущая начало на западных склонах Сихотэ-Алиня, в своем нижнем течении довольно спокойна и мелководна. Приблизительно в 45 км от места ее впадения в р. Уссури (приток р. Амур), в излучине правого берега, на вертикальном скальном выходе коренных базальтовых пород расположены петроглифы, по набору образов и технике выполнения схожие с наиболее известными изображениями Сикачи-Аляна и Шереметьево (рис. 1–3).

Местонахождение петроглифов, обнаруженное в 1966 г., связано с именами хабаровского археолога Ю. М. Васильева и члена Приамурского географического общества В. Яхонтова (*Яхонтов*, 1966; *Васильев*, 2000). В 1967 и 1968 гг. петроглифы на р. Кие были обследованы и документированы участниками археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова и А. П. Деревянко (*Окладников*, 1971; 1968а; 1968б; *Окладникова*, 1979; *Okladnikov*, 1981).

Местность в районе локализации петроглифов представляет собой речную надпойменную террасу высотой до 20 м, в некоторых местах прорезанную неглубокими оврагами. Вплотную к обнажениям подходит полоса широколиственного леса, с преобладанием дубовых и осиновых деревьев, а в береговой полосе

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00511а).

Рис. 1. Киинские петроглифы. Общий вид с квадрокоптера

Рис. 2. Киинские петроглифы. Общий вид местонахождения с юго-востока

Рис. 3. Киинские петроглифы. Личина 1

распространены участки с тальниковыми зарослями. Противоположный, левый, берег р. Кия пологий, с песчаными обрывистыми берегами, занят под совхозные поля. Местное название этого района реки у каменного утеса – «Чертово плёсо». Такое название определило изображение одной из личин, обрамленной ореолом из множества вертикальных линий, которую местные жители когда-то называли не иначе как «черт» (рис. 4).

Репертуар киинских петроглифов составляют зооморфные изображения (олень в рентгеновском стиле, часть туловища животного), орнитоморфное (верхняя часть фигуры водоплавающей птицы), фигура змеи, антропоморфные личины округлой и овальной форм, две из которых окружены своеобразным ореолом в виде исходящих лучей, знака, а также изображение лодки с сидящими в ней людьми, выполненное минеральной красной краской. Из 13 древних изображений, выполненных пикетажем и краской, документированных экспедицией под руководством А. П. Окладникова, в настоящее время выявляются только 9. В 2016 г. было обнаружено еще одно выбитое изображение – антропоморфная личина сердцевидной формы, расположенная в нижнем ярусе начала скального массива (рис. 5). В настоящее время на киинских петроглифах доступны: антропоморфные личины – 7; зооморфные изображения – 2; неопределяемое (знак) – 1.

С наскальными изображениями связано и древнее поселение, располагавшееся когда-то на террасе, вверху скального выступа с петроглифами. Здесь зафиксировано 28 жилищных западин, относящихся к эпохе неолита, железному веку

Рис. 4. Киинские петроглифы. Личины 8–11

Рис. 5. Киинские петроглифы. Выявленная личина

и раннему средневековью. Обнаруженные в процессе археологической разведки артефакты (орудия труда и фрагменты керамических сосудов) неолитического времени дают основание датировать той же эпохой и петроглифы, за исключением одного, выполненного минеральной краской, видимо, в эпоху раннего металла (*Медведев и др*., 2010). Анализ техники выполнения, образы и стиль наскальных изображений на р. Кия подтверждает тесную связь с петроглифами Сикачи-Аляна и Шереметьево, что позволяет считать их единой самобытной традицией первобытного творчества (*Дэвлет, Дэвлет*, 2005; *Ласкин*, 2008).

Скальное обнажение, на котором выбиты петроглифы, протяженностью до 170 м и высотой до 6 м, сложено из темно-серого базальта. Весь массив расколот широкими трещинами на блоки, которые, постепенно отделяясь от массива, разрушаются и осыпаются вниз к подножию реки. Виной интенсивного разрушения являются два природных фактора. В первую очередь негативное воздействие связано с ростом деревьев на краю скального обнажения, их развитая корневая система образовала и расширяет глубокие трещины в камне. Второй фактор связан с действием воды: затекая в трещины, а затем замерзая при отрицательных температурах, способствует их увеличению, что, в свою очередь, приводит к разрушению скального массива. Еще один немаловажный фактор деструкции – антропогенный. Когда киинские петроглифы были обнаружены в 60-х гг. XX столетия, В. Яхонтовым было отмечено, что этот участок скального массива у реки является излюбленным местом рыбаков, а многие древние изображения расстреляны из охотничьего оружия (*Яхонтов*, 1966). Такой род вандализма известен не только на дальневосточных памятниках наскального искусства, но и, например, на побережье оз. Байкал (петроглифы в бухте Саган-Заба). Следы от расстрела видны и в настоящее время, при этом сильно пострадал поверхностный слой камня, который продолжает разрушаться, отслаиваясь от основы вместе с частями выбитых изображений. Также отмечаются многочисленные современные надписи, выполненные краской и прочерченные.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Ю. М., 2000. Петроглифы Кии // Ethno-Arts. Osaka. С. 71–78. (Яп. яз.)

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., 2005. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.: Алетейа. 472 с.

Ласкин А. Р., 2008. Исследования петроглифов Нижнего Амура // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале (20–25 октября 2008 г.) / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Т. 3. М.: ИА РАН. С. 53–55.

Медведев В. Е., Краминцев В. А., Малявин А. В., 2010. Исследование группы памятников на реке Кие в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 127–131.

Окладников А. П., 1968а. Из предыстории искусства амурских народов: (Петроглифы на р. Кия, Уссури) // СА. № 4. С. 46–57.

Окладников А. П., 1968б. Лики древнего Амура. Петроглифы Сакачи-Аляна. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. 240 с.

Окладников А. П., 1971. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука. 329 с.

Окладникова Е. А., 1979. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск: Наука. 168 с.

Яхонтов В., 1966. Я посетил знакомые места // Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 28 октября (№ 252). С. 3.

Okladnikov A., 1981. Ancient Art of the Amur Region. Leningrad. 159 p.

Сведения об авторах

Дэвлет Екатерина Георгиевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: eketek@yandex.ru;

Ласкин Артур Робертович, Хабаровский краевой центр охраны памятников истории и культуры, г. Хабаровск, ул. Дзержинского, д. 36, 680000, Россия, e-mail: laskin66@mail.ru

E. G. Devlet, A. R. Laskin

PETROGLYPHS ON THE KIYA RIVER IN THE KHABAROVSK KRAI

Abstract. A group of petroglyphs carved on the vertical rock outcrop on the alley side of the Kiya River in the Khabarovsk Krai in the Neolithic Age was examined. In terms of the technique and iconographic features, the zoomorphic images and human-like masks have parallels with famous petroglyphs of Sikachi-Alyan and Sheremetyevo, suggesting that these sites belong to one distinctive tradition of prehistoric creative art of the Far East. Preservation conditions of the location were assessed and one more, previously unknown, human-like face was discovered.

Keywords: Far East, rock art, petroglyphs, human-like mask-faces.

REFERENCES

Devlet E. G., Devlet M. A., 2005. Mify v kamne: Mir naskal'nogo iskusstva Rossii [Myths in stone: World of rock art of Russia]. Moscow: Aleteya. 472 p.

Laskin A. R., 2008. Issledovaniya petroglifov Nizhnego Amura [Researches of Lower Amur petroglyphs]. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale [Transactions of II (XVIII) All-Russian archaeological congress in Suzdal']*, 3. A. P. Derevyanko, N. A. Makarov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 53–55.

Medvedev V. E., Kramintsev V. A., Malyavin A. V., 2010. Issledovanie gruppy pamyatnikov na reke Kie v 2010 godu [Investigations of group of sites on River Kiya in 2010]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], XVI. Materialy itogovoy sessii IAET SO RAN 2010 g. [Proceedings of overall session of IAET SO RAN, 2010]*. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 127–131.

Okladnikov A. P., 1968a. Iz predystorii iskusstva amurskikh narodov: (Petroglify na r. Kiya, Ussuri) [From prehistory of art of Amur peoples: (Petroglyphs of rivers Kiya, Ussuri)]. *SA*, 4, pp. 46–57.

Okladnikov A. P., 1968b. Liki drevnego Amura. Petroglify Sakachi-Alyana [Images of ancient Amur. Petroglyphs of Sakachi Alyan]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 240 p.

Okladnikov A. P., 1971. Petroglify Nizhnego Amura [Petroglyphs of Lower Amur]. Leningrad: Nauka. 329 p.

Okladnikov A., 1981. Ancient Art of the Amur Region. Leningrad. 159 p.

Okladnikova E. A., 1979. Zagadochnye lichiny Azii i Ameriki [Mysterious face-masks of Asia and America]. Novosibirsk: Nauka. 168 p.

Vasil'ev Yu. M., 2000. Petroglify Kii [Kiya petroglyphs]. *Ethno-Arts*. Osaka, pp. 71–78. (In Japanese.)

Yakhontov V., 1966. Ya posetil znakomye mesta [Familiar places revisited]. *Tikhookeanskaya zvezda [Pacific star]*. Khabarovsk. 28th October (no. 252), p. 3.

About the authors

Devlet Ekaterina G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: eketek@yandex.ru;

Laskin Artur R., Centre for preservation and management of the historical and cultural heritage of the Khabarovsk Region, ul. Dzerzhinskogo, 36, Khabarovsk, 680000, Russian Federation; e-mail: laskin66@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.174-186

С. Я. Березин, В. Е. Маслов

ВОИНСКОЕ ПРЕДСКИФСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ БЛИЗ г. ЖЕЛЕЗНОВОДСК

Резюме. Публикуемое погребение из могильника Бородыновка-3 в Кавминводах в Ставропольском крае можно отнести к редкой группе предскифских кочевнических захоронений в зоне западнокобанской культуры. По особенностям погребального обряда и инвентарю его можно датировать в пределах VIII – начала VII в. до н. э. Модель культурных взаимоотношений между пришлыми скотоводами и кобанскими племенами в этот период принципиально отличается от взаимоотношений, которые прослеживаются в раннескифскую эпоху.

Ключевые слова: кобанская культура/культуры, новочеркасские древности, чернолощеная керамика.

В июле – августе 2013 г. археологический отряд ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края под руководством С. Я. Березина исследовал курган 3 могильника Бородыновка-3, крайнюю к югу насыпь в цепочке из трех курганов. Могильник находится в 1,5 км юго-западнее пос. Бородыновка, в долине р. Джемуха, на административной территории г. Железноводска Ставропольского края (*Березин*, 2014).

В ходе раскопок выяснилось, что курган был возведен на естественной возвышенности, восточная часть которой переходила в оплывший овраг. Овальная насыпь, размерами примерно 26 × 21 м, была вытянута по оси север – юг, ее высота достигала 1,2 м. Всего в кургане были открыты 29 погребений, из них 24 относились к эпохе бронзы (северокавказская и катакомбная культуры), одно – к эпохе раннего железа и 4 – к Новому времени.

Публикуемое впускное погребение № 15 находилось в центре кургана, в 1,1–1,3 м к западу-юго-западу от R(0)[1]. Захоронение попало в заполнение входной ямы катакомбного погребения № 29, которая, в свою очередь, разрушила погребение № 28, относившееся к северокавказской культуре.

Контуры погребального сооружения определить не удалось, но, судя по положению скелета, можно предполагать, что это была камерная конструкция, имевшая перекрытие (или заклад).

[1] Здесь и далее – условный нулевой репер, самая высокая точка курганной насыпи.

Скелет молодого мужчины (?) был расчищен на глубине 2,43–2,55 м от R(0) (рис. 1). Тело погребенного было уложено в сильно скорченной позе на левом боку, головой на восток. После распада мягких тканей туловище завалилось на грудную клетку. Череп лежал лицевой частью вниз. Кости рук были согнуты в локтях и прижаты к груди. В связи с завалом тела положение правой руки, очевидно, отличалось от первоначального. Кости таза и ног находились в положении «на боку». Левая бедренная кость была расположена под прямым, а правая – под тупым углом к оси позвоночного столба. Ноги были сведены в коленях, направленных на юг, и согнуты под острым углом: правая около 30°, левая около 40°. Пятка правой ноги была подтянута к тазовым костям. Кости левой голени вытянуты в северо-западном направлении. Стопы обеих ног были вытянуты по осям берцовых костей.

Под костями скелета были зафиксированы следы светло-коричневого органического тлена от подстилки. Кости местами были окрашены тленом и сверху.

К югу от тела погребенного была расчищена раздавленная грунтом корчага (рис. 1, *1*). Под локтем правой руки погребенного, рядом с сосудом были обнаружены кости животного – конечность мелкого рогатого скота (рис. 1, *8*). Среди фрагментов керамики были найдены обломки железного предмета (рис. 1, *6*).

Между тазом и костями предплечья правой руки было расчищено скопление находок, состоявшее из каменного молота (рис. 1, *2*) и лежавших ниже один на другом каменного предмета (огнива?) (рис. 1, *5*) и оселка (рис. 1, *4*). Еще один каменный предмет – небольшой абразив (?) – находился под оселком (рис. 1, *7*).

К югу от этого скопления находок был найден небольшой железный нож, повернутый несохранившимся острием к востоку (рис. 1, *3*).

Положение инвентаря говорит о том, что молот и оселок, вероятно, были подвешены к поясу погребенного. Мелкие предметы могли находиться в мешочке или сумочке, также подвешенной к поясу. В пользу данного предположения свидетельствует система подвески топоров и оселков, изображенная на оленных камнях (*Ольховский*, 2005. Илл. 35). Судя по более поздним скифским изваяниям, схожая система подвески топоров, клевцов и оселков сохраняется и позднее (*Ольховский, Евдокимов*, 1994. С. 65. Табл. 11).

Сочетание скорченного положения на левом боку с восточной ориентировкой вполне соответствует традициям степного населения постсрубного периода (*Лукьяшко*, 1999. С. 138–140. Рис. 19). Однако такую позу можно найти и в западнокобанских могильниках, где нередко встречается положение согнутых рук, помещенных перед телом с кистями у лица или прижатых к телу. При этом керамические сосуды часто устанавливались вплотную к телу – у рук или перед лицом погребенного (*Белинский, Дударев*, 2015. С. 259, 270, 271. Рис. 47; 69). Ориентировка погребенных в разных западнокобанских могильниках не совпадает (*Крупнов*, 1960. С.183; *Козенкова*, 1989. С. 80). В целом в них, в отличие от данного комплекса, среди погребений с мужским инвентарем преобладают захоронения на правом боку, но исключения отнюдь не редки (*Козенкова*, 1989. С. 79; *Белинский, Дударев*, 2015. С. 259).

Погребальный инвентарь также не дает однозначного ответа, кто погребен в данном захоронении – представитель западнокобанской культуры или степного

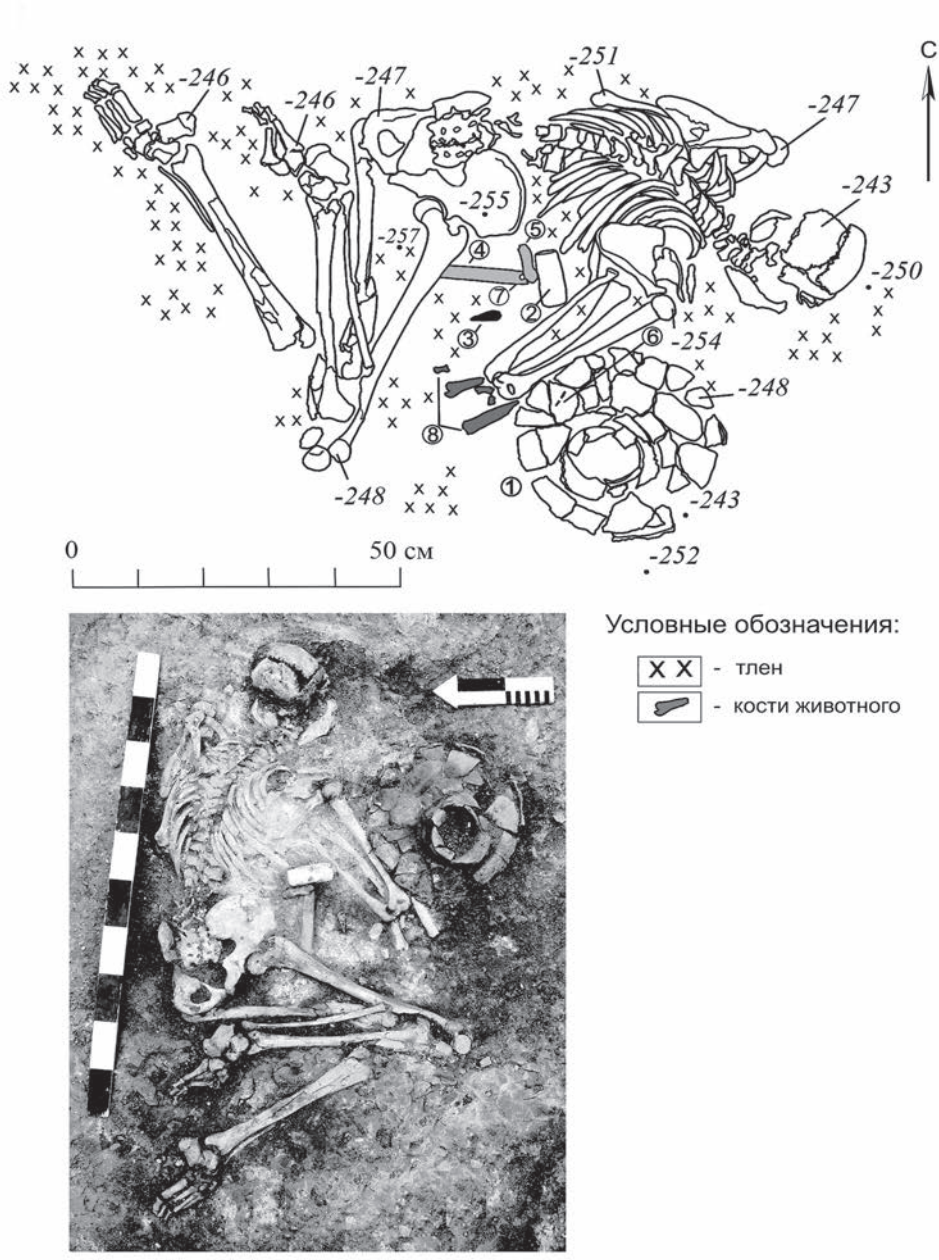


Рис. 1. Могильник Бородыновка-3, курган 3, погребение № 15 (чертеж и фото)

План: *1* – корчага; *2* – молот; *3* – нож; *4* – оселок; *5* – огниво (?); *6* – обломки ножа (?); *7* – абразив (?); *8* – кости животного

1 – керамика; *2, 4, 5, 7* – камень; *3, 6* – железо

мира. В пользу последнего предположения свидетельствует лишь то, что кобанские погребения практически никогда не бывают одиночными. Рядом должен находиться соответствующий могильник, который не зафиксирован.

Рассмотрим подробнее находки из погребения:

1. Керамический сосуд – фрагментированная корчага (рис. 1, *1*; 2, *7*). Точные размеры определить затруднительно: наибольший диаметр – около 25–30 см, диаметр устья – 15–17 см. Поверхность темно-серого цвета, залощена, толщина стенок – 0,6–0,8 см. Дно сосуда ровное, прямое. В тесте сосуда крупная примесь крупного горного песка (?).

Несмотря на разрушение, типологические особенности данного сосуда устанавливаются совершенно определенно. Это корчага грушевидной формы с высоким и широким усеченно-коническим горлом, которое, плавно расширяясь, переходит в покатое плечо. Наибольший диаметр у подобных сосудов расположен в нижней половине, реже – в центральной части, выделенной изгибом стенок. Придонная часть низкая, с прогибом. Корчаги этого типа хорошо известны в предгорных памятниках предскифского времени центральнокобанской культуры. Они происходят из Бамутского и Змейского поселений (*Магомедов*, 1972. Рис. 2, *2, 3*; *Крупнов*, 1960. Табл. XVI), Змейского Эльхотовского и Пседахского могильников (*Бакушев, Чечина*, 2014. Рис. 1, II, *15*; 2, V, *2*; *Чшиев*, 2004. Рис. 2, *1*; 2011. Рис. 1, *5*; *Козенкова*, 1986. Рис. 5, *8*; 9, *3*). Следует отметить, что, вопреки мнению А. П. Мошинского и А. Ю. Скакова (2000. С. 206, 207), высокогорлые чернолощеные корчаги в целом не характерны для древностей предскифской эпохи западнокобанской культуры. Они изредка встречаются лишь на восточной периферии этой культуры (*Козенкова*, 1998. Табл. XXXVIII, *1, 4*). В больших сериях предскифских сосудов из могильников Кисловодской котловины – Клин-Яр III и Белореченский 2 – нет подобных корчаг (*Белинский, Дударев*, 2015; *Дударев*, 2004). Сосуды такой формы получают здесь распространение лишь с вещами скифских типов и представлены довольно грубыми местными репликами (*Флёров, Дубовская*, 1993. Рис. 4, *6*; 5, *4*).

В VII–VI вв. до н. э. корчаги этого типа становятся одной из ведущих форм тарной и столовой посуды на территории центральнокобанской и западнокобанской культур. В ряде случаев они входят в состав «сервизов» парадной чернолощеной керамики из могил скифской знати. Так, сходная с нашей находкой фрагментированная корчага была найдена в самом раннем кургане Краснознаменского могильника – № 9 (*Петренко*, 2006. Табл. 72, *271*). Набор чернолощеной керамической посуды скифской эпохи морфологически не связан с керамикой западнокобанской культуры, тогда как его близость к посуде из предгорных центральнокобанских памятников Притеречья отмечена давно (*Абрамова*, 1974. С. 211, 212; *Маслов*, 1997. С. 16; 2015. С. 251, 254–256).

2. Молоток изготовлен из камня известковой породы белого цвета – кальцита (?) (рис. 1, *2*; 2, *2*). Имеет вытянутую цилиндрическую форму, немного расширяется к средней части, в разрезе округлый, грани на торцах скруглены, поверхность заполирована. В центральной его части находится сквозное отверстие диаметром 2 см. Общие размеры – 9,5 × 5 × 4,5 см.

Подобные молотки соответствуют первому варианту боевых молотков, по В. И. Козенковой, или типу I – по С. Л. Дудареву (*Козенкова*, 1995. С. 81.

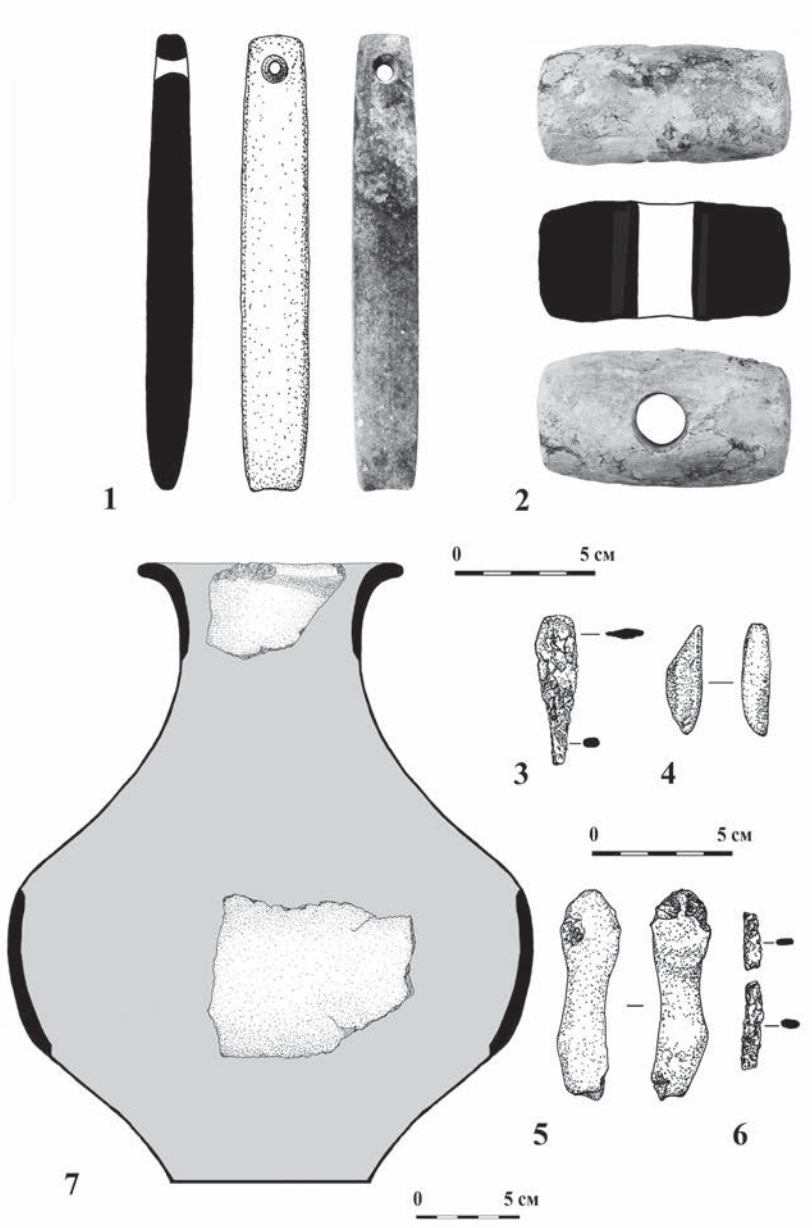


Рис. 2. Могильник Бородыновка-3, курган 3, погребение № 15. Погребальный инвентарь

1 – оселок; *2* – молот; *3* – нож; *4* – абразив (?); *5* – огниво (?); *6* – обломки ножа (?); *7* – обломки корчаги

1, 2, 4, 5 – камень; *3, 6* – железо; *7* – керамика

Табл. XXII, *1, 2*; *Дударев*, 1999. С. 112, 113. Рис. 31, *4–9*). В вопросе о происхождении этого вида вооружения нет единства (обзор литературы – см.: *Эрлих*, 2007. С. 107, 108; *Белинский, Дударев*, 2015. С. 337, 338).

Еще А. И. Тереножкин обратил внимание на вероятную связь изделий этого типа с редкими молотками из памятников финальной бронзы (*Тереножкин*, 1976. С. 141). Очевидно, это так, но связь эта прослеживается достаточно пунктирно. Число же находок оружия этого типа в могильниках IX–VIII вв. до н. э. в Предкавказье и на Северо-Западном Кавказе неуклонно растет.

На сегодняшний день боевые молотки уже не могут рассматриваться как этнокультурный признак, обозначающий принадлежность к легендарным (если иметь в виду территорию Центрального Предкавказья) киммерийцам, а скорее (как это предлагает В. Р. Эрлих) как своеобразный «знак воинского достоинства», обозначавший статус и принадлежность к определенной субкультуре (*Эрлих*, 2007. С. 107).

Наш случай весьма показателен в этом отношении, ведь молоток был изготовлен из относительно хрупкого материала. Рассчитывать на его длительное боевое использование невозможно. Не исключено, что это вотивный предмет. Возможно, значение имел и его белый цвет.

3. Железный нож, фрагментирован (рис. 1, *3*; 2, *3*). Сохранились вытянутый слабо выделенный треугольный черешок и часть лезвия с выпуклой спинкой и плавно расширяющейся лезвийной частью, под углом переходящей в утраченное окончание. Общая длина – 5 см, наибольшая ширина – 1,5 см, толщина спинки – 0,4 см.

Архаичная форма черешка сближает этот нож с рядом ранних железных моделей, восходящих к бронзовым прототипам (*Козенкова*, 1998. С. 7. Табл. I, *1*). Железные ножи получают широкое распространение на территории западнокобанской культуры уже в VIII в. до н. э. и в большинстве случаев, очевидно, изготовлены местными кузнецами (*Белинский, Дударев*, 2015. С. 297–306).

4. Каменный оселок, находился рядом с молотом (рис. 1, *4*; 2, *1*). Изготовлен из камня коричневатого цвета. Вытянутой удлиненной формы, в плане подпрямоугольный, со скругленными гранями. На верхней стороне имеется сквозное отверстие, выполненное методом двустороннего сверления, диаметром 0,9 см по верхнему краю и 0,5 см внутри. Общие размеры – 15,3 × 2,5 × 1,7 см.

Относится к наиболее массовой в западнокобанских памятниках разновидности оселков – типу II, по В. И. Козенковой (1998. С. 24, 25. Табл. VII, *13–17*), или типу I, по А. Б. Белинскому и С. Л. Дудареву (2015. С. 309. Рис. 239). В Клин-Ярском III могильнике IX – начала VII в. до н. э. оселки были найдены почти в каждом втором мужском погребении. По мнению исследователей, в популяризации оселков, как воинского атрибута, важную роль сыграли контакты кобанского населения с кочевниками (*Белинский, Дударев*, 2015. С. 312). Однако нельзя исключать и обратного: ведь большинство предметов вооружения и связанные с ними аксессуары из воинских погребений на Северном Кавказе, несомненно, были изготовлены в среде оседлого кобанского или протомеотского населения.

5. Каменный предмет из окатанного кремня вытянутой формы – огниво (?) (рис. 1, *5*; 2, *5*). На крае с расширяющейся стороной имеется односторонняя ретушь. Общие размеры – 7 × 2 см.

6. Фрагменты железного предмета (рис. 1, *6*; 2, *6*). Вероятно, обломки тонкого ножа вытянутой серповидной формы. Размеры наибольшего фрагмента – 4,7 × 0,7 × 0,4 см.

7. Предмет из камня коричневато-бурого цвета – гематита (?) (рис. 1, *7*; 2, *4*). Естественной окатанной многоугольной формы, со следами вертикальной стертости внутри одной из сторон. Вероятно, абразив (?). Общие размеры – 3,7 × 1 × 1,2 см.

Хотя в погребении нет узкодатирующихся предметов, но по их сочетанию и особенностям погребального обряда комплекс можно уверенно отнести к VIII – началу VII в. до н. э. При этом предпочтительней выглядит датировка в рамках втор. пол. VIII в. до н. э. Следует подчеркнуть, что набор металлических вещей в захоронении состоит только из железных изделий.

Целый ряд моментов, при анализе данного комплекса, позволяет обратиться к материалам впускного погребения у с. Садовое близ г. Моздока, набор инвентаря в котором очень близок к нашему и также включал боевой молоток, горшок, фрагмент кремня и железный нож (*Козенкова и др.*, 1997. С. 14, 15. Рис. 1). Наличие горшка с ногтевой орнаментацией послужило основанием для того, чтобы данное захоронение в публикации было интерпретировано как относящееся к западнокобанской культуре (Там же. С. 15, 17. Рис. 1, *1*). Однако этому противоречит наличие остатков бронзового налобного венчика-очелья, которые не известны в мужских кобанских погребениях, но достаточно широко представлены в захоронениях черногоровской культуры (*Козенкова и др.*, 1997. Рис. 1, *3*; *Дударев*, 1999. С. 39–41).

Как и в нашем случае, это одиночное впускное воинское погребение в курган. Как и в нашем случае, в нем присутствовал сосуд, который был изготовлен далеко от места захоронения, в ином культурном ареале.

Судя по этим двум комплексам, можно предположить, что подвижные группы пришлых скотоводов свободно перемещались по предгорной равнине в широтном направлении и имели широкий круг межплеменных контактов.

Однако присутствие предполагаемых номадов пока остается почти невидимым (*Дударев*, 1999. С. 38, 39). Близ пос. Бородыновка, откуда происходит публикуемый комплекс, в Ессентуках и Железноводске известны находки бронзовых колесничных комплектов новочеркасских типов, но их культурный контекст остается неясен (*Иессен*, 1953. С. 60. Рис. 6; 6а; *Дударев*, 1999. Рис. 109, *1–9*). Сравнительно недавно была опубликована новая большая группа предметов вооружения и конского снаряжения (в том числе и колесничного) финального предскифского времени – так называемые комплексы у Орлиных и Козьих Скал у подножия горы Бештау (*Дударев*, *Фоменко*, 2011). Несмотря на подлинность вещей, их комплексность вызывает большие сомнения, а провенанс более чем сомнительный. Весьма вероятно, что это несколько перемешанных наборов погребального инвентаря из грабительских раскопок, разошедшихся затем по частным коллекциям.

Лучшим свидетельством постоянного присутствия степного населения в предгорьях Кавказа являются оленные камни. В Центральном Предкавказье их находки сосредоточены близ устья Баксанского ущелья (*Батчаев*, 1985. С. 12, 13. Табл. 5, *1*; *Атабиев*, 2000). Контроль за выходом из ущелья на равнину традиционно подразумевает военно-политическое лидерство. Но наиболее яркие

воинские комплексы, изредка сопровождавшиеся захоронениями лошадей, известны пока лишь в западнокобанских могильниках (*Белинский, Дударев*, 2007; 2013). Именно они содержат предметы, указывающие на контакты с Закавказьем или даже Передней Азией.

Уникальным исключением является Бештаугорский клад 1951 г., который (с учетом музейного хранения и эпохи, когда он был найден) представляется значительно более достоверным источником. Почти сразу он был введен в научный оборот и с тех пор неизменно привлекает внимание исследователей (*Иессен*, 1954. С. 124–126. Рис. 13; 14). Клад содержит уздечный комплект, наконечники стрел новочеркасских форм и пекторaль-нагрудник.

Существует мнение, которое разделяют ряд исследователей, что пекторали являются принадлежностью конского снаряжения (*Махортых, Черненко*, 1995). Этому противоречат находки пекторалей *in situ* в двух захоронениях из могильников Нарзанный-2 и Клин-Яр III, где они находились в головах погребенных: в одном случае вместе со шлемом, а во втором – рядом с наконечником копья (*Дударев*, 1999. Рис. 127, *I*; *Белинский*, *Дударев*, 2013. Рис. 3). Причем в последнем случае, в погребении № 14 могильника Клин-Яр III, рядом с пекторалью лежал также набор женских накосных украшений, хорошо известный по материалам западнокобанских могильников (возможно, отрезанные косы) (*Березин*, 1988. С. 10–12. Рис. 52; *Дударев*, 1999. Рис. 129, *2, 6*; 2004. Рис. 14; 21; *Белинский, Дударев*, 2015. С. 263).

В составе клада выделяется крупный дисковидный предмет, назначение которого не ясно (*Вальчак, Демиденко*, 2006. С. 175. Рис. 4, *1*). Элементы его рельефного декора – уступчатые конусы и ромбы – имеют параллели в декоре на пекторалях и центральнокавказских бронзовых предметах. Однако сходный декор известен и в материалах из урартских памятников (*Вальчак, Демиденко*, 2006. С. 175. Рис. 3, *1, 2*; 4; *Пиотровский*, 2011. Рис. 30). Однако сходный декор известен и в материалах из урартских памятников. Ближайшие аналогии этой находке происходят из клада в Чабарухи (Восточная Грузия)[2] и погребения № 8 Марквашинского могильника близ Казани, где подобный диск, который, несомненно, является кавказским импортом, был использован в наборе украшений женского костюма (*Вальчак, Скаков*, 2003. С. 120; *Збруева*, 1952. С. 161. Табл. XXIX, *5*).

В комплекс клада входила также чумбурная пряжка восточного типа (*Вальчак, Демиденко*, 2006. С. 174. Рис. 1, *2*). Особого внимания заслуживает котел, который уже А. А. Иессен считал «свидетельством культурной общности и культурных связей населения этого района с далеким востоком – Южной Сибирью и Казахстаном» (*Иессен*, 1954. С. 126). Детально исследовавший эту находку С. В. Демиденко в целом подтвердил эти выводы, хотя он считает, что котел, вероятно, был отлит уже на Северном Кавказе новой группой населения, пришедшей с востока (*Вальчак, Демиденко*, 2006. С. 175–178; Рис. 5; 6).

Таким образом, Бештаугорский комплекс объединяет важнейшие предметы финального предскифского времени, известные в памятниках западнокобанской культуры, и вещи, близкие по своим истокам к оленным камням.

[2] Благодаря любезности А. Ю. Скакова, мне удалось осмотреть изображение этой находки из недоступной мне публикации, на которую им приводится ссылка.

Очевидно, что модель культурного взаимодействия между кобанским населением и пришельцами, относившимися к скотоводческой группе племен, в предскифское время, когда разнородные культурные элементы дополняли друг друга, принципиально отличалась от взаимоотношений раннескифской эпохи, когда происходит резкая одномоментная смена многих категорий вещей. Прежде всего, вооружения и конского снаряжения. Очень быстрое распространение новых культурных стереотипов, которое затронуло и керамический комплекс (*Маслов*, 1997), можно объяснить только военно-политическим господством, которое установили пришельцы над местным населением.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П., 1974. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. № 2. С. 195–213.

Атабиев Б. Х., 2000. Изваяния ранних кочевников из Кабардино-Балкарии // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии / Отв. ред.: М. Г. Мошкова, В. И. Козенкова. М.: Геос. С. 182–196.

Бакушев М. А., Чечина А. Ю., 2014. Змейский могильник кобанской культуры // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. (Москва 21–25 апреля 2014 г.) / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН. С. 120–123.

Батчаев В. М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии / Отв. ред.: М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. Т. 2. Нальчик: Эльбрус. С. 7–115.

Белинский А. Б., Дударев С. Л., 2007. К датировке комплексов позднейшего предскифского времени Северного Кавказа и Восточной Европы // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. М.: Памятники исторической мысли. С. 122–135.

Белинский А. Б., Дударев С. Л., 2013. Богатое погребение со шлемом ассирийского типа из могильника Нарзанный-2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Отв. ред. А. Б. Белинский. Вып. XI. М.: Памятники исторической мысли. С. 181–216.

Белинский А. Б., Дударев С. Л., 2015. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. Ставрополь: Дизайн-студия Б. 446 с.

Березин С. Я., 2014. Отчет о раскопках кургана № 3 курганного могильника «Бородыновка-3» на территории г. Железноводска Ставропольского края в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 42329, 42330.

Березин Я. Б., 1988. Отчет о спасательных археологических работах в урочище Клин-Яр под г. Кисловодском в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12539, 12539а.

Вальчак С. Б., Демиденко С. В., 2006. Комплекс 1951 года с горы Бештау: вопросы хронологии // НАВ / Отв. ред.: А. С. Скрипкин, Л. Т. Яблонский. Вып. 8. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. С. 173–186.

Вальчак С. Б., Скаков А. Ю., 2003. Дигорские «пекторали» предскифского периода // РА. № 3. С. 114–122.

Дударев С. Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н. э.). Армавир: Армавирское полиграфпредприятие. 406 с.

Дударев С. Л., 2004. Белореченский 2-й могильник – памятник эпохи раннего железного века Кавказских Минеральных вод // МИАСК / Отв. ред. В. Б. Виноградов. Вып. 3. Армавир: АГПУ. С. 16–100.

Дударев С. Л., Фоменко В. А., 2011. Новые комплексы предскифского времени с Северного Кавказа // Сборник научных работ С. Л. Дударева / Отв. ред. В. Б. Виноградов. М.: Илекса. С. 155–170.

Збруева А. В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М.: АН СССР. 326 с. (Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья; т. V.) (МИА; № 30.)

Иессен А. А., 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА. Вып. XVIII. С. 49–110.
Иессен А. А., 1954. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // ВССА. М.: АН СССР. С. 112–131.
Козенкова В. И., 1986. Пседахский могильник кобанской культуры (по раскопкам 1976–77 гг.) // Новое в археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В. И. Марковин. М.: Наука. С. 134–158.
Козенкова В. И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука. 196 с. (САИ; вып. В2-5, т. 3.)
Козенкова В. И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.: Наука. 166 с. (САИ; вып. В2-5, т. 4.)
Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: Наука. 200 с. (САИ; вып. В2-5, т. 5.)
Козенкова В. И., Сосранов Р. С., Черджиев Э. Л., 1997. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Отв. ред.: Р. М. Мунчаев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 14–18. (МИАР; № 1.)
Крупнов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР. 520 с.
Лукьяшко С. И., 1999. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов: Азовский краеведческий музей. 240 с. (Донские древности; вып. 7.)
Магомедов Р. С., 1972. Бамутское поселение – новый памятник кобанской культуры // СА. № 2. С. 110–126.
Маслов В. Е., 1997. Керамика Центрального Предкавказья скифской эпохи VII–V вв. до н. э.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 17 с.
Маслов В. Е., 2015. Керамика Центрального Предкавказья в раннескифское время // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: междунар. симп. (29–31 октября 2013 г.) / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 248–257.
Махортых С. В., Черненко Е. В., 1995. О кавказских «пекторалях» VIII–VII вв. до н. э. // РА. № 2. С. 21–28.
Мошинский А. П., Скаков А. Ю., 2000. Новые исследования по кобанской культуре // РА. № 2. С. 205–211.
Ольховский В. С., 2005. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука. 299 с.
Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М.: ИА РАН: ИА НАНУ. 188 с.
Петренко В. Г., 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо: Палеограф. 309 с.
Пиотровский Б. Б., 2011. История и культура Урарту. СПб.: Искусство России. 656 с.
Тереножкин А. И., 1976. Киммерийцы. Киев: Наукова думка. 224 с.
Флёров В. С., Дубовская О. Р., 1993. Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске // Вестник шелкового пути. Археологические источники / Отв. ред.: И. С. Каменецкий, С. А. Узянов. Вып. 1. М.: Шелковый путь. С. 262–303.
Чшиев Х. Т., 2004. Набор вооружения из погребения 41 Эльхотовского могильника кобанской культуры // МИАСК / Отв. ред. Е. И. Нарожный. Вып. 4. Армавир: АГПУ. С. 273–286.
Чшиев Х. Т., 2011. Новые уздечные комплексы из памятников кобанской культуры предскифского-раннескифского времени Северной Осетии // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред.: М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев. Грозный; М.: ИА РАН; ИГИ АН ЧР. С. 168–175.
Эрлих В. Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука. 430 с.

Сведения об авторах

Березин Сергей Яковлевич, ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края. пр-т К. Маркса, 56, Ставрополь, 355006, Россия; cosmodesantnik@mail.ru;

Маслов Владимир Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: maslovlad@mail.ru

S. Ya. Berezin, V. E. Maslov

THE WARRIOR'S PRE-SCYTHIAN BURIAL NEAR ZHELEZNOVODSK

Abstract. The burial from the Borodynovka-3 burial ground in the area of the Caucasian Spars in the Stavropol Region may be attributed to a rare group of pre-Scythian nomadic burials found in the West Koban culture area. Distinctive traits of the funerary rite and offerings help determine its dating within the range of the 8th – early 7th centuries BC. The model of cultural relationship between non-local herders and the Koban population groups in this period is fundamentally different from relationship traced back to the early Scythian period.

Keywords: Koban culture/cultures, Novocherkassk artifacts, black-burnished ceramics.

REFERENCES

Abramova M. P., 1974. Pogrebeniya skifskogo vremeni Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [Burials of Scythian time in Central Forecaucasus]. *SA*, 2, pp. 195–213.

Atabiev B. Kh. 2000. Izvayaniya rannikh kochevnikov iz Kabardino-Balkarii [Early nomads' sculptures from Kabardino-Balkaria]. *Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii [Archaeology, palaeoecology and palaeodemography of Eurasia]*. M. G. Moshkova, V. I. Kozenkova, eds. Moscow: Geos, pp. 182–196.

Bakushev M. A., Chechina A. Yu., 2014. Zmeyskiy mogil'nik kobanskoy kul'tury [Zmeyskiy cemetery of Koban culture]. *E. I. Krupnov i razvitie arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII Krupnovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [E. I. Krupnov and development of archaeology of North Caucasus. XXVIII Krupnov readings: transactions of international scientific conference]*. D. S. Korobov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 120–123.

Batchaev V. M., 1985. Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov [Antiquities of pre-Scythian and Scythian periods]. *Arkheologicheskie otkrytiya na novostroykakh Kabardino-Balkarii [Archaeological discoveries in construction zones of Kabardino-Balkaria]*, 2. M. P. Abramova, V. I. Kozenkova, eds. Nal'chik: El'brus, pp. 7–115.

Belinskiy A. B., Dudarev S. L., 2007. K datirovke kompleksov pozdneyshego predskifskogo vremeni Severnogo Kavkaza i Vostochnoy Evropy [On dating of complexes of latest pre-Scythian time in North Caucasus and Eastern Europe]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials for research of historical-cultural heritage of North Caucasus]*, VII. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 122–135.

Belinskiy A. B., Dudarev S. L., 2013. Bogatoe pogrebenie so shlemom assiriyskogo tipa iz mogil'nika Narzannyy-2 [Rich burial with helmet of Assyrian type from cemetery Narzannyy2]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials for research of historical-cultural heritage of North Caucasus]*, XI. A. B. Belinskiy, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 181–216.

Belinskiy A. B., Dudarev S. L., 2015. Mogil'nik Klin-Yar III i ego mesto sredi drevnostey Kavkaza i Yugo-Vostochnoy Evropy nachala epokhi rannego zheleza [Cemetery Klin-Yar III and its place among antiquities of Caucasus and South-Eastern Europe of the beginning of Early Iron Age]. Stavropol': Dizayn-studiya B. 446 p.

Berezin S. Ya., 2014. Otchet o raskopkakh kurgana № 3 kurgannogo mogil'nika «Borodynovka-3» na territorii g. Zheleznovodska Stavropol'skogo kraya v 2013 g. [Report on excavations of kurgan 3 of kurgan cemetery «Borodynovka-3» in territory of Zheleznovodsk, Stavropol' region in 2013]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Berezin Ya. B., 1988. Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh rabotakh v urochishche Klin-Yar pod g. Kislovodskom v 1987 g. [Report on rescue archaeological works in locality Klin-Yar near Kislovodsk city in 1987]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Chshiev Kh. T., 2004. Nabor vooruzheniya iz pogrebeniya 41 El'khotovskogo mogil'nika kobanskoy kul'tury [Weaponry set from burial 41 of El'khotovo cemetery of Koban culture]. *MIASK*, 4. E. I. Narozhnyy, ed. Armavir: Armavirskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 273–286.

Chshiev Kh. T., 2011. Novye uzdechnye kompleksy iz pamyatnikov kobanskoy kul'tury predskifskogo-ranneskifskogo vremeni Severnoy Osetii [New bridle complexes from Koban culture sites of pre-Scythian – early Scythian time in North Ossetia]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Kavkaza [Problems of ancient and medieval archaeology of Caucasus]*. M. Kh. Bagaev, Kh. M. Mamaev, eds. Groznyy; Moscow: IA RAN; Institut gumanitarnykh issledovaniy AN Chechenskoy Respubliki, pp. 168–175.

Dudarev S. L., 1999. Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoy Evropy v predskifskuyu epokhu (IX – pervaya polovina VII v. do n. e.) [Interrelations of North Caucasus tribes with nomads of South-Eastern Europe in pre-Scythian epoch (IX – first half of VII c. BC)]. Armavir: Armavirskoe poligrafpredpriyatie. 406 p.

Dudarev S. L., 2004. Belorechenskiy 2-y mogil'nik – pamyatnik epokhi rannego zheleza Kavkazskikh Mineral'nykh vod [Belorechenskiy 2nd cemetery – Early Iron Age site in Kavkazskie Mineral'nye vody. *MIASK*, 3. V. B. Vinogradov, ed. Armavir: Armavirskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 16–100.

Dudarev S. L., Fomenko V. A., 2011. Novye kompleksy predskifskogo vremeni s Severnogo Kavkaza [New complexes of pre-Scythian time from North Caucasus]. *Sbornik nauchnykh rabot S. L. Dudareva [Collection of scientific works of S. L. Dudarev]*. V. B. Vinogradov, ed. Moscow: Ileksa, pp. 155–170.

Erlikh V. R., 2007. Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznogo veka [North-Western Caucasus in the beginning of Iron Age]. Moscow: Nauka. 430 p.

Flerov V. S., Dubovskaya O. R., 1993. Muzhskie pogrebeniya kobanskogo mogil'nika Klin-Yar III v g. Kislovodske [Male burials of Koban cemetery of Klin-Yar III in Kislovodsk city]. *Vestnik shelkovogo puti. Arkheologicheskie istochniki [Silk road herald. Archaeological data sources]*, 1. I. S. Kamenetskiy, S. A. Uzyanov, eds. Moscow: Shelkovyy put', pp. 262–303.

Iessen A. A., 1953. K voprosu o pamyatnikakh VIII–VII vv. do n. e. na yuge Evropeyskoy chasti SSSR [On problem of sites of VIII–VII cc. BC in the south of European part of the USSR]. *SA*, XVIII, pp. 49–110.

Iessen A. A., 1954. Nekotorye pamyatniki VIII–VII vv. do n. e. na Severnom Kavkaze [Some sites of VIII–VII cc. BC in North Caucasus]. *Voprosy skifo-sarmatskoy arkheologii [Problems of Scythian-Sarmatian archaeology]*. Moscow: AN SSSR, pp. 112–131.

Kozenkova V. I., 1986. Psedakhskiy mogil'nik kobanskoy kul'tury (po raskopkam 1976–77 gg.) [Psedakhskiy cemetery of Koban culture (based on excavations of 1976–77)]. *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza [New in archaeology of North Caucasus]*. V. I. Markovin, ed. Moscow: Nauka, pp. 134–158.

Kozenkova V. I., 1989. Kobanskaya kul'tura. Zapadnyy variant [Koban culture. West variant]. Moscow: Nauka. 196 p. (SAI, B2-5, 3.)

Kozenkova V. I., 1995. Oruzhie, voinskoe i konskoe snaryazhenie plemen kobanskoy kul'tury (sistematizatsiya i khronologiya). Zapadnyy variant [Weapons, military and horse equipment of Koban culture tribes (systematization and chronology). West variant]. Moscow: Nauka. 166 p. (SAI, B2-5, 4.)

Kozenkova V. I., 1998. Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyy variant [Material foundation of everyday life of Koban tribes. SWest variant]. Moscow: Nauka. 200 p. (SAI, B2-5, 5.)

Kozenkova V. I., Sosranov R. S., Cherdzhiev E. L., 1997. K voprosu o mezhlokal'nykh kontaktakh v kobanskoy kul'ture (kurgan u s. Sadovogo v Severnoy Osetii) [On problem of in-local contacts in Koban culture (kurgan near village Sadovoe in North Ossetia)]. *Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoy Evropy [Sites of pre-Scythian and Scythian time in the south of Eastern Europe]*. R. M. Munchaev, V. S. Ol'khovskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 14–18. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 1.)

Krupnov E. I., 1960. Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza [Ancient history of North Caucasus]. Moscow: AN SSSR. 520 p.

Luk'yashko S. I., 1999. Predskifskiy period na Nizhnem Donu [Pre-Scythian period on Lower Don]. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey. 240 p. (Donskie drevnosti [Antiquities of the Don], 7.)

Magomedov R. S., 1972. Bamutskoe poselenie – novyy pamyatnik kobanskoy kul'tury [Bamut settlement – new site of Koban culture]. *SA*, 2, pp. 110–126.

Makhortykh S. V., Chernenko E. V., 1995. O kavkazskikh «pektoralyakh» VIII – VII vv. do n. e. [On Caucasian «pectorals» of VIII–VII cc. BC]. *RA*, 2, pp. 21–28.

Maslov V. E., 1997. Keramika Tsentral'nogo Predkavkaz'ya skifskoy epokhi VII – V vv. do n. e.: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Ceramics of Central Forecaucasus in Scythian epoch, VII–V cc. BC: Ph. D. Abstract]. Moscow. 17 p.

Maslov V. E., 2015. Keramika Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v ranneskifskoe vremya [Ceramics of Central Forecaucasus in early Scythian time]. *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii: mezhdunarodnyy simpozium (2013) [Modern approaches to ancient ceramics studies in archaeology: international symposium (2013)]*. Yu. B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 248–257.

Moshinskiy A. P., Skakov A. Yu., 2000. Novye issledovaniya po kobanskoy kul'ture [New investigations of Koban culture]. *RA*, 2, pp. 205–211.

Ol'khovskiy V. S., 2005. Monumental'naya skul'ptura naseleniya zapadnoy chasti evraziyskikh stepey epokhi rannego zheleza [Monumental sculpture of population of western part of Eurasian steppes in Early Iron Age]. Moscow: Nauka. 299 p.

Ol'khovskiy V. S., Evdokimov G. L., 1994. Skifskie izvayaniya VII – III vv. do n. e. [Scythian sculptures of VII – III cc. BC]. Moscow: IA RAN: IA NANU. 188 p.

Petrenko V.G, 2006. Krasnoznamenskiy mogil'nik. Elitnye kurgany ranneskifskoy epokhi na Severnom Kavkaze [Krasnoe znamya cemetery. Elite kurgans of early Scythian epoch in North Caucasus]. Moscow; Berlin; Bordeaux: Paleograf. 309 p.

Piotrovskiy B. B., 2011. Istoriya i kul'tura Urartu [History and culture of Urartu]. St. Petersburg: Iskusstvo Rossii. 656 p.

Terenozhkin A. I., 1976. Kimmeriytsy [The Cimmerians]. Kiev: Naukova dumka. 224 p.

Val'chak S. B., Demidenko S. V., 2006. Kompleks 1951 goda s gory Beshtau: voprosy khronologii [Complex of 1951 from Beshtau Mountain: problems of chronology]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]*, 8. A. S. Skripkin, L. T. Yablonskiy, eds. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 173–186.

Val'chak S. B., Skakov A. Yu., 2003. Digorskie «pectorali» predskifskogo perioda [The Digori «pectorals» of the pre-Scythian period]. *RA*, 3, pp. 114–122.

About the authors

Berezin Sergey Ya., State unitary enterprise «Nasledie [Heritage]» of the ministry of culture of the Stavropol region, pr-t. K. Marksa, 56, Stavropol, 355006, Russian Federation; e-mail: cosmodesantnik@mail.ru;

Maslov Vladimir E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: maslovlad@mail.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.187-201

В. В. Дворниченко, С. В. Демиденко

ПОГРЕБЕНИЯ САВРОМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ КРИВАЯ ЛУКА XI

Резюме. В статье вводятся в научный оборот материалы савроматского времени из погребений 3/4, 4/4 и 6/2 курганной группы Кривая Лука XI, которая исследовалась в 1975 г. Поволжской археологической экспедицией Института археологии АН СССР и Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в Черноярском районе Астраханской области. Все исследованные погребения по обряду и составу инвентаря могут быть датированы первой половиной V в. до н. э. Возможно, погр. 3/4 занимает более раннюю хронологическую позицию по отношению к погр. 4/4 и 6/2.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, могильники в урочище Кривая Лука, савроматское время, погребальный обряд, вооружение, хронология.

В 1975 г. Поволжская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР и Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова продолжила начатые в 1973 г. исследования курганных групп, расположенных в урочище Кривая Лука в Черноярском районе Астраханской области в зоне первой очереди строительства Астрахано-Калмыцкой рисовой оросительной системы. Были исследованы курганные группы Кривая Лука (далее КЛ) XI–XV (*Дворниченко и др.*, 1976).

В предлагаемой статье хотелось бы остановиться на погребениях савроматского времени, исследованных в КЛ XI. Несмотря на то что данные материалы были обнаружены более сорока лет назад, на сегодняшний день они введены в научный оборот лишь частично. Публикация отдельных рисунков находок, проделанная некоторыми авторами даже без ссылок на отчетные материалы, откуда они были извлечены, осуществленная в то же время с ошибками и опечатками, вряд ли может быть признана корректной (*Соколов*, 2009; 2010)[1]. Кроме

[1] В частности, в работах П. М. Соколова, посвященных клинковому оружию и типологии наконечников стрел савроматской культуры Нижнего Поволжья, меч из погр. 3/4 КЛ XI ошибочно отнесен к погр. 3/3 КЛ XIV (*Соколов*, 2009. С. 124. Рис. 3, 8), а наконечники стрел из этого же погребения ошибочно отнесены к погр. 4/3 КЛ XI (*Соколов*, 2010. Рис. 6, *1*).

того, находки, как правило, рассматривались без инвентаря собственно погребальных комплексов, в которых они были найдены. Не учитывался и тот фактор, что рисунки многих вещей в отчетах были сделаны до их реставрации[2]. Соответственно, и к выводам, сделанным в подобных исследованиях, следует относиться с достаточной степенью осторожности.

Курганная группа Кривая Лука XI располагалась в 18 км к западу от с. Черный Яр, на левом берегу основного русла Кривой Луки в 400–500 м от балки. Группа распадается на две компактные подгруппы, отстоящие друг от друга по линии «север – юг» на 250 м. Южная часть включает шесть курганов, концентрирующихся вокруг самого крупного и древнейшего кургана № 1. Северная часть включает четыре кургана, среди которых самым крупным и древнейшим является курган № 7.

Погребения савроматского времени были обнаружены в курганах 3 (п. 4), 4 (п. 4) и 6 (п. 2), которые находились в южной подгруппе.

Курган 3

Насыпь имела округлую в плане форму. Диаметр – 22 м, высота – 0,8 м от уровня погребенной почвы. Слой погребенной почвы прослеживается в профиле кургана на глубине 0,80 от 0 в виде тонкой (8–10 см) прослойки гумуса. Погребенный дерн был перекрыт слоем насыпи, мощностью до 0,70 м. В насыпи прослеживалось два слоя. Верхний слой – желтовато-серый плотный суглинок, мощностью до 0,4–0,5 м, нижний слой – желто-бурая рыхлая супесь, толщиной до 0,2 м. Толщина современного почвенного слоя составляла до 0,10 м.

Курган был возведен над погребением № 5, которое относилось к катакомбной культуре, и содержал еще четыре впускных погребения: два – срубной культуры (№ 1 и 2), одно – савроматского времени (№ 4) и одно разрушенное неопределенное захоронение (№ 3).

Могильная яма погр. 4 подпрямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована длинной осью по линии З–В, размеры: 2,7 × 1,85 м. Дно располагалось на глубине 2,0 м от 0. Юго-западная часть ямы была вырыта в заполнении ямы основного погр. № 5 и прослеживалась лишь до глубины 1,87 м от 0. В южной стенке, у юго-западного угла ямы был устроен небольшой полукруглый в плане подбой, размерами 0,7 × 0,3 м, высотой 0,3 м.

В яме было совершено парное захоронение, сопровождающееся четырьмя скоплениями костей животных и инвентарем. Костяки 1 и 2 покоились на бурой подстилке органического происхождения, прослеженной в изголовьях погребенных.

Костяк 1, принадлежавший взрослому мужчине, располагался в центральной части ямы. Анатомический порядок его нарушен. *In situ* сохранились: верхняя часть грудной клетки и позвоночника, плечевые кости обеих рук, кости голеней

[2] В работе использованы рисунки вещей из личного архива В. В. Дворниченко (1941–2004), сделанные им в последние годы жизни при подготовке данного материала к публикации.

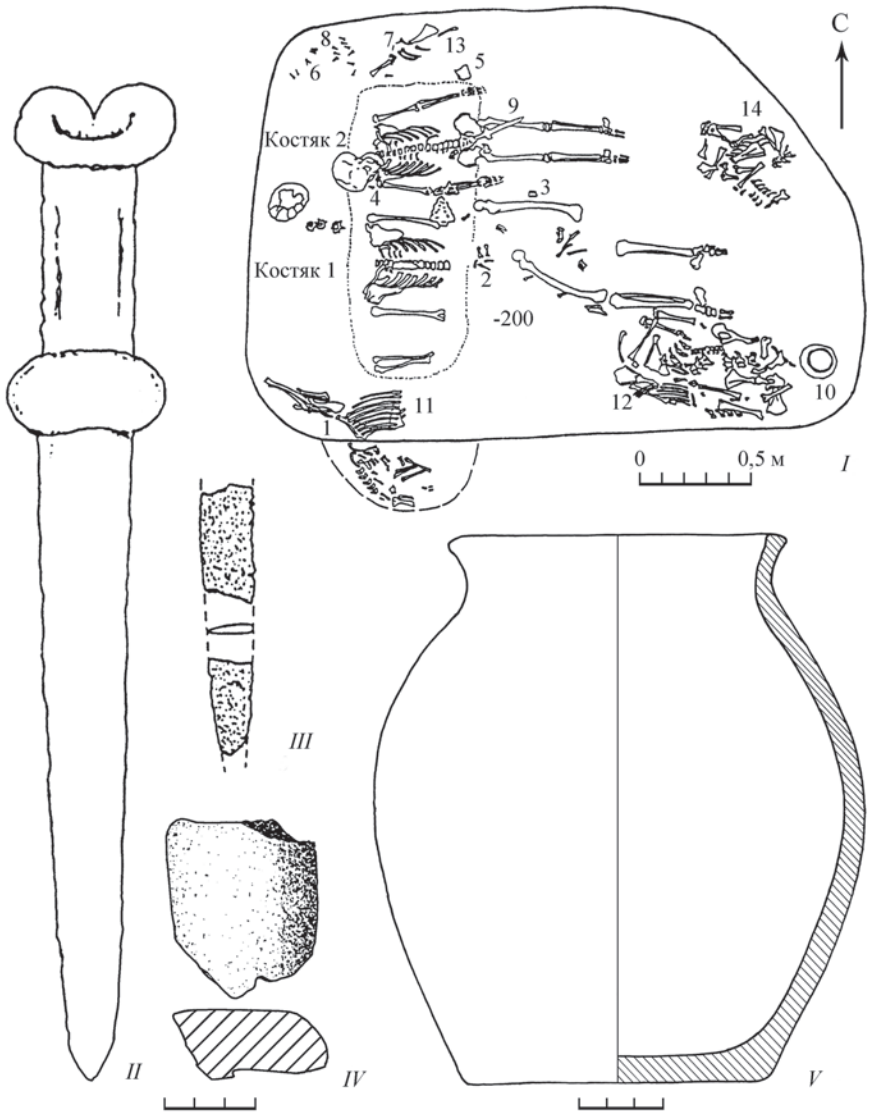


Рис. 1. Курганная группа Кривая Лука XI. Курган 3, погр. 4

I – план (1 – *нож;* 2 – *фр-ты меча (?);* 3, 5 – *точильные камни;* 4, 6, 8 – *наконечники стрел;* 7 – *фр-ты ножа;* 9 – *меч;* 10 – *лепной сосуд;* 11–14 – *скопления костей барана);* 1, 2, 4, 7, 9 – *железо;* 6 – *кость;* 8 – *бронза*)

II – железный меч; *III* – железный нож; *IV* – точильный камень; *V* – черноглиняный лепной сосуд

и стоп обеих ног. Череп обнаружен вместе с шейными позвонками на глубине 1,82 м от 0 у западной стенки могильной ямы. Кости предплечья левой руки отсутствуют. Кости предплечья правой руки смещены. Они сохранили анатомический порядок и обнаружены к югу от правой плечевой кости на глубине 1,74 м от 0, что свидетельствует об ограблении в период, когда еще не истлели мягкие ткани. Нижняя часть позвоночника и крылья таза также отсутствуют. Крестец лежал поверх левой плечевой кости, в области левого локтевого сустава. Бедренные кости смещены. Кости голеней сохраняют анатомический порядок. Они вытянуты параллельно друг другу. Стопы вытянуты и развернуты пяточными костями внутрь. Судя по сохранившимся *in situ* костям, погребенный лежал на спине, головой на З.

Костяк 2 располагался к северу от костяка 1, параллельно ему. Он принадлежал молодому человеку (кости черепа и эпифизы не срослись). Все кости скелета находились *in situ* и фиксировали вытянутое на спине положение погребенного, ориентированного головой на З. Череп покоился на затылочной кости с наклоном к правому плечевому суставу, лицевыми костями на ЮВ. Кости правой руки были вытянуты вдоль корпуса; кисть ее находилась у правого тазобедренного сустава. Кости левой руки были слегка отодвинуты от корпуса и тоже вытянуты. Кости ног лежали параллельно друг другу. Стопы вытянуты и направлены к востоку (рис. 1, *I*).

Инвентарь

1. Фрагменты железного ножа плохой сохранности обнаружены в юго-восточном углу могильной ямы среди костей барана (рис. 1, *3*).

2. Фрагменты железного предмета, вероятно меча, найдены между бедренными костями костяка 1.

3. Фрагмент точильного камня лежал к северу от левой бедренной кости костяка 1 (рис. 1, *4*).

4. Железный трехлопастной наконечник стрелы со сводчатой головкой и длинной выступающей втулкой находился у правого плечевого сустава костяка 2. Втулка проходит через всю головку стрелы. Общая длина – 3,5 см (рис. 2, *23*).

5. Второй точильный камень лежал к северу от левой кисти костяка 2[3].

6. Костяной четырехгранный наконечник стрелы с внутренней втулкой встречен в северо-западном углу могильной ямы среди бронзовых наконечников стрел. Каждая грань имеет треугольный вырез в нижней части, благодаря которым образованы узкие жальца, опускающиеся ниже плоскости втулки. Длина – 3 см (рис. 2, *24*).

7. Фрагменты железного ножа плохой сохранности обнаружены у северной стенки, ближе к северо-западному углу ямы под костями животного.

[3] Ни в отчетных, ни в архивных материалах рисунка или фотографии данного изделия не обнаружено.

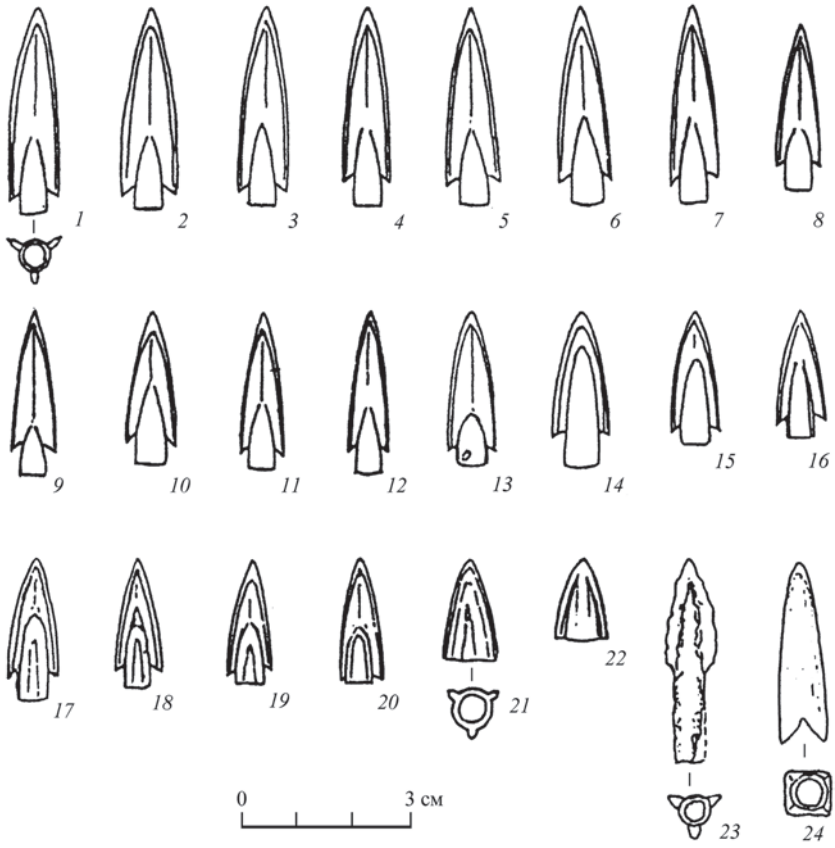


Рис. 2. Курганная группа Кривая Лука XI. Курган 3, погр. 4. Наконечники стрел
1–22 – бронза; *23* – железо; *24* – кость

8. Скопление бронзовых трехлопастных наконечников стрел обнаружено в северо-западном углу ямы (22 экз.):

– наконечники стрел с выступающей втулкой и узкой сводчатой головкой, концы лопастей опущены под острым углом, общая длина – 3,4–3,5 см, длина втулки – 1,3–1,5 см (7 экз.) (рис. 2, *1–7*);

– наконечники стрел с выступающей втулкой и узкой сводчатой головкой, концы лопастей опущены под острым углом, общая длина – 2,6–2,8 см, длина втулки – 0,8–1,3 см (6 экз.) (рис. 2, *8–13*);

– наконечник стрелы с выступающей втулкой и сводчатой головкой, концы лопастей опущены под острым углом, общая длина – 2,6 см, длина втулки – 2 см (1 экз.) (рис. 2, *14*);

– наконечники стрел с выступающей втулкой и сводчатой головкой, концы лопастей опущены под острым углом, общая длина – 2,1–2,4 см, длина втулки – 1,3–1,4 см (4 экз.) (рис. 2, *15–18*);

– наконечники стрел со слабо выступающей втулкой и сводчатой головкой, концы лопастей пущены под острым углом, общая длина – 2,0–2,1 см, длина втулки – 0,9–1,0 см (4 экз.) (рис. 2, *19–20*);

– наконечник стрелы с внутренней втулкой и треугольной головкой, концы лопастей располагаются под прямым углом и находятся на одной линии с основанием втулки, общая длина – 1,7 см (1 экз.) (рис. 2, *21*);

– наконечник стрелы с внутренней втулкой и сводчатой головкой, концы лопастей располагаются под прямым углом и находятся на одной линии с основанием втулки, общая длина – 1,4 см (1 экз.) (рис. 2, *22*).

9. Короткий железный кинжал с антенным навершием, почковидным перекрестьем и двутавровой рукоятью расчищен на левом бедре костяка 2. Длина – 31,5 см, ширина перекрестья – 5 см, ширина навершия – 5 см (рис. 1, *II*).

10. Черноглиняный лепной сосуд стоял в юго-восточном углу могильной ямы. Тулово яйцевидное, вытянуто по вертикальной оси, невысокая шейка переходит в отогнутый наружу венчик. Максимальный диаметр тулова располагается в средней части сосуда. Дно плоское. Диаметр венчика – 12 см, диаметр дна – 10,5 см, диаметр тулова максимальный – 17,5 см, высота – 19,5 см (рис. 1, *V*).

11. Скопление костей барана, частично сохранившее анатомический порядок, расчищено в 0,4 м от правого плечевого сустава костяка 1. Южная часть этого скопления располагалась в подбое.

12. Второе скопление костей барана найдено между правой голенью костяка 1 и южной стенкой ямы.

13. Третье скопление костей барана прослежено рядом со скоплением наконечников стрел, между северной стенкой ямы и левой рукой костяка 2.

14. Четвертое беспорядочное скопление костей животного находилось к востоку от стоп костяка 2, в северо-восточной части ямы.

Курган 4

Насыпь имела округлую в плане форму. Диаметр – 10 м, высота – 0,7 м от уровня древнего горизонта. С северной и восточной сторон у подножия кургана располагались ровики. Восточный ровик имел неправильную в плане форму, размеры: 5 × 3 м. Северный ровик, размерами 5 × 2 м, в профиле имел ширину 1,5 м и глубину 0,3 м от уровня погребенной почвы (1,0 м от 0). Слой погребенной почвы прослеживался в профиле кургана на глубине 0,7 м от 0 в виде тонкой (до 8 см) прослойки. Погребенный дерн был перекрыт слоем уплотненной супеси (толщиной до 0,6 м) – насыпью кургана. Толщина современного почвенного слоя – до 10 см.

Курган был возведен в эпоху бронзы над погребением 5 и содержал еще четыре впускных захоронения, два из которых относились к срубной культуре (погр. 1 и 2), одно – к савроматскому времени (погр. 4) и одно предположительно сарматское.

Погребение 4 было обнаружено к западу от 0, на глубине 1,29 м. Овальная могильная яма была ориентирована длинной осью по линии ЗВ, размеры: 2,4 × 1,2–1,3 м. Дно ямы располагалось на глубине 1,45 м. Восточная часть ямы

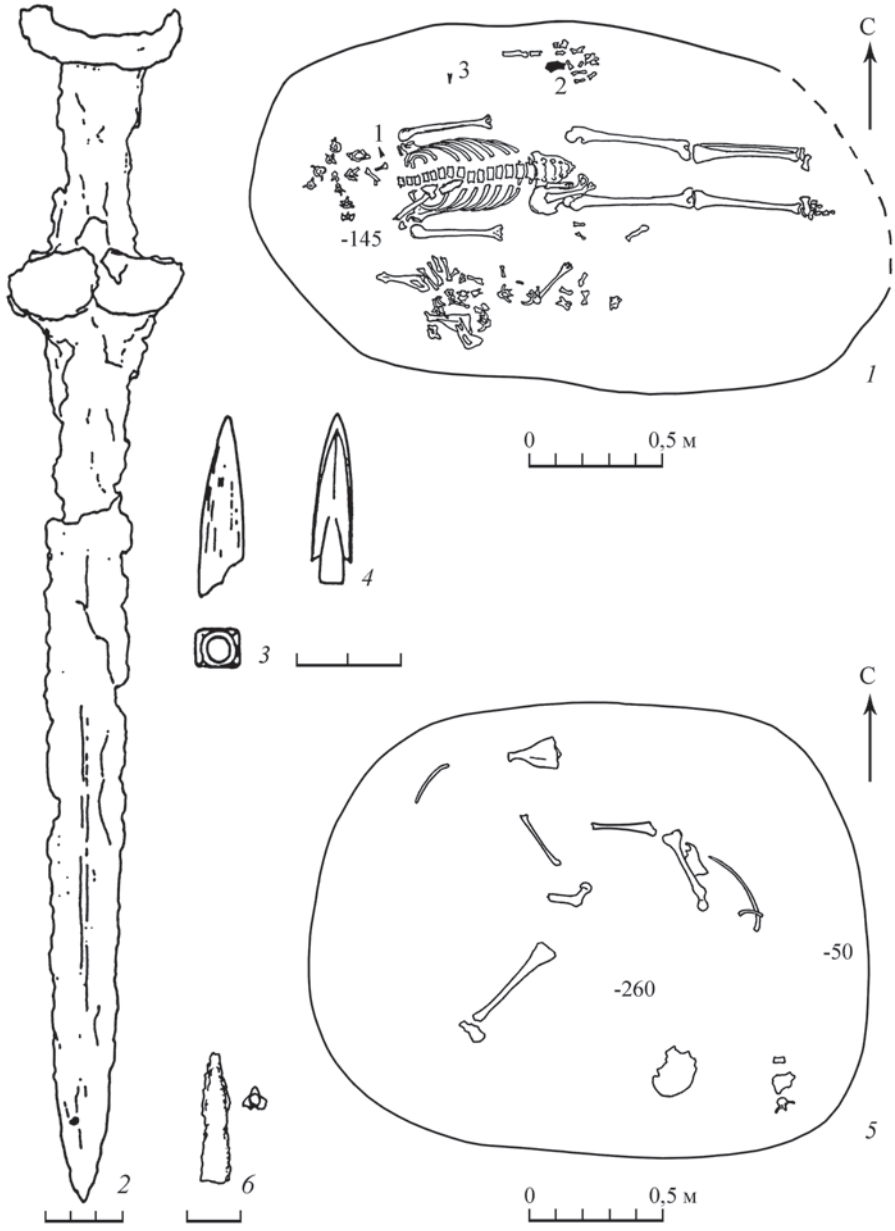


Рис. 3. Курганная группа Кривая Лука XI.
Курган 4, погр. 4 (*1–4*), курган 6, погр. 2 (*5, 6*)

1, 5 – планы погр.; *2* – меч; *3, 4, 6* – наконечники стрел

2, 6 – железо; *3* – кость; *4* – бронза

вырыта в заполнении погр. 5, а юго-восточная нарушена ямой погр. 3. На дне ямы *in situ* сохранились кости грудной клетки и позвоночника, плечевые кости обеих рук, крестец и правое крыло таза, кости обеих ног (за исключением левой стопы). Судя по сохранившим первоначальное положение костям, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на З. Руки были вытянуты вдоль корпуса. Ноги располагались параллельно друг другу. Погребение нарушено грабителями в древности. Череп отсутствует. Шейные позвонки найдены в беспорядке у западной стенки могильной ямы. Обломки костей предплечья и фаланги пальцев левой руки находились у северной стенки ямы. Лучевые кости правой руки выброшены к югу от костяка и находились рядом со скоплением костей барана у южной стенки ямы (рис. 3, *1*).

Инвентарь

1. Костяной четырехгранный наконечник стрелы с внутренней втулкой обнаружен среди шейных позвонков над левым плечом погребенного. Каждая грань имеет треугольный вырез в нижней части, благодаря которым образованы узкие жальца, опускающиеся ниже плоскости втулки. Нижняя часть наконечника частично обломана. Длина – 3,6 см (рис. 3, *3*).

2. Фрагменты железного ножа обнаружены на костях грудной клетки. Не восстанавливается.

3. Бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с выступающей втулкой и узкой сводчатой головкой, концы лопастей опущены под острым углом, лежал между левой плечевой костью и северной стенкой могилы. Общая длина – 3,3 см, длина втулки – 1,3 см (рис. 3, *4*).

4. Фрагментированный железный меч с остатками бабочковидного перекрестья и антенного навершия находился у северной стенки ямы. Длина – 50 см, ширина перекрестья – 7 см, ширина навершия – 6,5 см (рис. 3, *2*).

5. Скопление костей барана располагалось между правой плечевой костью погребенного и южной стенкой могильной ямы.

Курган 6

Располагался в 140 м к СЗ от кургана 1 и в 110 м к ССЗ от кургана 5. Насыпь имела округлую в плане форму. Диаметр – 19,5 м, высота – 0,5 м от уровня древнего горизонта. Слой погребенной почвы прослеживался в профиле кургана на глубине 0,5 м от 0 в виде тонкой (3–5 см) гумусированной прослойки. Слой погребенной почвы перекрывался однородным слоем насыпи, состоящей из уплотненной супеси и достигающей толщины 0,40 м. Насыпь до глубины 0,25 м от 0 была перепахана. Толщина современного растительного покрова незначительна – до 8 см.

В насыпи кургана в 9 м к СВ, на глубине 0,78 м от 0 был обнаружен развал черноглиняного лепного сосуда, орнаментированного защипами по краю венчика. Диаметр венчика – 10 см (не восстанавливается).

В кургане обнаружено два захоронения. Погребение 1 относится к раннесарматской культуре и является впускным. Погребение 2 является основным и относится к савроматскому времени.

Погребение 2 располагалось в центре кургана. Широкая могильная яма подпрямоугольной формы наблюдалась с глубины 2,2 м от 0, размеры: 2,3 × 1,6–1,8 м. Была ориентирована длинной осью по линии ЗВ. Углы ее сильно закруглены, стенки отвесные, дно ровное. Дно располагалось на глубине 2,6 м от 0. Была вырыта в материке. В заполнении ямы попадались угольки (рис. 3, *5*).

Погребение оказалось полностью ограбленным. В заполнении ямы на разной глубине найдены отдельные кости человеческого скелета и кости крупного копытного животного (коровы?). В основном кости встречались с глубины 2,21 от 0.

Инвентарь

1. Железный трехлопастной наконечник стрелы плохой сохранности со сводчатой (?) головкой и длинной выступающей втулкой обнаружен в засыпи ямы. Втулка проходит через всю головку стрелы. Длина – 2,5 см (рис. 3, *6*).

Анализ погребального обряда

Погребальный обряд исследованных захоронений полностью соответствует традициям савроматских племен Нижнего Поволжья. Захоронения 3/4 и 4/4 были впущены в курганы эпохи бронзы. Захоронение 6/2 являлось основным. В соответствии с классификацией К. Ф. Смирнова, по форме могильной ямы погр. 3/4 (рис. 1, *I*) и 6/2 (рис. 3, *5*) могут быть отнесены к типу II, объединяющему небольшие, широкие прямоугольные ямы, а погр. 4/4 (рис. 3, *1*) – к типу IV, в который входят овальные и круглые ямы. Оба типа наиболее широко распространены в конце VI – V в. до н. э. (*Смирнов*, 1964. С. 80. Табл. 2).

Все исследованные могильные ямы были вытянуты длинной осью по линии «запад – восток». Костяки в погр. 3/4 и 4/4 были ориентированы головой на запад. Западная ориентировка сохраняет ведущее положение на всем протяжении существования савроматской культуры, но, безусловно, преобладает в конце VI – V в. до н. э. (Там же. С. 91. Табл. 3).

Помещение в могилу вместе с покойником целой или разрубленной туши барана, как это было сделано в погр. 3/4 и 4/4, также является одним из характерных признаков савроматского погребального обряда (Там же. С. 100).

Анализ погребального инвентаря

Предметы вооружения представлены клинковым оружием и наконечниками стрел.

Клинковое оружие было найдено в погр. 3/4 и 4/4[4].

Железный кинжал из погр. 3/4 (длина – 31,5 см) (рис. 1, *II*) относится (по классификации К. Ф. Смирнова) к отделу II типу 1, характеризующемуся простым антенным навершием и почковидным перекрестьем. Аналогичные мечи и кинжалы происходят из курганов: А12 у с. Блюменфельд (с. Цветочное, Волгоградская обл.) (*Смирнов*, 1961. Рис. 2, *1, 2*); кург. 5 курганной группы I у с. Фриденберг (с. Мирное, Саратовская обл.) (Там же. Рис. 2, *3*). Однако наиболее близок нашему экземпляру короткий железный меч из кург. 7 у с. Сара (Оренбургская обл.), который также имеет двухтавровую рукоять (Там же. Рис. 2, *5*). Все перечисленные мечи происходят из комплексов, которые относятся ко времени конца VI – начала V в. до н. э. (Там же. С. 16, 17). Кроме того, аналогичный железный короткий меч был обнаружен в п. 7 в бэровском бугре «Поволжский» (Астраханская обл.). Исследователи датировали его второй половиной VI – первой половиной V в. до н. э. (*Павленко, Шинкарь*, 2005).

Железный меч из погр. 4/4 (длина – 50 см) (рис. 3, *2*) может быть отнесен к отделу II типу 2, характеризующемуся простым антенным навершием и бабочковидным перекрестьем (*Смирнов*, 1961. С. 18–20). Данному экземпляру по общему абрису близок меч, случайно найденный у г. Вольск в 1906 г., датированный К. Ф. Смирновым в целом V в. до н. э. (Там же. С. 19. Рис. 3, *3*). А. С. Скрипкин, заново рассмотрев все известные мечи савроматского времени из Нижнего Поволжья, пришел к выводу, что меч из Вольска принадлежит, вероятнее всего, к третьей хронологической группе, датирующейся второй половиной V – первой половиной IV в. до н. э. (*Скрипкин*, 2007. С. 47). Однако меч из погр. 4/4 отличает от меча из Вольска достаточно широкое бабочковидное перекрестье. Подобные клинки известны на территории лесостепного Подонья и датируются исследователями концом VI – первой половиной V в. до н. э. (*Ворошилов, Медведев*, 2007. С. 78. Рис. 1, *8, 9*).

Наконечники стрел были найдены во всех описываемых погребениях.

Наиболее представительным является колчанный набор из погр. 3/4. Он состоит из 22 бронзовых трехлопастных наконечников стрел и одного костяного наконечника.

Большая часть бронзовых трехлопастных наконечников (20 экз.) (рис. 2, *1–20*) относится к типу 6Б отдела II (по классификации К. Ф. Смирнова), характеризующемуся узкой сводчатой головкой и выступающей втулкой (*Смирнов*, 1961. С. 46, 47). По количественным характеристикам среди них можно выделить 5 вариантов: 1) общая длина – 3,4–3,5 см, длина втулки – 1,3–1,5 см (7 экз.) (рис. 2, *1–7*); 2) общая длина – 2,6–2,8 см, длина втулки – 0,8–1,3 см (6 экз.) (рис. 2, *8–13*); 3) общая длина – 2,6 см, длина втулки – 2 см (1 экз.) (рис. 2, *14*); 4) общая длина – 2,1–2,4 см, длина втулки – 1,3–1,4 см (4 экз.) (рис. 2, *15–18*); 5) общая длина – 2,0–2,1 см, длина втулки – 0,9–1,0 см (4 экз.) (рис. 2, *19, 20*). Также в колчанном наборе были обнаружены два базисных наконечника стрелы. Один из них – со сводчатой головкой (рис. 2, *22*) – относится

[4] Вслед за А. И. Мелюковой (1964. С. 46) кинжалами здесь называется клинковое оружие длиной до 40 см, а мечами – длиной от 50 см.

к типу 10, второй – с треугольной головкой (рис. 2, *21*) – к типу 11 (*Смирнов*, 1961. С. 49, 50).

Костяной четырехгранный наконечник стрелы, вероятно, можно отнести к типу 3 отдела IV (Там же. С. 59). Однако К. Ф. Смирнов костяные наконечники стрел не выделял в особую группу, рассматривал совместно с бронзовыми, подчеркивая малочисленность выборки, и указывал на их происхождение от костяных наконечников эпохи поздней бронзы. М. А. Очир-Горяева выделяет подобные наконечники в тип 3, однако не указывает, из каких конкретно комплексов они происходят (*Очир-Горяева*, 1996. С. 48, 49). П. М. Соколов костяные наконечники стрел на основе материала, из которого они изготовлены, выделил в отдельную группу, но из-за небольшого количества известных экземпляров не посчитал возможным разбить их на типы (*Соколов*, 2010. С. 218). А. Хельмут подобные экземпляры также выделяет в особую группу – Kn IV, отмечая их появление уже в IX в. до н. э. (*Hellmuth*, 2010. Teil. 1. S. 14. Abb. 255).

Кроме того, вне колчанного набора в погр. 3/4 был найден железный трехлопастной наконечник стрелы (рис. 2, *23*), который относится к типу 6Г отдела II (по классификации К. Ф. Смирнова) и характеризуется сводчатой головкой с длинной выступающей втулкой, причем втулка проходит через всю головку стрелы (*Смирнов*, 1961. Табл. II, *№ 189*). Самая близкая аналогия данному экземпляру происходит из кург. А12 могильника Блюменфельд (Там же. Рис. 16Б, *71*).

Бронзовый и костяной наконечники стрел были также найдены в погр. $^{4}/_{4}$. Бронзовый наконечник стрелы (рис. 3, *4*) относится к типу 6Б отдела II, по классификации К. Ф. Смирнова (Там же. С. 46, 47), и полностью соответствует бронзовым наконечникам стрел из погр. 3/4, особенно их первому варианту (общая длина – 3,3 см, длина втулки – 1,3 см) (рис. 2, *1–7*).

Костяной наконечник стрелы (рис. 3, *3*), вероятно, также можно отнести к типу 3 отдела IV (Там же. С. 59). Он полностью соответствует наконечнику из погр. 3/4 (рис. 2, *24*), описанному выше. Аналогичные костяные четырехгранные наконечники стрел встречены в погр. 32/1 КЛ XIV (*Дворниченко и др.*, 1976), в погр. 37/1 Элистинского могильника (Республика Калмыкия) (*Синицын, Эрдниев*, 1971. С. 101). Утверждение М. А. Очир-Горяевой о том, что костяные наконечники стрел в Нижнем Поволжье происходят только с правого берега Волги (*Очир-Горяева*, 1996. С. 48), является не совсем верным. Они встречены также и на левом берегу, в степном Заволжье, в детском захоронении 2/3 курганной группы Солодовка III (Ленинский район, Волгоградская обл.). В последнем комплексе, кроме четырех костяных наконечников стрел, были найдены железный кинжал с антенновидным навершием и узким бабочковидным перекрестьем, восемь втульчатых наконечников стрел (два железных и шесть бронзовых), обломок зеркала с валиком по краю диска, которые позволяют датировать погребение периодом второй половины V – первой половины IV в. до н. э. (*Демиденко*, 1992).

Железный трехлопастной наконечник стрелы (плохой сохранности), обнаруженный в разграбленном погр. 6/2 (рис. 3, *6*), близок железному наконечнику стрелы из погр. 3/4 и, вероятно, также может относиться к типу 6Г отдела II (*Смирнов*, 1961. Табл. II, *№ 189*).

В целом наконечники стрел из всех рассмотренных погребений обнаруживают явное типологическое сходство. По составу и набору типов, на наш взгляд, наконечникам стрел из погр. 3/4, 4/4 и 6/2 КЛ XI наиболее близок колчанный набор из кургана А12 могильника Блюменфельд, датирующийся концом VI – первой половиной V в. до н. э. (*Смирнов*, 1961. Рис. 16А, 16Б). Однако в них отсутствуют наконечники стрел архаических типов, имеющиеся в Блюменфельде. В то же время в колчанном наборе из Блюменфельда нет костяных наконечников стрел.

Керамика. Представлена лепным черноглиняным сосудом, обнаруженным в погр. 3/4 (рис. 1, *5*). По классификации К. Ф. Смирнова, он относится к отделу IV, объединяющему горшки с вытянутым яйцевидным туловом, наиболее широкая часть которого приходится на середину сосуда, с плавно отогнутым венчиком и плоским, иногда выделенным дном. Устье почти равно дну или несколько шире его. К. Ф. Смирнов выделяет два типа данных сосудов: первый – высокие, иногда имеющие почти биконическую форму тулова, более характерные для VI в. до н. э., второй – низкие, более характерные для V в. до н. э. (*Смирнов*, 1964. С. 112). К сожалению, автор нигде не приводит количественные критерии данного деления. Однако аналогичный сосуд (совпадают и форма тулова, и размеры, и пропорции) происходит из погр. 43/2 Сусловского курганного могильника в Саратовской области, которое в целом датируется V в. до н. э. (Там же. С. 306, 355. Рис. 13, *5г*; 63, *12*). В более дробной классификации савроматской керамики М. А. Очир-Горяевой сосуды из погребений 42/2 Сусловского могильника и 3/4 КЛ XI хотя и рассматриваются в рамках одной группы, но отнесены к различным типам только потому, что у первого дно является «массивным», а у второго – «обычным» (*Очир-Горяева*, 1990. С. 83). К сожалению, классификация М. А. Очир-Горяевой является слишком формальной: в ней отсутствует четкая внутренняя структура и обоснование иерархии признаков[5]. Кроме того, она не дает каких-либо оснований для уточнения датировки отдельных типов сосудов.

Предметы быта представлены фрагментированным железным ножом и фрагментом точильного камня из погр. 3/4.

Железный нож (рис. 1, *III*) относится к типу 3, характеризующемуся, по классификации К. Ф. Смирнова, прямой спинкой и изогнутым лезвием (*Смирнов*, 1964. С. 105).

Фрагмент точильного камня (рис. 1, *IV*) можно отнести к третьему виду абразивных орудий, отличающихся массивностью и уплощенной, четырехгранной формой (Там же. С. 107).

Оба предмета являются типичными для савроматской культуры.

Таким образом, исследованные савроматские погребения из КЛ XI могут быть датированы первой половиной V в. до н. э. Возможно, погр. 3/4 занимает более раннюю хронологическую позицию по отношению к погр. 4/4 и 6/2.

[5] Даже учитывая все трудности в описании и классификации лепной керамики, вызывает обоснованное сомнение разделение сосудов по форме тулова на овальные, яйцевидные и эллипсовидные (*Очир-Горяева*, 1990. Рис. 1).

ЛИТЕРАТУРА

Ворошилов А. Н., Медведев А. П., 2007. Вооружение лесостепного Подонья в скифо-сарматское время // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред.: Л. Т. Яблонский, А. Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ. С. 76–87.

Дворниченко В. В., Куйбышев А. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1976. Отчет о раскопках курганов в Черноярском районе Астраханской области в зоне I очереди строительства Астрахано-Калмыцкой рисовой оросительной системы в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6719.

Демиденко С. В., 1992. Савроматское погребение у с. Солодовка // Древности Волго-Донских степей: сб. науч. ст. / Ред. В. И. Мамонтов. Вып. 2. Волгоград: Перемена. С. 113–118.

Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. М.: Наука. 113 с. (САИ; вып. Д-1-4.)

Очир-Горяева М. А., 1990. Классификация керамики из погребений скифской эпохи Нижнего Поволжья // Вопросы археологии юга Восточной Европы: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. И. Марковин. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т. С. 81–92.

Очир-Горяева М. А., 1996. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. № 1. С. 41–54.

Павленко Ю. А., Шинкарь О. А., 2005. Погребения савроматского времени в дельте Волги // НАВ. Вып. 7. С. 214–225.

Синицын И. В., Эрдниев У. Э., 1971. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года). Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ. 143 с.

Скрипкин А. С., 2007. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н. э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред.: Л. Т. Яблонский, А. Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ. С. 38–50.

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. М.: АН СССР. 162 с. (МИА; № 101.)

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов) / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука. 379 с.

Соколов П. М., 2009. Клинковое оружие кочевников Нижнего Поволжья скифского времени // НАВ. Вып. 10. С. 119–136.

Соколов П. М., 2010. Типология и хронология наконечников стрел савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья // НАВ. Вып. 11. С. 213–232.

Hellmuth A., 2010. Bogenschützen des Pontischen Raumes in der Älteren Eisenzeit. Typologische Gliederung, Verbreitung und Chronologie der skythischen Pfeilspitzen. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt. 381 S., 250 Taf. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie; Bd. 177.)

Сведения об авторах

Дворниченко Владимир Васильевич (1941–2004), Институт археологии РАН (1972–2004);

Демиденко Сергей Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: svdemidenko@hotmail.com

V. V. Dvornichenko, S. V. Demidenko

SAUROMATIAN SITES FROM THE KRIVAYA LUKA XI KURGAN GROUP

Abstract. The paper introduces into scientific discourse artifacts of the Sauromatian period from burials 3/4, 4/4 and burial 6/2 at the Krivaya Luka XI kurgan cemetery excavated by the Volga Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR, and Lomonosov State University in the Chernyy Yar

district, Astrakhan Region in 1975. Regarding funeral rites and grave goods all examined burials can be dated to the first half of the 5th century BC. Burial 3/4, probably, has an earlier chronological position relative to burial 4/4 and burial 6/2.

Keywords: Lower Volga region, cemeteries at Krivaya Luka, Sauromatian period, burial rite, weapons, chronology.

REFERENCES

Demidenko S. V., 1992. Savromatskoe pogrebenie u s. Solodovka [Sauromatian burial near village Solodovka]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey: sbornik nauchnykh statey [Antiquities of Volga-Don steppes: book of scientific articles]*, 2. V. I. Mamontov, ed. Volgograd: Peremena, pp. 113–118.

Dvornichenko V. V., Kuybyshev A. V., Malinovskaya N. V., Fedorov-Davydov G. A., 1976. Otchet o raskopkakh kurganov v Chernoyarskom rayone Astrakhanskoy oblasti v zone I ocheredi stroitel'stva Astrakhano-Kalmytskoy risovoy orositel'noy sistemy v 1975 g. [Report on excavations of kurgans in Chernyy Yar district, Astrakhan region in construction zone of 1 stage of construction of Astrakhan-Kalmyk rice irrigation system in 1975]. Archive of IA RAN (In Russian, unpublished.)

Hellmuth A., 2010. Bogenschützen des Pontischen Raumes in der Älteren Eisenzeit. Typologische Gliederung, Verbreitung und Chronologie der skythischen Pfeilspitzen. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt. 381 S., 250 Taf. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 177.)

Melyukova A. I., 1964. Vooruzhenie skifov [Weapons of the Scythians]. Moscow: Nauka. 113 p. (SAI, D 1-4.)

Ochir-Goryaeva M. A., 1990. Klassifikatsiya keramiki iz pogrebeniy skifskoy epokhi Nizhnego Povolzh'ya [Classification of pottery from burials of Scythian epoch in Lower Volga region]. *Voprosy arkheologii yuga Vostochnoy Evropy: sbornik nauchnykh trudov [Problems of archaeology of South of Eastern Europe: book of scientific works]*. V. I. Markovin, ed. Elista: Kalmytskiy gos. universitet, pp. 81–92.

Ochir-Goryaeva M. A., 1996. Nakonechniki strel kochevnikov Nizhnego Povolzh'ya [Arrowheads of Lower Volga region nomads]. *RA*, 1, pp. 41–54.

Pavlenko Yu. A., Shinkar' O. A., 2005. Pogrebeniya savromatskogo vremeni v del'te Volgi [Burials of Sauromatian time in Volga delta]. *NAV*, 7, pp. 214–225.

Sinitsyn I. V., Erdniev U. E., 1971. Elistinskiy kurgannyy mogil′nik (po raskopkam 1964 goda) [Elista kurgan cemetery (excavations of 1964)]. Elista: Kalmytskiy NIIYaLI. 143 p.

Skripkin A. S., 2007. Klinkovoe oruzhie rannikh kochevnikov Nizhnego Povolzh'ya VII – IV vv. do n. e. (problemy khronologii) [Blade weapons of early nomads of Lower Volga region, VII–IV cc. BC (problems of chronology)]. *Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya: doklady k VI mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii» [Weaponry of Sarmatians: regional typology and chronology: reports for VI international conference «Problems of Sarmatian archaeology and history»]*. L. T. Yablonskiy, A. D. Tairov, eds. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gos. universitet, pp. 38–50.

Smirnov K. F., 1961. Vooruzhenie savromatov [Weapons of the Sauromatians]. Moscow: AN SSSR. 162 p. (MIA, 101.)

Smirnov K. F., 1964. Savromaty (rannyaya istoriya i kul'tura sarmatov) [Sauromatians (early history and culture of Sarmatians)]. M. G. Moshkova, ed. Moscow: Nauka. 379 p.

Sokolov P. M., 2009. Klinkovoe oruzhie kochevnikov Nizhnego Povolzh'ya skifskogo vremeni [Blade weapons of nomads of Lower Volga region of Scythian time]. *NAV,* 10, pp. 119–136.

Sokolov P. M., 2010. *Tipologiya i khronologiya nakonechnikov strel savromatskoy arkheologicheskoy kul'tury Nizhnego Povolzh'ya [Typology and chronology of arrowheads of Sauromatian archaeological culture of Lower Volga region]*. *NAV*, 11, pp. 213–232.

Voroshilov A. N., Medvedev A. P., 2007. Vooruzhenie lesostepnogo Podon'ya v skifo-sarmatskoe vremya [Weaponry of forest-steppe Don region in Scythian-Sarmatian time]. *Vooruzhenie sarmatov: regional'naya tipologiya i khronologiya: doklady k VI mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii» [Weaponry of Sarmatians: regional typology and chronology:*

reports for VI international conference «Problems of Sarmatian archaeology and history»]. L. T. Yablonskiy, A. D. Tairov, eds. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gos. universitet, pp. 76–87.

About the authors

Dvornichenko Vladimir V. (1941–2004), Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (1972–2004);

Demidenko Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: svdemidenko@hotmail.com

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.202-216

С. В. Сиротин

ЖЕНСКОЕ РАННЕКОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ШАМАНСКИМ КОМПЛЕКСОМ IV в. до н. э. НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Резюме. В статье публикуется погребальный комплекс эпохи ранних кочевников (IV в. до н. э.) с территории Южного Урала. Комплекс относится к особой группе женских погребений, связанных с культово-религиозной практикой древнего кочевого населения степной полосы Евразии. Погребальное сооружение было устроено в центральной части кургана предшествующей эпохи (середина II тыс. до н. э.). Рассматриваемое женское захоронение (№ 11) было совершено в могильной яме катакомбного типа. Обращает на себя внимание найденный инвентарь: каменный жертвенник-алтарик, бронзовое зеркало. Эти предметы традиционно считаются атрибутами женщин-жриц. Среди инвентаря впервые в степных комплексах эпохи раннего железного века найдены остатки шаманского бубна. В публикации дается анализ погребального обряда, сопроводительного инвентаря, а также хронология погребения.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, погребальный обряд, древние культы, ранний шаманизм.

Введение

Один из важных аспектов культуры ранних кочевников связан с особой группой погребений, в которых отмечается определенный набор предметов, относящихся к культовой сфере. Особый интерес представляют женские погребения с каменными блюдами или столиками, получившими в литературе название каменных переносных алтариков, или жертвенников. Данная категория предметов выступает в качестве одного из основных аргументов при выделении особой категории женщин, выполняющих функции культово-ритуального характера.

В. Н. Васильев, рассматривая в специальной работе каменные жертвенники, выделил особый «жреческий» комплекс, в состав которого помимо жертвенников-алтариков входили бронзовые зеркала, раковины и краски (*Васильев*, 1998. С. 32). Летом 2012 г. был исследован одиночный курган Яковлевка VI в Юго-Восточной (Зауральской) Башкирии (рис. 1, *1*), который дал новые

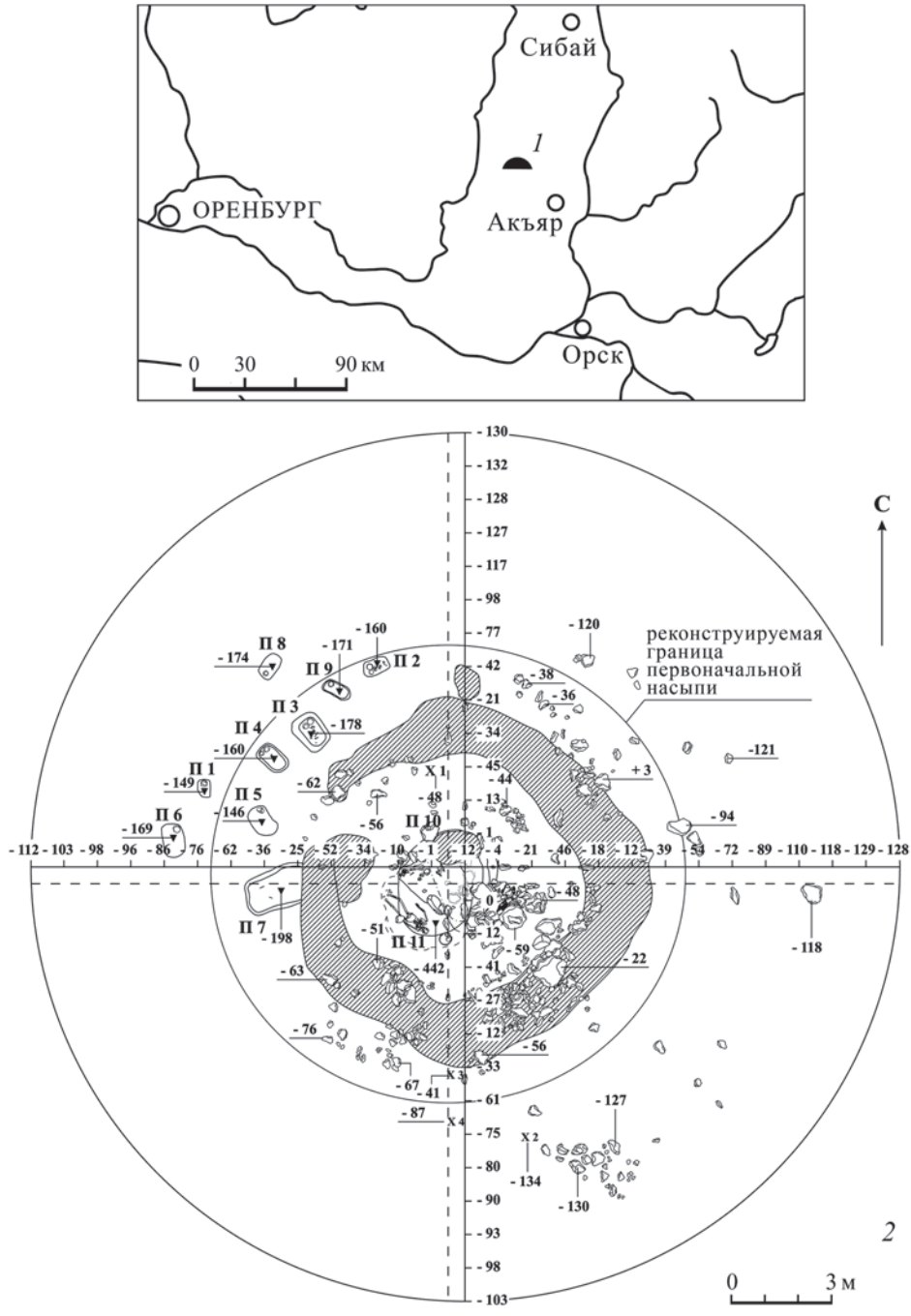


Рис. 1. Одиночный курган Яковлевка VI. Карта расположения (*1*) и план (*2*)

данные о женских погребениях с каменными жертвенниками и ассортименте предметов, имевшихся в арсенале женщин, связанных с культово-ритуальной сферой.

Описание погребального комплекса

Одиночный курган Яковлевка VI (диаметр – 26 м, высота – до 1,03 м) располагался в 4 км восточнее с. Яковлевка Хайбуллинского района РБ (Зауральская Башкирия). В качестве погребального сооружения курган использовался несколько раз, и его первоначальное строительство относится к эпохе бронзы. В основе погребальной конструкции кургана Яковлевка VI находилось погребение № 10 (центральное основное), датирующееся серединой II тыс. до н. э. (рис. 1, *2*). Захоронение, вероятнее всего, было коллективным и совершено в каменном прямоугольном ящике с реконструируемыми размерами 4 × 3 м, ориентированным по линии «юго-восток» – «северо-запад». К моменту исследования погребение было разрушено. В северо-западной поле кургана были выявлены девять погребений, относящихся к памятникам срубно-алакульского круга. Особенности погребального обряда и керамический материал позволяют относить исследованный курган к эпохе поздней бронзы (середина II тыс. до н. э.). Керамический комплекс явно несет в себе признаки сочетания традиций изготовления керамики развитого этапа срубной и алакульской культур, формирующих самобытный синкретический срубно-алакульский тип[1].

Условно реконструируемые параметры первоначальной насыпи, сооруженной в эпоху бронзы, составляют: диаметр – около 14 м, высота – до 1 м.

В раннесарматскую эпоху курган используется в качестве погребального сооружения вторично. В связи с этим в центральной части кургана практически полностью был разрушен каменный ящик центрального (№ 10) погребения. Камни от ящика, инвентарь и кости были разбросаны на поверхности первоначальной насыпи (особенно концентрированно в юго-восточном секторе). Здесь ранними кочевниками была устроена входная яма катакомбы женского погребения № 11, в котором найдены предметы, относящиеся к культово-ритуальной сфере. Вынутая в результате сооружения погребения материковая глина рассыпалась по поверхности первоначальной насыпи среди разбросанных камней в виде валика неправильной подквадратно-прямоугольной формы (10 × 10 м по внешнему краю, шириной до 2–2,5 м, мощностью от 0,1 до 0,25 м) с разрывом в северо-западном секторе кургана (рис. 1, *2*).

В связи с осуществлением захоронения (№ 11) курган достраивался: была досыпана насыпь. В южной поле кургана в погребенной почве был обнаружен уздечный набор, а в насыпи – два фрагментированных лепных сосуда; обе находки, вероятнее всего, связаны с погребальным ритуалом.

Погребение № 11 (рис. 2, *1, 2*). Входная яма представляла собой вертикальную шахту овально-подпрямоугольной (подтрапециевидной?) формы с закругленными

[1] Материалы погребений эпохи бронзы данного кургана будут опубликованы в отдельной статье.

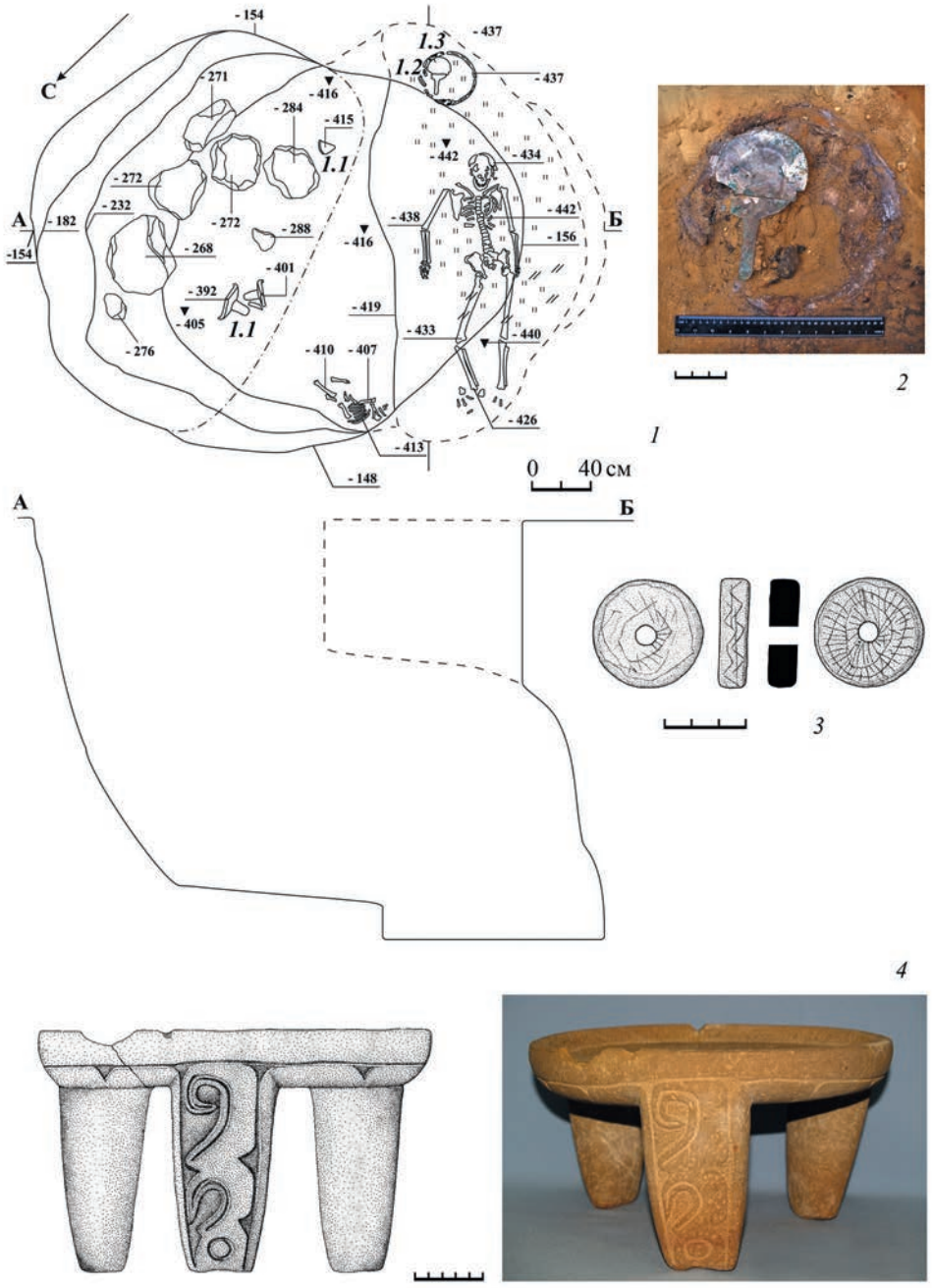


Рис. 2. Одиночный курган Яковлевка VI. Погребение № 11. План и инвентарь

1 – план и профиль погребения; *2* – деталь погребения; *3* – каменное пряслице; *4* – каменный столик (жертвенник-алтарик)

углами, длинной осью была ориентирована по линии «северо-северо-запад» – «юго-юго-восток» и, как уже отмечалось, была практически вписана в границы разрушенного каменного ящика погребения № 10. Реконструируемые размеры входной ямы составили 2,7 × 1,96 м, она была углублена в материк по северо-восточной стенке на 3,01 м. В заполнении ямы было найдено скопление довольно крупных камней (размерами 0,5 × 0,4, 0,4 × 0,3 и 0,2 × 0,15 м), сброшенных, вероятно, при засыпке погребения на глубину 1,14–1,34 м от поверхности материка; а ниже (на отметке 1,52 м) обнаружено дисковидное пряслице с отверстием в центре диска (рис. 2, *3*).

Пряслице было изготовлено из камня практически белого цвета с незначительным сероватым оттенком. Диаметр диска – 3,9 см, толщина – 1,1 см, диаметр отверстия – 0,7 см. Диск с обеих сторон украшен геометрическим орнаментом в виде прочерченных концентрических окружностей и расходящихся от центрального отверстия диска радиальных линий. По гурту пряслица нанесен орнамент в виде волнистой линии.

На дне входной ямы, в 0,4 м к ЮЗ от северо-восточной стенки, были найдены три фрагмента каменного столика, а в 0,95 м к ЮВ от них – еще один фрагмент от этого же изделия (рис. 2, *1*).

Жертвенник-алтарик из мягкого светлого песчаника представляет собой блюдо на трех ножках с характерным бортиком по краю, декорированным по внешнему фризу арочным орнаментом. На внешней стороне ножек выполнено изображение головы хищной птицы с загнутым клювом. К нему примыкало изображение еще одного клюва с более сильным завитком. Диаметр блюда – 28,4 см, высота (общая) – 15,8 см, фриз блюда – 4 см, длина ножки – до 11,8 см (рис. 2, *4*). Каменный жертвенник был разбит в древности, и все фрагменты были уложены на дно входной ямы.

В западном углу предвходовой ступени лежали части туши МРС: лопатка, кости передних конечностей, ребра (рис. 2, *1*).

Погребальная камера находилась в юго-западной части катакомбы. Дно погребальной камеры было ниже предвходовой ступени на 0,21–0,23 м.

Погребальная камера имела вытянутую неправильную овально-подтрапециевидную форму (размеры по дну – 2,84 × 1,5 м) с неровной задней (юго-западной) стенкой. Длинной осью камера была ориентирована по линии «северо-запад» – «юго-восток» и находилась под небольшим углом к линии входной ямы; условно реконструируемая высота сводчатого потолка, судя по конфигурации сохранившихся участков свода, могла составлять до 1,9 м; дно углублено в материк до 2,88 м.

Общая длина катакомбы на материковой поверхности по линии «северо-восток» – «юго-запад» составила 3,35 м, ширина по линии «северо-запад» – «юго-восток» – до 2,85 м. По дну длина катакомбы – 2,95 м, ширина – 2,8–2,83 м.

В погребальной камере обнаружен костяк женщины 25–30 лет[2] в вытянутом на спине положении, головой на юго-восток. Общая длина костяка – 1,8 м.

[2] Определения произведены к. б. н. В. В. Куфтериным (БГПУ им. М. Акмуллы).

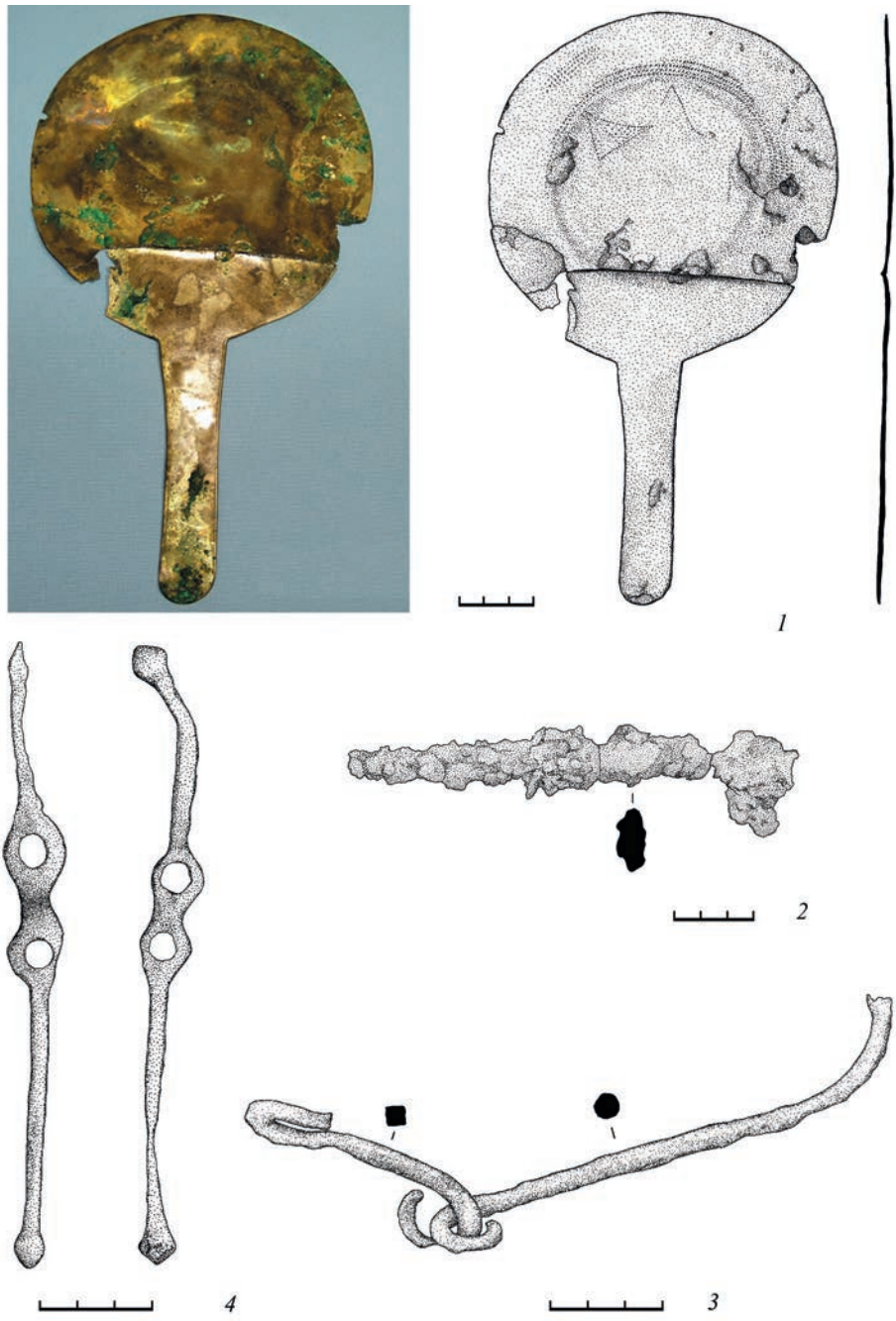


Рис. 3. Одиночный курган Яковлевка VI.
Инвентарь погребения № 11 (*1, 2*) и уздечный набор из насыпи кургана (*3, 4*)

1 – зеркало; *2* – нож (?); *3* – удила; *4* – псалии

1 – бронза; *2–4* – железо

На дне камеры фиксировался органический тлен темного цвета от подстилки (плотная ткань?). Органический тлен бело-серого цвета фиксировался на бедренных костях и на дне камеры у правого бедра.

В 0,37 м от черепа найдены остатки деревянного обруча (бубен?) очень плохой сохранности. Реконструируемый диаметр обруча – 38–40 см, мощность древесного тлена около 2 см (рис. 2, *1, 2*).

Поверх остатков деревянного обруча было найдено сломанное бронзовое зеркало, отлитое вместе с ручкой и характерным широким валиком по краю диска (рис. 2, *1, 2*; 3, *1*). Диаметр диска – 14 см, ширина валика – 3,1 см, длина ручки – 9,8 см, ширина ручки – 2–2,5 см, толщина зеркала – 1–1,5 мм. На тыльной стороне диска видны следы (незавершенной?) орнаментации (розетта?) точечным наколом (техника канфарения). Идентифицировать изображение не представляется возможным (рис. 3, *1*).

Помимо этого, здесь же были найдены фрагменты железного предмета (нож?). Длина – 17,2 см, толщина – 1,1–2,6 см (рис. 3, *2*).

Истоки погребального обряда

Вопрос о появлении катакомб в погребальной практике ранних кочевников Южного Урала на сегодняшний день остается открытым. К. Ф. Смирнов высказывал мысль о самостоятельном возникновении катакомбных погребений у савроматов, идея сооружения которых могла возникнуть под влиянием больших грунтовых прямоугольных могил с дромосами и деревянными перекрытиями (*Смирнов*, 1964. С. 84; 1978. С. 64). В качестве причины их появления и распространения на обширных пространствах степной Евразии видится сходство в идеологических и религиозных представлениях кочевых народов, населяющих эти территории в скифо-сарматское время (*Смирнов*, 1972. С. 76).

Точка зрения К. Ф. Смирнова была поддержана М. Г. Мошковой и В. Ю. Малашевым (*Мошкова, Малашев*, 1999. С. 177), А. Г. Гаврилюком и А. Д. Таировым (*Таиров, Гаврилюк*, 1988. С. 147). Исходные территории, откуда южноуральские номады могли бы заимствовать данный тип погребальных сооружений, к настоящему времени не определены, в связи с чем исследователи предлагают рассматривать территорию южноуральских степей в качестве самостоятельного центра генезиса катакомб, независимого от Северного Причерноморья и Боспора (*Мошкова и др.*, 2011. С. 167).

К. Ф. Смирнов, рассматривая типологию сарматских катакомб, выделил три их типа в зависимости от расположения осей входа и погребальной камеры (*Смирнов*, 1964. С. 82–84; 1972. С. 74, 75). Типология К. Ф. Смирнова была уточнена и дополнена М. Г. Мошковой и В. Ю. Малашевым, которые выделили шесть типов и предложили в качестве типообразующего признака для ряда катакомбных сооружений использовать соотношение осей входной ямы и погребенного. Данный признак особенно актуален в случае, когда длина камеры не превышает ширины входной ямы (*Мошкова, Малашев*, 1999. С. 173, 174; *Мошкова и др.*, 2011. С. 166).

В этой связи рассматриваемая в данной статье катакомба относится к I типу. Время бытования таких катакомб определяется в рамках V–III вв. до н. э., однако большая часть из них датируется IV – началом III в. до н. э. (*Мошкова и др.*, 2011. С. 166).

Датировка комплекса

Бронзовое зеркало относится, по типологии К. Ф. Смирнова, к X типу зеркал с утолщенным валиком по краю диска, которые появляются во втор. пол. V – IV в. до н. э. (*Смирнов*, 1964. С. 159). Такие зеркала, по мнению А. С. Скрипкина, продолжают бытовать вплоть до рубежа IV–III вв. до н. э. (*Скрипкин*, 1990. С. 150). По наблюдениям Н. С. Савельева, в степных южноуральских комплексах известно около 20 аналогичных по форме и конструкции зеркал, преимущественно датирующихся IV в. до н. э. (*Савельев*, 2007. С. 84). Два зеркала данного типа, относящихся ко втор. пол. IV – началу III в. до н. э., отмечает М. Ю. Трейстер на территории Среднего и Нижнего Подонья (*Трейстер*, 2012. С. 127). В. Н. Васильев практически все известные к настоящему времени комплексы с зеркалами данного типа (за исключением Гумарово (курган 3) и Бис-Обы (курган 7)) относит к IV в. до н. э. (*Васильев*, 2004. С. 160).

Каменный жертвенник-алтарик отнесен к типу III-3 (по В. Н. Васильеву), широко представленному в погребениях кочевников Южного Урала конца VI – V в. до н. э. (*Васильев*, 1998. С. 28). Однако датировать данное погребение столь ранним временем нет никаких оснований. Конструктивные особенности (катакомба I типа), бронзовое зеркало, ориентировка костяка в южный сектор позволяют датировать комплекс IV в. до н. э. В этой связи каменный жертвенник, найденный во входной яме, следует рассматривать как реликтовую вещь. В качестве ритуального или магического предмета жертвенник мог находиться в обиходе достаточно долго.

Определенные основания для уточнения даты погребения может дать найденный в 8,3 м юго-восточнее условного центра кургана, на погребенной почве, уздечный набор: железные асимметричные двусоставные удила, изготовленные из округлого в сечении прута (длина звеньев – 7 и 13,8 см; сечение – 0,6–0,7 см) (рис. 3, *3*); железные стержневидные двудырчатые псалии с восьмеркообразным утолщением посередине и характерными шишечками на окончаниях (длина – 16,7 и 16,1 см, сечение – 0,5 см, диаметр отверстий – 0,7 см) (рис. 3, *4*); фрагменты железных деталей (?) (3,6 × 1,1, 2 см).

Кованые железные удила, состоявшие из двух стержней (округлые, реже подквадратные в сечении) с загнутыми в петли окончаниями широко представлены в уздечных наборах Южного Урала V–III вв. до н. э.

Исследователи отмечают, что такая форма железных удил появляется во втор. пол. – конце VI в. до н. э. (*Смирнов*, 1961. С. 82; *Мошкова*, 1963. С. 36). С V в. до н. э. они широко используются на обширной территории степной и лесостепной Евразии и получают наибольшее распространение в V–IV вв. до н. э. (*Савченко*, 2009. С. 228, 230).

Железные двудырчатые стержневидные псалии с восьмеркообразным утолщением по центру и концами, оформленными шишечками или утолщениями, относятся (по типологии К. Ф. Смирнова) к IV типу. На Южном Урале такие псалии имеют аналогии в степных комплексах ранних кочевников (см. обзор: *Сиротин*, 2015). Отмечается, что псалии данного типа получают распространение с IV в. до н. э. и характерны для комплексов втор. пол. IV в. до н. э. (*Смирнов*, 1961. С. 86; *Васильев*, 2004. С. 157).

Не исключено, что этот набор мог быть помещен в курганную насыпь несколько позднее и не относится напрямую к данному погребению. Однако жертвенный или культово-ритуальный характер размещения этих вещей в насыпи кургана и их ритуальная связь либо с этим погребением, либо с курганным сооружением в целом в рамках единого культурно-хронологического горизонта очевидны.

Таким образом, датировка комплекса в основном укладывается в рамки IV в. до н. э.

Анализ погребального инвентаря

Набор вещей в погребении имеет характерные признаки принадлежности их к культово-ритуальной сфере. Следует обратить внимание на орнаментированное каменное пряслице, обнаруженное во входной яме. Такая категория вещей достаточно широко представлена в инвентаре ананьинской и кара-абызской культур (*Котов*, 2010; 2015) и практически не известна в степных комплексах. Пряслице относится к изделиям с геометрическим орнаментом, в котором исследователи видят солярную символику, отражающую культово-мировоззренческие мотивы, что определяет ритуально-магическое назначение этих вещей (*Котов*, 2010. С. 44, 52).

Обращает на себя внимание каменный жертвенник, фрагменты которого были найдены во входной яме и, вероятнее всего, были сложены туда после помещения умершей в камеру, перед закрытием катакомбы. Данная деталь погребального обряда не является уникальным элементом в погребальной практике ранних кочевников Южного Урала. М. Г. Мошкова упоминает находки в могильных ямах жертвенников со следами преднамеренной порчи (*Мошкова*, 2000. С. 211).

Вызывает интерес декор жертвенника. Арочный орнамент по фризу является распространенным художественным приемом и относительно широко представлен в орнаментации жертвенников Южного Урала (*Федоров*, 2001. С. 26). Однако прямые аналогии изображениям на ножках жертвенника в виде головы хищной птицы с примыкающим еще одним клювом мне неизвестны. Мотив головы хищной птицы в декоре отмечен на жертвенниках из погребения 2 кургана 1 Биш-Убы I[3] (*Агеев и др.*, 1998. С. 106. Рис. 5, *4*), погребения 2 кургана 11 Переволочана I (*Сиротин*, 2010. С. 329. Рис. 4, *4*) из Зауральской Башкирии.

[3] Следует отметить, что у этого жертвенника голова птицы изображена не на ножке, а на фризе блюда.

Еще один жертвенник с похожим изображением происходит с территории Оренбуржья (*Трегубов*, 1999. С. 7, 16. Рис. 9). Автор публикации интерпретирует декор на данном жертвеннике как изображение головы барана. Однако более предпочтительной, на мой взгляд, является точка зрения В. К. Федорова, который полагает, что правильнее интерпретировать его как изображение головы хищной птицы (*Федоров*, 2001. С. 29). Особый интерес вызывает находка фрагментированного жертвенника в культово-погребальном комплексе Тубежик I на Устюрте (*Самашев и др.*, 2007. С. 187). Ножка жертвенника украшена изображением головы хищной птицы, причем стилистика изображения имеет ярко выраженное сходство с рассматриваемым экземпляром.

Каменным жертвенникам, как особой категории инвентаря в погребальной практике ранних кочевников, посвящено большое количество работ, связанных с их археологической классификацией и культурно-функциональной атрибуцией (*Смирнов*, 1964; *Васильев*, 1998; *Мошкова*, 2000; *Федоров*, 2000; 2001). Хотя решение вопроса о происхождении данной категории вещей, их специфике, художественной, смысловой нагрузке их оформления, функциональном назначении далеко от своего завершения, все же большинство исследователей относят каменные жертвенники к культово-религиозной, обрядовой сфере. В рамках данной работы нет необходимости еще раз перечислять известные к настоящему времени мнения относительно их функционального назначения. Очевидно, что данные изделия подчеркивали особый религиозно-магический аспект статуса женщин, погребенных вместе с комплексом вещей, содержащих жертвенники.

Металлические зеркала, найденные в погребениях ираноязычных номадов, традиционно воспринимаются не только с точки зрения их бытового назначения, но и как предметы, имеющие культово-ритуальное значение (*Смирнов*, 1964. С. 152; *Хазанов*, 1964). Несмотря на различающиеся смысловые трактовки и интерпретации магических функций зеркал (см. обзор: *Вертиенко*, 2014. С. 42, 43; *Вагнер*, 2012. С. 173, 174), все исследователи отмечают сакральный характер их присутствия в погребальном обряде. При этом также отмечается, что среди прочих категорий инвентаря в погребениях с жертвенниками наиболее часто присутствуют именно зеркала (*Васильев*, 1998. С. 31. Табл. III; *Мошкова*, 2000. С. 209). Магические свойства зеркал сохраняются в культово-ритуальной системе различных народов Евразии в широком историко-хронологическом диапазоне. Зеркала были важным атрибутом культовой практики сибирских шаманов, что подтверждают очень любопытные этнографические данные. С. И. Вайнштейн приводит сведения о том, что важную роль в мифологии и обрядовой практике тувинских шаманов играла особая категория добрых духов – эренов, охранявших человека от духов злых; причем это понятие совмещало в себе как самого духа, так и его вместилище и изображение (т. е. обереги. – *С. С.*) (*Вайнштейн*, 1991. С. 241). Рассматривая данную категорию оберегов, исследователь пишет, что очень сильным эреном было бронзовое круглое зеркало, либо древнее, найденное в разрушенных скифских курганах, либо, в редких случаях, специально отлитое на заказ. Некоторые шаманы имели по нескольку таких зеркал. Иногда шаманы камлали при помощи зеркал, не имея бубна. Данный эрен был очень эффективен при ранениях и болях головы и хранился на почетном месте около бубна (Там же. С. 245, 246).

Особого внимания заслуживают фрагменты деревянного обруча. Учитывая культово-ритуальный характер найденных в погребении вещей, функциональное назначение остатков деревянного обруча трудно объяснить вне этой же плоскости. На мой взгляд, это могут быть остатки шаманского бубна, уложенного вместе с его владелицей в качестве сопровождающего инвентаря.

Следует отметить, что к настоящему времени имеется очень мало данных о происхождении шаманских бубнов. По мнению М. Г. Мошковой, в качестве предтечи шаманских бубнов, возможно, выступают известные зеркала-погремушки, исполняющие роль шумового сопровождения обрядов (*Мошкова*, 2000. С. 209, 210). С. И. Вайнштейн сообщает, что хотя достоверных данных о времени появления бубнов у народов Сибири нет, однако можно предполагать его значительную древность, о чем говорят существенные различия в формах и конструкциях бубнов у разных племен при наличии общих исходных элементов (*Вайнштейн*, 1991. С. 273). Находки шаманских бубнов в погребениях мне не известны, однако приводятся данные о том, что, по свидетельствам XIX в., в инвентарь, сопровождавший шаманов Южной Сибири в потусторонний мир, входил бубен, с которого предварительно были удалены все металлические части (*Йохансен*, 2012. С. 99, 100).

Железный предмет (нож?), найденный в комплексе вместе с зеркалом и остатками бубна, также мог нести символическую нагрузку (*Котов*, 2010. С. 42). С. И. Вайнштейн приводит интересные данные о наличии в арсенале шаманов режущих и колющих инструментов для борьбы со злыми духами (*Вайнштейн*, 1991. С. 255).

Итак, не вызывает никаких сомнений сакральный или магический характер вещевого комплекса и принадлежность их владелицы к особой категории женщин, выполняющих культово-ритуальные функции. Вопросам о ритуально-магическом статусе женских погребений с каменными жертвенниками посвящено большое количество работ, в которых рассматривались как общие жреческие функции женщин, так и отдельные ритуальные специализации, такие как нанесение татуировки, приготовление священного напитка сомы/хаомы (см. обзор: *Федоров*, 2000; 2001). Р. Б. Исмагил и Ф. А. Сунгатов считают, что такие погребения свидетельствуют о наличии у ранних кочевников Южного Урала женщин-шаманок (*Исмагил, Сунгатов*, 2013).

Исследователи шаманизма неоднократно подчеркивали, что его истоки своими корнями уходят в глубокую древность (*Йохансен*, 2012. С. 97, 98). Отмечается, что, например, в шаманстве тувинцев очень велика роль древнего дотюркского субстрата (*Вайнштейн*, 1991. С. 275).

Обращает на себя внимание и характер погребального обряда публикуемого комплекса. В данном микрорайоне имеется несколько крупных могильников втор. пол. V – IV в. до н. э. (курганные могильники Переволочан I, Переволочан II, могильники и одиночные курганы в окрестностях с. Яковлевка, курганные группы около с. Ивановка). Однако захоронение было произведено вне общеродовых могильников в кургане эпохи бронзы, на вершине отдельной возвышенности, что подчеркивает особый статус погребенной.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев Б. Б., Сунгатов Ф. А., Вильданов А. А., 1998. Могильник Биш-Уба I // УАВ. Вып. 1. С. 97–115.

Вагнер Е. В., 2012. История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. № 1 (21). С. 168–176.

Вайнштейн С. И., 1991. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука. 296 с.

Васильев В. Н., 1998. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // УАВ. Вып. 1. С. 25–43.

Васильев В. Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // УАВ. Вып. 5. С. 153–172.

Вертиенко А. В., 2014. Образ Даэны в индоиранской ретроспективе // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. СПб.: Нестор-История. С. 39–52.

Исмагил Р., Сунгатов Ф. А., 2013. Памятники яицкой культуры последней четверти V – IV в. до н. э. на Южном Урале. Уфа: Белая река. 223 с.

Йохансен У., 2012. К истории шаманизма // «Избранники духов» – «Избравшие духов»: традиционное шаманство и неошаманизм. Памяти В. Н. Басилова (1937–1998) / Отв. ред. В. И. Харитонова. М.: ИАЭ РАН. С. 94–109.

Котов В. Г., 2010. Семантика пряслиц кара-абызской культуры раннего железного века Приуралья // УАВ. Вып. 10. С. 36–55.

Котов В. Г., 2015. Семантика пряслиц раннего железного века Приуралья // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр: Центры, периферия и модели культурных взаимодействий: мат-лы тематической науч. конф. (Санкт-Петербург, 23–27 ноября 2015 г.). СПб.: Скифия-принт. С. 53–58.

Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. М.: АН СССР. 55 с. (САИ; вып. А1-10.)

Мошкова М. Г., 2000. Назначение каменных «жертвенников» и «савроматская» археологическая культура // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология: сб. ст. / Ред.: В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 201–215.

Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. С. 172–212.

Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Мещеряков Д. В., 2011. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья в савроматское и раннесарматское время // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии / Ред.: Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 162–167. (Мат-лы и иссл. по археологии юга России; вып. III.)

Савельев Н. С., 2007. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железного века. Уфа: Гилем. 257 с.

Савченко Е. И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 221–325.

Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А., 2007. Сокровища Устюрта и Манкыстау / Науч. ред. М. Елеуов. Алматы: Археология. 400 с.

Сиротин С. В., 2010. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Ред.: М. М. Герасимова, В. Ю. Малашев, М. Г. Мошкова. М.: Таус. С. 323–337. (МИАР; № 13.)

Сиротин С. В., 2015. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по мат-лам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: мат-лы VI Всерос. науч. конф. Челябинск: Челябинский гос. краевед. музей. С. 247–256.

Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Саратовский ун-т. 299 с.

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. М.: Наука. 161 с. (МИА; № 101.)

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. М.: Наука. 379 с.

Смирнов К. Ф., 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1. С. 73–81.

Смирнов К. Ф., 1978. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос происхождения сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Ред.: В. И. Козенкова, Ю. А. Краснов, И. Г. Розенфельдт. М.: Наука. С. 56–64.

Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей / Ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Башкирский ун-т. С. 141–159.

Трегубов В. Е., 1999. Зооморфные жертвенные алтари // Сборник научных статей и публикаций. Вып. 1. Оренбург: Оренбургский обл. краевед. музей. С. 4–16.

Трейстер М. Ю., 2012. Бронзовые зеркала из Южного Приуралья: ближневосточные и южноазиатские импорты и местные подражания // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.) / Ред.: М. Ю. Трейстер, Л. Т. Яблонский. Т. I. М.: Таус. С. 120–133.

Федоров В. К., 2000. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (I) // УАВ. Вып. 2. С. 49–75.

Федоров В. К., 2001. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (II) // УАВ. Вып. 3. С. 21–49.

Хазанов А. М., 1964. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. № 3. С. 89–96.

Сведения об авторе

Сиротин Сергей Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sirotinsv70@mail.ru

S. V. Sirotin

AN EARLY NOMAD FEMALE BURIAL WITH A SHAMAN ASSEMBLAGE OF THE 4th CENTURY BC IN THE SOUTHERN URALS

Abstract. The paper publishes an assemblage of funeral offerings from the period of early nomads living in the Southern Urals in the 4th century BC. The assemblage is attributed to a special group of female graves related to a cult and religious practice of the early nomadic population inhabiting the Eurasian steppe belt. The burial construction was erected in the central part of the kurgan dating to the preceding period (it is dated to the mid II mill. BC). The female grave in question (burial 11) was made in a grave pit of a catacomb type. Funeral offerings such as a stone sacrificial altar and a bronze mirror found in the grave are quite interesting. These items are traditionally considered to be owned by priestesses. Remains of a shaman tambourine were found among the grave goods in Early Iron assemblages for the first time. The publication analyzes the burial rite, funeral offerings as well as the chronology of the burial.

Keywords: Southern Urals, early nomads, burial rite, ancient cults, early shamanism.

REFERENCES

Ageev B. B., Sungatov F. A., Vil’danov A. A., 1998. Mogil’nik Bish-Uba I [Cemetery Bish-Uba I]. *UAV*, 1, pp. 97–115.

Fedorov V. K., 2000. O funktsional’nom naznachenii tak nazyvaemykh «savromatskikh zhertvennikov» Yuzhnogo Priural’ya (I) [On function of so-called «Sauromatian sacrificial places» of South Urals (I)]. *UAV*, 2, pp. 49–75.

Fedorov V. K., 2001. O funktsional'nom naznachenii tak nazyvaemykh «savromatskikh zhertvennikov» Yuzhnogo Priural'ya (II) [On function of so-called «Sauromatian sacrificial places» of South Urals (II)]. *UAV*, 3, pp. 21–49.

Ismagil R., Sungatov F. A., 2013. Pamyatniki yaitskoy kul'tury posledney chetverti V–IV vv. do n. e. na Yuzhnom Urale [Yaik culture sites of last quarter of V–IV cc. BC in South Urals]. Ufa: Belaya reka. 223 p.

Khazanov A. M., 1964. Religiozno-magicheskoe ponimanie zerkal u sarmatov [Religious magical understanding of mirrors among Sarmatians]. *SE*, 3, pp. 89–96.

Kotov V. G., 2010. Semantika pryaslits kara-abyzskoy kul'tury rannego zheleznogo veka Priural'ya [Semantics of spindle-whorls of Early Iron Age Kara-Abyz culture in Urals]. *UAV*, 10, pp. 36–55.

Kotov V. G., 2015. Semantika pryaslits rannego zheleznogo veka Priural'ya [Semantics of spindle-whorls of Early Iron Age in Urals]. *Ranniy zheleznyy vek Evrazii ot arkhaiki do rubezha er: Tsentry, periferiya i modeli kul'turnykh vzaimodeystviy: materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii [Early Iron Age of Eurasia from archaic to turn of millennia: Centers, peripheries and models of cultural interactions: transactions of case scientific conference]*. St. Petersburg: Skifiya-print, pp. 53–58.

Moshkova M. G., 1963. Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury [Prokhorovka culture sites]. Moscow: AN SSSR. 55 p. (SAI, A1–10.)

Moshkova M. G., 2000. Naznachenie kamennykh «zhertvennikov» i «savromatskaya» arkheologicheskaya kul'tura [Function of stone «sacrificial places» and «Sauromatian» archaeological culture]. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n. e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya: sbornik statey [Scythians and Sarmatians in VII–III cc. BC: palaeoecology, anthropology and archaeology: collected articles]*. V. I. Gulyaev, V. S. Ol'khovskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 201–215.

Moshkova M. G., Malashev V. Yu., 1999. Khronologiya i tipologiya sarmatskikh katakombnykh pogrebal'nykh sooruzheniy [Chronology and typology of Sarmatian catacomb burial constructions]. *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i Srednevekov'ya [Archaeology of Volga-Urals region in Early Iron Age and Middle Ages]*. A. S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 172–212.

Moshkova M. G., Malashev V. Yu., Meshcheryakov D. V., 2011. Dromosnye i katakombnye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya v savromatskoe i rannesarmatskoe vremya [Tunnel and catacomb burials of South Urals in Sauromatian and early Sarmatian time]. *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii [Burial rite of early nomads of Eurasia]*. L. T. Yablonskiy, S. I. Luk'yashko, eds. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 162–167. (Materialy i issledovaniya po arkheologii yuga Rossii, III.)

Samashev Z., Kusherbaev K., Amanshaev E., Astaf'ev A., 2007. Sokrovishcha Ustyurta i Mankystau [Treasures of Ustyurt and Mankystau]. M. Eleuov, ed. Almaty: Arkheologiya. 400 p.

Savchenko E. I., 2009. Snaryazhenie konya skifskogo vremeni na Srednem Donu kak arkheologicheskiy istochnik [Horse equipment in Scythian time on Middle Don as archaeological source]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu [Archaeology of Middle Don in Scythian epoch]*. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN. C. 221–325.

Savel'ev N. S., 2007. Mesyagutovskaya lesostep' v epokhu rannego zheleznogo veka [Mesyagutovskaya forest-steppe in Early Iron Age]. Ufa: Gilem. 257 p.

Sirotin S. V., 2010. Kurgan № 11 kurgannogo mogil'nika Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii [Kurgan No. 11 of kurgan cemetery Perevolochan in Transural Bashkiria]. *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy [Archaeology and palaeoanthropology of Eurasian steppes and adjacent territories]*. M. M. Gerasimova, V. Yu. Malashev, M. G. Moshkova, eds. Moscow: Taus, pp. 323–337. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 13.)

Sirotin S. V., 2015. Predmety konskoy sbrui iz nasypey kurganov rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala (po materialam raskopok 2008–2013 godov) [Horse harness details from kurgan mounds of early nomads of South Urals (based on materials from excavations of 2008–2013)]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Ethnic interaction in South Urals: transactions of VI All-Russian scientific conference]*. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gos. kraevedcheskiy muzey, pp. 247–256.

Skripkin A. S., 1990. Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspect [Asiatic Sarmatia. Problems of chronology and its historic aspect]. Saratov: Saratovskiy universitet. 299 p.

Smirnov K. F., 1961. Vooruzhenie savromatov [Weapons of the Sauromatians]. Moscow: Nauka. 161 p. (MIA, 101.)

Smirnov K. F., 1964. Savromaty [The Sauromatians]. Moscow: Nauka. 379 p.

Smirnov K. F., 1972. Sarmatskie katakombnye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya, Povolzh'ya i ikh otnoshenie k katakombam Severnogo Kavkaza [Sarmatian catacomb burials of South Urals, Volga region and their relation with catacombs of North Caucasus]. *SA*, 1, pp. 73–81.

Smirnov K. F., 1978. Dromosnye mogily rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya i vopros proiskhozhdeniya sarmatskikh katakomb [Tunnel graves of early nomads of South Urals and problem of origin of Sarmatian catacombs]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy [Problems of ancient and medieval archaeology of Eastern Europe]*. V. I. Kozenkova, Yu. A. Krasnov, I. G. Rozenfel'dt, eds. Moscow: Nauka, pp. 56–64.

Tairov A. D., Gavrilyuk A. G., 1988. K voprosu o formirovanii rannesarmatskoy (prokhorovskoy) kul'tury [On problem of formation of early Sarmatian (Prokhorovka) culture]. *Problemy arkheologii Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Problems of archaeology of Uralian-Kazakhstan steppes]*. G. B. Zdanovich, ed. Chelyabinsk: Bashkirskiy universitet, pp. 141–159.

Tregubov V. E., 1999. Zoomorfnye zhertvennye altari [Zoomorphic sacrificial altars]. *Sbornik nauchnykh statey i publikatsiy [Book of scientific articles and publications]*, 1. Orenburg: Orenburgskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey, pp. 4–16.

Treyster M. Yu., 2012. Bronzovye zerkala iz Yuzhnogo Priural'ya: blizhnevostochnye i yuzhno-aziatskie importy i mestnye podrazhaniya [Bronze mirrors from South Urals: Near Eastern and South Asiatic imports and local imitations]. *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n. e.) [Influences of Achaemenid culture in South Urals (V–III cc. BC.)]*, I. M. Yu. Treyster, L. T. Yablonskiy, eds. Moscow: Taus, pp. 120–133.

Vagner E. V., 2012. Istoriya izucheniya sarmatskikh bronzovykh zerkal [History of research of Sarmatian bronze mirrors]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya [Bulletin of Volgograd State university. Ser. 4: History]*, 1(21), pp. 168–176.

Vasil'ev V. N., 1998. K voprosu o sarmatskikh kamennykh zhertvennikakh kochevnikov Yuzhnogo Urala [On problem of Sarmatian stone sacrificial places of nomads of South Urals]. *UAV*, 1, pp. 25–43.

Vasil'ev V. N., 2004. K khronologii ranneprokhorovskogo kompleksa [On chronology of early Prokhorovka complex]. *UAV*, 5, pp. 153–172.

Vaynshteyn S. I., 1991. Mir kochevnikov tsentra Azii [World of nomads of Asia's centre]. Moscow: Nauka. 296 p.

Vertienko A. V., 2014. Obraz Daeny v indoiranskoy retrospektive [Image of Daena in Indo-Iranian retrospection]. *Ladoga v kontekste istorii i arkheologii Severnoy Evrazii [Ladoga in context of history and archaeology of North Eurasia]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 39–52.

Yokhansen U., 2012. K istorii shamanizma [On history of shamanism]. *«Izbranniki dukhov» – «Izbravshie dukhov»: traditsionnoe shamanstvo i neoshamanizm: Pamyati V. N. Basilova (1937–1998): sbornik statey [«Chosen by spirits» – «Those who choose spirits»: traditional shamanism and neo-shamanism: In memory of V. N. Basilov (1937–1998): book of articles]*. V. I. Kharitonova, ed. Moscow: IAE RAN, pp. 94–109.

About the author

Sirotin Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sirotinsv70@mail.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.217-230

В. Ю. Малашев, А. К. Абиев, М. А. Бакушев

ЗЕЛИКАКИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ АЛБАНО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРИКАСПИЙСКОМ ДАГЕСТАНЕ

Резюме. В статье приводятся результаты исследований Зеликакинского поселения. На его окраине были исследованы отложения мусорных слоев мощностью 2,3 м, утилизированных с территории постоянного проживания. Помимо этого, на участке могильника исследованы напластования культурного слоя, в который были впущены погребения. В керамической коллекции фиксируются два основных компонента: традиция Кавказской Албании и традиция памятников круга Андрей-аульского городища. На основании полученных керамических материалов уточнена датировка памятника – II–V вв. н. э. – и его место в системе древностей Прикаспийского Дагестана албано-сарматского времени.

Ключевые слова: Прикаспийский Дагестан, Зеликакинское поселение, албано-сарматский период, керамика.

В 2011 г., в рамках охранно-спасательных работ в зоне строительства ВЛ-330 кВ «Артем–Дербент», были проведены исследования археологического комплекса памятников – Зеликакинских поселения и могильника (*Малашев*, 2012), находящихся с восточной стороны разрыва передового хребта Канабур и получивших название по урочищу Зели-кака (от дарг. Цели-кака – «Соляное ущелье»). Зеликакинский могильник выявлен Б. М. Салиховым в середине 1980-х гг. (*Абакаров, Давудов*, 1993. С. 147, 148. № 413); он находится на плоской, овальной формы возвышенности и у подножия юго-восточного склона горного отрога, около разрыва Передового хребта Канабур. Занимаемая территория составляет примерно 200 × 160 м (рис. 1); в отдельных местах визуально фиксируются скопления камней и выступающие плиты каменных погребальных сооружений. Хронология исследованного в 2011 г. участка Зеликакинского могильника может рассматриваться в рамках конца IV – первой половины/середины V в. н. э. (*Абиев и др.*, 2017).

Зеликакинское поселение было открыто в 1964 г. (*Абакаров, Давудов*, 1993. С. 147, 148. № 413; *Котович и др*., 1964. С. 67, 68). Тогда и позже – в середине 1980-х гг. – Б. М. Салиховым были зафиксированы его южная и юго-западная части, расположенные на крутом склоне отрога передового хребта, в 20–30 м

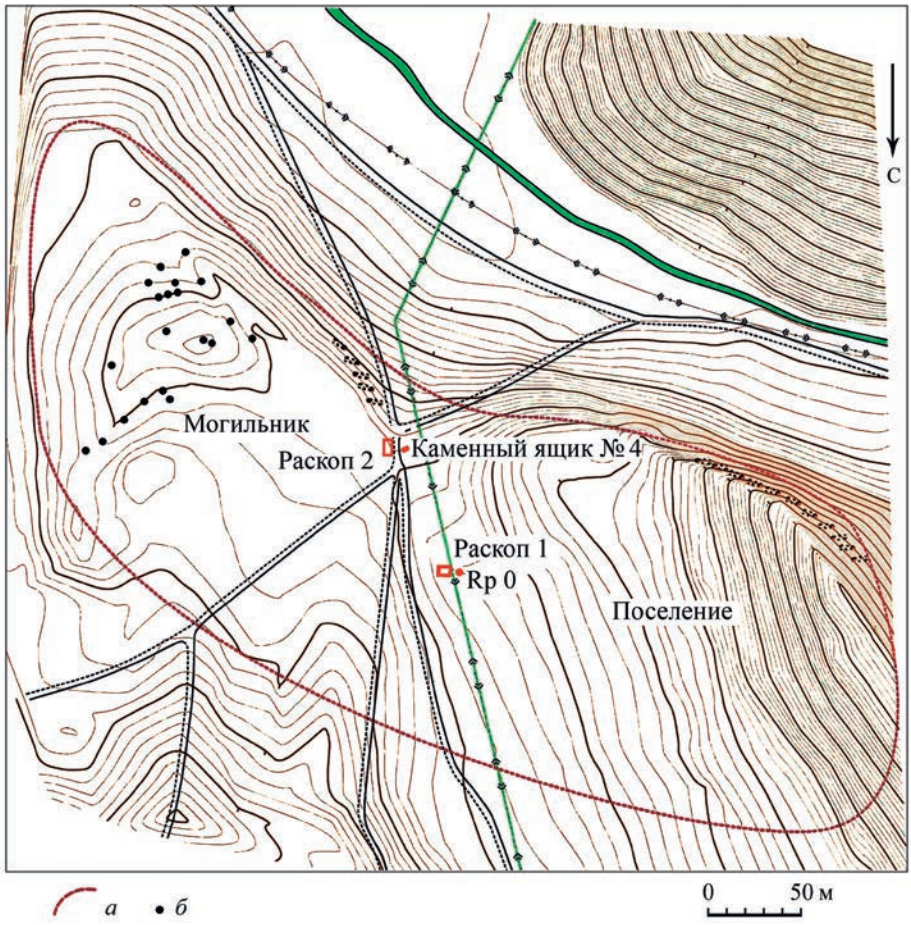


Рис. 1. План Зеликакинского комплекса памятников: поселения и могильника (инструментальная съемка 2011 г. А. Б. Гаджиева и А. М. Мусаева)

а – граница территории комплекса памятников; *б* – визуально фиксируемые погребальные сооружения. *Шаг горизонталей 1,0 м*

Рис. 2. Зеликакинское поселение. Раскоп 1. Стратиграфия мусорных напластований

к северо-востоку от минерального источника, рядом с грунтовой дорогой (*Салихов*, 1985). В ходе разведочных работ 2007 г. в зоне проектируемой ВЛ-330 кВ памятник был обследован М. С. Гаджиевым (*Гаджиев*, 2007), в результате чего была выявлена и северо-восточная часть поселения. Поселение располагается на вершине и склонах горного отрога и у его основания. Его разделяет на две части – юго-западную и северо-восточную – достаточно острый и скалистый, обрывистый в южную сторону гребень. Памятник занимает территорию, вытянутую по склонам с юго-юго-востока на северо-северо-запад примерно на 280 м и вверх по склону на 150 м, ровную, слегка покатую на восток и северо-восток подошву отрога (рис. 1). Склоны поселения усыпаны фрагментами керамической посуды, главным образом – столовой бежево- и розовоглиняной красноангобированной лощеной, коричневоглиняной гладкостенной и сероглиняной, тарной коричневоглиняной и красноглиняной гладкостенной, кухонной сероглиняной и серо-коричневой с примесью измельченной ракушки и кварца. Подъемный материал позволил М. С. Гаджиеву предварительно датировать памятник перв. пол. – серединой I тыс. н. э. (*Гаджиев*, 2007).

В ходе проведения охранно-спасательных работ на месте установки опоры под ВЛ-330 кВ, на небольшом возвышении у основания северо-восточного склона отрога, на котором находится Зеликакинское поселение, был заложен раскоп 1 размерами 6 × 4 м. Поверхность холма была плотно задернована. Грунт снимался пластами толщиной 20 см с зачисткой площади раскопа после снятия каждого пласта. В результате проведенных раскопок выяснилось, что холм имел искусственный характер и был образован напластованиями мусора, утилизировавшегося с поселения. Слой представлял собой чередующиеся напластования перемешанного грунта на основе серовато-коричневой супеси с линзами желтого материкового суглинка, прокаленным материковым суглинком, древесным углем, золой и большим количеством навоза (рис. 2).

Слой был насыщен керамическим и остеологическим материалом. Прослеживалась отчетливая тенденция к уменьшению количества материала от верхних пластов к нижним; начиная с пласта 7 резко уменьшилось количество находок, в 9–11-м пластах они представлены единичными предметами. Материк фиксировался на глубине около 2,3 м от современной поверхности. Нарушений материка не было. Культурные напластования залегали непосредственно на материке; плодородный слой полностью отсутствовал. Очевидно, отсутствие гумусированного слоя обусловило использование данного участка склона для утилизации мусора с поселения.

Коллекция материалов немногочисленная, тем не менее позволяющая делать определенные заключения о керамическом комплексе памятника. Керамический комплекс неоднороден. В нем выделяются две основные традиции: Кавказской Албании (I) и памятников круга Андрейаульского городища (II). Для первой (I) характерны: обжиг, преимущественно, в окислительной среде, реже – в восстановительной; наличие в тесте шамота, сланцевых железистых частиц, известковых частиц, реже небольшого количества песка; ряд столовых форм изготавливался без добавок в тесто; наличие ангоба. Вторую (II) традицию диагностируют: обжиг исключительно в восстановительной среде; присутствие в тесте добавок в виде песка, известковых частиц (в ряде случаев измельченной

ракушки), реже сланцевых железистых частиц; отсутствие ангоба. Различия касаются и морфологии посуды.

Выделяются следующие группы сосудов.

I.1. Красно- и коричневоангобированные (изредка – серый или белый ангоб) столовые сосуды с нанесенным поверх ангоба лощением. Тесто розового, оранжевого, бежевого цвета с примесью шамота, известковых и сланцевых железистых частиц, изредка песка. К ним относятся кувшинчики и кувшины, реже миски или редкие формы сосудов в виде горшков с ручками-ушками (рис. 3, *1–3*; 4, *1–3*; 5, *1–3*; 6, *3*; 7, *1*). Красноангобированные кувшинчики с вертикальным или незначительно сужающимся к основанию горлом и ручкой, крепящейся верхним прилепом к горлу, нижним – к плечикам, находят серию аналогий на территории Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. (*Смирнов*, 1961. Рис. 39, *№ 118*; *Абрамова*, 1980. Рис. IV, *6–10, 14*; VI, *16–18*; *Давудов*, 1996. Рис. 38, *12*; *Гаджиев*, 1998. С. 267, 276; *Малашев и др.*, 2015. С. 109–111. Рис. 211–214). Красноангобированные миски с вертикальным (иногда прогнутым внутрь) или загнутым внутрь бортиком нередко встречаются в памятниках албано-сарматского времени Прикаспийского Дагестана (*Смирнов*, 1961. Рис. 32, *№ 417, 421*; 39, *№ 122*; *Гаджиев*, 1984. Табл. V, *1–5, 7, 9*).

I.2. Красно- и белоглиняные лощеные и нелощеные кувшины часто без видимых примесей или с наличием известковых или сланцевых частиц (рис. 3, *5*). Сюда же можно отнести редкие фрагменты сероглиняных кувшинов и кружек, морфологически и технологически отличающихся от керамики памятников круга Андрейаульского городища (рис. 6, *6*; 7, *5*). Морфологически близкие кувшины с зооморфными ручками на тулове встречаются на территории Прикаспийского и Горного Дагестана в первые века н. э. (*Смирнов*, 1961. Рис. 40, *№ 124*; *Давудов*, 1996. Рис. 65, *13*; 66, *11*; *Абрамова и др.*, 2001. Рис. 41, *3*; *Гаджиев*, 2002. Рис. 54, *9*).

I.3. Сероглиняные горшки с высоким плавно изогнутым венчиком, относящиеся к местным формам (рис. 3, *4*).

I.4. Редкие формы светлоглиняной столовой посуды: придонные части чаш на поддоне (рис. 5, *2*) или с плоским дном и выраженной закраиной снаружи (рис. 5, *3*), а также низкие сосуды открытого типа в виде плошки (рис. 7, *3*). Чаши находят аналогии в памятниках прикаспийского варианта культуры населения Дагестана албано-сарматского времени начиная с первых веков н. э. (*Смирнов*, 1961. Рис. 10, *№ 148, 206, 228*; 37, *№ 14*; 38, *№ 87*; *Давудов*, 1996. Рис. 40, *7*; 59, *17, 18*; *Гаджиев*, 2002. Рис. 46, *11*; 77, *1*; 80, *13,14*). Надо также отметить, что фрагменты сосудов с сильно выраженной закраиной изредка встречаются в материалах из слоя Андрейаульского городища (*Магомедов, Абрамова*, 1976. Рис. 8, *20*; 9, *26*; 19-4, *10*), где они, по всей видимости, являются заимствованной формой или импортом.

I.5. Тарная керамика – красноглиняная или с трехслойным в изломе черепком (с серой прослойкой) и примесями в тесте как у столовых форм.

II.1. Лощеные черно-, коричнево- и сероглиняные кувшины, кувшинчики и кружки без видимых примесей в тесте или с небольшим количеством песка (рис. 4, *6–8*; 6, *2, 4, 5*; 7, *2, 4*).

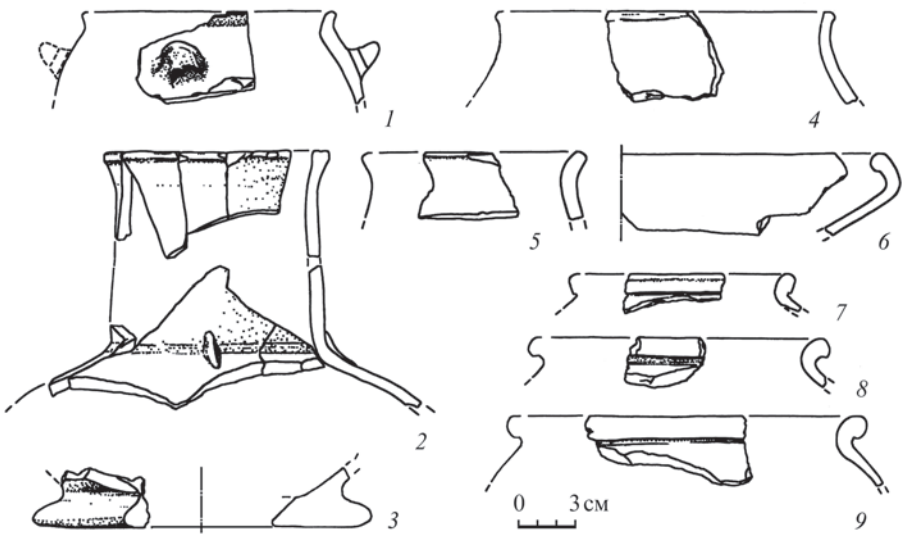


Рис. 3. Зеликакинское поселение. Раскоп 1. Керамика пласта 1

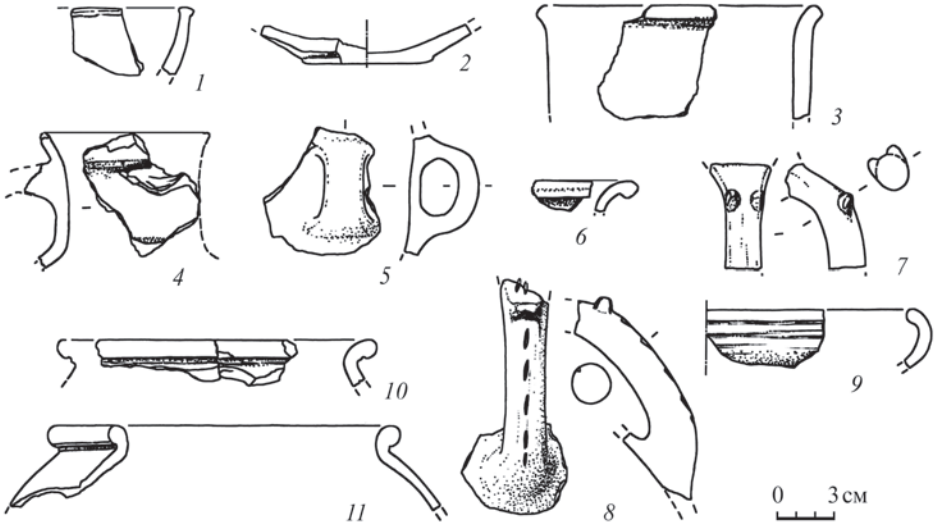


Рис. 4. Зеликакинское поселение. Раскоп 1. Керамика пластов 2 и 3

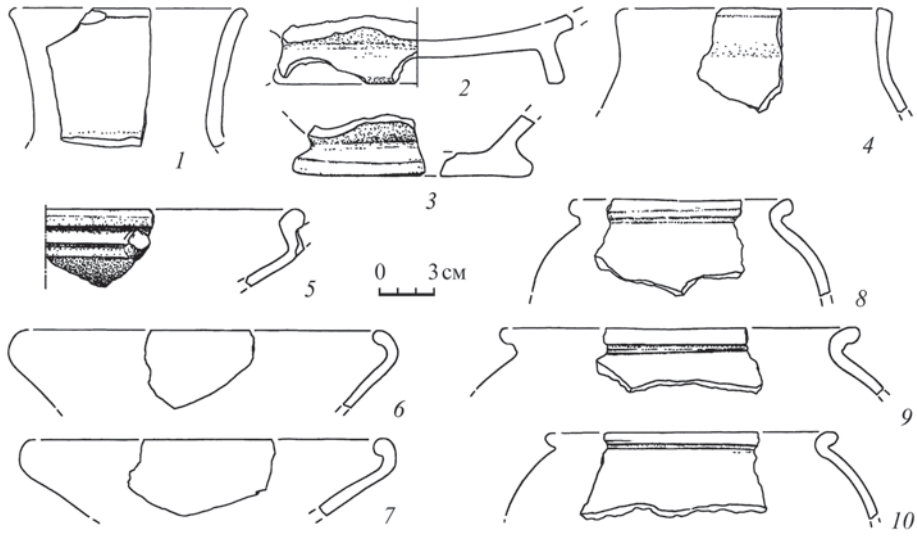


Рис. 5. Зеликакинское поселение. Раскоп 1. Керамика пластов 4 и 5

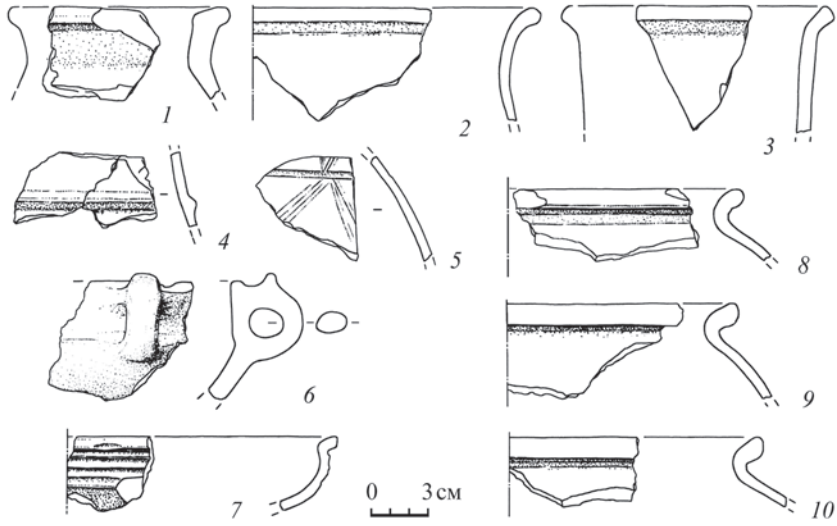


Рис. 6. Зеликакинское поселение. Раскоп 1. Керамика пластов 6 и 7

II.2. Нелощеные сероглиняные кувшины и кувшинчики с небольшим количеством песка в тесте песка (рис. 4, *4, 5*; 5, *4*).

В отношении кувшинов и кувшинчиков диагностическим для памятников круга Андрейаульского городища является декорирование внешней поверхности ручек вертикальным рядом продольных или наклонных насечек (рис. 4, *8* – см.: *Магомедов, Абрамова*, 1976. Рис. 9, *1, 3, 5*; 10, *1–9, 13*; *Магомедов, Гмыря*, 1977. Рис. 38, *6–11*; *Гмыря*, 1980б. Рис. 8, *23, 24, 28, 29*) и оформление верхнего прилепа ручек в виде двух круглых налепов по бокам, имитирующих глаза (рис. 4, *7* – см.: *Магомедов, Абрамова*, 1976. Рис. 9, *6*; 10, *10, 11*; *Магомедов, Гмыря*, 1977. Рис. 37, *1–3*; *Гмыря*, 1980б. Рис. 8, *2, 3*), а также сильный отгиб края венчика наружу (рис. 4, *6*; 6, *2*; 7, *2* – см.: *Магомедов, Абрамова*, 1976. Рис. 9, *23*; 19-4, *11*; *Магомедов, Гмыря*, 1977. Рис. 35, *11–13, 15, 17, 19*; *Гмыря*, 1980б. Рис. 6, *5–8*).

II.3. Миски серо- или черноглиняные, без видимых примесей или с добавками песка (рис. 3, *6*; 4, *9*; 5, *5–7*; 6, *7*; 7, *6*) находят многочисленные аналогии в материалах из слоя Андрейаульского городища. Миски с загнутым внутрь гладким бортиком и оформлением венчика с внутренней стороны в виде валика (рис. 3, *6*; 5, *6, 7* – см.: *Магомедов, Абрамова*, 1976. Рис. 8, *4, 8, 22, 25–27, 31*; 11, *1, 2, 4, 6, 10* и др.; *Магомедов, Гмыря*, 1977. Рис. 30, *12–19*; *Гмыря*, 1980б. Рис. 1, *8–18*; *Гмыря*, 1981. Рис. 1, *1, 2*) характерны для комплексов II–IV вв. н. э. (*Малашев*, 2016. С. 41). Миски с загнутым внутрь или вертикальным бортиком, декорированным снаружи желобками (рис. 4, *9*; 7, *6* – см.: *Магомедов, Абрамова*, 1976. Рис. 11 и др.; *Магомедов, Гмыря*, 1977. Рис. 31, *9–17*; 32; *Гмыря*, 1980б. Рис. 3, *1–12*), (рис. 5, *5*; 6, *7* – см.: *Магомедов, Абрамова*, 1976. Рис. 8, *3, 12*; 11, *19*; 13-5, *6*; *Магомедов, Гмыря*, 1977. Рис. 34, *2, 3, 9*; *Гмыря*, 1980б. Рис. 3, *13, 15*; 4, *1–5*; *Гмыря*, 1981. Рис. 2, *5*), распространены, преимущественно, во II – раннем III в. н. э. (*Малашев*, 2016. С. 41).

II.4. Горшки с низким валикообразным венчиком, серо-, черно- или коричневоглиняные с небрежно заглаженной наружной поверхностью и значительным количеством примесей (песок, известковые частицы) (рис. 3, *7–9*; 4, *10, 11*; 5, *8–10*; 6, *8–10*); часто встречаются следы нагара. Они типичны для памятников круга Андрейаульского городища и находят многочисленные аналогии в материалах из его слоя (*Магомедов, Абрамов*а, 1976. Рис. 42; *Гмыря*, 1980а. Рис. 1; 2).

Обращает на себя внимание отсутствие в данной группе фрагментов керамической тары.

Из индивидуальных находок отметим кремневые предметы (рис. 8, *1–3*), пряслице из стенки сероглиняного сосуда (рис. 8, *4*), а также фрагменты стенок сосудов дисковидной формы со следами обработки.

Таким образом, раскоп 1, заложенный на периферии поселения, позволил исследовать отложения мусорных слоев мощностью 2,3 м, утилизированных с территории постоянного проживания (рис. 2), а также дать оценку хронологии и культурных составляющих населения, оставившего этот памятник. В нижних пластах реже встречается красно- и оранжевоглиняная, а также красноангобированная посуда. Наличие в данных напластованиях сероглиняных мисок с характерным декорированным желобком бортиком (рис. 4, *9*; 5, *5*; 6, *7*; 7, *6*) и сосудов с зооморфными ручками (рис. 4, *7, 8*; 6, *6*; 7, *4*) не позволяет опускать нижнюю дату ранее II в. н. э. В то же время увеличение в верхних пластах фрагментов

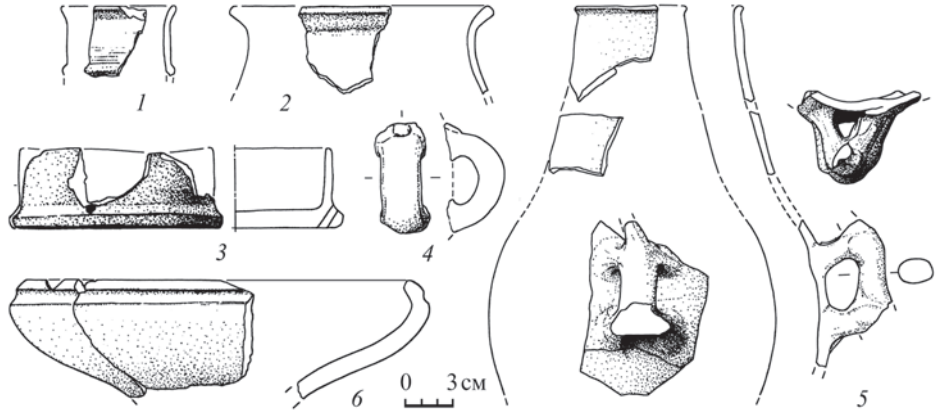


Рис. 7. Зеликакинское поселение. Раскоп 1. Керамика пластов 8 и 9

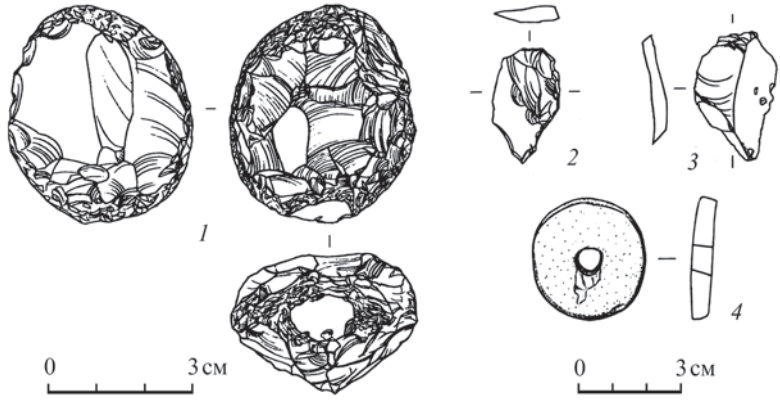


Рис. 8. Зеликакинское поселение. Раскоп 1. Индивидуальные находки
1–3 – кремневые орудия; *4* – пряслице из стенки сосуда

красноангобированых кувшинчиков (см. рис. 3, *2*; 4, *2, 3*; 5, *1*; 6, *3*), появляющихся в III в. н. э. и широко распространенных в IV–V вв. н. э., дает возможность ограничить верхнюю дату существования поселения V в. н. э. (*Малашев и др.*, 2015. С. 109–111). Важно высказанное М. С. Гаджиевым предположение о прекращении функционирования многих поселений в Приморском Дагестане в начале VI в. н. э., что было сопоставлено им с активизацией гуннов-савиров, вставших во главе нового объединения кочевников и предпринявших активные попытки прорваться в Закавказье (*Гаджиев*, 2002. С. 109).

В рамках данных работ был также исследован участок могильника (раскоп 2) у основания склона (*Абиев и др.*, 2017) (рис. 1). Погребения были впущены в культурный слой мощностью до 1 м. В площадь раскопа также попал участок каменной стены протяженностью 5,2 и толщиной 0,6 м. Основание стены находилось в культурном слое на 30 см выше материка. Кладка сохранилась на высоту до четырех рядов, связующий раствор не прослеживается. Под стеной находился культурный слой, материал из которого не отличался от керамики перекрывающего стену слоя. Насыщенность слоя керамическим материалом и костями животных невелика. Керамический комплекс на этом участке характеризуется: 1) полным отсутствием тарной керамики; 2) незначительным количеством кухонной посуды (рис. 9, *10–12*); 3) резким преобладанием, а в нижних напластованиях доминированием, красноглиняной и красноангобированной (в том числе коричнево-, сиренево- и сероангобированной) посуды, выполненной в керамической традиции Кавказской Албании (рис. 9, *1–9*); 4) отсутствием фрагментов сероглиняных горшков и мисок, характерных для керамики круга Андрейаульского городища. Из индивидуальных находок встречены: каменное пряслице (рис. 10, *1*), фрагмент керамического пряслица (рис. 10, *2*) и костяная проколка (рис. 10, *3*); последние хорошо представлены в слоях городищ Прикаспийского Дагестана (*Гаджиев*, 2002. Рис. 81, *27–31*). Данный участок использовался под проживание, но позже, чем началось функционирование основной части Зеликакинского поселения. На это указывает отсутствие в слое ряда керамических форм, характерных для первых веков н. э., и преобладание красноангобированной посуды, широко распространившейся в IV–V вв. (*Гаджиев*, 1998). Время проживания, очевидно, было непродолжительным, о чем свидетельствует сравнительно небольшой культурный слой, а также последующее использование этой территории под могильник, начавшееся не позднее конца IV – первой половины V в. н. э. (*Абиев и др.*, 2017).

Подводя итоги, можно сказать, что особенности погребального обряда могильника (грунтовые ямы, каменные ящики и гробницы, ориентировка погребенных на северо-восток и северо-запад) и керамического комплекса поселения указывают на культурное единство Зеликакинского комплекса с памятниками албано-сарматского времени на территории Дагестана. О. М. Давудов выделил подобные памятники средней части Прикаспийского Дагестана в прикаспийский вариант археологической культуры населения Дагестана албано-сарматского времени (*Давудов*, 1996. С. 217–224). Прекращение существования поселения и могильника может быть увязано в общий контекст с событиями начального периода эпохи Великого переселения народов (*Давудов*, 1996. С. 203; *Гаджиев*, 2002. С. 109; *Абиев и др.*, 2017).

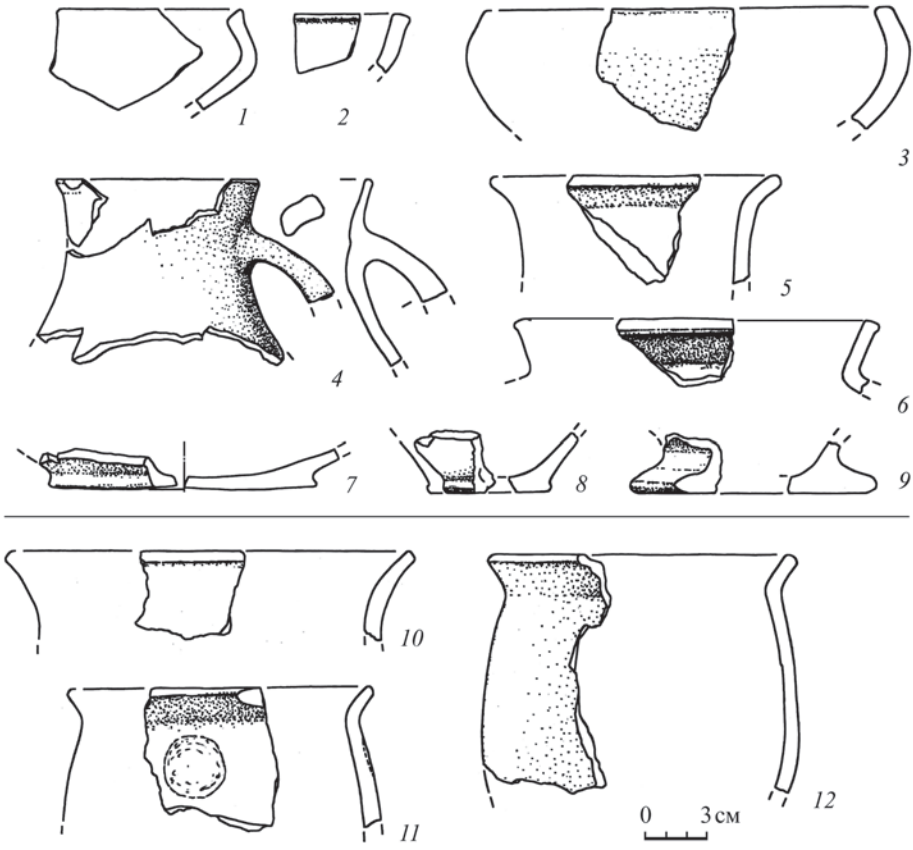


Рис. 9. Зеликакинское поселение. Раскоп 2.
Красноангобированная (*1–9*) и сероглиняная (*10–12*) керамика

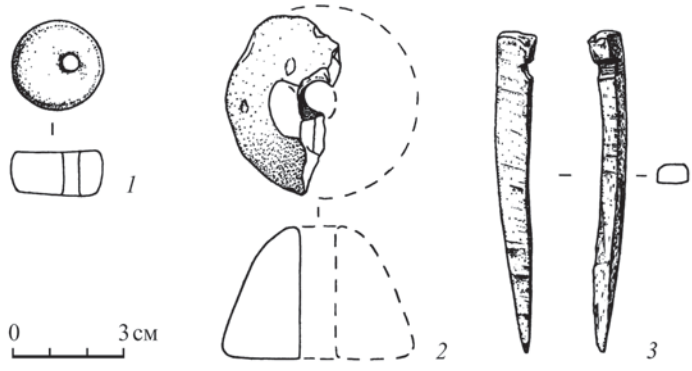


Рис. 10. Зеликакинское поселение. Раскоп 2. Индивидуальные находки
1 – каменное пряслице; *2* – фрагмент керамического пряслица; *3* – костяная проколка

ЛИТЕРАТУРА

Абакаров А. И., Давудов О. М., 1993. Археологическая карта Дагестана. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН. 325 с.

Абиев А. К., Боруцкая С. Б., Васильев С. В., Малашев В. Ю., Фризен С. Ю., 2017. Зеликакинский могильник албано-сарматского времени в Прикаспийском Дагестане // РА. № 3. С. 117–132.

Абрамова М. П., 1980. Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана / Отв. ред. А. Р. Шихсаидов. Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР. С. 115–143.

Абрамова М. П., Красильников К. И., Пятых Г. Г., 2001. Курганы Нижнего Сулака. М.: ИА РАН. 151 с. (МИАР; № 4.) (Труды Дагестанской экспедиции; т. II.)

Гаджиев М. С., 1984. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане / Отв. ред. М. М. Мамаев. Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР. С. 47–72.

Гаджиев М. С., 1998. О хронологии красноангобированной керамики Северо-Восточного Кавказа // Культуры евразийских степей втор. пол. I тыс. н. э. (Вопросы хронологии): мат-лы II междунар. археолог. конф. Самара: Самарский областной ист.-краевед. музей им. П. В. Алабина. С. 267–276.

Гаджиев М. С., 2002. Древний город Дагестана. М.: Восточная литература. 320 с.

Гаджиев М. С., 2007. Отчет о разведках в Приморском Дагестане в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 47092.

Гмыря Л. Б., 1980а. Кухонные горшки Андрейаульского городища // СА. № 1. С. 306–313.

Гмыря Л. Б., 1980б. Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия) // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 105–134.

Гмыря Л. Б., 1981. Из опыта классификации керамики // Керамика древнего и средневекового Дагестана / Отв. ред. М. М. Мамаев. Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР. С. 49–61. (МАД; № 10.)

Давудов О. М., 1996. Материальная культура Дагестана албанского времени. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН. 428 с.

Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., 1964. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 27. Оп. 1. Д. 42.

Магомедов М. Г., Абрамова М. П., 1976. Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6661, 6661а.

Магомедов М. Г., Гмыря Л. Б., 1977. Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8181, 8181а.

Малашев В. Ю., 2012. Отчет об охранно-спасательных раскопках в зоне строительства ВЛ-330 кВ «Артем–Дербент» (старинное кладбище старого с. Капчугай в Кумторкалинском районе; Зеликакинского поселения и могильника, могильника Ачису III в Карабудахкентском районе; курганной группы Инчхе VII и Эскиюртовского могильника в Каякентском районе; поселения Кабаз-кутан II в Дербентском районе Республики Дагестан) в 2011 г. Ч. 1. Т. I // Архив ИА РАН. Р-1. № 30519–30522.

Малашев В. Ю., 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н. э. М.: ИА РАН. 208 с.

Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С., 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. Махачкала: Мавраевъ. 452 с.

Салихов Б. М., 1985. Могильник Черказкутан // I конференция молодых ученых ИИЯЛ (12–13 февраля 1985 г.): тез. докл. Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР. С. 41.

Смирнов К. Ф., 1961. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД / Отв. ред. Г. Д. Даниялов. Т. II. Махачкала: ДФ АН СССРС. С. 167–219.

Сведения об авторах

Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: malashev@yandex.ru;

Абиев Аскерхан Камалович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, ул. М. Гаджиева, 45, Махачкала, 367025, Республика Дагестан, Россия; e-mail: abiev-ak@yandex.ru;

Бакушев Марат Артурович, ООО «Археологическое общество Кубани», просп. Чехова, 62, Ростов-на-Дону, 344006, Россия; e-mail: bakart@mail.ru

V. Yu. Malashev, A. K. Abiev, M. A. Bakushev

THE ZELIKAKINSK SETTLEMENT OF THE CAUCASIAN ALBANIA–SARMATIA PERIOD IN CASPIAN DAGESTAN

Abstract. The paper describes results of the studies of the Zelikakinsk settlement. Midden deposit layers 2,3 m thick found at the edge of the settlement as domestic refuse and debris from the area occupied by settlement residents were excavated. In addition to that, strata of the occupation layer with secondary burials were examined in one section of the cemetery. Two components are observed in the ceramic collection, namely, the tradition of Caucasian Albania and the tradition of the sites similar to the Andrey-aul hillfort. Based on ceramic finds, the dating of the site (2nd–5th centuries) was specified and its place in the antiquity system of Caspian Dagestan during the Caucasian Albania–Sarmatia Period was clarified.

Keywords: Caspian Dagestan, Zelikakinsk settlement, Caucasian Albania–Sarmatia period, ceramic.

REFERENCES

Abakarov A. I., Davudov O. M., 1993. Arkheologicheskaya karta Dagestana [Archaeological map of Dagestan]. Makhachkala: Institut istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN. 325 p.

Abiev A. K., Borutskaya S. B., Vasil'ev S. V., Malashev V. Yu., Frizen S. Yu., 2017. Zelikakinskiy mogil'nik albano-sarmatskogo vremeni v Prikaspiyskom Dagestane [Zelikakinskiy cemetery of Alban-Sarmatian time in Caspian Dagestan]. *RA*, 3, pp. 117–132.

Abramova M. P., 1980. Buynakskiy kurgan [Buynaksk kurgan]. *Drevnie i srednevekovye arkheologicheskie pamyatniki Dagestana [Ancient and medieval archaeological sites of Dagestan]*. A. R. Shikhsaidov, ed. Makhachkala: IIYaL Dagestanskogo filiala AN SSSR, pp. 115–143.

Abramova M. P., Krasil'nikov K. I., Pyatykh G. G., 2001. Kurgany Nizhnego Sulaka [Kurgans of Lower Sulak]. Moscow: IA RAN. 151 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 4). (Trudy Dagestanskoy ekspeditsii, II.)

Davudov O. M., 1996. Material'naya kul'tura Dagestana albanskogo vremeni [Material culture of Dagestan in Alban time]. Makhachkala: Institut istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN. 428 p.

Gadzhiev M. S., 1984. Stolovaya keramika Yuzhnogo Dagestana rubezha albanskogo i rannesrednevekovogo vremeni [Table pottery of Southern Dagestan of the turn of Alban and Early medieval time]. *Drevnie promysly, remeslo i torgovlya v Dagestane [Ancient trades, craft and commerce in Dagestan]*. M. M. Mamaev, ed. Makhachkala: IIYaL Dagestanskogo filiala AN SSSR, pp. 47–72.

Gadzhiev M. S., 1998. O khronologii krasnoangobirovannoy keramiki Severo-Vostochnogo Kavkaza [On chronology of red-slipped ceramics of North-Eastern Caucasus]. *Kul'tury evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. (Voprosy khronologii): materialy II Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii [Cultures of Eurasian steppes of second half of I millennium AD*

(Problems of chronology): transactions of II International archaeiological conference]. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey imeni P. V. Alabina, pp. 267–276.

Gadzhiev M. S., 2002. Drevniy gorod Dagestana [Ancient city of Dagestan]. Moscow: Vostochnaya literatura. 320 p.

Gadzhiev M. S., 2007. Otchet o razvedkakh v Primorskom Dagestane v 2007 g. [Report on field surveys in Coastal Dagestan in 2007]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Gmyrya L. B., 1980a. Kukhonnye gorshki Andreyaul'skogo gorodishcha [Kitchen pots of Andreyaul hillfort]. *SA*, 1, pp. 306–313.

Gmyrya L. B., 1980b. Stolovaya keramika Andreyaul'skogo gorodishcha (tipologiya i stratigrafiya) [Table ceramics of Andreyaul hillfort (typology and stratigraphy)]. *Srednevekovye drevnosti evraziyskikh stepey [Medieval antiquities of Eurasian steppes]*. S. A. Pletneva, ed. Moscow: Nauka, pp. 105–134.

Gmyrya L. B., 1981. Iz opyta klassifikatsii keramiki [From experience of classification of ceramics]. *Keramika drevnego i srednevekovogo Dagestana [Ceramics of ancient and medieval Dagestan]*. M. M. Mamaev, ed. Makhachkala: IIYaL Dagestanskogo filiala AN SSSR, pp. 49–61. (MAD, 10.)

Kotovich V. G., Abakarov A. I., Magomedov M. G., 1964. Otchet o rabote Primorskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Report on works of Coastal archaeological expedition]. *Nauchnyy arkhiv Instituta istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN [Scientific archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan scientific centre RAS]*. (In Russian, unpublished.)

Magomedov M. G., Abramova M. P., 1976. Otchet o rabote Verkhnechiryurtovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IIYaL Dagfiliala AN SSSR v 1976 g. [Report on work of Verkhniy Chiryurt archaeological expedition of IYaL, Dagestan branch of AN SSSR in 1976]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Magomedov M. G., Gmyrya L. B., 1977. Otchet o rabote Verkhnechiryurtovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1977 g. [Report on work of Verkhniy Chiryurt archaeological expedition in 1977]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Malashev V. Yu., 2012. Otchet ob okhranno-spasatel'nykh raskopkakh v zone stroitel'stva VL-330 kV «Artem-Derbent» (starinnoe kladbishche starogo s. Kapchugay v Kumtorkalinskom rayone; Zelikakinskogo poseleniya i mogil'nika, mogil'nika Achisu III v Karabudakhkentskom rayone; kurgannoy gruppy Inchkhe VII i Eskiyurtovskogo mogil'nika v Kayakentskom rayone; poseleniya Kabaz-kutan II v Derbentskom rayone Respubliki Dagestan v 2011 g. Chast'. 1. Tom. I [Report on protective-rescue excavations in construction zone of VL-330 kV «Artem-Derbent» (old cemetery of old village Kapchugay in Kumtorkalinskiy district; Zelikakinsk settlement and cemetery, cemetery Achisu III in Karabudakhkent district; kurgan group Inchkhe VII and Eskiyurt cemetery in Kayakent district; settlement Kabaz-kutan II in Derbent district, Republic of Dagestan in 2011. Pt. 1. Vol. I]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Malashev V. Yu., 2016. Pamyatniki srednesarmatskoy kul'tury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n. e. [Sites of Middle Sarmatian culture of North Caucasian steppes and their traditions in kurgan cemeteries of North-East Caucasus of second half of II – mid V cc. AD]. Moscow: IA RAN. 208 p.

Malashev V. Yu., Gadzhiev M. S., Il'yukov L. S., 2015. Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n. e. [The Maskuts' country in West Caspian region. Kurgan cemeteries of Coastal Dagestan of III–V cc. AD]. Makhachkala: Mavraev". 452 p.

Salikhov B. M., 1985. Mogil'nik Cherkazkutan [Cemetery Cherkazkutan]. *I konferentsiya molodykh uchenykh IIYaL: tezisy dokladov [I conference of young scientists (February 12–13, 1985): abstracts]*. Makhachkala: IIYaL Dagestanskogo filiala AN SSSR, p. 41.

Smirnov K. F., 1961. Gruntovye mogil'niki albano-sarmatskogo vremeni u sel. Karabudakhkent [Ground cemeteries of Alban-Sarmatian time near village Karabudakhkent]. *Materialy po arkheologii Dagestana [Materials on archaeology of Dagestan]*, II. G. D. Daniyalov, ed. Makhachkala: Dagestanskiy filial AN SSSR, pp. 167–219.

About the authors

Malashev Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: malashev@yandex.ru;

Abiev Askerkhan K., Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center Russian Academy of Sciences, ul. M. Gadzhieva, 45, Makhachkala, 367025, Republic of Dagestan, Russian Federation; e-mail: abiev-ak@yandex.ru;

Bakushev Marat A., Ltd. «Archaeological Society of Kuban», ul. Chekhova, 62, Rostov-na-Donu, 344006, Russian Federation; e-mail: bakart@mail.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.231-249

А. А. Завойкин

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ И ДРУГИЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ МЕТАЛЛА В СВЯТИЛИЩЕ ДЕМЕТРЫ И КОРЫ («БЕРЕГОВОЙ 4»)

Резюме. В статье рассматриваются украшения и другие предметы из металла (бронза, серебро, железо, свинец), найденные в святилище Деметры и Коры-Персефоны («Береговой 4», Таманский полуостров). Украшения (браслеты, перстни, кольца, подвески, бусы) составляют численно небольшую, но наиболее представительную группу металлических вотивных приношений, которая связана по преимуществу (или исключительно) с культовой деятельностью женской части населения, почитавшего здесь богинь плодородия. Возможно, исключением являются железные перстни. Остальные металлические предметы (наконечники стрел, нож, гвозди) не имеют столь определенной гендерной «окраски», но, скорее всего, имеют отношение к «сильной половине» общества. Нельзя исключать вероятности того, что не все из этих предметов в святилище оказались в качестве вотивных даров. Однако то, что аналогичные находки неоднократно фиксируются в погребениях (в качестве предметов магических) и что они не редки в материалах других святилищ, дает возможность рассматривать находки из святилища «Береговой 4» по преимуществу в культовом аспекте. Автор особое внимание обращает на парные находки в некоторых комплексах браслетов, перстней и подвесок в форме миниатюрных сосудов. В этом он усматривает отражение дуалистического культа богинь, Матери и Дочери.

Ключевые слова: святилище, Деметра, Кора, вотивы, культы, металл, украшения, браслеты, перстни, подвески, гвозди, нож, наконечники стрел.

Коллекция предметов из металла, найденных при раскопках святилища «Береговой 4», располагающегося на западном берегу Фонталовского п-ова, омываемом водами Керченского пролива, невелика, но довольно разнообразна[1]. И хотя эти вещи, по-видимому, не так важны для характеристики культов, которые отправлялись здесь с конца VI по середину I в. до н. э., как, например, вотивные терракоты или другие более выразительные находки, представляется, что сам репертуар металлических предметов позволяет выявить некоторые интересные штрихи в культе чтимых здесь божеств, возможно даже неуловимые при анализе

[1] О святилище см.: (*Завойкин*, 2006. С. 61 сл.; 2016; *Завойкин*, *Сударев*, 2009).

других групп материала. В любом случае изучение этой группы находок, хотя бы и объединенных по формальному признаку (материал), необходимо для полноты представлений о святилище[2].

Наиболее многочисленную категорию металлических находок в святилище представляют украшения: бронзовые браслеты, перстни, подвески, бусы и пронизки.

Браслеты. В коллекции имеется 4 целых браслета (один из них в древности разломился на пять частей) и обломки еще двух. Пять из них сделаны из круглого в сечении прута (диаметры от 5 × 4 до 7 × 6 мм)[3], один (обломок) – из ромбического (7 × 5 мм). Диаметры несомкнутого кольца колеблются между 54 и 71 мм. Немного расширяющиеся окончания браслетов оформлены по-разному: у одного (рис. 1, *4*), плакированного серебром, отрубленные окончания, обрамленные орнаментированными серебряными обоймами[4]; у другого (рис. 1, *2*) окончания чуть скруглены, узкая серебряная обойма лишь у одного из них; у наименьшего по размеру браслета (рис. 1, *3*) расширенные окончания скруглены; у четвертого браслета (рис. 1, *1*) окончания оформлены в виде шариков[5].

Судя по диаметру браслетов (54, ок. 66, 69, 71 мм), три могли принадлежать женщинам, один – маленькому ребенку.

На Боспоре гладкие бронзовые браслеты с несомкнутыми концами фиксируются, по крайней мере, со втор. пол. VI в. до н. э. (см., например: *Гайдукевич*, 1959. С. 168. Рис. 2, *4*). Эта простейшая форма имела хождение вплоть до первых веков н. э. Так, бронзовый браслет «из толстой проволоки с разомкнутыми концами» был найден в некрополе Тиритаки, в могиле 2/1933, датируемой по монете концом II – началом III в. н. э. (Там же. С. 216. Рис. 82, *3*). В скифских памятниках Северного Причерноморья и Крыма *подобные* формы «стержневых»

---

[2] Должен сделать несколько оговорок. В этой статье не будут рассматриваться металлические предметы, о которых уже было сказано в других работах: о серебряных пластинках с рельефными изображениями и миниатюрном горшочке того же металла, золотой индикации (см.: *Завойкин*, 2015); о монетах (см.: *Абрамзон и др.*, 2016). Лишь упомяну бронзовые бусины, пронизки и единственную золотую бусу (их подробное описание читатель найдет в (*Завойкин*, 2017). Помимо этого, здесь не рассматриваются находки, о назначении которых я не могу сказать ничего определенного: это свернутый из золотой фольги «конус» с тиснением в виде продольных «желобков», перехваченных пятью поперечными «поясками», и обломки, возможно, такого же серебряного «конуса».

[3] Этот «прут» наибольший диаметр имеет по центру и немного (на 1–1,5 мм) утончается к окончаниям. Не касаясь здесь вопросов технологии, лишь попутно отмечу, что рассматриваемые браслеты, скорее всего, были отлиты и доработаны последующей ковкой.

[4] Их концы утрачены, как и плакировка в расслоившейся средней части.

[5] Эти окончания лишь отдаленно напоминают окончания в виде «шишечки» стержневых (из тонкой проволоки) браслетов (*Петренко*, 1978. С. 49. Табл. 38, тип 1). Первый и последний описанные браслеты были найдены в паре, в одном объекте (5.9а, б). Это пятно камки на некоей поверхности, оно залегает недалеко и на том же уровне, что и объект 3.3 (см. примеч. 8), частью которого, вероятно, и является. Стратиграфическая датировка объектов в пределах IV–III вв. до н. э.

Рис. 1. Береговой 4. Браслеты

1, *3* – бронза; *2*, *4* – бронза с серебром

браслетов появляются в конце VI – начале V в. до н. э., а большинство простых форм относится к IV в. до н. э. и доживает до следующего столетия (*Петренко*, 1978. С. 54). Достаточно разнообразно представлены бронзовые браслеты с несомкнутыми концами в погребальных памятниках Синдики, в частности – в некрополе у хут. Рассвет (VI–V вв. до н. э.). А. М. Новичихин выделяет четыре их варианта, в том числе гладкие браслеты с несомкнутыми, иногда утолщенными концами (вариант 3) (*Новичихин*, 2010. С. 235–237. Рис. 228)[6].

Перстни представлены бронзовыми и железными экземплярами, а также шинкой, выполненной из серебра. Бронзовых перстней найдено 4 (плюс щиток с обломками шинки и фрагмент щитка еще от одного). У четырех перстней щитки

[6] Браслеты варианта 1 с концами, украшенными кольцевыми нарезками и зонами наклонных нарезок, напоминают орнаментацию серебряных наконечников плакированного браслета из святилища. М. Ю. Трейстер, отмечая наличие аналогичных браслетов в погребениях Восточного и Горного Крыма, а также в меотских памятниках Прикубанья, указывает, что «в могильниках городов и поселений Боспора такие браслеты неизвестны» (*Трейстер*, 2010. С. 239). Однако на Боспоре известны бронзовые браслеты с утолщениями на несомкнутых концах, покрытых кольцевой нарезкой и на торцах украшенных гравированным крестом (вариант 2, по А. М. Новичихину), например из погребений втор. пол. VI в. до н. э. некрополя Гермонассы: 5/1931 и 3/1938 (см. *Гайдукевич*, 1959. С. 159, 165, 166. Рис. 2, *1*, *2*).

Рис. 2. Береговой 4. Перстни и кольца

1–4, *6*, *7* – бронза; *5* – серебро; *8–12* – железо

имели овальную, сужающуюся к шинке (линзовидную[7]) форму (рис. 2, *2–4*, *7*)[8], а у одного – очень маленького, но более массивного перстня «птолемеевского типа» (рис. 2, *1*) – массивный плоский щиток имел форму правильного, округлого овала (14 × 11 мм).

[7] Соотношения осей: 18 × 14, 19 × 13, 16,6 × 10, 15 × 8 мм.

[8] Два из них были найдены в одном комплексе (3.3). Это некая поверхность, которую обозначают слабые следы горения и камки. Помимо перстней здесь найдены: красноглиняный гидриск с дипинто; два крохотных серебряных сосудика-подвески (о них см. ниже); глазчатая стеклянная буса-подвеска на железном ушке; маленькая бусина прозрачного «белого» стекла; две маленькие стеклянные цилиндрические пронизки (о бусах см.: *Завойкин*, 2017).

На четырех (из пяти[9]) щитках сохранились (в разной степени) следы врезных изображений. Из-за сравнительно плохой сохранности не все они поддаются уверенному определению. Лучше других сохранилось изображение бюста, повернутого влево, на детском перстеньке[10] «птолемеевского типа». На голове женщины волосы уложены валиком надо лбом и собраны на затылке в пучок. Лицо показано довольно схематично: крупный нависающий нос, массивный выступающий подбородок. Определить изображение на целом перстне (рис. 2, *4*) не удается. На склеенном щитке хорошо различимо изображение птицы, ноги которой приходятся на шов разлома, а ниже располагается не поддающийся идентификации предмет (рис. 2, *2*). Наконец, уже вовсе не поддается «расшифровке» изображение на щитке перстня, тоже склеенного из двух фрагментов (рис. 2, *7*)[11]. Щитки у двух перстней плоские, придающие им вместе с шинкой форму стремени (рис. 2, *1*, *4*); у двух других щиток продолжает изгиб тонкой овальной в сечении шинки (рис. 2, *2*, *7*), что характерно для перстней IV в. до н. э.[12]

Говоря о формах перстней и хронологических их определениях, стоит сослаться на справедливое замечание Дж. Бордмана, что этот материал с трудом поддается жесткой хронологической классификации (которая, в первую очередь, опирается на стилистические критерии) из-за значительной локальной вариативности и распределение перстней по типам (даже продолженным им самим) иной раз вызывает затруднения. В действительности классификация дает возможность лишь оценить основные тенденции в изменениях форм перстней (*Boardman*, 2001. P. 212).

Преобладающие в нашей коллекции формы могут быть отнесены к типам III–IV, VII, по классификации Дж. Бордмана. Такие перстни были в обиходе с середины до конца V в. до н. э. и в следующем столетии (Ibid. P. 212, 214. Pl. 217, *III*, *IV*, *VII*)[13]. «Птолемеевский тип», согласно его хронологической схеме (Ibid. P. 213, 214 (type XVII), 403), характерен для перстней, вошедших в употребление уже после смерти Александра Великого, и сохраняет свою популярность в III–II вв. до н. э.

О. Я. Неверов предложил собственную классификацию металлических перстней (*Неверов*, 1986). Весь материал разбит на две группы: перстни-печати с резьбой на щитке и декоративные перстни. Внутри этих двух групп по форме щитка и дужки были выделены основные типы (Там же. С. 17–24). Появление

[9] Расчистить поверхность щитка одного перстня (рис. 2, *3*) не удалось, из-за того что металл сильно окислился и расслоился.

[10] Внутренний его диаметр всего 12 мм.

[11] Даже то немногое, что удалось разобрать на щитках перстней, стало возможным исключительно благодаря искусному труду реставратора высшей категории, с. н. с. музея-заповедника «Фанагория» О. Л. Гунчиной, которой автор выражает свою искреннюю признательность за помощь.

[12] Тип VI группы I, по О. Я. Неверову (1986. С. 21). О курватуре маленького щитка (рис. 2, *3*) говорить сложно, ввиду того что он расслоился.

[13] Ср. бронзовые перстни из некрополя Панское I: из могилы 3 кургана 43 (ок. 380–360 гг. до н. э.) и из грунтовой могилы М030 (начало IV в. до н. э.) (*Stolba*, *Rogov*, 2012. P. 331. Pls. 68/71, *K6 и K5*).

на Боспоре типа перстней с овальным щитком и овальной в сечении «стремевидной» шинкой датируется автором со втор. пол. V в. до н. э., а наибольшее их распространение приходится на IV в. до н. э. Тип перстней с плоским «листовидным» (иногда ромбовидно-вытянутым) щитком, который следует овалу кольца шинки и выделен лишь расширением в ее верхней части, по мнению О. Я. Неверова, был на Боспоре и в Северном Причерноморье распространен в IV в. до н. э. (*Неверов*, 1986. С. 21)[14]. Перстни «птолемеевского типа» О. Я. Неверов выделил в тип VII группы I и датировал их эллинистической эпохой. Основываясь на том, что некоторые из них несут на щитках портретные изображения царей династии Птолемеев, он считает их предметам александрийского импорта (*Неверов*, 1976; 1986. С. 22; *Трейстер*, 1982. С. 70–76; 1985. С. 126 сл.; *Коровина*, 1987. С. 140–145).

Единственная выполненная в серебре шинка перстня сделана из круглой в сечении проволоки диаметром 2,5 мм (рис. 2, *5*), расклепанной на концах. В отверстия на этих расширениях и на щитке (здесь отверстие не сохранилось) вставлялась тонкая проволока, свободные концы которой накручивались на концы шинки (два-три плотно уложенных витка), закрепляя щиток[15].

Слабо представлены в коллекции другие виды бронзовых колец. Среди них колечко из скрученного куска круглой в сечении проволоки (3 × 3 мм), концы которой заходят друг за друга (диаметр 20/14 мм). Иногда подобные предметы называют «подвесками», но, вероятнее, это вид примитивного кольца[16] (рис. 3, *4*). Чтобы завершить описание колец из бронзы, упомяну цельное кольцо, сделанное из круглой в сечении проволоки (3,5 мм) или отлитое целиком и, возможно, не имеющее отношения к украшениям, хотя по размеру (внутренний диаметр – 16 мм) вполне подходит для того, чтобы быть надетым на палец (рис. 2, *6*).

Очень интересную группу представляют перстни, сделанные из железа. Их шесть: четыре археологически целых и два обломка. Перстни делятся на два типа. К первому относятся два крупных массивных перстня (целый и верхняя треть другого) без выделенного щитка; внешний и внутренний диаметры – 29 и 19 мм соответственно (рис. 2, *8*, *9*). Шинка к верху плавно расширяется от 9,5 до 15 мм. Толщина кольца в верхней части достигает 6 мм[17]. Перстни второй группы (4 экз.) имеют выделенный широкий овальный щиток (19 × 11; 21 × 13; 22 × 18 и 23 × 17 мм), который «крепится» к расширяющейся к верху шинке, овальной в сечении (6 × 4 мм)[18]. Все они тоже довольно «массивные»

[14] С V в. до н. э. такие перстни известны и в скифских памятниках «Крымской группы», но большинство находок относится к IV–III вв. до н. э. (*Петренко*, 1978. С. 62, тип 11).

[15] Ср. форму шинки: *Неверов*, 1984. Табл. CLIX, *6* (V в. до н. э.).

[16] Ср.: *Петренко*, 1978. С. 138. Табл. 51, *9* (проволочные кольца типа 1).

[17] Необходимо, конечно, учитывать увеличение размеров в результате расслоения металла. Возможно, того же типа кольцо, но обтянутое золотым листом, было найдено в Чмыревой могиле (*Петренко*, 1978. С. 62. Табл. 52, *13*, тип 11, вариант *г*).

[18] Следует особо подчеркнуть, что все эти перстни были найдены в контексте, связанном с функционированием ступенчатого алтаря, построенного из сырцового кирпича впритык к внешнему (восточному) фасу стены-ограды ядра святилища (один –

Рис. 3. Береговой 4. Подвески, бусы, пронизки

1, *4–6*, *8*, *9* – бронза; *2*, *3* – серебро; *7* – золото

(рис. 2, *10–13*). Сохранность металла, к сожалению, очень плохая. Поэтому нет возможности определить наличие или отсутствие изображений на щитках. Насколько можно разглядеть, по крайней мере на трех перстнях этого типа на поверхности щитка имеется овальная вставка из того же металла[19]. Так что изображения на них вполне вероятны (ср.: *Коровина*, 1987. С. 138).

Датировки железных перстней в целом те же, что и бронзовых с овальным щитком и «стремевидной» шинкой овального сечения. Нельзя сказать, что железные перстни редки, их довольно часто находят в погребениях[20]. Но не только. Лишь примера ради приведу статистику находок железных перстней из святилища Посейдона на Истме в соотношении к перстням из цветных металлов: 27 (и 169 фрагментов) железных – 7 серебряных – 6 бронзовых (*Gebhard*, 1998. P. 114. Appendix B).

в объекте 12.1-2, остальные – в объекте 12.6). Это, конечно, не случайно и указывает на «узкую специализацию» вотивов такого рода.

[19] Наиболее близок перстням второй группы экземпляр, найденный в грунтовой могиле М014 некрополя Панское 1 (*Рогов*, 2011. С. 103. Табл. 44, *11*; *Stolba*, *Rogov*, 2012. P. 332. Pls. 68/71, *K10*).

[20] Например, в погребениях архаического некрополя Ольвии (*Скуднова*, 1988. С. 27; 127 (кат. 197.2, последняя четверть VI в. до н. э.); 139, 140 (кат. 221.4, с узким овальным щитком, конец VI в. до н. э.); 141, 142 (кат. 224.7, с узким овальным щитком, ок. 510–500 гг. до н. э.)). Три железных перстня отмечены А. К. Коровиной в погребениях эллинистического времени некрополей Фанагории и «Тирамбы» (*Коровина*, 1987. С. 140). В могилах некрополя Панское I железные перстни тоже хорошо известны в погребальных комплексах второй – третьей четв. IV в. до н. э. (*Stolba*, *Rogov*, 2012. P. 331, 332. Pls. 68/71, *K8*, *K9*, *K10*).

«Спиралевидная подвеска» из круглой в сечении проволоки (3 × 3 мм) представлена обломками с пирамидальными наконечниками (их длина – 12 мм, а основание – 4 × 4 мм). Сохранность не позволяет достоверно определить форму украшения (рис. 3, *1*). Очевидно только, что она имела спиралевидный изгиб, но участки, завершающиеся пирамидками, были прямыми, а не скругленными (ср.: *Грач*, 1999. С. 63, 64, 228. Табл. 63, *4*[21]).

«Височные кольца», свернутые в полтора оборота и украшенные пирамидками или конусами на концах, в Северном Причерноморье датируются в основном VI–IV вв. до н. э., но бытуют и позднее (*Коровина*, 1962. С. 305. Прим. 3)[22]. К скифам эта форма украшений проникает с V в. до н. э. и распространяется лишь среди населения, проживающего поблизости от греческих городов и подвергшегося эллинизации, в IV–III вв. до н. э. (*Петренко*, 1978. С. 35. Табл. 22, *13*, *14*, *16*, *17*; *Масленников*, 1995. Рис. 5, *7*; 9, *11*, *12*, *14*; 23, *8*; 27, *3*; и др.). А на территории Синдики такие украшения становятся популярными уже в VI–V вв. до н. э. (*Новичихин*, 2010. С. 233, 234. Рис. 227, *75*, *79*, *82*, *88*, *151*).

К числу «подвесок» весьма условно отнесены также два крохотных серебряных сосудика закрытого типа[23]. У большего из них (рис. 3, *3*) имеется две горизонтально расположенные ручки (*стамнос* или *гидриск*, если предположить, что вертикальная ручка сосуда не сохранилась[24]), выделенный поддон. Его высота всего 18 мм при диаметре тулова 13 мм. Меньший, круглодонный, сосудик (Д-6/99; рис. 3, *2*) обладает единственной вертикально поставленной ручкой (*ольпа*). Высота его – 16 мм, диаметр тулова – 11 мм[25].

Каких-либо специальных отверстий для подвешивания сосудики не имеют. Можно лишь предполагать, что их подвешивали на шнурок, используя петельки ручек. Важно отметить, что сосудики эти полые, в них вполне возможно налить и хранить какую-либо ценную жидкость. Прямые аналогии этим предметам мне не известны[26].

---

[21] Некрополь Нимфея, из погребения с двумя бронзовыми перстнями (кат. А107. 3, 4), датированными О. Я. Неверовым II в. до н. э. В этом же комплексе найдена пантикапейская монета 330–315 гг. до н. э. (кат. А107.5), а пара спиралевидных подвесок с пирамидальными окончаниями зафиксирована в районе висков погребенной. Производство таких украшений на Боспоре уже в VI–V вв. до н. э. подтверждается находкой в Нимфее же литейной формы (*Трейстер*, 1992. С. 79, 80. Рис. 5, *4*). П. Ф. Силантьева датирует эту форму концом V – началом IV в. до н. э. (*Силантьева*, 1976. С. 133, 134. Рис. 8).

[22] П. Ф. Силантьева художественные изделия из драгоценных металлов на Боспоре датирует в пределах середины V – середины IV в. до н. э. (*Силантьева*, 1976. С. 130, 132).

[23] Оба найдены в объекте 3.3, как и отмеченная ранее пара бронзовых перстней (см. примеч. 8).

[24] Определить утрату ввиду миниатюрности предмета и коррозии металла невозможно.

[25] Все эти типы сосудов представлены в святилище.

[26] В функциональном отношении, быть может, с ними позволительно сопоставить крошечную золотую «амфоровидную» (?) подвеску (высота – 8 мм) с пробочкой из Ольвии, которая, по мнению М. В. Скржинской, предназначалась для «хранения какого-то

Таков, наряду с некоторым количеством бронзовых (рис. 3, *5, 6, 8, 9*) и одной золотой бусиной (рис. 3, *7*), набор металлических украшений из святилища Деметры и Коры. В статье, посвященной рассмотрению бус, акцентировалось внимание на том, что в греческой культурной традиции использование этих украшений – почти исключительная прерогатива женщин (*Завойкин*, 2017)[27]. Такие же украшения мы находим на изображениях самих богинь, которым поклонялись в святилище. Отсутствие на этом культовом памятнике сколько-нибудь значительных наборов бус (обычно одна-две бусины, выделяется лишь небольшая низка бронзовых пронизей и бусин) по-сво́ему характеризует символичность приношений земных женщин, вопрошающих божественных своих покровительниц о благах, связанных с представлениями о плодородии (хотя, конечно, круг идей, имеющих отношение к культу этих богинь был существенно шире). Гендерная определенность других вотивных украшений, конечно, не столь очевидна. Однако, по крайней мере в большей своей части, и они указывают на то, что и эти предметы были адресованы богиням – «представительницами слабого пола». (Возможно, особых оговорок требуют крупные железные перстни.)

Проанализировав состав приношений частных лиц в святилища Деметры и Коры, С.-М. Кронките отмечает, что наиболее значительная их часть принадлежала женщинам (что естественно). Эти предметы – иглы, веретена, пряслица, ткацкие грузики, астрагалы, зеркала и косметические принадлежности (маленькие костяные ложечки и туалетные лопаточки), ювелирные украшения (в том числе кольца, булавки/фибулы, ожерелья/бусы, заколки для волос, серьги, подвески) – играли важную роль в их повседневной жизни и работе. Исследовательница говорит и об определенной роли мужчин (участие которых было ограниченным лишь в празднествах Деметры, связанных с плодородием) и приношениях, имеющих отношение к их миру – гвозди, заклепки, оружие, ножи и др. (*Cronkite*, 1997. P. 170, 171).

Итак, рассмотрим и другие металлические предметы, оказавшиеся в святилище «Береговой 4».

Наконечники стрел (рис. 4, *1*, *2*). Два небольших бронзовых наконечника, трехлопастные с короткой втулкой[28], могут быть отнесены к III хронологической

драгоценного благовония». Исследовательница подчеркивает, что это единственная подвеска с полостью внутри, «представляющая собой настоящий сосуд» (*Скржинская*, 1986. С. 122. Рис. 2, *2*).

[27] Бусы встречаются главным образом в женских погребениях, значительно реже – в детских и мужских. Надо также учитывать, что бусы носили не только как ожерелья, но из них также составляли браслеты, их использовали в качестве застежек-пуговиц, ими расшивали пояса (см.: *Скржинская*, 1986. С. 119).

[28] У одного (Д-5/87: длина – 25, ширина – 8, длина втулки – 4 мм) при заточке втулка приобрела в сечении треугольную форму; у другого (Д-6/87: длина – 24, ширина – 6, длина втулки – 4 мм) в результате заточки верхняя часть утратила лопасти и стала трехгранной, а наконечник в целом приобрел башневидные очертания (напоминает тип 10, вариант 1, по А. И. Мелюковой). Благодарю за консультацию А. Н. Ворошилова.

Рис. 4. Береговой 4. Наконечники стрел, иглы, гвозди, нож и др.

1–9 – бронза; *10*, *11*, *13* – железо; *12* – свинец

группе, по А. И. Мелюковой (1964. Табл. 8), т. е. подобные наконечники преобладают в комплексах V–IV вв. до н. э.[29]

Гвозди. Их найдено в святилище четыре: пара железных (один из них без шляпки) (рис. 4, *10, 11*) и пара бронзовых (рис. 4, *8, 9*). Полностью сохранившийся крупный железный гвоздь имеет загнутый под прямым углом конец. Его длина – 92 + 34 мм, диаметр полусферической (?) шляпки – ок. 19 мм, стержень в поперечнике – 9 мм (ср.: *Rogov*, 2002. P. 259, 260. Pl. 163, *K96–98*)[30]. Второй, сохранившийся примерно на две трети, имел, видимо, сопоставимые размеры. Бронзовые гвозди заметно отличаются размерами и пропорциями. Один из них имеет массивную («грибовидную») шляпку диаметром 20 мм и сужающийся к острию (утрачено в древности) стержень диаметром 4–7 мм, длиной 47 мм (ср.: *Молев*, *Молева*, 2016. С. 101, 102. № 19, 22; *Rogov*, 2002. P. 254, 255. Pl. 167, *K20, 22, 24*, *31*, *33*). А второй при шляпке диаметром 15 мм имеет длину всего 17 мм (ср. *Rogov*, 2002. P. 254, 255. Pl. 167, *K41–44*, *K46*)[31].

Очевидно, что в функциональном отношении эти гвозди были различны. Однако в святилище, вероятно, все эти предметы выступают в качестве приношений, а не средств для крепления чего-либо (см.: *Молева*, 2006. С. 95 сл.).

Иглы бронзовые (рис. 4, *5*, *6*). Две иглы, по всей видимости, от застежек-фибул, на конце круглого стерженька первой сохранились следы ее крепежа. Правда, другие элементы фибул здесь не найдены.

Нож железный (рис. 4, *13*). Представлен тремя стыкующимися фрагментами. Общая их длина – 151 мм, максимальная ширина – 29 мм. Утрачен кончик клинка и нижняя часть рукоятки, в ее верхней части сохранилась сквозная железная заклепка, при помощи которой крепились обкладки (видимо, деревянные). Клинок имеет чуть изогнутую толстую (10 мм) спинку и плавно сужается к концу лезвия[32].

Прочее. Помимо упомянутых, было найдено несколько бронзовых предметов неясного назначения. Это узкая пластинка (49 × 4–6 × 3 мм; рис. 4, *3*); сплющенная «обойма» из плоской тонкой пластины (ширина – 7 и толщина – 1,3 мм, длина – ок. 24 мм; рис. 4, *4*); фрагмент круглой в сечении проволоки (диаметром 3 мм), причудливо изогнутой (один ее конец закручен; рис. 4, *7*).

[29] Четыре наконечника стрел «скифского типа», найденные в святилище Китея, Н. В. Молева трактует как «проявление местных традиций в хтонических обрядах» (*Молева*, 2006. С. 95). Вообще же обычай приношения в святилища оружия был широко распространен в Греции, так же как и в Северном Причерноморье, например – на Западном теменосе Ольвии (*Назарчук*, 2006. С. 208).

[30] Гвозди 1 типа длиной 80–140 мм, с полусферической шляпкой и квадратным в сечении стержнем.

[31] По классификации Е. Я. Рогова, бронзовые гвозди из святилища «Береговой 4» относятся к типам 1 и 3В.

[32] Вполне допустимо предположение Н. В. Молевой об употреблении ножей, найденных в зольнике Китея, для разделки пищи во время культовых трапез (*Молева*, 2006. С. 95). Но я бы не стал сбрасывать со счетов и вероятность их использования *ex voto*. Очевидно, вотивный характер имеют железные ножи, найденные в слое 5 святилища Деметры Фесмофоры в Биталеми (Гела, Сицилия) (*Orlandini*, 1966. P. 28. Tav. XXV. Fig. 3).

Осталось упомянуть предметы из свинца – небольшой аморфный «слиточек» и плоскую пластину длиной 86 мм, шириной ок. 20 мм, толщиной 3 мм. Она была сложена пополам по продольной оси, после чего ее перегнули вдвое поперек (рис. 4, *12*). Была надежда на то, что на внутренней стороне пластинки начертано заклятие – послание хтоническим богиням[33], как позволительно было бы ожидать в святилище Деметры и Коры-Персефоны, повелительницы подземного царства (к которой, в том числе, и обращались в подобных случаях), и что не так уж редко встречается в могилах греков. Однако надежды не оправдались. Но и при этом сохраняется подозрение, что «пустое письмо» имело своего адресата, и обнаруженная нами свинцовая «конструкция» не была простой забавой, хотя ее смысл от нас и ускользает.

Учитывая общий контекст всех находок, было бы соблазнительно немного порассуждать о семантике этих металлических предметов, как это делается в статье Н. П. Сорокиной и Н. И. Сударева, посвященной предметам, связанным с культами и магией, из погребений Кепского некрополя VI–II вв. до н. э. (*Сорокина, Сударев*, 2001). Сопоставление находок из святилища хтонических богинь с предметами погребального инвентаря кажется тем более оправданным, что уже не раз приходилось указывать на целый ряд соответствий между теми и другими[34], что, впрочем, не должно вызывать удивления. Но ограничусь, пожалуй, только указанием на отмеченный символизм положенных в погребения игл и ножей (в тех случаях, когда последние не связаны с напутственной пищей, а таких примеров авторы статьи приводят достаточно). Вполне реальным представляется отнесение к тому же ряду символов и наконечников стрел, а также гвоздей.

В поддержку этого мнения можно сослаться на материалы раскопок центрального городского святилища Китея, в слоях которого было найдено более трети бронзовых гвоздей от общего числа их находок на городище. Н. В. Молева справедливо полагает, что часть этих предметов могла быть связана со строительной деятельностью, но другая их часть, несомненно, имеет вотивный характер (см.: *Молев*, *Молева*, 2016. С. 98; *Молева*, 2004. С. 268; 2006. С. 96)[35].

---

[33] Справедливости ради необходимо отметить, что, как правило, свинцовые пластинки, которые использовались для письма, были значительно тоньше нашей и сворачивались несколько раз в одной плоскости.

[34] В частности, ср.: *Завойкин*, 2016. С. 176, 177; *Сорокина, Сударев*, 2001. С. 134–136 – о донцах сосудов, перевернутых дном вверх. О подобном положении сосудов и их фр-тов, принесенных в святилища Деметры Фесмофоры, упоминал и Г. Сфамени Гаспаро (см.: *Sfameni Gasparo*, 2009. P. 142. Note 17), а П. Орландини – о фрагментах аттических ваз (донцах), где имелись посвятительные граффити Фесмофоре, обнаруженные, в частности, в Биталеми (*Orlandini*, 1966. Tav. XI, *4*; XIII–XVI; 1967. P. 178; 1968–1969. P. 337, 338. Fig. 3).

[35] Справедливо акцентируется внимание на единичности находок гвоздей в святилище и их разнотипности. Очевидно, что в случае использования гвоздей для скрепления деталей какой-либо конструкции из дерева (которая могла не сохраниться) мы, видимо, имели бы дело с наборами гвоздей одного типа. В этой связи хочется обратить внимание на то, что, например, в 13 могилах основательно изученного некрополя Панское I гвозди найдены по одному, в двух случаях – по два (*Stolba*, *Rogov*, 2012. P. 337.

Примечательно, что и половина наконечников стел «скифского типа» (большинство их найдено в слое IV–III вв. до н. э.: 10 из 16) также была обнаружена в святилище[36].

Подведем кратко итоги. Публикуемые здесь предметы, изготовленные из металла, разнородны по своему характеру и функциональной принадлежности. Их объединяет лишь формальный признак (материал) и то, что все они оказались в святилище Деметры и Коры. Если пренебречь вероятностью того, что какие-то из этих вещей попали сюда «случайно» (т. е. не были элементами преднамеренных культовых действий, предполагавших приношение божествам именно такого рода предметов, а являлись результатом действий, которые сопровождали ритуал в качестве «подручных средств»[37]), допустимо мнение, что репертуар металлических изделий в той или иной степени отражает представления, связанные, хотя бы ассоциативно, с божествами, которым здесь поклонялись, и особенностями их местных культов.

Поскольку в этой работе не затрагиваются иные группы находок и характер культовых объектов, связанных с выполнением ритуальных действий, ограничимся лишь выводами, которые можно сделать на основе рассмотренного материала. По всей видимости, преобладание металлических украшений (браслеты, перстни, бусы, подвески) свидетельствует о превалирующей роли в жизни святилища женщин. И это укрепляет тезис, заявленный ранее при изучении другой

Pl. 76, *K78*, *K80–K85*). Железные гвозди найдены и в могилах Ольвии архаического времени. В. М. Скуднова по этому поводу пишет: «Какое назначение гвоздей в могиле? Д. Робинсон по наличию гвоздей в могилах Олинфа определяет возможность захоронения в саркофаге. Но для Ольвии это не может быть твердым указанием, так как в тех могилах, где по архивным данным есть следы саркофага или гроба, железных гвоздей не было найдено» (*Скуднова*, 1988. С. 27). На магические функции гвоздей в погребениях указывали и другие исследователи (см. *Kurtz*, *Boardman*, 1971. P. 216, 217). Сказанное позволяет задуматься о неутилитарном использовании этих предметов и в нашем святилище.

[36] Исследовательница связывает эти стрелы с культом Аполлона Врача (*Молев*, *Молева*, 2016. С. 98, 99). Однако с учетом характера основного культа в святилище (связанном с женским божеством плодородия, вероятно Деметрой), это заключение представляется недостаточно обоснованным, даже принимая во внимание, что стрелы – это один из атрибутов Аполлона. Вообще же Н. В. Молева, помимо культа Деметры и Коры (с последней трети V в. до н. э.), говорит здесь о культах Кибелы, Афродиты (ее почитание фиксируется с IV в. до н. э.), Диониса со спутниками, Геракла (*Молева*, 2006. С. 89). С почитанием в Китейском святилище Аполлона она связывает, помимо наконечников стрел, редкие в Китее граффити с аббревиациями АПОΛ (2 экз.) и одно граффито AI (?) (*Молева*, 2017. С. 39, 40. Табл. 1, *2–4*).

[37] Например, найденные фрагменты амфор в святилище выполняли, главным образом, роль материала, из которого изготавливали «приспособления», необходимые для ритуальных действий (возможно, своеобразных «воронок», через которые осуществлялось возлияние подземным богиням). Но в редких случаях отдельные части (ножки) этих тарных сосудов, вероятно, выполняли роль вотивных приношений. Относительно находок гвоздей, видимо, допустимо думать, что они могли служить для скрепления неких деревянных конструкций (от которых, правда, не сохранилось следов).

группы находок – бус из стекла, камня и металла. В то же время трудно отрицать и участие в культах мужской части населения (предположительно с ней связаны «остроконечные предметы», такие как нож, наконечники стрел и др.).

Обратим внимание на обстоятельства находки некоторых металлических предметов. Весьма вероятно, что парные находки браслетов, перстней и подвесок в виде миниатюрных сосудиков (см. примеч. 5, 8 и 23) могут быть прямо соотнесены с парой богинь (ΤΩ ΘΕΩ), Матерью и Дочерью. Концентрация находок железных перстней с овальным щитком исключительно в районе ступенчатого алтаря, по всей видимости, позволяет думать об особой их смысловой нагрузке, суть которой остается для нас неизвестной[38].

Впрочем, крайняя ограниченность наших знаний о назначении малых вотивных приношений (в отличие от экстраординарных и богатых) может объясняться именно их распространенностью и ординарностью, что имело следствием невнимание к этой теме античных авторов. Между тем тщательное изучение таких предметов, являющихся прямыми свидетельствами ритуальных действий, может дать нам важную информацию не только о характере культов и особенностях почитания божеств в данном месте, но и об индивидуальных предпочтениях их адептов (*Salapata*, 2011. P. 1).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Сударев Н. И., 2016. Монеты из раскопок античного поселения «Береговой 4» (1987, 1988, 1999–2002 гг.) // ДБ. Т. 20. М.: ИА РАН. С. 9–31.

Гайдукевич В. Ф., 1959. Некрополи боспорских городов (По материалам раскопок 1930-х годов) // Некрополи боспорских городов / Под ред. В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.: АН СССР. С. 154–238. (МИА; № 69.)

Грач Н. Л., 1999. Некрополь Нимфея. СПб.: Наука. 328 с.

Завойкин А. А., 2006. Святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове: природная среда и сакральная топография // ВДИ. № 3. С. 61–76.

Завойкин А. А., 2015. Ανάθημα 18.9 в святилище Деметры и Коры («Береговой 4») // КСИА. Вып. 240. С. 201–214.

Завойкин А. А., 2016. Святилище Двух Богинь на Таманском полуострове («Береговой 4») // Археология сакральных мест России: сб. тез. докл. науч. конф. (Соловки, 7–12 сентября 2016 г.) / Отв. ред.-сост. А. Я. Мартынов. Соловки: Соловецкий гос. историко-архитектурный и природный музей-заповедник; ИА РАН. С. 70–75.

Завойкин А. А., 2017. Ожерелье для Богини // Артефакты и сакральное / Отв. ред. А. В. Махлаюк. Нижний Новгород: Нижегородский ун-т. С. 112–122.

Завойкин А. А., *Сударев Н. И.*, 2009. Поселение и святилище «Береговой 4». Итоги исследований в 1999–2004 гг. // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 174–189.

Коровина А. К., 1962. Некрополь около мыса Панагия // Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь: Крымиздат. С. 301–313.

Коровина А. К., 1987. Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы // СГМИИ. Вып. VIII. М.: Акад. художеств СССР. С. 137–146.

Масленников А. А., 1995. Каменные ящики Восточного Крыма. (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э.). М.: ИА РАН. 124 с. (Боспорский сборник; вып. 8.)

[38] Не думаю, что в нашем случае следует принимать в расчет известный принцип «the more the better» («чем больше, тем лучше»), применение которого в культовой практике было проиллюстрировано Дж. Салапата (*Salapata*, 2011. P. 3, 4).

Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. М.: Наука. 90 с., 23 табл. (САИ; вып. Д1-4.)
Молев Е. А., Молева Н. В., 2016. Боспорский город Китей. Ч. II. Симферополь; Керчь: Крымское отд. Ин-та востоковедения РАН; Деметра. 451 с. (Боспорские исследования; supplementum 5.)
Молева Н. В., 2004. Производственные вотивы в Китейском святилище // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: V Боспорские чтения: сб. науч. мат-лов. Керчь: Деметра. С. 263–268.
Молева Н. В., 2006. Орудия труда как вотивные подношения в Китейском святилище // Боспорские исследования. Вып. XIII. Симферополь; Керчь: Деметра. С. 89–98.
Молева Н. В., 2017. Аполлон в Китейском святилище // Артефакты и сакральное / Отв. ред. А. В. Махлаюк. Нижний Новгород: Нижегородский ун-т. С. 35–40.
Назарчук В. И., 2006. Металлические изделия другого назначения // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь: Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАНУ. С. 210–213. (МАИЭТ; supplementum 2.)
Неверов О. Я., 1976. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа // ВДИ. № 1. С. 106–115.
Неверов О. Я., 1984. Металлические перстни и печати // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред.: Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. М.: Наука. С. 239–240.
Неверов О. Я., 1986. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации) // Античная торевтика / Под ред. Н. Л. Грач. Л.: ГЭ. С. 17–27.
Новичихин А. М., 2010. Погребальный инвентарь некрополя у хутора Рассвет // Население архаической Синдики по материалам некрополя у хутора Рассвет / Под ред. А. А. Малышева. М.: Гриф и К. С. 204–238. (Некрополи Черноморья; т. III.)
Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифии VII–III веков до н. э. М.: Наука. 143 с. (САИ; вып. Д4-5.)
Рогов Е. Я., 2011. Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАНУ. 216 с. (МАИЭТ; supplementum 10.)
Силантьева П. Ф., 1976. Спиралевидные подвески Боспора // Труды ГЭ. Т. XVII. Л.: ГЭ. С. 121–137.
Скржинская М. В., 1986. Греческие серьги и ожерелья архаического периода // Ольвия и ее округа / Отв. ред. А. С. Русяева. Киев: Наукова думка. С. 112–126.
Скуднова В. М., 1988. Архаический некрополь Ольвии. Л.: Искусство. 181 с.
Сорокина Н. П., *Сударев Н. И.*, 2001. Предметы, связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н. э. // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства / Под ред. В. Ю. Зуева. Ч. I. СПб.: ГЭ. С. 133–139.
Трейстер М. Ю., 1982. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. № 3. С. 67–76.
Трейстер М. Ю., 1985. Боспор и Египет в III в. до н. э. // ВДИ. № 1. С. 126–139.
Трейстер М. Ю., 1992. Бронзолитейное ремесло Боспора // СГМИИ. Вып. 10. М. С. 66–110.
Трейстер М. Ю., 2010. Исследование бронзовых украшений из могильника у хутора Рассвет // Население архаической Синдики по материалам некрополя у хутора Рассвет / Под ред. А. А. Малышева. М.: Гриф и К. С. 239–242. (Некрополи Черноморья; т. III.)

Boardman J., 2001. Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. London: Thames & Hudson. 480 p.
Cronkite S.-M., 1997. The Sanctuary of Demeter at Mytilene: Diachronic and Contextual Study: A thesis submitted for degree of Doctorate of Philosophy in the London University. London: Institute of Archaeology. 2 vols.
Gebhard E. R., 1998. Small Dedications in the Archaic Temple of Poseidon at Isthmia // Ancient Greek Cult Practice from Archaeological Evidence / Ed. R. Hägg. Stokholm: Svenska Institutet i Athen. P. 91–115.
Kurtz D. C., Boardman J., 1971. Greek Burial Customs. Ithaca; New York: Cornell University Press. 383 p.

Orlandini P., 1966. Lo scavo del Thesmophorion di Bitalemi e il culto delle divinità ctonie a Gela // Kokalos. Vol. XII. P. 8–35.

Orlandini P., 1967. Gela: Nuove scoperte nel Thesmophorion di Bitalemi // Kokalos. Vol. XIII. P. 177–179.

Orlandini P., 1968–1969. Diffusione del culto di Demetra e Kore in Sicilia // Kokalos. Vol. XIV–XV. P. 334–338.

Rogov E. Ya., 2002. Metal Objects // Panskoye I. Vol. 1: The Monumental Building U6 / Eds: L. Hannerstad, V. F. Stilba, A. N. Ščeglov. Aarhus: University Press. P. 268–267.

Salapata G., 2011. The More the Better? Votive Offerings in Sets [Electronic resource] // Australasian Society for Classical Studies. Vol. 32: Selected Proceedings. P. 1–10. Access mode: http://www.ascs.org.au/news/ascs32/Salapata.pdf. Access date: 08.11.2017.

Sfameni Gasparo G., 2009. Aspects of the Cult of Demeter in Magna Graecia: The «Case» of San Nicola di Albanella // Mystic Cults in Magna Graecia / Eds: G. Casadio, P. A. Jonston. Austin: University of Texas Press. P. 139–160.

Stolba V., Rogov E., 2012. Panskoye I. Vol. 2: The Necropolis. Aarhus: University Press. 413 p., 78 pls.

Сведения об авторе

Завойкин Алексей Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: bospor@inbox.ru

A. A. Zavoykin

METAL JEWELRY AND OTHER METAL ITEMS IN THE SANCTUARY OF DEMETER AND KORE («BEREGOVOY 4»)

Abstract. The paper examines jewelry and other items made of metal (bronze, silver, iron, lead) found in the Demeter and Kore-Persephone Sanctuary (Beregovoy 4, Taman' Peninsula). Jewelry pieces (bracelets, rings, pendants, beads) form a numerically small, although the most representative group of votive offerings predominantly (or exclusively) related with religious activities of the female population which worshiped goddesses of fertility. Iron rings may be an exception. Other metallic items (arrowheads, a knife, and nails) do not have a clear gender attribution, but, most likely, were linked to the so-called society's «stronger sex». We cannot exclude a possibility that not all of these items ended up in the sanctuary as votive gifts. However, since similar finds have been repeatedly documented in graves (as magic objects) and have been frequently discovered in other sanctuaries, the finds from Beregovoy 4 can be discussed mostly as cult objects. The author draws a special attention to paired finds in some assemblages of bracelets, rings and pendants shaped as diminutive vessels as a reflection of the dualistic cult of the goddesses, the Mother and the Daughter.

Keywords: sanctuary, Demeter, Kore, votive offerings, cults, metal, jewelry, bracelets, rings, nails, knife, arrowheads.

REFERENCES

Abramzon M. G., Zavoykin A. A., Sudarev N. I., 2016. Monety iz raskopok antichnogo poseleniya «Beregovoy 4» (1987, 1988, 1999–2002 gg.) [Coins from excavations of Classical settlement «Beregovoy 4» (1987, 1988, 1999–2002)]. *DB*, 20. Moscow: IA RAN, pp. 9–31.

Boardman J., 2001. Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. New expended edition. London: Thames and Hudson. 480 p.

Cronkite S.-M., 1997. The Sanctuary of Demeter at Mytilene: Diachronic and Contextual Study: A thesis submitted for degree of Doctorate of Philosophy in the London University. London: Institute of Archaeology. 2 vols.

Gaydukevich V. F., 1959. Nekropoli bosporskikh gorodov (Po materialam raskopok 1930-kh godov) [Necropoli of Bosporus cities (Based on materials from excavations of 1930-s)]. *Nekropoli bosporskikh gorodov [Necropoli of Bosporus cities]*. V. F. Gaydukevich, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 154–238. (MIA, 69.)

Gebhard E. R., 1998. Small Dedications in the Archaic Temple of Poseidon at Isthmia. *Ancient Greek cult practice from the archaeological evidence*. R. Hägg, ed. Stokholm: Svenska Institutet i Athen, pp. 91–115.

Grach N. L., 1999. Nekropol' Nimfeya [Necropolis of Nimpheion]. St. Petersburg: Nauka. 328 p.

Korovina A. K., 1962. Nekropol' okolo mysa Panagiya [Necropolis near Panaghia Promontory]. *Arkheologiya i istoriya Bospora [Archaeology and history of Bosporus]*, II. Simferopol': Krymizdat, pp. 301–313.

Korovina A. K., 1987. Perstni iz nekropoley Fanagorii i Tiramby [Finger-rings from necropoli of Phanagoria and Tiramba]. *Soobshcheniya Muzeya izobrazitel'nykh iskusstv [Bulletin of Museum of Fine arts]*, VIII. Moscow: Akademiya khudozhestv SSSR, pp. 137–146.

Kurtz D. C., Boardman J., 1971. Greek Burial Customs. London: Thames and Hudson. 383 p.

Maslennikov A. A., 1995. Kamennye yashchiki Vostochnogo Kryma. (K istorii sel'skogo naseleniya Evropeyskogo Bospora v VI–I vv. do n. e.) [Stone cists of Eastern Crimea. (On history of farming population of European Bosporus in VI–I cc. BC)]. Moscow: IA RAN. 124 p. (Bosporskiy sbornik, 8.)

Melyukova A. I., 1964. Vooruzhenie skifov [Scythians' weaponry]. Moscow: Nauka. 90 p., 23 tabl. (SAI, D1-4.)

Molev E. A., Moleva N. V., 2016. Bosporskiy gorod Kitey [Bosporan city Kitheion], II. Simferopol'; Kerch': Krymskoe otdelenie IV RAN: Demetra. 451 p. (Bosporskie issledovaniya, Supplementum 5.)

Moleva N. V., 2004. Proizvodstvennye votivy v Kiteyskom svyatilishche [Production votives in Kitheion sanctuary]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Etnicheskie protsessy: V Bosporskie chteniya: sbornik nauchnykh materialov [Bosporus Cimmerian and barbarian world in period of Classical antiquity and Middle Ages. Ethnic processes: V Bosporus readings: collection of scientific materials]*. Kerch': Demetra, pp. 263–268.

Moleva N. V., 2006. Orudiya truda kak votivnye podnosheniya v Kiteyskom svyatilishche [Tools as votive offerings in Kitheion sanctuary]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporus investigations]*, XIII. Simferopol'; Kerch': Demetra, pp. 89–98.

Moleva N. V., 2017. Apollon v Kiteyskom svyatilishche [Apollo in Kitheion sanctuary]. *Artefakty i sakral'noe [Artefacts and the sacral]*. A. V. Makhlayuk, ed. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy universitet, pp. 35–40.

Nazarchuk V. I., 2006. Metallicheskie izdeliya drugogo naznacheniya [Metal items of different purpose]. *Drevneyshiy temenos Ol'vii Pontiyskoy [Earliest temenos of Olbia Pontica]*. Simferopol': Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya imeni A. E. Krymskogo NANU, pp. 210–213. (*MAIET*; Supplementum 2.)

Neverov O. Ya., 1976. Gruppa ellinisticheskikh bronzovykh perstney v sobranii Ermitazha [Group of Hellenistic bronze finger-rings in Hermitage collection]. *VDI*, 1, pp. 106–115.

Neverov O. Ya., 1984. Metallicheskie perstni i pechati [Metal finger-rings and seals]. *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya [Classical states of North Pontic zone]*. G. A. Koshelenko, I. T. Kruglikova, V. S. Dolgorukov, eds. Moscow: Nauka, pp. 239–240.

Neverov O. Ya., 1986. Metallicheskie perstni epokhi arkhaiki, klassiki i ellinizma iz Severnogo Prichernomor'ya (opyt klassifikatsii) [Metal finger-rings of archaic, Classical and Hellenistic epochs from North Pontic zone (experience of classification)]. *Antichnaya torevtika [Classical toreutics]*. N. L. Grach, ed. Leningrad: GE, pp. 17–27.

Novichikhin A. M., 2010. Pogrebal'nyy inventar' nekropolya u khutora Rassvet [Grave goods from necropolis near Rassvet farmstead]. *Naselenie arkhaicheskoy Sindiki po materialam*

nekropolya u khutora Rassvet [Population of archaic Sindica according to the materials from the necropolis near farmstead Rassvet]. A. A. Malyshev, ed. Moscow: Grif i K, pp. 204–238. (Nekropoli Chernomor'ya, III.)

Orlandini P., 1966. Lo scavo del Thesmophorion di Bitalemi e il culto delle divinita ctonie a Gela. *Kokalos*, XII, pp. 8–35.

Orlandini P., 1967. Gela: Nuove scoperte nel Thesmophorion di Bitalemi. *Kokalos*, XIII, pp. 177–179.

Orlandini P., 1968–1969. Diffusione del culto di Demetra e Kore in Sicilia. *Kokalos*, XIV–XV, pp. 334–338.

Petrenko V. G., 1978. Ukrasheniya Skifii VII–III vekov do n. e. [Ornaments of Scythia of VII–III centuries BC]. Moscow: Nauka. 143 p. (SAI, D 4–5.)

Rogov E. Ya., 2002. Metal Objects. *Panskoye I, vol. 1. The Monumental Building U6*. L. Hannerstad, V. F. Stilba, A. N. Šceglov, eds. Aarhus: University Press, pp. 268–267.

Rogov E. Ya., 2011. Nekropol' Panskoe 1 v Severo-Zapadnom Krymu [Necropolis Panskoe 1 in North-Western Crimea]. Simferopol': Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya imeni A. E. Krymskogo NANU. 216 p. (*MAIET*, Supplementum 10.)

Salapata G., 2011. The More the Better? Votive Offerings in Sets (Electronic resource). *Australasian Society for Classical Studies, 32. Selected Proceedings*, pp. 1–10. URL: http://www.ascs.org.au/news/ascs32/Salapata.pdf

Sfameni Gasparo G., 2009. Aspects of the Cult of Demeter in Magna Graecia: The «Case» of San Nicola di Albanella. *Mystic Cults in Magna Graecia*. G. Casadio, P. A. Jonston, eds. Austin: University of Texas Press, pp. 139–160.

Silant'eva P. F., 1976. Spiralevidnye podveski Bospora [Spiral-shaped pendants of Bosporus]. *Trudy GE*, XVII. Leningrad: GE, pp. 121–137.

Skrzhinskaya M. V., 1986. Grecheskie ser'gi i ozherel'ya arkhaicheskogo perioda [Greek earrings and necklaces of archaic period]. *Ol'viya i ee okruga [Olbia and its vicinity]*. A. S. Rusyaeva, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 112–126.

Skudnova V. M., 1988. Arkhaicheskiy nekropol' Ol'vii [Archaic necropolis of Olbia]. Leningrad: Iskusstvo. 181 p.

Sorokina N. P. Sudarev N. I., 2001. Predmety, svyazannye s kul'tami i magiey iz pogrebeniy kepskogo nekropolya VI–II vv. do n. e. [Objects related with cults and magic from burials of Kepe necropolis of VI–II cc. BC]. *Bosporskiy fenomen: Kolonizatsiya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva [Bosporus phenomenon: Colonization of the region, formation of polises, formation of state]*, I. V. Yu. Zuev, ed. St. Petersburg: GE, pp. 133–139.

Stolba V., Rogov E., 2012. *Panskoye I, vol. 2. The Necropolis*. Aarhus: University Press. 413 p., 78 pls.

Treyster M. Yu., 1982. Bronzovye perstni s izobrazheniyami na shchitkakh iz Gorgippii i okrestnostey [Bronze finger-rings with images on bezel from Gorgippia and vicinities]. *VDI*, 3, pp. 67–76.

Treyster M. Yu., 1985. Bospor i Egipet v III v. do n. e. [Bosporus and Egypt in III c. BC]. *VDI*, 1, pp. 126–139.

Treyster M. Yu., 1992. Bronzoliteynoe remeslo Bospora [Bronze-casting production of Bosporus]. *Soobshcheniya Muzeya izobrazitel'nykh iskusstv [Bulletin of Museum of Fine arts]*, 10. Moscow, pp. 66–110.

Treyster M. Yu., 2010. Issledovanie bronzovykh ukrasheniy iz mogil'nika u khutora Rassvet [Investigation of bronze ornaments from cemetery near farmstead Rassvet]. *Naselenie arkhaicheskoy Sindiki po materialam nekropolya u khutora Rassvet [Population of archaic Sindica according to the materials from the necropolis near farmstead Rassvet]*. A. A. Malyshev, ed. Moscow: Grif i K, pp. 239–242. (Nekropoli Chernomor'ya, III.)

Zavoykin A. A., 2006. Svyatilishche Demetry i Kory na Fontalovskom poluostrove: prirodnaya sreda i sakral'naya topografiya [Sanctuary of Demeter and Kore on Fontalovskiy Peninsula: natural environment and sacral topography]. *VDI*, 3, pp. 61–76.

Zavoykin A. A., 2015. Ανάθημα 18.9 v svyatilishche Demetry i Kory («Beregovoy 4») [Ανάθημα 18.9 at the sanctuary of Demeter and Kore (Beregovoy 4)]. *KSIA*, 240, pp. 201–214.

Zavoykin A. A., 2016. Svyatilishche Dvukh Bogin' na Tamanskom poluostrove («Beregovoy 4») [Sanctuary of Two goddesses in Taman' Peninsula («Beregovoy 4»)]. *Arkheologiya sakral'nykh mest Rossii: sbornik tezisov dokladov nauchnoy konferentsii [Archaeology of sacral places of Russia: collection of abstracts of scientific conference]*. A. Ya. Martynov, ed., comp. Solovki:

Solovetskiy gosudarstvennyy istoriko-arkhitekturnyy i prirodnyy muzey-zapovednik: IA RAN, pp. 70–75.

Zavoykin A. A., 2017. Ozherel'e dlya Bogini [Necklace for the Goddess]. *Artefakty i sakral'noe [Artefacts and the sacral]*. A. V. Makhlayuk, ed. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy universitet, pp. 112–122.

Zavoykin A. A., Sudarev N. I., 2009. Poselenie i svyatilishche «Beregovoy 4». Itogi issledovaniy v 1999–2004 g. [«Beregovoy 4». Resulta of investigations in 1999–2004]. *AO 1991–2004 gg. Evropeyskaya Rossiya [AO 1991–2004. European Russia]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 174–189.

About the author

Zavoykin Aleksey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: bospor@inbox.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.250-263

С. Ю. Внуков, Н. В. Ефремов

НОВЫЕ И СТАРЫЕ ИМЕНА В КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМАХ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО И СИНОПЫ

Резюме. В статье публикуется подборка амфорных клейм, обнаруженных при раскопках античного городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму. Они содержат имена двух неизвестных ранее херсонесских астиномов и ряд синопских фабрикантских клейм с новыми для керамической эпиграфики этого центра именами. Дается чтение клейм, их реконструкция, интерпретация, датировка.

Ключевые слова: керамическая эпиграфика, амфорные клейма, хронологическая группа, Кара-Тобе, Херсонес, Синопа, астином, фабрикант, личное имя.

При археологических раскопках античного городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму было обнаружено более 280 керамических клейм разных производственных центров[1]. Полный их свод подготовлен к печати авторами этой статьи. Данная публикация представляет собой выборку с новыми именами астиномов и фабрикантов Херсонеса и Синопы.

В. И. Кац отмечал: «…конечно, нельзя исключить появление новых имён астиномов, но вероятность того, что их число будет значительным, невелика» (*Кац*, 2007. С. 279). Действительно, за время, прошедшее с момента появления трудов Б. Н. Гракова, И. И. Махова, Р. Б. Ахмерова, В. В. Борисовой (*Махов*, 1912; *Граков*, 1928; *Ахмеров*, 1949; *Борисова*, 1974) по керамической эпиграфике, общее число магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе и Херсонесе, возросло незначительно (*Кац*, 1979; 1994. С. 24–28; 2007. С. 295, 296, 442, 443. Прил. X; *Федосеев*, 1993). Тем большее значение приобретает каждая новая находка, позволяющая уточнить и расширить известные списки имен.

Херсонес Таврический

Херсонес являлся единственным производственным центром Северного Причерноморья, в котором в эллинистический период массово производили

[1] О работах на Кара-Тобе см.: (*Внуков*, 1999; 2007; 2010; 2015; 2016).

керамическую тару, а также регулярно клеймили амфоры и черепицу[2]. Причиной этого, видимо, был экономический подъем Херсонесского государства во втор. пол. IV в. до н. э., после превращения его в государство территориальное, с обширными владениями в Северо-Западном Крыму. Освоение этого региона позволило Херсонесу увеличить площади виноградников на Гераклейском полуострове и выйти со своей продукцией на черноморский рынок вина. В свою очередь, это потребовало организации в Херсонесе производства амфор – специализированной тары для морской перевозки жидких продуктов, а также вызвало появление чиновников, регулировавших это производство.

Πρύτανις τοῦ Νικασιτίμου.
1. КТ 1993/1655 (рис. 1, *1*)

ἀστυνομοῦ[ν]-
[τος] Πρυτάνιος
[τοῦ] Νικασιτίμου

Найдено в надматериковом слое зольника самого раннего строительного горизонта 1а (последняя четв. II в. до н. э.). При преобладании находок II в. до н. э. в комплексе встречался и материал конца IV – III в. до н. э.

Штамп 1. Тип III, 3б (2б), по классификации В. И. Каца (*Кац*, 1985. С. 95. Рис. 3; 1994. С. 22. Рис. 3).

В сводке херсонесских клейм этот астином не значится (*Кац*, 1994; 2007. С. 442. Прил. X), но оба личных имени встречаются в керамической эпиграфике этого центра. Это астиномы Πρύτανις Ἀρίστωνος и Πρύτανις Θεοδώρου в хронологических подгруппах IIA и B (*Кац*, 1994. С. 109, 110, № 99, 100. Табл. XCI; 2007. С. 442. Прил. X, *12, 35*), Θεόδωρος Πρυτανίου (очевидно, сын астинома Πρύτανις Θεοδώρου)[3] – в хронологической группе IIIA (*Кац*, 1994. С. 99. Табл. XXVII, XXVIII; 2007. С. 442. Прил. X, *5*) и, наконец, астином Νικασίτιμος Πυθο[...], отнесенный В. И. Кацем к хронологической группе III B (200–185 гг.) (*Кац*, 1994. С. 69, 105, 106, № 84. Табл. XXXVI; 2007. С. 443. Прил. X, *32*).

Основное имя или отчество с корнем Πυθ- зафиксировано у херсонесских астиномов Διοσκουρίδας Πυθοδ[…], Πυθόδοτος Δαμοκλέος, Φορμίων Πυθίωνος (*Кац*, 1994. С. 93, 94, 110, 115. № 43, 101, 124. Табл. XVI, XCI, XCVIII; 2007. С. 442, 443. Прил. X, *5*, *19, 26, 36*). Все эти магистраты относятся к хронологическим подгруппам III Б–В. На наш взгляд, есть все основания восстановить в неполном патронимике Διοσκουρίδας Πυθο[…] имя Πυθοδότου (*Кац*, 1994. С. 68. № 4) и считать этого магистрата братом астинома Νικασίτιμος Πυθο[δότου] (*Кац*, 1994. С. 69)[4].

[2] О херсонесских амфорах см.: (*Монахов*, 1989).

[3] Вероятно, младшим братом Πρύτανις Θεοδώρου был Διοδκουρίδας Θεοδώρου (*Кац*, 2007. С. 309).

[4] В другом месте той же работы отчество этого астинома восстанавливается автором как Πυθοδ[ώρου] (*Кац*, 1994. С. 93, 94. № 43). Так же оно приведено и в: (*Кац*, 2007. С. 443. Прил. X, *19*).

Рис. 1. Городище Кара-Тобе. Амфорные клейма

1–4 – Херсонес (*1* – КТ 1993/1655; *2* – КТ 1993/1088; *3* – КТ 2013/36; *4* – КТ 2010/555); *5–9* – Синопа (*5* – КТ 2006/752; *6* – КТ 1994/12; *7* – КТ 2012/349; *8* – КТ 2005/793; *9* – 2016/39)

По внешним признакам клейма Πρυτάνιος τοῦ Νικασιτίμου можно отнести к позднему этапу магистратского клеймения в Херсонесе (хронологическая группа III). Разумеется, ее временные рамки довольно широки. Но есть иные данные, которые позволяют несколько сузить их. Личное имя Νικασίτιμος не является новым для Херсонеса. Кроме упомянутого выше астинома в Херсонесе известны также Νικασίτιμος Νικασιτίμου и Πίτθιος Νικασιτίμου (IOSPE I^2 № 403, A 14–16. P. 360–364; *Соломоник, Николаенко*, 1990. С. 21–22, 94, 95. № 20, 23; *Zgusta*, 1955. S. 402. § 1104). Среди прочих имен в той же надписи упомянут Ὕμνος Σκύθα. Опубликовавший эту надпись В. В. Латышев датировал ее концом III – первым десятилетием II в. до н. э. Основанием для такой датировки послужил тот факт, что Ὕμνος Σκύθα Χερσονασίτας известен в качестве проксена в Дельфах в 195 г. (*Dittenberger*, 1917. P. 90–101. № 585, стк. 20*; Граков*, 1939. С. 249 сл. № 14; *Соломоник, Николаенко*, 1990. С. 89, 91, 94. № 12; *Cojocaru*, 2004. P. 379. № 183; *Avram*, 2010. P. 56, 57). Кроме того, он засвидетельствован в качестве астинома хронологической группы IIIA (227–210 гг.), где относится к числу позднейших (215 г. до н. э.) (*Михлин*, 1979. С. 146; *Кац*, 1994. С. 76 сл., 114. № 119. Табл. XCVII; 2007. С. 324, 443. Прил. X. № 13), и монетного магистрата около 230–220 гг. до н. э. (правда, без патронимика) (*Анохин*, 1977. С. 142. № 123. Табл. II, *31*). Большинство исследователей считают, что это одно и то же лицо (*Михлин*, 1979. С. 146; *Кац*, 1994. С. 76 сл., 114. № 119. Табл. XCVII; 2007. С. 324, 443. Прил. X. № 13; *Avram*, 2010. P. 57, 58; *Stolba*, 2005. P. 171. Tab. 2). Против идентичности Ὕμνος Σκύθα кадастровой надписи с одноименным дельфийским проксеном и астиномом выступили Э. И. Соломоник и Г. М. Николаенко. Новые эпиграфические находки в Херсонесе, а также стыковка одного фрагмента из Одесского музея с мраморной плитой, изданной В. В. Латышевым, позволили им заново интерпретировать и датировать этот документ и отнести его к перв. пол. III в. до н. э. В упомянутом в ней Ὕμνος Σκύθα они видят деда дельфийского проксена (*Соломоник, Николаенко*, 1990. С. 91). Их точку зрения разделил и А. Аврам (*Avram*, 2010. P. 57, 58).

Иначе к этому вопросу подошел Е. Я. Туровский. На основании археологических и общеисторических данных он приходит к выводу, что херсонесскую надпись следует датировать 30-ми гг. III в. до н. э. Это позволяет отождествить упомянутого там Ὕμνος Σκύθα с дельфийским проксеном Ὕμνος Σκύθα Χερσονασίτας (*Туровский*, 1993. С. 42).

Таким образом, можно предполагать, что Νικασίτιμος Νικασιτίμου и Πίτθιος Νικασιτίμου были братьями, а Πρύτανις Νικασιτίμου был, вероятно, сыном, а если принять датировку кадастровой надписи 270–250 гг. до н. э., то внуком Νικασίτιμος Νικασιτίμου. Разница в возрасте между отцом и сыном обычно определяется в 25–30 лет[5] (*Михлин*, 1979. С. 140; *Кац*, 2007. С. 300). Если наше предположение о родстве верно, то Πρύτανις Νικασιτίμου мог быть астиномом примерно в 215 г. до н. э., т. е. помещен в хронологическую подгруппу IIIA (230–215 гг. до н. э.) или в начало подгруппы III Б (215–200 гг. до н. э.) (*Кац*, 1994. С. 77).

[5] Агонистический каталог из Горгиппии дает разницу от 17 до 30 лет (в среднем 26 лет) (*Берзин*, 1961. С. 115).

Клейма с Кара-Тобе сделаны двумя или даже тремя различными штемпелями Νικασίτιμος Νικασιτίμου (см. ниже). Это противоречит предположению о затухании практики клеймения при астиномах хронологических подгрупп II В и III Б-В и что клейма этих магистратов оттискивались часто лишь одним-двумя штемпелями (*Кац*, 1994. С. 77; 2007. С. 307). Кажущееся противоречие может быть объяснено тем, что в период деятельности астинома Πρυτάνιος τοῦ Νικασιτίμου могла быть выпущена особо крупная партия тары.

2. КТ 1993/1088 (рис. 1, *2*)

[ἀστυν]ομοῦντος
[Πρυτάνιο]ς
[τοῦ Νικασιτί]μου

На ручке кувшина. Найдено в нижней части надматерикового зольника строительного горизонта 1а (последняя четв. II в. до н. э.).

Штамп 2. Тип III, 2б (1б), по В. И. Кацу (*Кац*, 1985. С. 95. Рис. 3; 1994. С. 22. Рис. 3).

3. КТ 2013/36 (рис. 1, *3*)

ἀστ[υνομοῦντος]
Πρυ[τάνιος]
τοῦ Νικ[ασιτίμου]

Происходит из верхней части надматерикового зольника, соответствующего строительному горизонту 1в (втор. четв. I в. до н. э.).

Штамп 3 (?). Тип III, 2б (1б), по В. И. Кацу (*Кац*, 1985. С. 95. Рис. 3; 1994. С. 22. Рис. 3).

Πυθόδοτος τοῦ Διοσκουρίδα.

4. КТ 2010/555 (рис. 1, *4*)

ἀστυνομοῦν-
τος Πυθόδο-
του τοῦ Δι-
οσκουρίδα

Найдено в яме 9/10, выкопанной в нижней части надматерикового зольника. Основной материал из ямы датируется серединой II – началом I в. до н. э. (строительный период I), но присутствуют и фрагменты IV–III вв. до н. э.

Тип III, 4в, по В. И. Кацу (*Кац*, 1985. С. 95. Рис. 3; 1994. С. 22. Рис. 3). Новый херсонесский астином. По мнению В. И. Каца (устная консультация), его следует относить к подгруппе IIIВ.

В Корпусе херсонесских клейм приведена одна неполная прорисовка клейма Διοσκουρίδας Πυθοδ[ώρου], причем окончание отчества дополнено (*Кац*, 1994. С. 93, 94. № 43. Табл. XVI, *1–43, 1*). Думается, что его патронимик можно

восстанавливать как Πυθοδότου[6]. В этом случае он мог быть отцом астинома Πυθοδότος τοῦ Διοσκουρίδα. Существование целых династий астиномов в Херсонесе является фактом (*Соломоник, Николаенко*, 1990. С. 91; *Кац*, 1985. С. 99, 106. Рис. 5; 1994. С. 66, 67, 69; 2007. С. 300, 306, 308 сл., 324; *Stolba*, 2005. P. 166; *Avram*, 2010. P. 57, 58). По манере исполнения данное клеймо аналогично оттискам Πυθόδοτος Δαμοκλέος (штамп 1) (*Кац*, 1985. С. 107, 110. Рис. 7. Табл. XCI. № 101), который относится к концу астиномного клеймения в Херсонесе. Поэтому наиболее вероятная дата публикуемого астинома 200–185 гг. до н. э.

Следует отметить, что оба новых астинома Πρύτανις τοῦ Νικασιτίμου и Πυθόδοτος τοῦ Διοσκουρίδα могли быть родственниками. Возможно, что их родоначальником был астином хронологической группы IГ Διοσκουρίδας.

Синопа

Синопа – один из главных поставщиков продуктов в амфорной таре в Причерноморье. Это было не только вино, но и оливковое масло (*Внуков*, 2006. С. 232–235). До римского времени в Синопе одновременно производился только один тип амфор, которые использовались в качестве тары для обоих экспортных товаров. Клеймение амфор в Синопе началось раньше, чем в Херсонесе (около середины IV в. до н. э.), и, видимо, оказало влияние на организацию клеймения в этом центре.

Ἀθανόδωρος
5. КТ 2006/752 (рис. 1, *5*)

Ἀθανο-
δώρου

Найдена в слое надматерикового зольника (строительный период I) в стенке ямы 17/06.

Имя в синопской керамической эпиграфике новое (см. *Fedoseev*, 1999. P. 35–40). Подобные фабрикантские клейма относятся к самому концу синопского клеймения во II в. до н. э., к *поздней фабрикантской группе* (ПФГ) (*Кац*, 2007. С. 272, 273. Рис. 63). Это личное имя известно в Эолии (LGPN, 2010. P. 8). Характерно, что среди опубликованных В. И. Кацем клейм подгрупп В–С ПФГ отсутствуют характерные для Синопы личные имена (*Кац*, 2007. С. 273. Рис. 63). Не исключено, что это связано с притоком нового населения в полис.

Θῦς
6. КТ 1994/12 (рис. 1, *6*)

Θυός

[6] См. сноску 4.

В рамке. Клеймо происходит из слоя, подстилающего помещение 22, относимое к строительному горизонту 2а (ок. третьей четв. I в. до н. э.). Наслоения под ним относятся к горизонту 1в (ок. втор. четв. – середины I в. до н. э.).

Клеймо, видимо, относится к самому концу синопского клеймения, к ПФГ. Имя пафлагонское (*Zgusta*, 1955. S. 326. § 746). В. В. Латышев обратил внимание на то, что так звали пафлагонского царя (IOSPE II. P. 99; *Граков*, 1928. С. 27, 28, 52. № 9 сл.). Это имя встречается в Пафлагонии и Фригии (*Zgusta*, 1955. S. 326. § 746; 1964. S. 188. § 444), известно в Амисе и в керамических клеймах Гераклеи Понтийской и Синопы[7].

Это же имя присутствует на рельефном клейме из Тиры Λάς/Θυός, которое издательница толкует как гераклейское (*Штаерман*, 1951. С. 36, 37. Рис. 4, *60*)[8]. Имя Θυός дано здесь в генитиве, в то время как имя Λάς стоит в номинативе, что может свидетельствовать об эпонимности Θύς. Однако это предположение вроде бы опровергается другими клеймами из коллекции Тиры, где оба имени стоят в одном падеже: Λάτος/Θυός, Θύς/Δάτος, Θυός/Μνο(…), Λάς/Ἀδράστ(της), Λά(τ)ος Μ/ήτριος (Там же. Рис. 4, *57–59, 61, 62*). В любом случае, наличие двух имен в легенде клейм позволяет задаться вопросом: не получило ли магистратское или псевдомагистратское клеймение продолжение в Синопе на какое-то время?

Θέον

7. КТ 2012/349 (рис. 1, *7*)

Θέον

Найдено в самом верхнем дерново-гумусном слое, куда явно попало из одного из современных котлованов.

Точных аналогий этому клейму найти не удалось. Вероятно, это фабрикантское клеймо с именем Θέων. Это имя известно в Синопе, в том числе в керамических клеймах (*Garlan*, 2004. P. 233. № 538; LGPN, 2010. P. 219). На Южном побережье Понта известны имена, которые могут быть связаны с основой Θέον: Θέων, Θεωνᾶξ, Θεωνίδης, в Синопе зафиксировано имя Θεόνικος (LGPN, 2010. P. 219, 215).

Подобные редкие клейма появляются после прекращения синопского магистратского клеймения. В. И. Кац отнес их к ПФГ, подгруппе С (после середины II в. до н. э.) (*Кац*, 2007. С. 273, 436. Прил. VII, *9*).

Λασ(...)

8. КТ 2005/793 (рис. 1, *8*)

Λᾶς (?) ретрогр.

Найдено в яме 19/05 вместе с книдским клеймом хронологической группы 5 и херсонесской монетой 330–310 гг. до н. э. Наиболее поздний материал в яме

[7] Также в форме Τῦς (Gen.: Τυός) (*Garlan*, 2004. P. 152, 160, 163. № 192, 225, 239; *Zgusta*, 1955. S. 326. § 746; LGPN, 2010. P. 221).

[8] Имя Λάς также присутствует в нашей выборке (см. ниже № 8).

(фрагменты амфор С I и С II (*Внуков*, 2003)) датируется временем не ранее середины I в. до н. э.

Крупные буквы. А – с ломаной гастой. Σ – слабо выраженная, лунарная. Это сокращенное имя гончара, и подобные клейма относятся к концу синопского клеймения. Схожее клеймо из Пантикапея Λά[ος] / Θῦος опубликовано Д. Б. Шеловым (1957. С. 210, 212. Табл. III, *4*), еще одно (Λᾶς / Ἀδράστ(της)) находится в коллекции Эрмитажа (*Придик*, 1917. С. 113. № 270, 271). Аналогичную легенду, но с обычной, а не лунарной сигмой, имеет клеймо неизвестного центра из окрестностей Феодосии (*Гаврилов*, 2011. С. 332. № 13).

Личные имена с корнем Λᾶς немногочисленны. В корпусе имен из региона зафиксировано 4 варианта с этим корнем: Λασθένης (Мирлея–Апамея в Вифинии, Пергам); Λάσιος (Пруса в Вифинии); Λασκῖουα (Смирна); Λᾶσος (Магнезия на Меандре) (LGPN, 2010. P. 256). В нашем случае имя очевидно греческое и может быть связано с Λάσιος (λαῖνα) – «лохматый», «косматый», «волосатый» (ср. лат.: *laneus*), а в переносном смысле «мужественный», либо производное от глагола λάσκω – «звучать», «возвещать», «кричать», «порицать» (*Дворецкий*, 1958. С. 1013; *Prellwitz*, 1905. S. 261; *Pape*, 1954. S. 17; *Frisk*, 1960. S. 88, 89).

Τίβειος

9. КТ 2016/39 (рис. 1, *9*)

Τιβε[ίου] или Τίβε[ιος]

Происходит из верхней части надматерикового зольника, относимой к строительному горизонту Iв (втор. четв. – середина I в. до н. э.).

По всей видимости, это имя Τίβειος. По информации Н. Ф. Федосеева, пять неопубликованных синопских клейм с этим именем хранятся в Керченском музее (*Федосеев*, 1997. С. 380. Прим. 5). Имя для Синопы новое. Оно часто встречается в Афинах в качестве рабского (*Vlassopoulos*, 2010. P. 117, 123, 128, 142. Tab. 2; 20; LGPN, 1994. P. 427, IV). По сообщению Страбона, там «называли рабов лишь по именам самих стран, откуда их привозили (например, “Лидиец” или “Сириец”), или же употребительными в тех странах именами, как “Манес” или “Мидас” – фригийца, или “Тибий” – пафлагонца» (Strabo, VII. 3, 12). Это личное имя известно также в Иасосе в Карии в III в. до н. э. (LGPN, 2010. P. 407; 2014), на Эвбее, Мелосе (LGPN, 1987. P. 435), в Вифинии (*Zgusta*, 1964. S. 513. § 1556-2), в Деметриаде в Фессалии (LGPN, 2000. P. 404). Форма имени в генитиве Τιβείου зафиксирована в круглом клейме коринфской амфоры (*Adamsheck*, 1979. P. 36. Gr. 96. Pl. 10). Кроме того, оно известно в понтийской Тие (LGPN, 2010. P. 429). Таким образом, носители данного имени представлены как в континентальной Греции, так и в Малой Азии. При этом его родиной являлась Пафлагония.

В керамической эпиграфике Синопы также известно имя Τέβης (*Garlan*, 2004. P. 185, 186. № 334, 335; LGPN, 2010. P. 436). Контракция ι в ε известна, например, в фессалийском и беотийском диалектах, но перед гласными (*Buck*, 1910. P. 19–21, 23, 137, 140. № 18. § 9, 11, 211, 221). Гласная η остается неизменной практически во всех диалектах. В аттическом и ионийском диалектах η = α, хотя в фессалийском и беотийском вариантах есть случаи η = ει, αι (*Thumb*, 1909.

S. 350; *Buck*, 1910. P. 23, 28, 140. § 14, 16, 26, 221)[9]. Обычно же контракция ε + α в аттическом и ионийском диалектах дает η либо η является продуктом долгой α после ε, ι, ρ (*Buck*, 1910. P. 36, 130. § 42, 182; *Kühner*, 1890. S. 206, 207, 215)[10].

Имя Τέβεω упомянуто Н. Ф. Федосеевым и В. И. Кацем. Они датируют его II–I вв. до н. э. (90-е гг. до н. э., по В. И. Кацу) (*Fedoseev*, 1999. P. 39. № 233; *Кац*, 2007. С. 236. Прил. VII). Не исключено, что это неверно прочитанное имя Τίβειος.

Кроме того, у Н. Ф. Федосеева приведено имя синопского фабриканта Τιβήριος (*Fedoseev*, 1999. P. 39. № 235; LGPN, 2010. P. 429). Уже Б. Н. Граков отмечал тот факт, что в синопских клеймах твердо соблюдается η вместо долгого α в корнях и падежных суффиксах (*Граков*, 1928. С. 61). В нашем клейме после «β» отчётливо видны остатки «ε» (рис. 1, *9*), что позволяет восстановить личное имя Τίβειος либо Τίβειον. Кроме того, римское имя Τιβέριος появляется в Малой Азии лишь в I–II вв. н. э. (LGPN, 2010. P. 429). Все это свидетельствует против восстановления имени на публикуемом клейме как Τιβήριος.

Таким образом, материалы раскопок городища Кара-Тобе позволяют несколько уточнить и дополнить наши знания о керамической эпиграфике античных Херсонеса и Синопы и о хронологии амфорного клеймения в этих центрах.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В. А., 1977. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев: Наукова думка. 176 с., XXXII табл.

Ахмеров Р. Б., 1949. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса // ВДИ. № 4. С. 99–123.

Берзин Э. О., 1961. Горгиппийский агонистический каталог // СА. № 1. С. 111–127.

Борисова В. В., 1974. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор // НЭ. Т. XI. М.: АН СССР. С. 99–125.

Внуков С. Ю., 1999. Раскопки городища и некрополя Кара-Тобе у г. Саки в 1998 г. // ПИФК. Вып. VIII. С. 207–211.

Внуков С. Ю., 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). М.: ИА РАН. 234 с.

Внуков С. Ю., 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. II: Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетейя. 318 с.

Внуков С. Ю., 2007. Центральный строительный комплекс городища Кара-Тобе (конец II – 1 половина I в. до н. э.) // Древняя Таврика / Ред.: Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 67–80.

Внуков С. Ю., 2010. Новые исследования и находки на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / Ред. А. А. Масленников. М.: ИА РАН. С. 45–50.

Внуков С. Ю., 2015. Раскопки на городище Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) в 2014 г. // КСИА. Вып. 237. С. 167–177.

Внуков С. Ю., 2016. Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму // ДБ. Вып. 20. М.: ИА РАН. С. 90–121.

Гаврилов А. В., 2011. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) // Археологический альманах. № 24. Донецк: Донбасс. 347 с.

Граков Б. Н., 1928. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М.: РАНИОН. 223 с., 19 табл.

[9] Ср. аналогичное явление в клеймах Синопы: (*Граков*, 1928. С. 52).

[10] Например, написание магистратуры в форме ἠστυνόμει (*Граков*, 1928. С. 51).

Граков Б. Н., 1939. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. // ВДИ. № 3. С. 231–315.

Дворецкий И. Х., 1958. Древнегреческо-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и нац. словарей. 1044 с.

Кац В. И., 1979. Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Херсонесе Таврическом // ВДИ. № 3. С. 127–146.

Кац В. И., 1985. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. № 1. С. 87–113.

Кац В. И., 1994. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов: Саратовский ун-т. 170 с., 110 табл.

Кац В. И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь: Деметра. 478 с.

Махов И. И., 1912. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов // ИТУАК. Т. 48. Симферополь: Тип. Таврического губ. земства. С. 150–183.

Михлин Б. Ю., 1979. К изучению херсонесских керамических клейм // ВДИ. № 2. С. 139–159.

Монахов С. Ю., 1989. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Опыт системного анализа. Саратов: Саратовский ун-т. 158 с.

Придик Е. М., 1917. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Петроград: Тип. Рос. Акад. Наук. 191 с., XVI табл.

Соломоник Э. И., Николаенко Г. М., 1990. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. (к IOSPE. 12. 403) // ВДИ. № 2. С. 79–99.

Туровский Е. Я., 1993. К вопросу о датировке IOSPE, I2, № 403 // Античная цивилизация и варварский мир: материалы III археологического семинара / Ред. Б. А. Раев. Ч. II. Новочеркасск: Музей истории донского казачества. С. 37–43.

Федосеев Н. Ф., 1993. Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ. № 2. С. 85–104.

Федосеев Н. Ф., 1997. Синопское клеймо Афестия // Бахчисарайский историко-археологический сборник. № 1. Симферополь: Таврия. С. 379–381.

Шелов Д. Б., 1957. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945–1949 гг. // Пантикапей. М.: АН СССР. С. 202–227. (МИА; № 56.)

Штаерман Е. М., 1951. Керамические клейма из Тиры // КСИИМК. Вып. XXXVI. С. 31–49.

Adamsheck B., 1979. Stamped Amphora Handles // Kenchreai. Eastern Port of Corinth. Vol. IV: The Pottery. Leiden: Brill Publishing. P. 25–44.

Avram A., 2010. Timbres amphoriques et épigraphie lapidaire: astynomes et proxènes. // Tracii şi vecinii lor în antichitate = The Thracians and Their Neighbours in Antiquity: Studia in honorem Valerii Sorbu / Ed. I. Cândea. Brăila: Editura Istros. P. 53–61.

Buck C. D., 1910. Introduction to the study of the Greek Dialects. Grammar, Selected Inscriptions, Glossary. Boston; New York; Chicago; London: Ginn and Company. 320 p.

Cojocaru V., 2004. Populaţia zonei nordice şi nord-vestice a Pontului Euxin în secolele VI–I a. Chr. pe baza izvoarelor epigrafice. Iaşi: Universităţea "Alexandru Ioan Cuza". 500 p., 16 pl.

Dittenberger W., 1917. Sylloge inscriptionum graecarum. Vol. 2. 3rd. ed. Leipzig: S. Hirzelium. 627 p.

Fedoseev N. F., 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire: Colloque international organiseé à Istanbul, 25–28 mai 1994 / Ed. Y. Garlan. Aix-en-Provence: Université de Provence. P. 27–43.

Frisk H., 1960. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg: K. Winter. 938 S.

Garlan Y., 2004. Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope: présentation et catalogue. Paris: De Boccard. 300 p., LXXII pl. (Corpus international des timbres amphoriques; 10.) (Varia anatolica; XVI.)

IOSPE, 1916. I, II.

Kühner R., 1890. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Teil 1: Elementar und Formenlehre. 3. Auflage. Hannover: Hahnsche Buchhandlung. 646 S.

LGPN. Vol. I: The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica / Ed. P. M. Fraser. Oxford: Clarendon Press, 1987. 489 p.

LGPN. Vol. II: Attica / Eds: M. Osborne, P. M. Fraser. Oxford: Clarendon Press, 1994. 510 p.

LGPN. Vol. IIIB: Central Greece from the Megarid to Thessaly / Ed. P. M. Fraser. Oxford: Clarendon Press, 2000. 478 p.
LGPN. Vol. VA: Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia / Ed. T. Corsten. Oxford: Clarendon Press, 2010. 496 p.
LGPN. Vol. VB: Coastal Asia Minor: Caria to Cilicia / Eds: Th. Corsten, J.-S. Balzat, R. W. V. Catling. Oxford: Oxford University Press, 2014. 520 p.
Pape W., 1954. Griechisch-Deutsches Handwörterbuch. Bd. 2. 3 Auflage. Graz: Akademische Druck – und Verlagsanstalt. 1424 S.
Prellwitz W., 1905. Etymologisches Wörterbuch der Griechischen Sprache. Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht. 524 S.
Stolba V. F., 2005. Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology // Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC / Eds: V. Stolba, L. Hannestad. Aarhus: University Press. P. 153–177. (Black Sea Studies; 3.)
Thumb A., 1909. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg: C. Winter. 409 S. (Indogermanische Bibliothek; Reihe I: Grammatiken. Bd. 8.)
Vlassopoulos K., 2010. Athenian Slave Names and Athenian Social History // ZPE. Bd. 175. P. 113–144.
Zgusta L., 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste: Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung. Praha: Verlag der tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften. 467 S.
Zgusta L., 1964. Kleinasiatische Personennamen. Prag: Verlag der tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften. 701 S.

Сведения об авторах

Внуков Сергей Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: vnukovs@mail.ru;

Ефремов Николай Васильевич, Институт истории Грайфсвальского университета, Домштрассе, 1, Грайфсвальд, 17489, Германия; e-mail: Nikolai.Jefremow@gmx.de

S. Yu. Vnukov, N. V. Jefremov

NEW AND OLD NAMES ON CERAMIC STAMPS OF TAURIC CHERSONESES AND SINOPE

Abstract. The paper publishes a selection of amphora stamps discovered during excavations at Kara-Tobe, which is a settlement of the Classical period in the Northwest Crimea. The stamps carry names of two previously unknown Chersoneses astynomoi; the selection has a number of Sinope amphora producers stamps with the names identified in this center of ceramic epigraphy for the first time. The reading of the stamps, their reconstruction, interpretation and dating are provided.

Keywords: ceramic epigraphy, amphora stamps, chronological group, Kara-Tobe, Chersoneses, Sinope, astynomos, amphora producers, forename.

REFERENCES

Adamsheck B., 1979. Stamped Amphora Handles. *Kenchreai. Eastern Port of Corinth*, IV. The Pottery. Leiden: Brill Publishing, pp. 25–44.
Akhmerov R. B., 1949. Ob astinomnykh kleymakh ellinisticheskogo Khersonesa [On astynomes stamps of Hellenistic Chersoneses]. *VDI*, 4, pp. 99–123.

Anokhin V. A., 1977. Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n. e. – XII v. n. e.) [The Coinage of Chersonesus (IV c. BC – XII c. AD)]. Kiev: Naukova dumka. 176 p., XXXII tabl.

Avram A., 2010. Timbres amphoriques et épigraphie lapidaire: astynomes et proxènes. Tracii şi vecinii lor în antichitate = The Thracians and Their Neighbours in Antiquity: Studia in honorem Valerii Sorbu. I. Cândea, ed. Brăila: Editura Istros, pp. 53 – 61.

Berzin E. O., 1961. Gorgippiyskiy agonisticheskiy katalog [An agonistic catalogue from Gorgippeia]. *SA*, 1, pp. 111–127.

Borisova V. V., 1974. Keramicheskie kleyma Khersonesa i klassifikatsiya khersonesskikh amfor [Ceramic stamps of Chersoneses and classification of Chersoneses amphoras]. *Numizmatika i epigrafika [Numaismatics and epigraphics]*, XI. Moscow: AN SSSR, pp. 99–125.

Buck C. D., 1910. Introduction to the study of the Greek Dialects. Grammar, Selected Inscriptions, Glossary. Boston; New York; Chicago; London: Ginn and Company. 320 p.

Cojocaru V., 2004. Populaţia zonei nordice şi nord-vestice a pontului euxin on secolele VI-I a.Chr. pe baza izvoarelor epigrafice. Iaşi: Universităţea «Alexandru Ioan Cuza». 500 p., 16 pl.

Dittenberger W., 1917. Sylloge inscriptionum graecarum, II. 3rd ed. Leipzig: S. Hirzelium. 627 p.

Dvoretskiy I. Kh., 1958. Drevnegrechesko-russkiy slovar' [Old Greek – Russian dictionary]. Moscow: Gos. izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. 1044 p.

Fedoseev N. F., 1993. Utochnennyy spisok magistratov, kontrolirovavshikh keramicheskoe proizvodstvo v Sinope [Improved list of magistrates in charge of ceramic production in Sinope]. *VDI*, 2, pp. 85–104.

Fedoseev N. F., 1997. Sinopskoe kleymo Afestiya [Sinope stamp of Aphestion]. *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik [Bakhchisaray historical-archaeological publications]*, 1. Simferopol': Tavriya, pp. 379–381.

Fedoseev N. F., 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire: Colloque international organiseé à Istanbul, 25–28 mai 1994*. Y. Garlan, ed. Aix-en-Provence: Université de Provence, pp. 27–43.

Frisk H., 1960. Griechisches etymologisches Wörterbuch, I. Heidelberg: K. Winter. 938 S.

Garlan Y., 2004. Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope: présentation et catalogue. Paris: De Boccard. 300 p., LXXII pl. (Corpus international des timbres amphoriques, 10). (Varia anatolica, XVI.)

Gavrilov A. V., 2011. Amfornye kleyma okrugi antichnoy Feodosii (materialy k khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov) [Amphora stamps of Classical Theodosia neigbourhood (materials for chronology of archaeological sites)]. *Arkheologicheskiy al'manakh [Archaeological miscellany]*, 24. Donetsk: Donbass. 347 p.

Grakov B. N., 1928. Drevnegrecheskie keramicheskie kleyma s imenami astinomov [Ancient Greek stamps with the names of astynomoi]. Moscow: Rossiyskaya assotsiatsiya nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk. 223 p., 19 tabl.

Grakov B. N., 1939. Materialy po istorii Skifii v grecheskikh nadpisyakh Balkanskogo poluostrova i Maloy Azii [Materials for history of Scythia in Greek inscriptions from Balkan Peninsula and Asia Minor]. *VDI*, 3, pp. 231–315.

IOSPE, 1916. I, II.

Katz V. I., 1979. Utochnennyy spisok magistratov, kontrolirovavshikh keramicheskoe proizvodstvo v Khersonese Tavricheskom [Improved list of magistrates in charge of ceramic production in Taurian Chersoneses]. *VDI*, 3, pp. 127–146.

Katz V. I., 1985. Tipologiya i khronologicheskaya klassifikatsiya khersonesskikh magistratskikh kleym [Typology and chronological classification of Chersoneses magistrates' stamps]. *VDI*, 1, pp. 87–113.

Katz V. I., 1994. Keramicheskie kleyma Khersonesa Tavricheskogo: katalog-opredelitel' [Ceramic stamps of Taurian Chersoneses: catalogue-determinant]. Saratov: Saratovskiy universitet. 170 p., 110 tabl.

Katz V. I., 2007. Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya) [Greek ceramic stamps of Classical and Hellenistic epochs (experience of complex study)]. *Bosporskie issledovaniya [Bosporus studies]*, XVIII. Simferopol'; Kerch': Demetra. 478 p.

Kühner R., 1890. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache, Teil 1. Elementar und Formenlehre. 3rd Edition. Hannover: Hahnsche Buchhandlung. 646 p.

LGPN, I. The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica. P. M. Fraser, ed. Oxford: Clarendon Press, 1987. 489 p.
LGPN, II. Attica. M. Osborne, P. M. Fraser, eds. Oxford: Clarendon Press, 1994. 510 p.
LGPN, IIIB. Central Greece from the Megarid to Thessaly. P. M. Fraser, ed. Oxford: Clarendon Press, 2000. 478 p.
LGPN, VA. Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia. T. Corsten, ed. Oxford: Clarendon Press, 2010. 496 p.
LGPN, VB. Coastal Asia Minor: Caria to Cilicia. Th. Corsten, J.-S. Balzat, R. W. V. Catling, eds. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. 520 p.
Makhov I. I., 1912. Amfornye ruchki Khersonesa Tavricheskogo s imenami astinomov [Amphoras handles of Taurian Chersoneses with the names of astynomoi]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii [Bulletin of Taurian scientific archive commission]*, 48. Simferopol': Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo zemstva, pp. 150–183.
Mikhlin B. Yu., 1979. K izucheniyu khersonesskikh keramicheskikh kleym [On research of Chersonese ceramic stamps]. *VDI*, 2, pp. 139–159.
Monakhov S. Yu., 1989. Amfory Khersonesa Tavricheskogo IV–II vv. do n. e. Opyt sistemnogo analiza [Amphoras of Tauric Chersoneses, IV–II cc. BC. Experience of system analysis]. Saratov: Saratovskiy universitet. 158 p.
Pape W., 1954. Griechisch-Deutsches Handwörterbuch, 2. 3 Auflage. Graz: Akademische Druck – und Verlagsanstalt. 1424 S.
Prellwitz W., 1905. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen: Vandenhoek & Ruprecht. 524 S.
Pridik E. M., 1917. Inventarnyy katalog kleym na amfornykh ruchkakh i gorlyshkakh i na cherepitsakh Ermitazhnogo sobraniya [Inventory catalogue of stamps on amphora handles and necks and on roof tiles from Hermitage collection]. Petrograd: Tipografiya Rossiyskoy Akademii Nauk. 191 p., XVI tabl.
Shelov D. B., 1957. Kleyma na amforakh i cherepitsakh, naydennykh pri raskopkakh Pantikapeya v 1945–1949 gg. [Stamps on amphoras and roof tiles found during excavating of Panticapaeum in 1945–1949]. *Pantikapey [Panticapaeum]*. Moscow: AN SSSR, pp. 202–227. (MIA, 56.)
Shtaerman E. M., 1951. Keramicheskie kleyma iz Tiry [Ceramic stamps from Tyras]. *KSIIMK*, XXXVI, pp. 31–49.
Solomonik E. I., Nikolaenko G. M., 1990. O zemel'nykh uchastkakh Khersonesa v nachale III v. do n. e. (k IOSPE. I². 403) [On Chersoneses land plots in early III c. BC (k IOSPE. I². 403)]. *VDI*, 2, pp. 79–99.
Stolba V. F., 2005. Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology. *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC*. V. Stolba, L. Hannestad, eds. Aarhus: University Press, pp. 153–177. (Black Sea Studies, 3.)
Thumb A., 1909. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg: C. Winter. 409 p. (Indogermanische Bibliothek, Reihe 1. Grammatiken, Bd. 8.)
Turovskiy E. Ya., 1993. K voprosu o datirovke IOSPE, I², № 403 [On problem of dating IOSPE, I², № 403]. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir: materialy III arkheologicheskogo seminara [Classical civilization and barbarian world: transactions of III archaeological seminar]*, II. Raev B. A, ed. Novocherkassk: Muzey istorii donskogo kazachestva, pp. 37–43.
Vlassopoulos K., 2010. Athenian Slave Names and Athenian Social History. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 175, pp. 113–144.
Vnukov S. Yu., 1999. Raskopki gorodishcha i nekropolya Kara-Tobe u g. Saki v 1998 g. [Excavations of fortified settlement and necropolis Kara-Tobe near Saki town in 1998]. *PIFK*, VIII, pp. 207–211.
Vnukov S. Yu., 2003. Prichernomorskie amfory I v. do n. e. – II v. n. e. (morfologiya) [North Pontic amphoras of I c. BC – II c. AD (morphology)]. Moscow: IA RAN. 234 p.
Vnukov S. Yu., 2006. Prichernomorskie amfory I v. do n. e. – II v. n. e. [North Pontic amphoras of I c. BC – II c. AD], 2. *Petrografiya, khronologiya, problemy torgovli [Petrography, chronology, trade issues]*. St. Petersburg: Aleteyya. 318 p.
Vnukov S. Yu., 2007. Tsentral'nyy stroitel'nyy kompleks gorodishcha Kara-Tobe (konets II – 1 polovina I v. do n. e.) [Central construction ensemble of Kara-Tobe hillfort (end of II – 1st half of I c. BC)]. *Drevnyaya Tavrika [Ancient Taurica]*. Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva, eds. Simferopol': Universum, pp. 67–80.

Vnukov S. Yu., 2010. Novye issledovaniya i nakhodki na gorodishche Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu [New investigations and finds at Kara-Tobe hillfort in North-Western Crimea]. *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya [ΣΥΜΒΟΛΑ. Classical world of North Pontic zone. Newest finds and discoveries]*. A. A. Maslennikov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 45–50.

Vnukov S. Yu., 2015. Raskopki na gorodishche Kara-Tobe (Severo-Zapadnyy Krym) v 2014 g. [Excavations at the fortified settlement Kara-Tobe (North-Western Crimea), 2014]. *KSIA*, 237, pp. 167–177.

Vnukov S. Yu., 2016. Pozdneellinisticheskie amfory gorodishcha Kara-Tobe v Krymu [Late Hellenistic amphoras of Kara-Tobe hillfort in Crimea]. *DB*, 20. Moscow: IA RAN, pp. 90–121.

Zgusta L., 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste: Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung. Praha: Verlag der tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften. 467 S.

Zgusta L., 1964. Kleinasiatische Personennamen. Prag: Verlag der tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften. 701 S.

About the authors

Vnukov Sergey Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail;

Efremow Nikolai V., Institute of History University of Greifswald, Domstraße 1, 17489, Greifswald, Germany; e-mail: Nikolai.Jefremow@gmx.de

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.264-274

Н. В. Завойкина

КОММЕРЧЕСКИЕ МАРКИРОВКИ НА АМФОРАХ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ VI – IV в. до н. э. ИЗ ФАНАГОРИИ

Резюме. В статье публикуются шесть граффити на амфорах третьей четв. VI – IV в. до н. э. из раскопок Фанагории. Граффити № 1 и 2 представляют особый интерес, поскольку вырезаны на сравнительно редком для Северного Причерноморья типе амфор «à la brosse» из Аттики. Граффито AIT (№ 1) предположительно является сокращением имени владельца сосуда. Граффито IΣ (№ 2) встречается четыре раза в позднеархаическое время в Фанагории. Оно интерпретируется как маркировка имени владельца сосудов или хозяина посудной лавки. Имя владельца сосуда Павсаний процарапано на части тулова протофасосской амфоры (№ 4). Граффити XI, X, A на фрагментах хиосских амфор рассматриваются как торговые маркировки места производства вина (№ 4, 5) и, возможно, его сорта (№ 3).

Ключевые слова: Древняя Греция, Северное Причерноморье, Боспор Киммерийский, Фанагория, Верхний город, амфоры, граффити.

Граффити на амфорах третьей четв. VI – IV в. до н. э. являются простыми торговыми метками, в которых сообщались кратко, обычно в форме 2–4-буквенных сокращений, основные сведения о продукте, содержащемся в тарном сосуде, имя владельца, место производство, цена, количество и качество товара (*Lang*, 1956. P. 1–24; *Lang*, 1976. P. 23, 55; *Jonston*, 1979. P. 32–42, 48–52; *Koehler*, 1978. P. 51–69; *Bertucchi*, 1992. P. 153–184; *Lawall*, 1995. P. 29–33). Предполагается также, что отдельные буквы или буквенные сокращения могли обозначать название или качество товара в амфоре (*Соломоник*, 1984. С. 18; *Сапрыкин, Масленников*, 2007. С. 231; *Емец*, 2012. С. 70–74). Такого рода коммерческие маркировки были необходимы как торговцу, так и покупателю товара для идентификации его главных характеристик. Граффити на амфорах процарапывались на доступных для обозрения частях – горле, плечах, реже встречаются надписи на тулове и ручках (*Jonston*, 2004. P. 736). Сложность в интерпретации граффити позднеархаической и раннеклассической эпох на амфорах заключается в том, что в этот период не существовало единых торговых стандартов и общей системы расположения коммерческих маркировок (*Lawall*, 1995. P. 32, 33).

Из раскопок Верхнего города (далее ВГ) Фанагории происходит группа граффити на амфорах третьей четв. VI – IV в. до н. э., которые дополняют наши представления о торговле в городе в ранний период его существования[1]. Статья открывает их публикацию. В ней представлены одни из ранних граффити на амфорах, найденных в ходе археологических исследований последних лет.

1. Фрагмент тулова амфоры с ручкой, Аттика, тип «à la brosse», последняя треть VI в. до н. э. (*Sparkes et al.*, 1970a. P. 192; 1970b. Fig. 1501–1503; *Rizzo*, 1990. P. 18, 73; *Bîrzescu*, 2012. S. 180–186). Не исключена более широкая датировка фрагмента вплоть до первой четверти V в. до н. э. Этот вывод основан на том факте, что амфоры «à la brosse» тип Agora 1502 выпускались вплоть до второй четверти V в. до н. э. (*Lawall* 1995. P. 36, 37; *Bîrzescu*, 2012. S. 182, 183). Найдена при раскопках Верхнего города в 2005 г. Высота фрагмента – 10,5 см, ширина – 32 см. С правой стороны от ручки на плече амфоры процарапано граффито: AIT (рис. 1, *1*)[2]. Высота букв – 3,2 см. *Tay* процарапана с короткой верхней перекладиной, правая часть которой уничтожена сколом.

Расположение букв на плече транспортной амфоры около верхней части ручки наводит на предположение, что граффито является торговой маркировкой. В частности, подобные маркировки, содержащие полные имена владельцев сосудов или их аббревиации, наносились на плечо или тулово амфор – см., например, опубликованные М. Ланг: F 7 (конец VII в. до н. э.), F 16 (конец VI в. до н. э.), F 19 (VI в. до н. э.), F 29 (начало V в. до н. э.), F. 52 (начало V в. до н. э.), F 60 (втор. четв. V в. до н. э.) (*Lang*, 1976. P. 30–33); а также № 3 настоящей публикации. Граффити на амфорах «à la brosse» встречаются нечасто. Перечислим те буквенные граффити, которые сохранились лучшим образом. Известно два граффити на амфорах «à la brosse» из Центральной Италии (регион древней Этрурии): имя Σοκεδος и сокращение Ρετ, которое предположительно рассматривается также как начало личного имени (*Rizzo*, 1990. P. 71, 72. Fig. 367). Из раскопок колодца позднеархаического времени на агоре Афин происходит аналогичная амфора с граффито ΣΥΜ[-?-], интерпретируемым как начало имени владельца (*Roberts, Glock*, 1986. P. 67. № 418). При исследованиях раннего Коринфа обнаружены два граффити на амфорах «à la brosse»: APXI, IN (*Campbell*, 1938. № 208, 209). Первое понимается как часть имени владельца, а второе остается неясным. Из раскопок Истрии происходит граффито ΕΓΕ на ручке амфоры «à la brosse», которое, возможно, является началом имени владельца (*Bîrzescu*, 2012. S. 185)[3]. Опубликованных граффити на амфорах «à la brosse» из раскопок городов Боспора мне обнаружить не удалось.

Приведенные примеры граффити на амфорах позднеархаического времени из Средиземноморского региона склоняют к мнению, что граффито AIT

[1] Выражаю благодарность В. Д. Кузнецову за предоставленную возможность исследовать и опубликовать столь интересный материал.

[2] Рисунки приведены без масштаба, поскольку точные размеры остраконов и букв указаны в соответствующих разделах статьи.

[3] Аналогичное граффито обнаружено на аттической амфоре из некрополя Камарины (*Bîrzescu*, 2012. S. 185. Note 1478).

Рис. 1. Фанагория. Граффити на амфорах третьей четв. VI – IV в. до н. э.

1 – граффито AIT на плече амфоры «à la brosse»; *2–5* – граффито IΣ (*2* – на стенке амфоры «à la brosse»; *3* – на килике из Северной Ионии; *4* – на поддоне сероглиняной ойнохои; *5* – на горле тонкостенного кувшина); *6* – граффито A на горле хиосской амфоры; *7* – владельческое граффито на стенке протофасосской амфоры; *8* – граффито X на ручке хиосской амфоры; *9* – граффито XI на горле хиосской амфоры

на плече амфоры из Фанагории, вероятно, является сокращением личного имени владельца. Имен на Αιτ- известно достаточно, но в регионе Боспора Киммерийского они пока не встречены. В городах Средиземноморья отмечены следующие имена: Αἰτάχιννος, Αἰτησίας, Αἰτίας, Αἰτωλίδης, Αἴτυρος, Αἰτύρως (LGPN, 1987; 1994), Αἰτωλίων (LGPN, 1997; 2000), Αἰτωλός (LGPN, 1997; 2000; 2010), Αἴτωρ (LGPN, 2010).

Отсутствие единых стандартов в коммерческих маркировках транспортных амфор в позднеархаическое время не позволяет настаивать на предложенной интерпретации. Вообще говоря, буква А, наряду с аббревиацией AI, часто встречается на фрагментах амфор. Дипинто AI известно на фасосской амфоре втор. пол. V – перв. пол. IV в. до н. э. из раскопок Мирмекия (*Емец*, 2012. С. 139, 140. № 321). Эта аббревиация известна на амфорах IV–II вв. до н. э. из раскопок Феодосии, Никония, Херсонеса Таврического (Там же. С. 70). Сокращение AI

встречается неоднократно на поселениях хоры Боспора (*Сапрыкин*, *Масленников*, 2007. № 1, 84, 385, 388, 466, 700, 913).

Единого мнения в трактовке сокращения AI на амфорах среди исследователей нет. Одни понимают *альфу* как сокращение от слова ἀ(μφορεύς), т. е. амфора объемом, равным 1 метрету (39,9 л), или как указание на то, что в амфоре находился винопродукт – ἀ(μπέλινος) (Там же. С. 231). *Йот* понимается в первом случае как объем в одну котилу, а во втором – как цифра «один». Другие исследователи приводят весомые аргументы против такой обобщенной трактовки. Они полагают, что граффито AI может обозначать объем амфоры в 11 хоев, т. е. 36,102 л (*Намойлик*, 2010. С. 412. № 12), или название какого-то продукта, например сорта оливкового масла (*Емец*, 2012. С. 29). *Тау* может обозначать вес в 1 талант, что по аттическо-эвбейской системе равняется 26,2 кг (*Tod*, 1911/1912. P. 113).

Считается, что амфоры «à la brosse» служили тарой для доставки оливкового масла из Аттики и ее объем был меньше одного метрета (*Sparkes et al.*, 1970a. P. 192, 193; 1970b. Fig. 12, *№ 1501*; Pl. 64, *№ 1501–1503*; *Bîrzescu*, 2012. S. 180). Следовательно, интерпретации AIT как объема амфор (неважно, в метретах или хусах) и ее веса вместе с содержимым принять затруднительно. Впрочем, вызывает трудности и интерпретация этого сокращения как начала названия винопродукта или какого-то аттического сорта оливкового масла.

2. Стенка плечевой части амфоры типа «à la brosse», Аттика, последняя треть VI в. до н. э. (см. № 1). Найдена при исследовании Верхнего города в 2014 г. На внешней стороне стенки процарапано граффито: IΣ (рис. 1, *2*). Высота букв – ок. 1,5 см. Первая буква – *йот*, ее верхний и нижний края уничтожены сколами. Вторая буква – это трехчастная *сигма*. Такая форма буквы употреблялась наряду с четырехчастной *сигмой* в разных эпихорических алфавитах (*Jeffery*, 1990. Table of letters). Использование трехчастной *сигмы* в Ионии не выходит за пределы VI в. до н. э. (Ibid. P. 323. σ2; Pl. 66, *56, 58*). В боспорском регионе она пока не отмечена в граффити. Палеография *сигмы* дала основание не расширять датировку амфорного остракона до перв. четв. V в. до н. э.

Граффито IΣ еще трижды встречается на различных типах посуды, найденной в Фанагории. Оно вырезано в центре дна килика – Северная Иония, третья четверть VI в. до н. э. (*Буйских*, 2011. С. 107, 108, 114, 343. Рис. 8.81, 8.84, 8.85) (рис. 1, *3*). Найдено в ходе исследований Верхнего города в 2013 г. Высота букв – 1,4–1,6 см. Также граффито IΣ вырезано на внешней стороне поддона восточногреческой сероглиняной ойнохои конца VI – перв. четв. V в. до н. э. (*Завойкина*, 2015. С. 68, 69. Прим. 7; *Krapivina*, *Lejpunskaja*, 2009) (рис. 1, *4*). Найден при раскопках Верхнего города в 2015 г. Высота букв – 1,7 см. «Узкая», вытянутая по вертикали форма четырехчастной *сигмы* имеет «авторскую» деталь в виде плавно изогнутой в сторону нижней линии. В четвертый раз граффито IΣ процарапано на фрагменте горла тонкостенного кувшина около верхнего корня ручки (рис. 1, *5*). Оно было найдено в ходе исследований Верхнего города в 2014 г. Высота букв – 2, 2 см. Здесь также обращает внимание «узкая», вытянутая по вертикали четырехчастная *сигма*, аналогичную мы видим на поддонах североионийского килика и сероглиняной ойнохои. Форма *сигмы* позволяет сузить датировку кувшина — не позднее перв. четв. V в. до н. э. (ср. *сигму* в надписях

последней четв. VI – перв. четв. V в. до н. э. из городов Ионии (*Jeffery*, 1990. Pl. 63, *2, 5*; 64, *27, 29, 34, 39*).

Обращает на себя внимание схожесть букв, что особенно заметно в плавном изгибе *ипсилон* и изогнутой форме *сигмы* в трех последних граффити. Это позволяет предположить (конечно, очень осторожно), что они были вырезаны одним человеком. Такая повторяемость однотипного граффити в пределах сравнительно небольшой исследованной территории Верхнего города дает возможность думать, что сокращение ΙΣ является началом личного имени владельца (владелицы) нескольких сосудов. Предполагать, что ΙΣ – начало имени богини Исиды (Ἴσις, Ἶσ(ιδος)), нет оснований, поскольку в ранней Фанагории культ этой богини не известен. Отличие формы *сигмы* на стенке аттической амфоры «à la brosse» можно объяснить тем, что владельческую маркировку ΙΣ вырезал другой человек. В этом случае можно думать, что граффито ΙΣ на амфоре является маркировкой торговца, отметившего имя фанагорийца, которому он должен был доставить амфору с товаром. Случай повторяемости одной и той же маркировки на различных типах сосудов находит аналогию в материалах афинской агоры. М. Лэнг опубликовала группу сосудов из колодца конца VI – начала V в. до н. э. с граффити Θρα, Θρ, Θ (*Lang*, 1976. P. 3. F 32–40). Исследовательница полагала, что эти владельческие метки поставил домовладелец или хозяин магазина.

В регионе Боспора Киммерийского известно несколько имен на Ισ-, имевших хождение в V–IV вв. до н. э.: Ἰσόδημος, Ἰσοκράτης, Ἰστιαῖος (LGPN, 2005). Среди них имя Ἰστιαῖος пользовалось набольшей популярностью, оно встречено в ранней антропонимии Пантикапея и Гермонассы. Не исключено, что это же имя мог носить и хозяин сосудов из Фанагории.

3. Фрагмент горла амфоры, Хиос, тип с воронкообразным горлом, третья четверть VI в. до н. э. (*Монахов*, 2003. С. 15, 184, 233; *Bîrzescu*, 2012. S. 65–69. Chios II. Typus II.1). Найден в ходе раскопок Верхнего города в 2014 г. Высота горла – 12,5 см. Это относительно поздний вариант данного «типа»[4]. На внешней стороне горла под венцом процарапано граффито: А (рис. 1, *б*). Высота буквы – 7,1 см. «Остроугольная» *альфа* характерна для надписей второй половины VI в. до н. э.

Хиосские амфоры служили тарой для импорта вина с острова в разные уголки античного мира (главным образом – в Восточное Средиземноморье и Причерноморье), особенно в период с последней трети VI до начала III в. до н. э. Афиней относит хиосское вино к числу качественных и достаточно дорогих вин (Ath. I, 32b). Он сообщает также о высоких вкусовых свойствах этого напитка (Ath. I, 59e). Плиний пишет, что хиосское вино, наряду с лесбосским и фасосским, относилось к числу наиболее популярных (Plin. *HN*. XIV, 9).

Существует несколько интерпретаций *альфы* в граффити на амфорах (см. № 1): 1) как сокращение от слова ἀ(μφορεύς), что соответствует объему амфоры в 39,9 л; 2) как обозначение ἀ(μπέλινος), виноградное вино. Прилагатель-

[4] С некоторой долей условности такой вариант хиосских амфор может датироваться 30-ми гг. – концом третьей четв. VI в. до н. э. (благодарю за консультацию А. А. Завойкина).

ное ἀμπέλινος, виноградный, употреблялось по отношению к виноградному вину в противоположность, например, κρίθινος οἶνος, ячменному вину, пиву (*Соломоник*, 1984. С. 18; *Намойлик*, 2010. С. 415. № 17). Оно могло выступать кратким эквивалентом фразы ἀμπέλινος οἶνος, виноградное вино; 3) обозначение качества вина (*Емец*, 2012. С. 40–42, 74). Интерпретация *альфы* на горле хиосской амфоры из Фанагории как сокращение слова ἀ(μφορεύς) исключается, поскольку объем хиосских амфор с воронкообразным горлом не соответствовал одному амфорею (39,9 л) и не превышал 30, 5 л (*Монахов*, 1999. С. 595. III тип). Вариант ἀ(μπέλινος), виноградное вино, также вызывает сомнения, поскольку с Хиоса поставлялось в амфорах вино и они маркировались, как правило, буквой *хи* или сокращением XI, Χ(ῖος οἶνος) и Χῖ(ος οἶνος) (см. № 5, 6). Не исключено, учитывая свидетельства античных писателей, что *альфа* на горле хиосской амфоры из Фанагории обозначает качество или сорт виноградного вина, например ἄ(ριστος οἶνος), превосходное вино.

4. Фрагмент верхней части тулова амфоры, тип протофасосские[5], втор. пол. VI – перв. пол. V в. до н. э. (рис. 1, *7*). Ширина – 11,8 см, высота макс. – 9,2 см. Найден в ходе исследования Верхнего города в 2005 г. Предполагается, что протофасосские амфоры производились в одном из центров Ионии (*Bîrzescu*, 2012. S. 113–125)[6]. Сохранилась часть граффито из шести букв, их высота 1,5–2 см. Формы буквы характерны для конца VI – перв. пол. V в. до н. э. (*Jeffery*, 1990. P. 323–345): *сигма* вырезана крупнее, чем остальные буквы, с вытянутыми по горизонтали верхней и нижней гастами, *альфа* – с горизонтальной перекладиной в центре; *ню* процарапана с наклоном вправо, неровно. Перед *сигмой* видна нижняя часть *ипсилон*, процарапанного в форме латинской буквы «V». Такая форма *ипсилон* вышла из употребления примерно в третьей четв. V в. до н. э.[7]

Надпись: [Πα]υσανίᾱ, – для Павсания.

На основании сохранившихся букв восстанавливаем ЛИ Παυσανίας в gen. masc. sg. Окончание имен существительных с основой на -ο в gen. masc. sg. на -ας /-ος до конца IV в. до н. э. могло передаваться в боспорских надписях через -ο, а не -ου, например: Ἀργαίᾱ (КБН, 1965. № 916, втор. пол. V – перв. пол. IV в. до н. э.), Ἑκατωνύμᾱ (Там же. № 993, первая половина V в. до н. э.), Ἰκεσίᾱ (Там же. № 1102, V в. до н. э.), Λεωδίκᾱ (Там же. № 152, конец V в. до н. э.). Это явление связано с распространением ионийского диалекта древнегреческого языка в боспорском регионе (*Тохтасьев*, 2011. С. 675). Имя Павсаний не было прежде отмечено в антропонимии Фанагории (*Завойкина*, 2013. С. 246–289). Надпись «(для) Павсания» на тулове амфоры носит владельческий характер. Амфора с ее содержимым предназначалась фанагорийцу Павсанию.

[5] В пользу такой интерпретации свидетельствуют плотный состав глины с большим присутствием слюды, темно-оранжевый цвет черепка и высокое качество обжига.

[6] Ю. Бирзеску предлагает именовать этот тип амфор «Ионийскими» (*Bîrzescu*, 2012. S. 113, 114).

[7] Ср. письмо Кледика из Гермонассы втор. пол. V в. до н. э. (*Павличенко, Кашаев*, 2012. С. 289); письмо Писта из района Патрея последней четв. V в. до н. э. (*Завойкина, Павличенко*, 2016. С. 231, 232).

5. Ручка хиосской амфоры, тип «прямогорлые», последняя треть V в. до н. э. (рис. 1, *8*). Найдена в ходе раскопок Верхнего города в 2014 г. На ручке процарапано граффито в форме креста, которое интерпретируем как букву *хи*. Эта буква неоднократно встречается на хиосских амфорах последней трети VI – V в. до н. э., найденных в Пантикапее, Кепах, Феодосии, поселениях Нижнего Побужья, скифских курганах (*Зеест*, 1960. С. 139. Табл. III. 11б; *Емец*, 2012. С. 73, 74). Граффито *хи* встречено на стенке хиосской амфоры IV в. до н. э. из поселения Приазовское I (*Сапрыкин, Масленников*, 2007. С. 219. № 1239). Авторы публикации расшифровывают его как Х(ῖος), хиосская (амфора) или хиосское (вино), или Х(ῖος οἶνος), хиосское вино. Учитывая сказанное (см. № 3), можно думать, что буква *хи* на ручке амфоры из Фанагории была меткой торговца и обозначала место производства амфоры с вином Х(ίος), Хиос, или название продукта – Х(ῖος οἶνος), хиосское вино.

6. Фрагмент горла хиосской амфоры, тип «прямогорлые», IV – начало III в. до н. э. (рис. 1, *9*). Найден в ходе исследований Верхнего города в 2011 г. Высота – 6,4 см, ширина – 5,3 см. Под венчиком процарапано граффито: XI. Высота букв – 2,5 см, они крупные, одинаковые по высоте. *Хи* в форме «прямого» креста. Правая часть горизонтальной черты *хи* длиннее левой.

Аббревиация XI может расшифровываться (учитывая центр производства амфоры, на которой процарапано граффито) как Χῖ(ος οἶνος), хиосское вино (см. № 5). Прямая аналогия этому фанагорийскому граффито встречается среди надписей на посуде с поселения Приазовское I (*Сапрыкин, Масленников*. 2007. С. 219. № 1240). Авторы публикации полагают, что сокращение XI обозначает Χῖ(ος), хиосская (амфора) или хиосское (вино). Например, указание на центр производства вина предлагается в двух граффити из Нимфея: сокращение РО интерпретируется как Ῥό(διος οἶνος), родосское вино (*Намойлик*, 2010. С. 419–420. № 28, 29).

Суммируя сказанное, можно отметить, что граффити на импортных амфорах из ранней Фанагории (Аттика, Хиос, Иония) содержат три типа коммерческих маркировок: 1) владельческие метки; 2) указания на место производства товара; 3) сведения о качестве товара или его сорт.

ЛИТЕРАТУРА

Буйских А. В., 2011. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев: Стародавній світ. 456 с.

Емец И. А., 2012. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М.: Спутник. 477 с.

Завойкина Н. В., 2013. Фанагорийское общество (по материалам эпиграфики) // МАИФ / Отв. ред. В. Д. Кузнецов. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 240–313. (Фанагория. Результаты археологических исследований; т. 1.)

Завойкина Н. В., 2015. Два новых граффити из Пантикапея (из архива В. Д. и Т. В. Блаватских) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова / Отв. ред. Д. В. Журавлев. М.: Университет Дмитрия Пожарского. С. 68–72.

Завойкина Н. В. Павличенко Н. А., 2016. Письмо на свинцовой пластине из Патрея // МАИФ / Отв. ред. А. А. Завойкин. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 230–249. (Фанагория. Результаты археологических исследований; т. 4.)

Зеест И. Б., 1960. Керамическая тара Боспора. М.: АН СССР. 178 с. (МИА; № 83.)

КБН, 1965. Корпус боспорских надписей / Отв. ред. В. В. Струве. М.; Л.: Наука. 952 с.
Монахов С. Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов: Саратовский ун-т. 679 с.
Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: Киммерида. 351 с.
Намойлик А. С., 2010. Граффити на амфорах из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // ДБ. Т. 14. М.: ИА РАН. С. 397–450.
Павличенко Н. А., Кашаев С. В., 2012. Новая эпиграфическая находка из Гермонассы // ДБ. Т. 16. М.: ИА РАН. С. 288–297.
Сапрыкин С. Ю., *Масленников А. А.*, 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь; Керчь: Адеф-Украина. 319 с. (Боспорские исследования; supplementum 1.)
Соломоник Э. И., 1984. Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка. 144 с.
Тохтасьев С. Р., 2011. Греческий язык на Боспоре: общее и особенное // Боспорский Феномен. Население, языки, контакты: мат-лы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.) / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История. С. 673–682.

Bertucchi G., 1992. Les amphores et le vin de Marseille, VIe s. avant J.-C.– IIe après J.-C. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique. 291 p. (Revue archéologique de Narbonnaise; supplementum 25.)
Bîrzescu I., 2012. Dei archaischen und frühklassischen Transportamphoren. Bucureşti. 356 S., 120 Taf. (Histria; XV.)
Campbell M. Th., 1938. A Well of the black-figured period at Corinth // Hesperia. Vol. 7. Iss. 7. P. 557–611.
Jeffery L. H., 1990. The local scripts of Archaic Greece. Oxford: Calderon Press. 423 p.
Johnston A. W., 1979. Trademarks on Greek Vases. Warminster: Aris & Phillip Ltd., Teddington House. 270 p., 14 figs. 8 pls.
Jonston A. W., 2004. Amphorae and Text // Mélanges de l'éfrançaise de Rome. Antiquité. Vol. 116. Fasc. 2. P. 734–739.
Koehler C., 1978. Corinthian A and B transport amphoras: Ph. D. diss. Princeton: Princeton University. 406 p.
Krapivina V., Lejpunskaja N., 2009. Grey Table Ware from Late Archaic – Early Classical Complexes of the Central Quarter of Olbia Pontica // Pontic Grey Ware: International Conference, Buchares–Constanţa, September 30th – October 3rd 2008. Constanţa: Muzeul de Istorie Națională și Arheologie Constanța. P. 67–76. (Pontica; vol. XLII, supplementum I.)
Lang M., 1956. Numeral Notation on Greek Vases // Hesperia. Vol. 25. No. 1. P. 1–24.
Lang M., 1976. Graffiti and dipinti: the Athenian agora. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 116 p., 62 pl. (The Athenian Agora; vol. 21.)
Lawall M., 1995. Transport Amphoras and Trademarks: Imports to Athens and Economic Diversity in the Fifth Century B. C.: Ph. D. diss. Ann Arbor: Michigan University. 435 p.
LGPN. Vol. I: The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica / Ed. P. M. Fraser. Oxford: Clarendon Press, 1987. 489 p.
LGPN. Vol. II: Attica / Eds: M. Osborne, P. M. Fraser. Oxford: Clarendon Press, 1994. 510 p.
LGPN. Vol. IIIa: The Peloponnese, Western Greece, Sicily, and Magna Graecia / Eds: P. M. Fraser, E. Matthews. Oxford: Clarendon Press, 1997. 552 p.
LGPN. Vol. IIIb: Central Greece from the Megarid to Thessaly / Ed. P. M. Fraser. Oxford: Clarendon Press, 2000. 478 p.
LGPN. Vol. IV: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea / Eds: P. M. Fraser, E. Matthews, R. W. V. Catling. Oxford: Clarendon Press, 2005. 387 p.
LGPN. Vol. Va: Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia / Ed. T. Corsten. Oxford: Clarendon Press, 2010. 496 p.
Rizzo M. A., 1990. Le anfora da transport e il commercio Etrusco arcaico. Studi di archeologia. Vol. 1. Rome: De Luca Edizione d'Arte. 160 p. (Studi di Archaeologia; vol. 3.)
Roberts S. R., Glock A., 1986. The Stoa Gutter Well, a Late Archaic deposit in the Athenian Agora // Hesperia. Vol. 55. Iss. 1. P. 1–74.

Sparkes B. A., Talcott L., Richter G. M. A., 1970a. Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Part 1: Text. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 382 p. (The Athenian Agora; vol. 12.)

Sparkes B. A., *Talcott L.*, *Richter G. M. A.*, 1970b. Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Part 2: Index and illustrations. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 468 p. (The Athenian Agora; vol. 12.1.)

Tod M. N., 1911/1912. The Greek Numeral Notation // ABSA. Vol. 18. P. 98–132.

Сведения об авторе

Завойкина Наталья Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: zavoykina@mail.ru

N. V. Zavoykina

COMMERCIAL MARKS ON AMPHORAE FROM PHANAGORIA DATED TO THE THIRD QUARTER OF THE 6th – 4th CENTURIES BC

Abstract. The paper publishes six graffiti on the amphorae dated to the third quarter of the 6th – 4th centuries BC originating from the excavations in Phanagoria. Of special interest are graffiti No. 1 and No. 2 because they were scratched on à la brosse type of amphorae from Attica which is a relatively rare find in the North Pontic zone. Graffito AIT (No. 1) is presumably an abbreviation of the vessel owner's name. Graffito IΣ (No. 2) has been found four times on the vessels from the Late Archaic period in Phanagoria. It is interpreted as the marking of the vessel owner's name or the owner of the shop where vessels were sold. The name of the shop's owner who was called Pausanias was scratched on the body of a proto-Thasian amphora (No. 4). Graffiti XI, X, A on the fragments of Chiosian amphorae are viewed as trade markings of the place where wine was produced (No. 4, 5) and, possibly, its type (No. 3).

Keyword: Ancient Greece, North Pontic zone, Cimmerian Bosporus, Phanagoria, Upper Town, amphorae, graffiti.

REFERENCES

Bertucchi G., 1992. Les amphores et le vin de Marseille, VIe s. avant J.-C. – IIe après J.-C. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique. 291 p. (Revue archéologique de Narbonnaise, supplementum 25.)

Bîrzescu I., 2012. Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren. Bucureşti: Editura Enciclopedică. 356 S., 120 Taf. (Histria, XV.)

Buyskikh A. V., 2011. Arkhaicheskaya raspisnaya keramika iz Ol'vii (vostochno-grecheskaya, lakonskaya, korinfskaya, imitatsii) [Archaic painted pottery from Olbia (Eastern-Greek, Laconic, Corinthian, imitations)]. Kiev: Starodavniy svit. 456 p.

Emets I. A., 2012. Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poseleniy Severnogo Prichernomor'ya (podgotovitel'nye materialy k Korpusu) [Graffiti and dipinti from Classical cities and settlements of North Pontic zone (materials prepared for the Corpus)]. Moscow: Sputnik. 477 p.

Jeffery L. H., 1990. The local scripts of Archaic Greece. Oxford: Calderon Press. 423 p.

Johnston A. W., 1979. Trademarks on Greek Vases. Warminster: Aris & Phillip Ltd., Teddington House. 270 p., 14 figs. 8 pl.

Jonston A. W., 2004. Amphorae and Text. *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité*, 116, 2, pp. 734–739.
KBN, 1965. Korpus bosporskikh nadpisey [Corpus of the Bosporus inscriptions]. V. V. Struve, ed. Moscow; Leningrad: Nauka. 952 p.
Koehler C., 1978. Corinthian A and B transport amphoras: Ph. D. dissertation. Princeton: Princeton University. 406 p.
Krapivina V., Lejpunskaja N., 2009. Grey Table Ware from Late Archaic – Early Classical Complexes of the Central Quarter of Olbia Pontica. *Pontic Grey Ware: International Conference (2008)*. Constanța: Muzeul de Istorie Națională și Arheologie Constanța, pp. 67–76. (Pontic, vol. XLII, supplementum I.)
Lang M., 1956. Numeral Notation on Greek Vases. *Hesperia*, vol. 25, no. 1, pp. 1–24.
Lang M., 1976. Graffiti and dipinti: the Athenian agora. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 116 p., 62 pl. (The Athenian Agora, 21.)
Lawall M., 1995. Transport Amphoras and Trademarks: Imports to Athens and Economic Diversity in the Fifth Century B. C.: Ph. D. dissertation. Ann Arbor: Michigan University. 435 p.
LGPN, I. The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica. P. M. Fraser, ed. Oxford: Clarendon Press, 1987. 489 p.
LGPN, II. Attica. M. Osborne, P. M. Fraser, eds. Oxford: Clarendon Press, 1994. 510 p.
LGPN, IIIa. The Peloponnese, Western Greece, Sicily, and Magna Graecia P. M. Fraser, E. Matthews, eds. Oxford: Clarendon Press, 1997. 552 p.
LGPN, IIIb. Central Greece from the Megarid to Thessaly. P. M. Fraser, ed. Oxford: Clarendon Press, 2000. 478 p.
LGPN, IV. Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. P. M. Fraser, E. Matthews, R. W. V. Catling, eds. Oxford: Clarendon Press, 2005. 520 p.
LGPN, Va. Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia. T. Corsten, ed. Oxford: Clarendon Press, 2010. 496 p.
Monakhov S. Yu., 1999. Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoy tary [Greek amphorae in North Pontic zone. Complexes of transportation vessels]. Saratov: Saratovskiy universitet. 679 p.
Monakhov S. Yu., 2003. Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare [Greek amphorae in North Pontic zone. Typology of amphoras of leading centers-exporters of goods in ceramic containers]. Moscow; Saratov: Kimmerida. 351 p.
Namoylik A. S., 2010. Graffiti na amforakh iz raskopok Nimfeya v kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha [Graffiti on amphorae from excavations of Nympheion in collection of State Hermitage]. *DB*, 14. Moscow: IA RAN, pp. 397–450.
Pavlichenko N. A., Kashaev S. V., 2012. Novaya epigraficheskaya nakhodka iz Germonassy [New epigraphic find from Germonassa]. *DB*, 16. Moscow: IA RAN, pp. 288–297.
Rizzo M. A., 1990. Le anfora da transporto e il commercio Etrusco arcaico. Studi di archeologia, 1. Rome: De Luca Edizione d'Arte. 160 p. (Studi di Archaeologia, 3.)
Saprykin S. Yu., Maslennikov A. A., 2007. Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora [Graffiti and dipinti from chora of Classical Bosporus]. Simferopol'; Kerch': Adef-Ukraina. 319 p. (Bosporskie issledovaniya, supplementum 1.)
Solomonik E. I., 1984. Graffiti s khory Khersonesa [Graffiti from Chersonese chora]. Kiev: Naukova dumka. 144 p.
Sparkes B. A., Talcott L., Richter G. M. A., 1970a. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Part 1: Text. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 382 p. (The Athenian Agora, 12.)
Sparkes B. A., Talcott L., Richter G. M. A., 1970b. Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Part 2: Index and illustrations. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 468 p. (The Athenian Agora, 12.1.)
Tod M. N., 1911/1912. The Greek Numeral Notation. *The Annual of the British School at Athens*, 18, pp. 98–132.
Tokhtas'ev S. R., 2011. Grecheskiy yazyk na Bospore: obshchee i osobennoe [Greek language in Bosporus: common and special]. *Bosporskiy Fenomen. Naselenie, yazyki, kontakty: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporus phenomenon. Population, languages, contacts:*

transactions of international scientific conference]. V. Yu. Zuev, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 673–682.

Zavoykina N. V., 2013. Fanagoriyskoe obshchestvo (po materialam epigrafiki) [Phanagorian society (based on epigraphic materials)]. *MAIF*, 1. V. D. Kuznetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 240–313. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy, 1.)

Zavoykina N. V., 2015. Dva novykh graffiti iz Pantikapeya (iz arkhiva V. D. i T. V. Blavatskikh) [Two new graffiti from Panticapaeum (from archive of V. D. and T. V. Blavatskiys]. *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti. K 70-letiyu V. P. Tolstikova [Wind blows from Mithridates. Bosporus and North Pontic zone in Classical antiquity. Toward 70th anniversary of V. P. Tolstikov]*. D. V. Zhuravlev, ed. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, pp. 68–72.

Zavoykina N. V. Pavlichenko N. A., 2016. Pis'mo na svintsovoy plastine iz Patreya [Letter on lead plate from Patreion]. *MAIF*, 2. A. A. Zavoykin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 230–249. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy, 4.)

Zeest I. B., 1960. Keramicheskaya tara Bospora [Ceramic containers of Bosporus]. Moscow: AN SSSR. 178 p. (MIA, 83.)

About the author

Zavoykina Natal'ya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: zavoykina@mail.ru

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.275-281

М. Г. Абрамзон, В. Д. Кузнецов

ФАНАГОРИЙСКИЕ ДИОБОЛЫ С РОЗОЙ – ПОДРАЖАНИЯ РОДОССКОМУ ТИПУ

Резюме. В статье рассматривается проблема идентификации анэпиграфных мелких серебряных монет типа «голова Аполлона /роза», получивших распространение на Таманском полуострове. Эти монеты имитируют знаменитый родосский монетный тип и предположительно приписываются чекану Фанагории середины II в. до н. э. Авторы публикуют экземпляры, найденные при раскопках Фанагории и поселения Виноградный 7, расположенного на ее хоре. Анализ исторического контекста, тесных политических и экономических связей Азиатского Боспора и его столицы с Родосом проясняет причины выпуска Фанагорией около 120–110 гг. до н. э. серии мелкого серебра (тетроболов и диоболов) с родосской эмблемой – розой.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Фанагория, Родос, монетная чеканка, денежное обращение.

Среди находок античных монет на Тамани последних десятилетий зарегистрировано уже около 30 анэпиграфных мелких серебряных монет типа «голова Аполлона в венке вправо / роза», большинство которых найдено случайно в окрестностях Фанагории. Между тем два экземпляра происходят из раскопок самой Фанагории в 1986 и 1996 гг. и еще один – с поселения Виноградный 7 (раскопки 2016 г.), расположенного на ее хоре (рис. 1, *1*):

1) Фанагория, 1986 г. № оп. Ф-86-5. Вес 0,80 г. Диаметр 10,5 мм. Место находки: Раскоп «Верхний город», кв. LIII–LIV, отвал (*Ashton*, 2003. Pl. 48, *A*; *Абрамзон, Кузнецов*, 2015. С. 78. Рис. 29, *1*). Штемпели ср.: https://bosporan-kingdom.com/000-3134/21.html;

2) Фанагория, 1996 г. № оп. Ф-96-38. Вес 0,67 г. Диаметр 11 мм. Место находки: Раскоп «Верхний город», кв. 32, шт. 5 (*Ashton*, 2003. P. 384. No. 53. Pl. 48, *53*). Штемпели ср.: https://bosporan-kingdom.com/000-3134/12.html;

3) Виноградный 7, 2016 г. 12 мм. Место находки: Раскоп 2, кв. Л-63, шт. 2, оп. 63-2/1 (*Абрамзон, Сударев*, 2017. № 2). Штемпели ср.: https://bosporan-kingdom.com/000-3134/8.html.

1 (№ Ф-86-5) 2 (№ Ф-09-87)

Рис. 1. Диобол и тетробол с розой из раскопок Фанагории

Монеты данного типа представляют большую редкость. Они относительно недавно появились в специальной литературе и были атрибутированы впервые В. А. Анохиным к чекану Фанагории (*Анохин*, 1999. Рис. 24, *9*; 2011. № 1167). К настоящему моменту электронным Каталогом-архивом «Монеты Боспора» учтено 26 экземпляров (https://bosporan-kingdom.com/000-3134/1.html и т. д.). Ни в одном из зарубежных каталогов такие монеты не фигурируют. Отсутствие этникона на о. с. и дефицит точных сведений о происхождении монет до сих пор вызывали сложности в идентификации центра чеканки, отсюда неслучайно эти монеты путают с родосскими. Так, например, фанагорийские экземпляры были впервые опубликованы Р. Эштоном (Британский музей), участвовавшим в работах Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 1996 г., как родосские медные монеты типа «голова Гелиоса в лучевой короне / роза», выпущенные около 200 г. до н. э. (*Ashton*, 2003. P. 384. No. 53. Pl. 48, *53, A*). Следуя определению известного специалиста по родосской нумизматике, мы также отнесли эти монеты к медной чеканке Родоса (*Абрамзон, Кузнецов*, 2015. С. 78. Рис. 29, *1*). Однако на л. с. обеих монет вместо головы Гелиоса или Родос изображена голова Аполлона в венке (этот тип отсутствует в родосской нумизматике), а сами они оказались изготовлены из низкопробного серебра. Летом 2017 г. в отделе реставрации историко-

археологического музея-заповедника «Фанагория» был проведен анализ химического состава металла диоболов по методу неразрушающего безэталонного РФА. Исследование выполнялось на РФА-спектрометре M1 Mistral (Bruker). Результаты показали, что обе монеты изготовлены из биллона[1] (табл. 1).

Таблица 1. Химический состав серебряного сплава монет «Аполлон / роза» из Фанагории

№	Элементы	Ag	Cu	Au	Zn	Sn	Pb
1	Ф-86-5	36,67	62,78	0,23	–	0,32	–
2	Ф-96-38	45,33	53,39	0,19	0,23	0,37	0,28

Топография находок. Для решения вопроса об идентификации центра чеканки серебра с Аполлоном и розой с Фанагорией немаловажную роль играет топография находок. Впервые появились точные сведения о находках диоболов как в самой Фанагории, так и на ее хоре, в частности в слоях поселения Виноградный 7, особенности денежного обращения на котором, как свидетельствует нумизматический материал из его раскопок, определяются близостью денежного рынка Фанагории (*Абрамзон, Сударев*, 2017. № 2). Данный памятник расположен в 4,8 км к северо-западу от ст. Вышестеблиевская, в 3,8 км к северо-востоку от пос. Виноградный и в 3,5 км к югу от пос. Приморский. Поселение находилось у древней дороги, которая соединяла Фанагорию с поселением Виноградный 1 и северо-западной оконечностью Кизилташского лимана (Цокур) – крупнейшего лимана дельты Кубани, имеющего выход в Черное море. Эта дорога была одной из трех основных дорог Таманского полуострова и проходила от Голубицкого острова через Фанагорию до мыса Панагия (*Паромов*, 1998. С. 219–220. Рис. 2). Все остальные диоболы найдены на сельских поселениях в окрестностях Фанагории. Таким образом, находки в Фанагории диоболов с розой и ареал их обращения свидетельствуют, что центром чеканки может быть только столица Азиатского Боспора, как и считает В. А. Анохин.

Датировка диоболов типа «голова Аполлона / роза». В. А. Анохин, абсолютно верно отнесший эти монеты к чекану Фанагории, в то же время без какой-либо аргументации датирует их временем около 165–155 гг. до н. э. (*Анохин*, 2011. С. 168). Стилистическое сравнение с родосскими монетами II в. до н. э. мало что дает для подтверждения этой датировки: такая же роза изображалась и на группе 205–188 гг. до н. э. (SNG Keckman 599–613), и ранее, и позднее. В 188–84 гг. до н. э. Родос чеканит плинтофоры с той же розой (SNG Keckman 621–692). Между тем совершенно очевидно, что фанагорийские диоболы имитируют тип родосских гемидрахм. Решение вопроса о причинах выпуска и датировке диоболов связано с историческим контекстом эпохи и появлением политических условий для возрождения серебряной чеканки в Фанагории.

[1] Авторы выражают искреннюю благодарность начальнику отдела реставрации Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» О. Л. Гунчиной за проведенные исследования.

Мы полагаем, что диоболы синхронны фанагорийским тетроболам типа «голова Артемиды / роза, ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ» (рис. 1, *2*), которые А. Н. Зограф датировал 200–121 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. Табл. XLII, *12*), Д. Б. Шелов – последним десятилетием правления Спартокидов, т. е. около 120–110 гг. до н. э. (*Шелов*, 1956а. Табл. IX, *114*), а В. А. Анохин – 107–100 гг. до н. э. (*Анохин*, 2011. № 1171). Вслед за В. А. Анохиным, в электронном Каталоге-архиве «Монеты Боспора» диоболы и тетроболы датируются первым десятилетием правления на Боспоре Митридата VI Евпатора – 109–100 гг. до н. э. (https://bosporan-kingdom.com/000-3134/1.html). Нам также представляется, что оба выпуска не могут быть разделены сколько-нибудь заметным промежутком времени и, по-видимому, составляют одну серию серебра из двух номиналов, будучи связаны общим типом о. с., имитирующим тип реверса родосских монет. В пользу принадлежности их к единой серии свидетельствует и сочетание типов л. с., образующих известную пару – это головы Аполлона и Артемиды, брата и сестры. Та же пара встречается, например, и на аверсах синхронных медных афинских монет с общим типом реверса в виде племохойи (*Kroll*, 1993. P. 77. Nos. 103–104). Монетная типология Фанагории, безусловно, находилась в русле основных тенденций греческого монетного дела, и выбор пары Артемиды и Аполлона для л. с. неслучаен.

Однако, на наш взгляд, эта серия была выпущена, скорее всего, накануне перехода Боспора под власть Митридата VI, еще при Спартоке V. Возрождение фанагорийской серебряной чеканки отражает подъем экономики полиса во II в. до н. э. и новый рост значения городских органов власти, совпадающий со временем ослабления династии Спартокидов (*Зограф*, 1951. С. 181). Выбор Фанагорией (как и Горгиппией) родосских монетных типов для чеканки своего серебра неслучаен и, по мнению Д. Б. Шелова, свидетельствует о возможной политической ориентации Фанагории (и Горгиппии) в условиях прогрессирующего социально-политического кризиса в государстве Спартокидов на Родос – могущественную морскую державу того времени (*Шелов*, 1956а. С. 176, 201–204).

Фанагория и Родос в эллинистическое время. Влияние Родоса на политическую и экономическую жизнь государства Северного Причерноморья в эллинистическое время не раз отмечалось исследователями. Фанагория в этом аспекте также не составляет исключения. В свое время Д. Б. Шелов сопоставил находки родосских амфорных клейм из Фанагории и Прикубанья с количеством таких же клейм, найденных в городах европейского Боспора – Пантикапее, Тиритаке, Мирмекии, и пришел к выводу о существовании более тесных экономических связей Фанагории и периферии Азиатского Боспора с Родосом по сравнению с Европейским Боспором (*Шелов*, 1956б. С. 128–153). О влиянии Родоса на развитие монетного дела государств Северного Причерноморья в IV–II вв. до н. э. говорит и чеканка денег по хиосско-родосскому стандарту в Ольвии (*Карышковский*, 2003. С. 54–56) и Херсонесе (*Зограф*, 1951. С. 147). Фанагория и Горгиппия же имитируют типы родосских монет (*Анохин*, 2011. № 1167, 1171, 1202).

Сами родосские монеты получили заметное распространение на Тамани как результат тесных торгово-экономических контактов. Они присутствуют и в кладах, найденных на хоре Фанагории в 2003 и 2007 гг. Первый из них включал бронзовый плинтофор типа «голова Родос/роза», выпущенный около 177/173–88/84 гг. до н. э. (*Абрамзон, Кузнецов*, 2015. С. 78. Рис. 29, *3*). Второй

комплекс содержал две бронзовые монеты типа «голова Гелиоса/роза» (Там же. С. 141. Рис. 54, *1–2*), отчеканенные около 200 г. до н. э. Еще одна бронзовая монета происходит с поселения Тамань 4 (*Розов*, 2014. С. 275. Табл. 1, *10*). Родосские драхмы также найдены на поселениях Таманского полуострова: 225–190 гг. до н. э. – в Артющенко 2 (Там же. С. 275. Табл. 1, *8*), 190–180 гг. до н. э. – Тамань 3 (Там же. С. 275).

Таманские находки (включая Фанагорию) несколько смягчают вывод А. Брессона о том, что автономная чеканка Родоса не циркулировала в значительном объеме за пределами юго-востока Малой Азии и близлежащих островов (*Bresson*, 1993. P. 119–169). В Малой Азии зарегистрированы более 40 кладов с родосскими монетами, относящимися к периоду 400–50 гг. до н. э., половина которых найдена в южных и юго-западных районах Анатолии (*Абрамзон, Кузнецов*, 2015. С. 141). А. Н. Зограф (1945. С. 39) отмечал, что родосские монеты в эллинистическую эпоху имели распространение в восточной половине Эгейского моря и на примыкающем к нему побережье Малой Азии. Н. А. Фролова также отмечает их проникновение далеко на север (*Frolova*, 2001. P. 416). Эти наблюдения подтверждают и другие находки родосских монет на Боспоре (в Горгиппии и Пантикапее), а также в ряде центров Северного Причерноморья – Ольвии и Херсонесе, святилище Ахилла на Левке. Между тем фанагорийские клады 2003 и 2007 гг. остаются пока единственными во всем регионе известными нам кладами с родосскими монетами.

Итак, интенсивные экономические связи между Азиатским Боспором (и его столицей) и Родосом и удобный политический момент (ослабление центральной власти) вдохновили Фанагорию незадолго до перехода Боспора под власть Митридата VI на выпуск серии серебра, состоявшей из рассматриваемых диоболов и тетроболов, с родосской эмблемой – розой. О том, что эмиссия диоболов была достаточно обильной, свидетельствует достаточное разнообразие зарегистрированных штемпелей: на данный момент учтено 8 штемпелей л. с. и 11 – о. с.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д., 2015. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории. М.: ИА РАН. 380 с. (Фанагория. Результаты археологических исследований; т. 3.)

Абрамзон М. Г., Сударев Н. И., 2017. Монеты из раскопок поселения Виноградный 7 (2016 г.) // ПИФК. № 3. С. 277–301.

Анохин В. А., 1999. История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия. 254 с.

Анохин В. А., 2011. Античные монеты Северного Причерноморья: каталог. Киев: Стилос. 328 с.

Зограф А. Н., 1945. Распространение находок античных монет на Кавказе // Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР. С. 29–85.

Зограф А. Н., 1951. Античные монеты. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 264 с. (МИА; № 16.)

Карышковский П. О., 2003. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Одесса: А. С. Фридман. 684 с.

Паромов Я. М., 1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. Т. 1. М.: ИА РАН. С. 216–225.

Розов В. Н., 2014. Новые находки греческих привозных монет с территории Таманского полуострова // ДБ. Т. 18. М.: ИА РАН. С. 272–307.

Шелов Д. Б., 1956а. Керамические клейма из раскопок Фанагории // Фанагория / Ред. А. П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 128–153. (МИА; № 57.)

Шелов Д. Б., 1956б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР. 221 с.

Ashton R., 2003. Excavation Coins from Phanagoreia // The Numismatic Chronicle. Vol. 163. P. 379–385.

Bresson A., 1993. La circulation monétaire rhodienne jusqu'en 166 // Dialogues d'Histoire Ancienne. Vol. 19. Iss. 1. P. 119–169.

Frolova N., 2001. Finds of Coins from Ancient Gorgippia // North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies / Ed. G. R. Tsetskhladze. Leiden; Boston; Köln: Brill. P. 399–422. (Colloquia Pontica; vol. 6.)

Kroll J. H., 1993. The Greek Coins. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 376 p. (The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens; vol. XXVI.)

Сведения об авторах

Абрамзон Михаил Григорьевич, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, пр. Ленина, 38, Магнитогорск, 455000, Россия; e-mail: abramzon-m@mail.ru;

Кузнецов Владимир Дмитриевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: phanagor@mail.ru

M. G. Abramzon, V. D. Kuznetsov

PHANAGORIAN DIOBOLS WITH A ROSE IMAGE AS AN IMITATION OF THE RHODIAN TYPE

Abstract. The paper explores the issue of identifying unephigraphic small silver coins of the Apollo head/rose type which became widespread on the Taman' Peninsula. These coins imitate a famous Rhodian type of coins and are, supposedly, attributed to the Phanagorian coinage of the mid-2nd century BC. The authors publish the coins found during the excavations in Phanagoria and Vinogradnyy 7, which is a settlement located on its chora. The analysis of the historical context, close political and economic links of the Asian Bosporan Kingdom and its capital with Rhodes clarifies the reasons why Phanagoria minted a series of small silver coins (tetrobols and diobols) with a Rhodian type, i. e. a rose, around 120–110 BC.

Keywords: Cimmerian Bosporus, Phanagoria, Rhodes, coinage, currency, tetrobols, diobols.

REFERENCES

Abramzon M. G., Kuznetsov V. D., 2015. Monetnye klady vremeni Mitridata VI Evpatora s khory Fanagorii [Coin hoards of Mithradates VI Eupator from Phanagorian chora]. Moscow: IA RAN. 380 p. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy, 3.)

Abramzon M. G., Sudarev N. I., 2017. Monety iz raskopok poseleniya Vinogradnyy 7 (2016 g.) [Coins from excavations of settlement Vinogradnyy 7 (2016)]. *PIFK*, 3, pp. 277–301.

Anokhin V. A., 1999. Istoriya Bospora Kimmeriyskogo [History of Cimmerian Bosporus]. Kiev: Odigitriya. 254 p.

Anokhin V. A., 2011. Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya: katalog [Antique coins of North Pontic region: catalogue]. Kiev: Stilos. 328 p.

Ashton R., 2003. Excavation Coins from Phanagoreia. *The Numismatic Chronicle*, 163, pp. 379–385.

Bresson A., 1993. La circulation monétaire rhodienne jusqu'en 166. *Dialogues d'Histoire Ancienne*, vol. 19, iss. 1, pp. 119–169.

Frolova N., 2001. Finds of Coins from Ancient Gorgippia. *North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies*. G. R. Tsetskhladze, ed. Leiden; Boston; Köln: Brill, pp. 399–422. (Colloquia Pontica, 6.)

Karyshkovskiy P. O., 2003. Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie Ol'vii (VI v. do n. e. – IV v. n. e.) [Coinage and money circulation of Olbia (VI c. BC – IV c. AD)]. Odessa: A. S. Fridman. 684 p.

Kroll J. H., 1993. The Greek Coins. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 376 p. (The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens, XXVI.)

Paromov Ya. M., 1998. Glavnye dorogi Tamanskogo poluostrova v antichnoe vremya [Main roads of Taman' Peninsula in Classical time]. *DB*, 1. Moscow: IA RAN, pp. 216–225.

Rozov V. N., 2014. Novye nakhodki grecheskikh privoznykh monet s territorii Tamanskogo poluostrova [New finds of imported Greek coins from territory of Taman' Peninsula]. *DB*, 18. Moscow: IA RAN, pp. 272–307.

Shelov D. B., 1956a. Keramicheskie kleyma iz raskopok Fanagorii [Ceramic stamps from excavations of Phanagoria]. *Fanagoriya [Phanagoria]*. A. P. Smirnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 128–153. (MIA; № 57.)

Shelov D. B., 1956b. Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n. e. [Coinage of Bosporus in VI–II cc. BC]. Moscow: AN SSSR. 221 p.

Zograf A. N., 1945. Rasprostranenie nakhodok antichnykh monet na Kavkaze [Spread of finds of antique coins in Caucasus]. *Trudy Otdela numizmatiki Gosudarstvennogo Ermitazha [Transactions of Department of numismatics of State Hermitage]*, I. Leningrad: AN SSSR, pp. 29–85.

Zograf A. N., 1951. Antichnye monety [Antique coins]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 264 p. (MIA, 16.)

About the authors

Abramzon Mikhail G., Nosov Magnitogorsk State Technical University, pr. Lenina, 38, Magnitogorsk, 455000, Russian Federation; abramzon-m@mail.ru;

Kuznetsov Vladimir D., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: phanagor@mail.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.282-290

М. Г. Абрамзон, А. Н. Ворошилов, О. М. Ворошилова, С. Ю. Внуков

ЗОЛОТАЯ ИНДИКАЦИЯ С ПОЛУФОЛЛИСА КОНСТАНТИНА I ИЗ ВОСТОЧНОГО НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ

Резюме. Во время работ 2017 г. на Восточном некрополе Фанагории в детском погребении № 280/2017 найдена золотая индикация. Она обнаружена в редком для позднеантичной Фанагории типе погребений – подбойной могиле. Контекст находки свидетельствует в пользу того, что индикация была использована в качестве «обола Харона». Индикация оттиснута с аверса полуфоллиса, выпущенного от имени Константина I на монетном дворе Рима в 312–313 гг. н. э. За весь период исследования Фанагории найдено всего девять индикаций, три из которых датируются эпохой Константина Великого. Все индикации, безусловно, изготавливались в местной мастерской с монет, обращавшихся на денежном рынке города, отсюда рассматривать эту категорию находок следует в общем контексте с находками синхронных монет. В Фанагории зарегистрированы монеты Константина I (3 экз.) и его сыновей – Криспа (2 экз.) и Констанция II (5 экз.). Публикуемая индикация позволяет датировать погребение № 280 временем после 313 г. н. э.

Ключевые слова: Боспор, Фанагория, некрополь, погребальный обряд, золотая индикация, римские монеты, денежное обращение, Константин I.

Во время работ некропольского отряда Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 2017 г. на участке Восточного некрополя найдена золотая индикация с римской монеты IV в. н. э. (рис. 1, *3*). Вместе с этой находкой за весь период исследования Фанагории было найдено только девять индикаций (*Абрамзон*, 2015. С. 182–193; *Абрамзон и др.*, 2016. С. 7–23). Новая индикация происходит из позднеантичного детского погребения № 280, публикация которого, на наш взгляд, представляет особый интерес для изучения погребальных комплексов Азиатского Боспора IV–V вв. н. э. К настоящему моменту из более чем сотни захоронений этой эпохи, открытых за всю историю изучения Фанагории, опубликованы лишь единичные комплексы, значительная часть которых происходит из новейших раскопок (*Ворошилова*, 2011б; 2013а; 2013б; *Ворошилов, Ворошилова*, 2015а; 2015б; *Медведев*, 2013; *Сударев, Ахмедов*, 2013; *Шавырина, Ворошилова*, 2013 и др.). Захоронение, в котором найдена публикуемая индикация, относится к редкому для позднеантичной Фанагории типу погребений – могилам с подбоем в торцевой стене (рис. 1, *1*). Подбойные погребения являются самой малочисленной

Рис. 1. Восточный некрополь Фанагории.
Погребение № 280/2017 с золотой индикацией

1 – общий вид погребения; *2* – гроб со скелетом ребенка; *3* – индикация *in situ*

группой фанагорийских захоронений этого времени, количественно существенно уступая простым могилам и грунтовым склепам (*Ворошилов, Ворошилова*, 2015б. С. 17). Особенно редко подбой сооружался в торцевой стене могильной ямы. Заслуживает внимания и тот факт, что изделия из золота чаще встречаются именно в подбойных захоронениях, чем в простых могилах (*Ворошилов, Ворошилова*, 2015а. С. 74), что свидетельствует в пользу более высокого социального статуса погребенных в них горожан.

Шахта погребения представляет собой узкую прямоугольную яму, ориентированную по линии С-З – Ю-В. У дна шахта несколько расширяется к торцевой северо-западной стене, в которой был сооружен подбой прямоугольной формы, ориентированный по оси шахты. Свод подбоя обрушился в древности. Особенности конструкции могилы-шахты сближают данный комплекс с открытыми ранее на этом участке некрополя Фанагории синхронными грунтовыми склепами, вход в камеры которых располагался также в северной торцевой стене дромоса. Следует отметить, что размеры и пропорции могилы соответствуют дромосам этих позднеантичных склепов; аналогичен и заклад из сырцовых кирпичей.

На полу подбоя находился небольшой (длиной около 1,3 м) деревянный гроб со скелетом ребенка (рис. 1, *2*). Погребенный был ориентирован головой на Ю-В – к шахте погребения. Этот вариант ориентировки – крайне редкое явление для погребений IV–V вв. н. э. В подавляющем большинстве могил этого времени преобладает северная (с небольшими отклонениями) ориентировка скелетов (*Ворошилов, Ворошилова*, 2015б. С. 17). Погребенный ребенок был уложен на левый бок, кости рук располагались на туловище и под ним; ноги вытянуты и в области стоп прижаты друг к другу.

Инвентарь представлен исключительно изделиями погребальной практики, имитирующими реальные предметы. Все они изготовлены из фольги благородных металлов. Эта категория находок из некрополя Фанагории ранее уже являлась объектом исследований (*Ворошилова*, 2011а; *Ворошилов, Ворошилова*, 2015а; *Шавырина, Ворошилова*, 2013 и др.), что позволяет нам ограничиться лаконичной характеристикой археологического контекста.

Кроме публикуемой золотой индикации, в погребении найдены имитации деталей ременного гарнитура. В области туловища ребенка обнаружены золотые наконечники ремней (два экз.) и пряжка. Все предметы имеют идентичную сетчатую орнаментацию. При расчистке костей голени левой ноги, ближе к ее ступне, обнаружен тлен от серебряной фольги. Вероятно, это остатки серебряной пластины, имитирующей элемент ременного гарнитура (пряжка или наконечник ремня). Золотая индикация обнаружена рядом с нижней челюстью погребенного на дне гроба (рис. 1, *3*; 2, *1*). По-видимому, она была использована в качестве «обола Харона» и находилась изначально во рту ребенка.

При изготовлении индикации в качестве матрицы была использована бронзовая монета Константина I (рис. 2, *2*). Легенда FL VAL CONSTANTINVS AVG и особенности иконографии портрета императора на индикации свидетельствуют о том, что она была оттиснута с аверса одного из двух редких типов полуфоллисов – с фигурой Пакс, выпускавшихся от имени Константина на монетном дворе Рима в период с октября 312 по май 313 г. н. э.:

Рис. 2. Восточный некрополь Фанагории. Погр. № 280/2017 с золотой индикацией

1 – местоположение индикации среди костей ребенка; *2* – золотая индикация с монеты Константина I 312–313 гг. н. э.

Л. с. FL VAL CONSTANTINVS AVG. Бюст Константина I, в плаще, вправо; на голове лавровый венок.

О. с. PACI P–ERPET. Пакс стоит анфас, голова влево; в правой руке держит ветвь, в левой – штандарт; слева в поле XII; под обрезом RP.

Лит.: RIC VI. P. 390–391. Nos. 355–357. Pl. 7, 356.

Индикация принадлежит ко второй хронологической группе подобных изделий погребальной практики, найденных в Фанагории, объединяющей оттиски с монет римских императоров, из которой выделяется подгруппа эпохи Константина I из трех экземпляров. Отметим, что из склепа № 1 на Западном некрополе (раскопки 1991 г.) происходит индикация с фоллиса сына Константина Криспа, отчеканенного около 319–325 гг. н. э. или 324–328 гг. н. э. (*Абрамзон*, 2015. С. 1989–1990), а из погребения № 246 (Восточный некрополь, 2015 г.) – индикация с фоллиса Константина I и его семьи, датированного периодом с 330 г. н. э. и до смерти императора в 337 г. (*Абрамзон и др.*, 2016. С. 17. Рис. 11, *1*).

Безусловно, все фанагорийские индикации изготавливались в местной мастерской с монет, обращавшихся на денежном рынке полиса. Между тем в Фанагории найдены следующие фоллисы времени правления Константина I.

Константин I Великий (305–337 гг. н. э.)

Рим, 326 г. н. э.

Л. с. CONSTAN–TINVS AVG. Голова Константина I в лавровом венке вправо.

О. с. PROVIDEN–TIAE AVGG. Ворота лагеря с двумя башенками, без дверей; вверху звезда; под обрезом R℞P.

1. № Ф-06-48; 20 мм; 2.33 г. Раскоп «Верхний город», кв. 55, шт. 5. Ср. RIC VII. P. 330. No. 287 (*Abramzon*, 2011. P. 271. Pl. 1, 3; *Абрамзон*, 2013. С. 83. Рис. 5, 135).

Не определенный двор, 326 г. н. э.

Тот же тип.

2. № Ф-10-169; 20 мм. Подводный раскоп.

Гераклея, 313–314 гг. н. э.

Л. с. IMP C FL VAL CONSTANTINVS PF AVG. Бюст Константина I в панцире, вправо; на голове лавровый венок.

О. с. IOVI CONS–ERVATORI AVGG. Юпитер, обнаженный, в плаще, накинутом поверх левого плеча, стоит влево, опираясь на скипетр; в правой руке держит Викторию на шаре; слева внизу орел с венком в клюве; слева в поле Є. Под обрезом SMHT.

3. № Ф-07-8259. Подводный раскоп. Ср. RIC VII. P. 542. No. 5 (*Абрамзон*, 2013. С. 83. Рис. 5, 137).

Крисп (317–326 гг. н. э.)

Сисция, 319 г. н. э.

Л. с. IVL CRIS–PVS NOB C. Бюст Криспа в плаще и панцире вправо; на голове лавровый венок.

О. с. VICT LAETAE PRINC PERP. Две Виктории стоят лицом друг к другу и держат щит с надписью VOT/PR, стоящий на алтаре.

4. № Ф-11-147. Подводный раскоп. Ср. RIC VII. P. 435. No. 87.

Фессалоники, 318–319 гг. н. э.

Л. с. DN FL IVL CRISPVS NOB CAES. Бюст Криспа вправо; на голове лавровый венок.

О. с. VOT V·/ MVLT·X/ CAESS. Внизу TS Є.

5. № Ф-15-43; 19 мм; 2.50 г. Раскоп «Нижний город», кв. Ж1, шт. 8. Ср. RIC VII. P. 504. No. 36.

Таким образом, к этому списку может быть добавлен полуфоллис Константина, поступивший в Фанагорию после 313 г. н. э., где с него была оттиснута индикация из золотой фольги. Кроме того, в Фанагории найдены монеты другого сына Константина, Констанция II, выпущенные в 337–340 и 351–355 гг. до н. э. (*Абрамзон и др*., 2016. С. 18), но индикации с монет последнего в Фанагории до сих пор не обнаружены (между тем они зарегистрированы в некрополе Пантикапея).

Золотые индикации с римских бронзовых монет наиболее часто встречаются в боспорских погребальных комплексах, в том числе это индикации Константина I и его сыновей Криспа и Констанция II, а также его соправителя Лициния I (табл. 1).

Таблица 1. Индикации с монет семьи Константина I и Лициния I, найденные на Боспоре

№ п/п	Определение	Место и год находки	Литература
1–2	Константин I (306–337 гг.)	Мыс Зюк, 1894 г.	*Кропоткин*, 1961. С. 65. № 613
3	Константин I	Фанагория, 2017 г.	
4	Константин I	Фанагория, 2015 г.	*Абрамзон и др.*, 2016. С. 17. Рис. 11, *1*
5	Лициний I (308–324 гг.)	Пантикапей, 1914 г.	*Кропоткин*, 1961. С. 64. № 604
6	Лициний I	Пантикапей, до 1854 г.	*Кропоткин*, 1961. С. 64. № 589
7	Крисп (317–326 гг.)	Фанагория, 1991 г.	*Шавырина, Ворошилова*, 2013. С. 446. Рис. 20, *13*; *Абрамзон*, 2015. С. 189–191. Рис. 4, *1*; *Трейстер*, 2015. С. 434. Табл. 31, *6*; С. 435. № 117
8	Констанций II (324–361 гг.)	Пантикапей, до 1854 г.	*Кропоткин*, 1961. С. 64. № 589
9	Констанций II	Пантикапей, 1875 г.	*Кропоткин*, 1961. С. 64. № 598

Перечисленные индикации и фоллисы отражают приток римской монеты в Северное Причерноморье и на Боспор, увеличившийся начиная с эпохи Константина Великого. Поскольку в большинстве случаев оттиски синхронны обращавшимся монетам-матрицам, они играют важнейшую роль в датировке погребальных комплексов. Таким образом, публикуемая индикация позволяет датировать погребение № 280, по крайней мере, временем не ранее 313 г. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., 2013. Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1: Материалы по археологии и истории Фанагории / Отв. ред. В. Д. Кузнецов. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 61–107.

Абрамзон М. Г., 2015. Золотые индикации с античных монет из раскопок Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований / Ред. М. Ю. Трейстер. Т. 2: Золото Фанагории. М.: ИА РАН. С. 182–193.

Абрамзон М. Г., Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., Сапрыкина И. А., 2016. Новые находки золотых индикаций в Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований / Ред. А. А. Завойкин. Т. 4: Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 7–21.

Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., 2015а. Золото в некрополе Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований / Ред. М. Ю. Трейстер. Т. 2: Золото Фанагории. М.: ИА РАН. С. 29–76.

Ворошилов А. Н., Ворошилова О. М., 2015б. Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные: мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН. С. 16–19.

Ворошилова О. М., 2011а. Об имитациях деталей ременной гарнитуры из некрополя Фанагории // Боспорский феномен: Население, языки, контакты: мат-лы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История. С. 321–324.

Ворошилова О. М., 2011б. Позднеантичное погребение с монетами из некрополя Фанагории // ПИФК. № 4. С. 137–145.

Ворошилова О. М., 2013а. Новая находка двухкамерного склепа в Фанагории // Новые материалы и методы археологического исследования: мат-лы II междунар. конф. молодых ученых / Отв. ред.: В. Е. Родинкова, А. Н. Федорина. М.: ИА РАН. С. 110–111.

Ворошилова О. М., 2013б. Склеп позднеантичного времени из раскопок Фанагории в 2011 году // Stratum plus. № 4: В поисках ойума. «Пути народов». С. 123–131.

Кропоткин В. В., 1961. Клады римских монет на территории СССР. М.: Наука. 119 с. (САИ; вып. Г4–4.)

Медведев А. П., 2013. Позднеантичный некрополь Фанагории IV–V вв. (раскопки 2005 г.) // Фанагория. Результаты археологических исследований / Отв. ред. В. Д. Кузнецов. Т. 1: Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 330–402.

Сударев Н. И., Ахмедов И. Р., 2013. Новые погребальные комплексы конца IV – начала V в. н. э. на Таманском полуострове // Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья: тез. докл. междунар. науч. семинара / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН. С. 44–45.

Трейстер М. Ю., 2015. Каталог. Институт археологии РАН // Фанагория. Результаты археологических исследований / Ред. М. Ю. Трейстер. Т. 2: Золото Фанагории. М.: ИА РАН. С. 391–562.

Шавырина Т. Г., Ворошилова О. М., 2013. Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 гг.) // Фанагория. Результаты археологических исследований / Отв. ред. В. Д. Кузнецов. Т. 1: Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 415–481.

Abramzon M., 2011. The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 excavations at Phanagoria // N. Povalahev, V. Kuznetsov (Hrsg), *Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos* (Altertümer Phanagoreias. Bd. 1). Göttingen, 251 274.

RIC VI – Sutherland C. H. V. The Roman Imperial Coinage. Vol. VI: From Diocletian's reform (A. D. 284) to the death of Maximinus (A. D. 313). London, 1967.

RIC VII – Bruun P. M. The Roman Imperial Coinage. Vol. VII: Constantine I – Licinius (A. D. 313–337). London, 1966.

Сведения об авторах

Абрамзон Михаил Григорьевич, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, пр. Ленина, 38, Магнитогорск, 455000, Россия; e-mail: abramzon-m@mail.ru;

Ворошилов Алексей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru;

Ворошилова Ольга Михайловна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: helga-mir@yandex.ru;

Внуков Сергей Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: vnukovs@mail.ru

M. G. Abramzon, A. N. Voroshilov, O. M. Voroshilova, S. Yu. Vnukov

A GOLD DANAKE OF CONSTANTINE THE GREAT FROM THE PHANAGORIAN EASTERN NECROPOLIS

Abstract. In 2017, a gold danake of Constantine I was uncovered in child's burial No. 280/2017 in the eastern necropolis of Phanagoria. Such pits with kerving is a type

of burial rarely found in Late Antique Phanagoria. The archaeological context suggests that the danake was used as Charon's obol. The matrix was the obverse of a half-follis issued in the name of Constantine I at a mint of Rome from October, 312, to May, 313. Altogether nine indications were found during the entire period of the research of Phanagoria, three of which date back to the period of Constantine the Great. The danakes of Constantine's family issue and those of his son Crispus were found in the necropolis. These artifacts should be linked to Roman coins circulating in the local money market in the same period. Ten coins of Constantine I (3 pcs) and his sons, Crispus (2 pcs) and Constantius II (5 pcs), have been documented in Phanagoria. The new danake helps date burial No. 280 to the period no earlier than after AD 313.

Keywords: Bosporan Kingdom, Phanagoria, necropolis, funerary rite, gold danake, money in circulation, Constantine I.

REFERENCES

Abramzon M., 2011. The Roman and Early Byzantine Coins from the 1988, 2005–2010 excavations at Phanagoria, in: N. Povalahev, V. Kuznetsov (Hrsg), *Phanagoreia, Kimmerischer Bosporos, Pontos Euxeinos* (Altertümer Phanagoreias. Bd. 1). Göttingen, 251–274.

Abramzon M. G., 2013. Antichnye inozemnye monety iz raskopok Fanagorii [Antique foreign coins from excavations of Phanagoria]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological investigations], 1. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on archaeology and history of Phanagoria]*, 1. V. D. Kuznetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 61–107.

Abramzon M. G., 2015. Zolotye indikatsii s antichnykh monet iz raskopok Fanagorii [Gold indications from antique coins in excavations of Phanagoria]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological investigations], 2. Zoloto Fanagorii [Gold of Phanagoria]*. M. Yu. Treyster, ed. Moscow: IA RAN, pp. 182–193.

Abramzon M. G., Voroshilov A. N., Voroshilova O. M., Saprykina I. A., 2016. Novye nakhodki zolotykh indikatsiy v Fanagorii [New finds of gold indications in Phanagoria]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological investigations], 4. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on archaeology and history of Phanagoria]*, 2. A. A. Zavoykin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 7–21.

Kropotkin V. V., 1961. Klady rimskikh monet na territorii SSSR [Hoards of Roman coins in territory of the USSR]. Moscow: Nauka. 119 p. (SAI, G4–4.)

Medvedev A. P., 2013. Pozdneantichnyy nekropol' Fanagorii IV–V vv. (raskopki 2005 g.) [Late Classical necropolis in Phanagoria of IV–V cc. (excavations of 2005)]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological investigations], 1. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on archaeology and history of Phanagoria]*, 1. V. D. Kuznetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 330–402.

RIC VI – Sutherland C. H. V. The Roman Imperial Coinage. Vol. VI. From Diocletian's reform (A. D. 284) to the death of Maximinus (A. D. 313). London, 1967.

RIC VII – Bruun P. M. The Roman Imperial Coinage. Vol. VII. Constantine I – Licinius (A. D. 313–337). London, 1966.

Shavyrina T. G., Voroshilova O. M., 2013. Issledovaniya Zapadnogo nekropolya Fanagorii (po materialam raskopok 1987–2000 gg.) [Investigations of Western necropolis of Phanagoria (based on materials of excavations of 1987–2000)]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological investigations], 1. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on archaeology and history of Phanagoria]*, 1. V. D. Kuznetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 415–481.

Sudarev N. I., Akhmedov I. R., 2013. Novye pogrebal'nye kompleksy kontsa IV – nachala V v. n. e. na Tamanskom poluostrove [New burial complexes of late IV – early V c. AD in Taman' Peninsula]. *Rannegosudarstvennye obrazovaniya i «knyazheskaya» kul'tura na Severnom Kavkaze v kontse*

antichnosti – nachale srednevekov'ya: tezisy dokladov mezhdunarodnogo nauchnogo seminara [Early state formations and «princely» culture in the North Caucasus in Late Classical period and early Middle Ages: Abstracts of international scientific seminar)]. A. V. Mastykova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 44–45.

Treyster M. Yu., 2015. Katalog. Institut arkheologii RAN [Catalogue. Institute of Archaeology RAS]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological investigations], 2. Zoloto Fanagorii [Gold of Phanagoria]*. M. Yu. Treyster, ed. Moscow: IA RAN, pp. 391–562.

Voroshilov A. N., Voroshilova O. M., 2015a. Zoloto v nekropole Fanagorii [Gold in necropolis of Phanagoria]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological investigations], 2. Zoloto Fanagorii [Gold of Phanagoria]*. M. Yu. Treyster, ed. Moscow: IA RAN, pp. 29–76.

Voroshilov A. N., Voroshilova O. M., 2015b. Naselenie Fanagorii po materialam pozdneantichnogo nekropolya [Population of Phanagoria according to materials from Late Classical necropolis]. *Sotsial'naya stratifikatsiya naseleniya Kavkaza v kontse antichnosti i nachale srednevekov'ya: arkheologicheskie dannye: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Social stratification within the Caucasus population in Late Classical period and early Middle Ages: Archaeological data: transactions of international scientific conference]*. A. V. Mastykova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 16–19.

Voroshilova O. M., 2011a. Ob imitatsiyakh detaley remennoy garnitury iz nekropolya Fanagorii [On imitations of strap sets details from Phanagoria necropolis]. *Bosporskiy fenomen: Naselenie, yazyki, kontakty: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporus phenomenon: Population, languages, contacts: transactions of international scientific conference]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 321–324.

Voroshilova O. M., 2011b. Pozdneantichnoe pogrebenie s monetami iz nekropolya Fanagorii [Late Classical burial with coins from Phanagoria necropolis]. *PIFK*, 4, pp. 137–145.

Voroshilova O. M., 2013a. Novaya nakhodka dvukhkamernogo sklepa v Fanagorii [New find of double-chamber burial vault in Phanagoria]. *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: materialy II Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh [New materials and methods of archaeological research: transactions of II International conference of young scientists]*. V. E. Rodinkova, A. N. Fedorina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 110–111.

Voroshilova O. M., 2013b. Sklep pozdneantichnogo vremeni iz raskopok Fanagorii v 2011 godu [Burial vault of Late Classical period from excavations of Phanagoria in 2011]. *SP*, 4, pp. 123–131.

About the authors

Abramzon Mikhail G., Nosov Magnitogorsk State Technical University, pr. Lenina, 38, Magnitogorsk, 455000, Russian Federation; abramzon-m@mail.ru;

Voroshilov Aleksey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru;

Voroshilova Olga M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: helga-mir@yandex.ru;

Vnukov Sergey Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: vnukovs@mail.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.291-304

П. Г. Гайдуков, А. А. Гомзин

НОВГОРОДСКИЙ КЛАД КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ 1998 г.

Резюме. В статье рассматривается клад куфических монет, найденный в 1998 г. в Новгороде на Троицком XI раскопе. Его состав уже был опубликован. Однако повторное исследование позволило уточнить атрибуции некоторых монет. Кроме того, осмотр состояния поверхностей и надписей и проведенный анализ металла показали, что все дирхамы клада являются копиями, отлитыми в двусторонних формах, полученных с подлинных монет. Они не содержат серебро и изготовлены из сплава на основе олова, то есть являются подделками. С учетом выпускных сведений монет и особенностей их залегания, формирование клада относится к 940-м гг. Он может быть интерпретирован как продукция фальшивомонетчика и пока является уникальным для территории Древней Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, Новгород, Троицкий XI раскоп, клад куфических монет, фальшивые дирхамы.

16 июля 1998 г. при археологических работах в г. Новгород на Троицком XI раскопе (руководитель – член-корр. РАН П. Г. Гайдуков) был найден клад из 13 куфических монет (рис. 1). В их числе восемь целых экземпляров и пять половинок. Дирхамы располагались кучкой с небольшим разбросом, какая-либо их упаковка отсутствовала. Следов преднамеренного сокрытия монет в землю не прослежено. Клад залегал примерно в 2 м от входа в постройку XI-27-163 27-го строительного яруса 950–960-х гг. Время возведения данного сруба не установлено, однако соседний с ним, XI-27-160, построен в 953 г. Монеты располагались на свободном пространстве двора, в глинистой прослойке под срубом 163 (Тр-XI, кв. 1261, пл. 21, гл. 401–402 см, яр. 27/28, пол. № 5).

В 2000 г. была подготовлена предварительная публикация клада, согласно которой в его составе содержались девять дирхамов Саманидов и четыре подражания саманидским монетам. Попадание клада в культурный слой было отнесено авторами к 945–960 гг. (*Гайдуков и др*., 2000. С. 55–56; *Фёдоров-Давыдов*, 2001. С. 90. № 4).

Последующее исследование его дирхамов показало, что их научно-информационный потенциал окончательно еще не исчерпан (*Гайдуков, Гомзин*, 2017. С. 55–58). В 2016 г. все монеты клада были повторно осмотрены и проведен анализ их металла. В ходе исследования оказалось возможным уточнить атрибуции

Рис. 1. Монеты Новгородского клада 1998 г.

некоторых экземпляров и сделать новые интересные наблюдения, дополняющие наши представления об особенностях обращения куфических монет на территории Древней Руси. Публикации результатов этого исследования посвящена настоящая работа.

Для начала необходимо отметить, что четыре из пяти половинок дирхамов попарно совпали и оказались составными частями двух экземпляров (Список монет, № 2–3). И только одна половинка не имеет пары (Список монет, № 5). Таким образом, общее количество монет в кладе составляет не 13, а 11 экземпляров. Во всех случаях разделение дирхамов на фрагменты было произведено по предварительной разметке, достаточно глубоко проникшей в толщу монетных пластин, с последующим доламыванием.

В составе клада 10 монет несут на себе имена саманидских амиров – Исма'ила б. Ахмада (1 экз.) и Насра б. Ахмада (9 экз.). Присутствует одно подражание дирхаму Насра б. Ахмада, аналогий которому встретить пока не удалось. Атрибуции монет приведены ниже[1].

Список монет Новгородского клада 1998 г.

Саманиды

Исма'ил б. Ахмад (279–295 гг. х. / 892–907 гг.)

1) Бухара, 294 г. х. (906/907 г.) (*Тизенгаузен*, 1853. С. 117; *Гайдуков и др.*, 2000. С. 56. № 1). Вес 3,172 г; размер 28,4 × 27,9 мм; целый, с трещиной, проходящей от края до центра.

Наср б. Ахмад (301–331 гг. х. / 914–943 гг.)

2) аш-Шаш, 308 г. х. (920/921 г.) (*Тизенгаузен*, 1853. С. 153. № 2; *Гайдуков и др.*, 2000. С. 56. № 4, 8). Вес 1,509 и 1,389 г; размер 27 × 14,4 и 27 × 13,1 мм; разделен примерно пополам по предварительной разметке, нанесенной с о. с.

3) аш-Шаш, 308 г. х. (920/921 г.) (*Тизенгаузен*, 1853. С. 153. № 2; *Гайдуков и др.*, 2000. С. 56. № 6, 9). Вес 1,317 и 1,302 г; размер 26,6 × 13,2 и 24,6 × 14,3 мм; разделен примерно пополам по предварительной разметке, нанесенной с л. с. Край одной половинки с утратой, поэтому ее максимальный размер меньше, так как не осталось точек, где бы можно было измерить его полностью. Та же пара штемпелей, что у № 2.

4) Балх, 312 г. х. (924/925 г.) (*Марков*, 1896. С. 131. № 478, точка в поле л. с. над символом не прослеживается; *Гайдуков и др.*, 2000. С. 56. № 2). Вес 2,27 г; размер 27,7 × 27 мм; целый.

5) Место и год чеканки обрезаны, с именем халифа ал-Муктадира биллаха, на основании одноштемпельности с № 4 – Балх, 312 г. х. (924/925 г.) (*Марков*,

[1] В описании дирхамов клада указаны династическая принадлежность, эмитент, место и год чеканки, вес, размеры и степень сохранности, учитывающая различные повреждения монет. Когда возможно, дана ссылка на тип по литературе. В некоторых случаях публикаций, адекватно отражающих особенности монетного типа, не нашлось, тогда были использованы ссылки на онлайн-базу восточных монет Zeno. Номера монет на иллюстрации и в табл. 3 соответствуют порядковым номерам в списке.

1896. С. 131. № 478, точка в поле л. с. над символом не прослеживается; *Гайдуков и др.*, 2000. С. 56. № 7). Вес 1,398 г; размер 29,3 × 14,1 мм; фрагмент около $^1/_2$, полученный делением по предварительной разметке, нанесенной с о. с.

6) аш-Шаш, 315 г. х. (927/928 г.) (*Тизенгаузен*, 1853. С. 165. Вариант 2; *Гайдуков и др.*, 2000. С. 56. № 3). Вес 3,387 г; размер 28,3 × 27,9 мм; целый.

7) аш-Шаш, 315 г. х. (927/928 г.) (*Тизенгаузен*, 1853. С. 165, вариант 2; *Гайдуков и др.*, 2000. С. 56. № 5). Вес 2,954 г; размер 28,3 × 27,9 мм; целый. Та же пара штемпелей, что у № 6.

8) Фарван, 31(5/6/8)[2] г. х. (927/928; 928/929; 930/931 г.) (*Гайдуков и др.*, 2000. С. 56. № 10; Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 33446). Вес 2,41 г; размер 27,9 × 27,6 мм; целый, с крупной ветвящейся трещиной, проходящей через центр, небольшой сектор у края утрачен.

9) Фарван, 31(5/6/8) г. х. (927/928; 928/929; 930/931 г.) (*Гайдуков и др.*, 2000. С. 56. № 11; Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 33446). Вес 3,232 г; размер 29 × 28,5 мм; целый. Та же пара штемпелей, что у № 8. Отличие лишь в том, что у № 8 имеется по дополнительной «позитивной трещине» в поле л. с. над символом и на круговой легенде вправо от последней строки поля о. с.

10) Фарван, 31(5/6/8) г. х. (927/928; 928/929; 930/931 г.) (*Гайдуков и др.*, 2000. С. 56. № 12; Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 33446). Вес 3,13 г; размер 28,4 × 28,2 мм; целый. Та же пара штемпелей, что у № 8 и 9.

Подражания Саманидам

11) Подражание дирхаму Насра б. Ахмада (*Гайдуков и др.*, 2000. С. 56. № 13). Вес 2,869 г; размер 27,2 × 26,7 мм; целое.

Распределение дирхамов клада по местам и годам чеканки представлено в табл. 1 и 2. Если хронологический состав монет не вызывает вопросов, он достаточно типичен для маленьких комплексов, где не приходится ожидать наличия цепочек погодового чекана, то географический выглядит очень необычно. Во-первых, здесь присутствует редкий саманидский дирхам Бухары 294 г. х., чьи регулярные массовые серебряные эмиссии начались только в 330-е гг. х. при Нухе б. Насре (*Тизенгаузен*, 1853. С. 186 и далее; *Марков*, 1896. С. 144 и далее; *Leimus*, 2007. P. 358, etc.).

[2] Следует отметить, что чтение даты на этих дирхамах вариативно: 315, 316 или 318 г. х. (*Leimus*, 2007. P. 272–275. № 1800–1801; Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 33446, 151233). Это обусловлено отличающимся при чтении разделением во внутренней круговой легенде слова «санат» с числом единиц года. Все три варианта написания единиц возможны в арабском языке (*Баранов*, 2006. С. 113, 238, 346). Видимо, установление точного года чеканки этих дирхамов будет возможно только при сравнении значительного количества фарванских монет указанного времени. Вне зависимости от этого, экземпляры № 8–10 являются младшими в кладе, и время его тезаврации не может быть ранее установленной для них датировки.

Таблица 1. Распределение дирхамов Новгородского клада по местам чеканки

№ п/п	Место чеканки	Количество дирхамов, экз.
1	Балх	2
2	Бухара	1
3	Фарван	3
4	аш-Шаш	4

Таблица 2. Хронологическое распределение дирхамов Новгородского клада

г. х.	Количество, экз.
294	1
…	–
308	2
…	–
312	2
…	–
315	2
31(5/6/8)	3

Во-вторых, в столь небольшом кладе оказались сразу три нечастых дирхама Фарвана. Это очень высокая доля содержания подобных монет, особенно учитывая, что дирхамов Самарканда, которые в восточноевропейских кладах первой половины X в. вместе с монетами Шаша занимают доминирующее положение, нет совсем. Для сравнения в хронологически близких Матвеевском, с территории Волжской Булгарии, где в регулярном обильном притоке мусульманского монетного серебра сомневаться не приходится, Киевском 1706 г. и Гнездовском 2010 г. кладах дирхамов Бухары и Фарвана не зафиксировано совершенно (*Кулешов*, 2009. С. 217; 2012. С. 166–169; *Зозуля и др.*, 2014. С. 66. Табл. 2). В более поздних, но территориально близких I и II Неревских и Хутынском кладах ранние саманидские монеты Бухары и Фарвана аналогично отсутствуют (*Янина*, 1956. С. 180–183, 186–207; 1963. С. 287–329; *Фомин*, 1992. С. 32, 35–42). В кладе из Новой Мельницы имеется только один дирхам Фарвана, и то хронологически более поздний, чем рассматриваемые монеты (*Фасмер*, 1926. С. 291. № 30; *Фомин*, 1992. С. 43. № 27).

Следующий нетипичный момент в составе клада заключается в том, что девять его дирхамов оказались принадлежащими четырем парам штемпелей: аш-Шаш, 308 г. х. (Список монет, № 2, 3); Балх, 312 г. х. (Список монет, № 4, 5); аш-Шаш, 315 г. х. (Список монет, № 6, 7); Фарван, 31(5/6/8) г. х. (Список монет, № 8, 9, 10). Такое количество одноштемпельных экземпляров в столь небольшой находке очень необычное явление для мусульманских дирхамов в восточноевропейских кладах, где одноштемпельность в сопоставимых объемах может прослеживаться лишь для локальных подражаний куфическим монетам, а не для оригинальных дирхамов. Так, например, в Туровском 1 кладе имеется пять подражаний саманидским дирхамам Насра б. Ахмада, отчеканенных двумя

парами штемпелей, два и три экземпляра соответственно. В Русско-Юрткульском кладе такое же соотношение одноштемпельных монет наблюдается для волжскобулгарских дирхамов Микаила б. Джа'фара. Плюс в нем же оказались три одноштемпельных подражания саманидским монетам Насра б. Ахмада и шесть – Нуха б. Насра (*Селезнёв, Осипов*, 2002. С. 194–195; *Лебедев, Трушин*, 2011. С. 30–33; *Гомзин*, 2013. Л. 239–240. № 11–15).

И наконец, обращает на себя внимание странный внешний вид монет рассматриваемого Новгородского клада. Все экземпляры в темной, практически одинаковой у каждого, патине; местами видна пористая структура их поверхности. Отдельные участки надписей расплылись, а иногда и вовсе не видны под наплывами и наростами металла. По краям некоторых экземпляров наблюдаются наплывы металла и поднятия поверхности, что вряд ли можно было бы ожидать при чеканке монет штемпелями. В отдельных случаях присутствуют «позитивные» трещины, появление которых трещинами в штемпеле объяснить затруднительно, и прослеживаются следы обработки гуртов. Все это позволяет прийти к заключению, что монеты клада не отчеканены, а отлиты в двусторонних формах. С учетом этого, корректнее говорить не об одноштемпельных экземплярах, а об отливках, изготовленных в одной и той же или разных формах, полученных с одного дирхама.

Такой «исходный» дирхам удалось обнаружить для фарванских монет (Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 33446). Его наиболее яркой отличительной особенностью является след от трещины в штемпеле, диагонально проходящий через поле о. с. Эту же черту сохранили и литые копии, полученные из снятых с него форм. Заметим, что монеты, отчеканенные данной парой штемпелей, неоднократно служили образцом для снятия с них копий. Так, аналогичная, но более грубая и обрезанная отливка происходит со средневекового поселения из междуречья Мышеги и Сухой Мышеги в Калужской области. В онлайн-базе восточных монет Zeno размещен бухарский дирхам 294 г. х., чья лицевая сторона, судя по фото, одноштемпельна или близка новгородскому литому дирхаму, оборотные стороны у них отличаются (Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 132183).

Исследование химического состава металла монет Новгородского клада показало, что во всех экземплярах серебро полностью отсутствует (табл. 3)[3]. Они изготовлены из сплава, доминирующим металлом в котором является олово, чья доля не опускается ниже 81 %. Вторым по значимости компонентом оказывается медь, максимальная концентрация которой не превышает 16,09 %. Кроме того, имеются незначительные примеси свинца, не более 2,37 %, и цинка, не более 1,46 %.

[3] Химический состав монет определен в лаборатории анализа минерального вещества Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН на рентгенофлюоресцентном спектрометре последовательного действия (PW 2400, Philips Analytical). Авторы выражают искреннюю признательность Т. И. Олейниковой и А. И. Якушеву за оказанную помощь в проведении этого исследования.

Таблица 3. Химический состав дирхамов Новгородского клада (РФА)

№ п/п	Вес, г	Sn	Cu	Pb	Zn
1	3,172	86,41	10,47	2,37	0,75
2*	1,509	89,76	7,89	1,59	0,76
	1,389	86,58	10,99	1,27	1,16
3	1,317	87,53	9,43	2,25	0,79
	1,302	89,28	7,8	2,35	0,57
4	2,27	85,77	11,74	1,23	1,25
5	1,398	85,81	11,6	1,13	1,46
6	3,387	85,14	11,72	2,3	0,85
7	2,954	83,96	12,95	2,21	0,88
8	2,41	85,15	12,29	1,11	1,45
9	3,232	81,41	16,09	1,4	1,11
10	3,13	85,26	12,51	1,09	1,15
11	2,869	91,06	7,06	1,33	0,54
* Для монет № 2 и 3, разделенных пополам, приведены по два результата анализов, поскольку половинки исследовались каждая в отдельности.					

Аналогичных кладов куфических монет на территории Древней Руси и в сопредельных землях авторам не встретилось. Литые копии дирхамов, поодиночке и в кладах IX–X вв., здесь зафиксированы в материалах из современных Калужской, Курской, Московской, Рязанской, Смоленской и Тульской областей, однако в тех случаях, когда проводился анализ их металла или пробирование, установлено, что они обладают пониженной долей серебра и повышенным содержанием меди, что определенно отличает их от изучаемых новгородских монет[4].

Кроме того, в кладах количество подобных отливок обычно ограничивается лишь несколькими экземплярами, но состоящих полностью из них комплексов неизвестно. Картину наибольшего процентного содержания, 50 %, их, видимо, представляет Алпатьевский денежно-вещевой клад последней четверти IX в., где три из шести монет являются литыми (*Мурашева*, 2014. С. 116–117).

Возможно, что три экземпляра литых дирхамов из недрагоценного металла 156 (772/773 г.), 209 (824/825 г.) и 238 (852/853 г.) гг. х. содержал Булаевский клад, найденный в 1830–1840-е гг. близ Пскова. Определявший монеты из его состава В. В. Григорьев назвал их «сплавками под серебро» (*Колосова*, 2015. С. 113–114)[5]. К сожалению, проверить это предположение не представляется возможным, поскольку местонахождение дирхамов в настоящее время не установлено.

[4] Литые подражания куфическим монетам в данной работе не рассматриваются, поскольку общность причин и историко-культурного контекста их появления с отливками из форм, полученных с подлинных дирхамов, не установлена.

[5] Приносим благодарность С. С. Зозуле (ГИМ), обратившему наше внимание на указанную публикацию.

Наиболее близкой аналогией монетам Новгородского клада, которую удалось обнаружить, являются девять одинаковых отливок аббасидского дирхама Харуна ар-Рашида, чеканенного в Мадинат ас-Саламе в 192 г. х. (807/808 г.). Монеты были найдены в 1980 г. при археологическом исследовании северо-западной части порта Хедебю под остатками сходен/судовых мостов. С этого же участка происходит еще один багдадский дирхам Харуна 188 г. х. (803/804 г.), две аббасидские монеты, выпущенные соответственно в 190-е гг. х. (805–815 гг.) и во второй половине VIII – первой трети IX в., а также два саманидских дирхама Исма'ила б. Ахмада 281 г. х. (894/895 г.) и 289–295 гг. х. (902–907 гг.) (*Steuer et al.*, 2002. P. 155; *Kalmring*, 2010. P. 283)[6]. Составляют ли отливки аббасидских монет единый по формированию и происхождению комплекс с дирхамами Исма'ила, установить не удалось (*Kalmring*, 2010. P. 284).

Несмотря на сходство способа изготовления, анализ металла отливок из Хедебю показывает, что их состав несколько отличается от новгородских. Серебро в них отсутствует; основу сплава составляет олово, содержание которого находится в границах 71,39–94,64 %. Однако доля меди существенно ниже, 0,1–0,7 %. По сравнению с новгородскими, увеличено содержание свинца, 4,98–26,96 %; в сплаве присутствует небольшое количество железа, 0,1–0,7 %, и наблюдаются следы висмута. Лишь один экземпляр из девяти несколько выбивается из общей картины за счет более низкой доли олова, 64,84 %, повышенного содержания железа и меди, 10,4 % и 8 % соответственно, и присутствия малого количества серебра, 0,1 % (*Steuer et al.*, 2002. P. 156–157).

На всех девяти монетах сохранились остатки литников на одном и том же месте. Это и состав металла дали основание публикаторам классифицировать данные экземпляры как продукцию фальшивомонетчиков и местом наиболее вероятного их изготовления считать Хедебю, поскольку монеты одной серии и со столь яркими следами фабрикации вряд ли были бы способны распространиться далеко от места их изготовления (*Steuer et al.*, 2002. P. 156–159; *Kalmring*, 2010. P. 284)[7].

Судя по всему, экземпляры Новгородского клада тоже можно считать фальшивыми. Однако вопрос о месте их изготовления из-за отсутствия достаточного количества аналогий приходится оставить открытым, а сам клад на территории Древней Руси пока полагать уникальным. А. Е. Леонтьев, рассматривая оловянисто-свинцовые слитки из клада на городище Выжегша, указал, что основой их сплава является олово, содержание которого достигает, за одним исключением, 68–95 %, что близко как новгородским литым дирхамам, так и отливкам из Хедебю. Исследователь отметил, что олово являлось предметом европейской торговли и было очень ценным для Восточной Европы, лишенной месторождений этого металла, а на северо-западе Древней Руси происходила его переработка и переливка в слитки (*Леонтьев*, 1996. С. 206–208).

[6] Известна находка еще одного литого дирхама на территории поселения в 1905 г. (*Kalmring*, 2010. P. 283).

[7] Выражаем искреннюю признательность Я. В. Прасолову за оказанное содействие в ознакомлении с опубликованными материалами из Хедебю.

Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян и Т. Г. Сарачева указали, что олово на Северо-Запад могло поступать не только с Британских островов, но и из Волжской Булгарии, выступавшей в качестве основного посредника в торговле этим металлом между Сибирью и Дальним Востоком, с одной стороны, и Восточной Европой и государствами Ближнего Востока и Средней Азии – с другой (*Ениосова и др*., 2008. С. 158).

Равным образом и практика отливки монет была известна не только в Западной Европе, литые копии дирхамов могли изготавливаться в нескольких регионах одновременно, в том числе на территории современной европейской части России и в Центральной Азии. Так, в кладе куфических монет и лома серебряных украшений последней четверти IX – первого десятилетия X в., найденном в окрестностях Епифани Тульской области, содержались две бракованные отливки, а из Рязанской области происходит плохо отлитый аббасидский дирхам ал-Васика биллах или ал-Мутаваккила ʾала-ллаха с сохранившимся широким литником (Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 100193, 100197, 124380).

В Центральной Азии традиции монетного литья были давно известны и использовались для производства не только фальшивок, но и официальных эмиссий, например медных монет – куфических фалсов (*Настич*, 2015. С. 224–225, 227–229, 235, 237, 239, 247–248, 258). На северо-западе Пакистана, где-то на границе между Сватом и Баджауром, был найден глиняный сосуд, содержавший 170 фрагментов глиняных форм для изготовления литых подделок сасанидских кабулистанских драхм Шапура II и Ардашира II (*Алрам*, 2015. С. 177). С городища Афрасиаб, расположенного на северной окраине современного Самарканда, происходит двусторонняя каменная форма для отливки фальшивых дирхамов X в. (*Ениосова и др.*, 2008. С. 150; *Steuer et al.*, 2002. P. 157).

Вопрос датировки Новгородского клада, видимо, может быть решен следующим образом. Руководствуясь датой младших дирхамов, его сложение не могло произойти ранее 930-х гг. 930–940-е гг. в Древней Руси и на сопредельных территориях – это период, когда формируются две группы кладов куфических монет. Различаются они по количеству содержащихся в них подражаний дирхамам. В меньшей группе комплексов они становятся доминирующими или представляют существенный процент состава. В другой по-прежнему преобладают саманидские монеты (*Гомзин*, 2013. Л. 136; *Зозуля и др.*, 2014. С. 54). Ко второй группе относится и Новгородский клад. При этом следует помнить, что дирхамам нужно было не просто пройти путь от государства-эмитента до Новгорода, но и сформировать специфическую выборку с нечастыми экземплярами и где-то на этой дистанции послужить основой для изготовления с них литейных форм, в которых затем и были сделаны литые копии, три из которых после отливки подверглись разделению пополам, причем одна половинка до наших дней не сохранилась. Сколько на все это потребовалось времени, просчитать не представляется возможным.

950-е гг. из датировки клада следует исключить, так как комплексы этого времени обладают отличающимися характеристиками династического, географического и хронологического составов (*Гомзин*, 2013. Л. 62, 136; *Кулешов*, 2015. С. 73–74). На это же указывает и стратиграфия залегания монет в слое, где

27-й ярус, к которому относится постройка XI-27-163, датируется 950–960-ми гг. Хотя экземпляры клада и не имеют надежной привязки к близлежащим сооружениям, но они располагались в глинистой прослойке, которая заходит под указанный сруб 163, являясь либо его подсыпкой, либо, более вероятно, остатками предыдущего строения на этом месте. Соответственно, данная прослойка относится к нижележащему горизонту застройки, возникшему в 940-е гг. Очевидно, этим десятилетием и следует датировать рассматриваемый клад.

Таким образом, в настоящей работе приведены определения всех монет Новгородского клада 1998 г. Комплекс обладает нетипичным географическим распределением дирхамов. Особенности состояния их поверхностей и надписей, а также проведенный анализ металла позволили классифицировать их как продукцию фальшивомонетчика. Экземпляры клада изготовлены в не менее чем шести двусторонних литейных формах. При этом из трех форм происходит по две монеты, а еще из одной – сразу три. Определить место их изготовления в настоящее время затруднительно. Учитывая особенности состава восточноевропейских кладов дирхамов 930–950-х гг. и условия залегания монет в слое, формирование Новгородского клада 1998 г. может быть отнесено к 940-м гг.

Принимая во внимание расположение отливок в виде кучки с небольшим разбросом и отсутствие следов их преднамеренного сокрытия, можно предполагать, что они по определенным причинам были выброшены. Не исключена и их случайная потеря, тем более что на данном участке двора в 1–1,5 м к северу от места их обнаружения сохранились отдельные бревна и хаотично лежащие доски, возможно, от разобранной постройки. Отсутствие близких аналогий кладу на территории Древней Руси и сопредельных землях пока позволяет считать его уникальным для данного региона.

ЛИТЕРАТУРА

Алрам М., 2015. Новые монетные находки на Гиндукуше: от Сасанидов до гуннов // Эпиграфика Востока. Вып. 31. М.: Ин-т востоковедения РАН. С. 171–188.

Баранов Х. К., 2006. Большой арабско-русский словарь. Т. I. 11-е изд., стереотип. М.: Живой язык. 456 с.

Гайдуков П. Г., Гомзин А. А., 2017. Снова о Новгородском кладе куфических монет 1998 г. // Девятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. М.: ГИМ. С. 55–58.

Гайдуков П. Г., Фёдоров-Давыдов Г. А., Янин В. Л., 2000. Новый клад куфических монет X в. из Новгорода // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. / Ред. А. С. Беляков. М.: ГИМ. С. 55–56.

Гомзин А. А., 2013. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье: дис. … канд. ист. наук. М. 499 с.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература. С. 107–162.

Зозуля С. С., Каинов С. Ю., Гомзин А. А., 2014. Клад куфического серебра из Гнездово. 2010 г. // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников / Ред.: Д. В. Журавлёв, Н. И. Шишлина. М.: ГИМ. С. 50–73. (Труды ГИМ; вып. 201.)

Колосова И. О., 2015. Булаевский клад куфических монет 935/936 гг.: историографические заметки // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени акад. В. В. Седова. Вып. 30. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 111–122.

Кулешов Вяч. С., 2009. Шеховцовский (Усть-Ратский) клад куфических монет: предварительные итоги исследования // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: мат-лы конф., посвящ. 100-летию начала археологических иссл. Гочевского археологического комплекса. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та. С. 214–218.

Кулешов Вяч. С., 2012. Киевские клады первой половины X в. и нумизматическая хронология могильника на Старокиевской горе // Труды ГЭ. Т. 65: Первые каменные храмы Древней Руси: мат-лы архитектурно-археологического семинара 22–24 ноября 2010 г. / Ред. Д. Д. Ёлшин. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 162–184.

Кулешов Вяч. С., 2015. Хронология обращения исламских монет в Восточной Европе (конец IX–XI в.) // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2015 года: памяти Нины Андреевны Фроловой (24.01.1936–20.10.2015): мат-лы докл. и сообщ. / Ред. Е. В. Захаров. М.: ГИМ. С. 73–76.

Лебедев В. П., Трушин И. Д., 2011. Русско-Юрткульский клад 2010 г. первой половины X в. // Нумизматические чтения 2011 года: Памяти Алексея Владимировича Фомина: тез. докл. и сообщ. / Ред. И. В. Ширяков. М.: ГИМ. С. 30–34.

Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери: к предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 341 с.: илл.

Марков А. К., 1896. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб. 872 с.

Мурашева В. В., 2014. «Книга путей и стран» (Алпатьевский клад) // Славяне и иные языци…: к юбилею Натальи Германовны Недошивиной / Ред. Н. И. Асташова. М. С. 116–131. (Труды ГИМ; вып. 198.)

Настич В. Н., 2015. Аббасидские фельсы Мавераннахра: Обзор монетных типов, денежных дворов и дат чеканки в свете новых данных // Эпиграфика Востока. Вып. 31. М.: Ин-т востоковедения РАН. С. 213–272.

Селезнёв А. Б., Осипов И. Н., 2002. Нумизматические находки VIII–XVII веков на территории Серпуховского района (хронология и топография) // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. М.: ГИМ. С. 194–195.

Тизенгаузен В. Г., 1853. О саманидских монетах // Записки Императорского археологического общества. Т. VI. Вып. I. СПб.: Тип. Экспедиции загот. гос. бумаг. С. 1–237.

Фасмер Р. Р., 1926. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Т. I. Л.: Изд-во ГАИМК. С. 287–294.

Фёдоров-Давыдов Г. А., 2001. Новые находки монет домонгольского времени в Восточной Европе // Нумизматический сборник. Ч. XIV: Нумизматика в Историческом музее / Отв. ред.: А. С. Беляков, А. А. Молчанов. М.: ГИМ. С. 89–100. (Труды ГИМ; вып. 115.)

Фомин А. В., 1992. Новгородские клады куфических монет X в. // Нумизматический сборник. Ч. XI: Нумизматика, бонистика, фалеристика: исследования и материалы / Ред. А. С. Беляков. М.: ГИМ. С. 32–44. (Труды ГИМ; вып. 80.)

Янина С. А., 1956. Неревский клад куфических монет X века // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М.: Изд-во АН СССР. С. 180–207. (МИА; № 55.)

Янина С. А., 1963. Второй Неревский клад куфических монет X в. // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. М.: Изд-во АН СССР. С. 287–331. (МИА; № 117.)

Kalmring S., 2010. Of Thieves, Counterfeiters and Homicides. Crime in Hedeby and Birka // Fornvännen. No. 105. P. 281–290.

Leimus I., 2007. Sylloge of Islamic Coins 710/1-1013/4 AD. Estonian Public Collections. Tallinn: Eesti Ajloomuuseum. 448 p.

Steuer H., Stern W. B., Goldenberg G., 2002. Der Wechsel von der Münzgeld- zur Gewichtsgeldwirtschaft in Haithabu um 900 und die Herkunft des Münzsilbers im 9. und 10. Jahrhundert // Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im nördlichen Europa: Internationale Fachkonferenz in Schleswig, 1998. Neumünster: Wachholtz Verlag. P. 133–168.

Сведения об авторах

Гайдуков Петр Григорьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: russianchange@yandex.ru;

Гомзин Андрей Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: gomzin_a@mail.ru

P. G. Gaydukov, A. A. Gomzin

THE 1998 NOVGOROD TREASURE OF KUFIC COINS

Abstract. The paper examines a treasure of Kufic coins found in the Troitsky XI excavation trench in Novgorod in 1998. Its composition was published before. However, a follow-up study helped specify attribution of several coins. Besides, the examination of the surface and inscription conditions as well as the metal analysis demonstrated that all dirhams from the treasure were copies of genuine coins cast in bivalve molds. They do not contain silver and are made of a tin-based alloy, and, therefore, are forged. The information on the coin issue and distinctive features of their deposition imply that the treasure was hidden in 940 and can be interpreted as the coins of a counterfeiter, no similar treasure of Medieval Russia has been found before.

Keywords: Medieval Russia, Novgorod, Troitsky XI excavation trench, Kufic coin treasure, fake dirhams.

REFERENCES

Alram M., 2015. Novye monetnye nakhodki na Gindukushe: ot Sasanidov do gunnov [New Coin Finds in Hindu Kush: from the Sasanids to the Huns]. *Epigrafika Vostoka [Epigraphic of Orient]*, 31. Moscow: IV RAN, pp. 171–188.

Baranov Kh. K., 2006. Bol'shoy arabsko-russkiy slovar' [Big Arabic-Russian dictionary], I. 11th edition, stereotyped. Moscow: Zhivoy yazyk. 456 p.

Eniosova N. V., Mitoyan R. A., Saracheva T. G., 2008. Khimicheskiy sostav yuvelirnogo syr'ya epokhi srednevekov'ya i puti ego postupleniya na territoriyu Drevney Rusi [Chemical composition of jewelry raw materials in medieval epoch and routes of its delivery to the territory of Ancient Rus]. *Tsvetnye i dragotsennye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoy Evropy v epokhu srednevekov'ya [Non-ferrous and precious metals and their alloys in territory of Eastern Europe in medieval epoch]*. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 107–162.

Fasmer R. R., 1926. Spisok monetnykh nakhodok, zaregistrirovannykh sektsiey numizmatiki i gliptiki Akademii istorii material'noy kul'tury v 1920–1925 gg. [List of coin finds registered by section of numismatics and glyptic of Academy for the History of Material Culture in 1920–1925]. *Soobshcheniya GAIMK [Bulletin of GAIMK]*, I. Leningrad: GAIMK, pp. 287–294.

Fedorov-Davydov G. A., 2001. Novye nakhodki monet domongol'skogo vremeni v Vostochnoy Evrope [New finds of coins of pre-Mongol time in Eastern Europe]. *NS, XIV*. A. S. Belyakov, A. A. Molchanov, eds. Moscow: GIM, pp. 89–100. (Trudy GIM, 115.)

Fomin A. V., 1992. Novgorodskie klady kuficheskikh monet X v. [Novgorod hoards of kufic coins of X c.]. *NS, XI.* A. S. Belyakov, ed. Moscow: GIM, pp. 32–44. (Trudy GIM, 80.)

Gaydukov P. G., Fedorov-Davydov G. A., Yanin V. L., 2000. Novyy klad kuficheskikh monet X v. iz Novgoroda [New hoard of kufic coins of X c. from Novgorod]. *Vos'maya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya: tezisy dokladov i soobshcheniy [Eighth All-Russian numismatic conference: abstracts]*. A. S. Belyakov, ed. Moscow: GIM, pp. 55–56.

Gaydukov P. G., Gomzin A. A., 2017. Snova o Novgorodskom klade kuficheskikh monet 1998 g. [Once again on Novgorod hoard of kufic coins of 1998]. *Devyatnadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya: tezisy dokladov i soobshcheniy [Nineteenth All-Russian numismatic conference: abstracts]*. Moscow: GIM, pp. 55–58.

Gomzin A. A., 2013. Vostochnoe monetnoe serebro IX – nachala XI v. v Srednem i Nizhnem Pooch'e: dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk [Oriental coin silver of IX – early XI c. in Middle and Lower Oka regions: Ph. D. Abstract]. Moscow. 499 p.

Kalmring S., 2010. Of Thieves, Counterfeiters and Homicides. Crime in Hedeby and Birka. *Fornvännen*, 105, pp. 281–290.

Kolosova I. O., 2015. Bulaevskiy klad kuficheskikh monet 935/936 gg.: istoriograficheskie zametki [Bulaevskiy hoard of kufic coins of 935/936: historiography notes]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: seminar imeni akademika V. V. Sedova [Archaeology and history of Pskov and Pskov land: Academician V. V. Sedov seminar]*, 30. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 111–122.

Kuleshov Vyach. S., 2009. Shekhovtsovskiy (Ust'-Ratskiy) klad kuficheskikh monet: predvaritel'nye itogi issledovaniya [Shekhovtsovskiy (Ust'-Ratskiy) hoard of kufic coins: preliminary results of research]. *Srednevekovyy gorod Yugo-Vostoka Rusi: predposylki vozniknoveniya, evolyutsiya, material'naya kul'tura: materialy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu nachala arkheologicheskikh issledovaniy Gochevskogo arkheologicheskogo kompleksa [Medieval town of South-East of Rus: preconditions for emergence, evolution, material culture: transactions of conference devoted to centenary of archaeological investigations of Gochevo archaeological complex]*. Kursk: Kurskiy gos. universitet, pp. 214–218.

Kuleshov Vyach. S., 2012. Kievskie klady pervoy poloviny X v. i numizmaticheskaya khronologiya mogil'nika na Starokievskoy gore [Kiev hoards of first half of X c. and numismatic chronology of cemetery at Starokievskaya gora]. *Trudy GE, 65. Pervye kamennye khramy Drevney Rusi: materialy arkhitekturno-arkheologicheskogo seminara (2010 g.) [First stone churches of Ancient Rus: transactions of seminar on architecture and archaeology (2010)]*. D. D. Elshin, ed. St. Petersburg: GE, pp. 162–184.

Kuleshov Vyach. S., 2015. Khronologiya obrashcheniya islamskikh monet v Vostochnoy Evrope (konets IX–XI v.) [Chronology of circulation of Islamic coins in Eastern Europe (end of IX–XI c.)]. *Numizmaticheskie chteniya GIM 2015 goda: Pamyati Niny Andreevny Frolovoy (24.01.1936–20.10.2015): materialy dokladov i soobshcheniy [Numismatic readings of GIM, 2015: In memory of Nina Andreevna Frolova (24.01.1936–20.10.2015): transactions]*. E. V. Zakharov, ed. Moscow: GIM, pp. 73–76.

Lebedev V. P., Trushin I. D., 2011. Russko-Yurtkul'skiy klad 2010 g. pervoy poloviny X v. [Russko-Yurtkul'skiy hoard of 2010 of first half of X c]. *Numizmaticheskie chteniya 2011 goda: Pamyati Alekseya Vladimirovicha Fomina: tezisy dokladov i soobshcheniy [Numismatic readings of 2011: In memory of Aleksey Vladimirovich Fomin: abstracts]*. I. V. Shiryakov, ed. Moscow: GIM, pp. 30–34.

Leimus I., 2007. Sylloge of Islamic Coins 710/1-1013/4 AD. Estonian Public Collections. Tallinn: Eesti Ajloomuuseum. 448 p.

Leont'ev A. E., 1996. Arkheologiya meri: K predystorii Severo-Vostochnoy Rusi [The archaeology of the Merya: On the history of North-Eastern Rus]. Moscow: Geoeko. 341 p.: ill.

Markov A. K., 1896. Inventarnyy katalog musul'manskikh monet Imperatorskogo Ermitazha [Inventory catalogue of Muslim coins of Imperial Hermitage]. St. Petersburg. 872 p.

Murasheva V. V., 2014. «Kniga putey i stran» (Alpat'evskiy klad) [«Book of routes and contries» (Alpat'evskiy hoard)]. *Slavyane i inye yazytsi…: K yubileyu Natal'i Germanovny Nedoshivinoy [The Slavs and other peoples…: Toward jubilee of Natal'ya Germanovna Nedoshivina]*. N. I. Astashova, ed. Moscow, pp. 116–131. (Trudy GIM, 198.)

Nastich V. N., 2015. Abbasidskie fel'sy Maverannakhra: Obzor monetnykh tipov, denezhnykh dvorov i dat chekanki v svete novykh dannykh [Abbasid felses of Maverannahr: Review of coin types, mints and minting dates in light of new data]. *Epigrafika Vostoka [Epigraphic of Orient]*, 31. Moscow: IV RAN, pp. 213–272.

Seleznev A. B., Osipov I. N., 2002. Numizmaticheskie nakhodki VIII–XVII vekov na territorii Serpukhovskogo rayona (khronologiya i topografiya) [Numismatic finds of VIII–XVII centuries

in territory of Serpukhov district (chronology and topography)]. *Desyataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya: tezisy dokladov i soobshcheniy [Tenth All-Russian numismatic conference: abstracts]*. Moscow: GIM, pp. 194–195.

Steuer H., Stern W. B., Goldenberg G., 2002. Der Wechsel von der Münzgeld- zur Gewichtsgeldwirtschaft in Haithabu um 900 und die Herkunft des Münzsilbers im 9. und 10. Jahrhundert. *Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im nördlichen Europa: Internationale Fachkonferenz in Schleswig, 1998*. Neumünster: Wachholtz Verlag, pp. 133–168.

Tizengauzen V. G., 1853. O samanidskikh monetakh [On Samanid coins]. *Zapiski Imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva [Papers of Imperial Archaeological Society]*, vol. VI, iss. I. St. Petersburg: Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, pp. 1–237.

Yanina S. A., 1956. Nerevskiy klad kuficheskikh monet X veka [Nerevskiy hoard of kufic coins of X century]. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of Novgorod archaeological expedition]*, I. Moscow: AN SSSR, pp. 180–207. (MIA, 55.)

Yanina S. A., 1963. Vtoroy Nerevskiy klad kuficheskikh monet X v. [Second Nerevskiy hoard of kufic coins of X c.]. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of Novgorod archaeological expedition]*, III. Moscow: AN SSSR, pp. 287–331. (MIA, 117.)

Zozulya S. S., Kainov S. Yu., Gomzin A. A., 2014. Klad kuficheskogo serebra iz Gnezdovo. 2010 g. [Hoard of kufic silver from Gnezdovo. 2010]. *Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey i otechestvennaya arkheologiya. K 100-letiyu otdela arkheologicheskikh pamyatnikov [State Historic museum and national archaeology. Toward centenary of department of archaeological sites]*. D. V. Zhuravlev, N. I. Shishlina, eds. Moscow: GIM. S. 50–73. (Trudy GIM, 201.)

About the authors

Gaidukov Petr G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: russianchange@narod.ru;

Gomzin Andrey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: gomzin_a@mail.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.305-310

Р. Н. Модин

НАХОДКА ПСКОВСКОЙ ВИСЛОЙ ПЕЧАТИ НА СЕЛИЩЕ СКРИПИНО-1 МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Резюме. Статья посвящена публикации вислой печати XV в. из раскопок на селище Скрипино-1, расположенном в Раменском районе Московской области, в 2013–2014 гг. Основной период бытования селища относится к эпохе позднего средневековья, XIV–XVI вв., часть объектов относится к древнерусскому времени – XII–XIII вв. Представленная находка относится к разряду псковских вислых печатей, употреблявшихся в делопроизводстве в Пскове в середине XV в. Найденная печать, судя по всему, находилась во вторичном использовании как привеска.

Ключевые слова: печать, находка, селище, реверс, аверс, матрица, изображение, надпись.

В 2013–2014 гг. отрядом Института археологии РАН проведены спасательные археологические раскопки на селище Скрипино-1, попадающем в зону строительства Центральной кольцевой автомобильной дороги Московской области. В 2013 г. работами руководили Н. А. Баранов и О. Л. Прошкин, в 2014 г. – Р. Н. Модин и О. Л. Прошкин.

Селище Скрипино-1 выявлено в 2009 г. А. Е. Кравцовым. Находится в Раменском районе Московской области, в 0,8 км к юго-востоку от д. Скрипино и в 0,6 км к югу от д. Шубино. Расположено на мысовидном участке первой надпойменной террасы правого берега р. Гнилуши (левый приток р. Северки, правый приток р. Москвы). Площадь территории селища – 14 000 кв. м. Культурный слой мощностью до 40–50 см переотложен в результате многолетней распашки.

За два полевых сезона тремя раскопами общей площадью ок. 4000 кв. м исследована северная часть памятника. Часть объектов, выявленных и изученных в процессе раскопок, датируется древнерусским временем – XII–XIII вв. К этому периоду относятся находки фрагмента височного семилопастного кольца, части привески-лунницы, фрагментов браслетов и ряда перстней из цветного металла, железных ножей, железных навесных пружинных замков, кресала, фрагментов круговых керамических сосудов (рис. 1). Большая часть археологического материала и исследованных на селище объектов относится

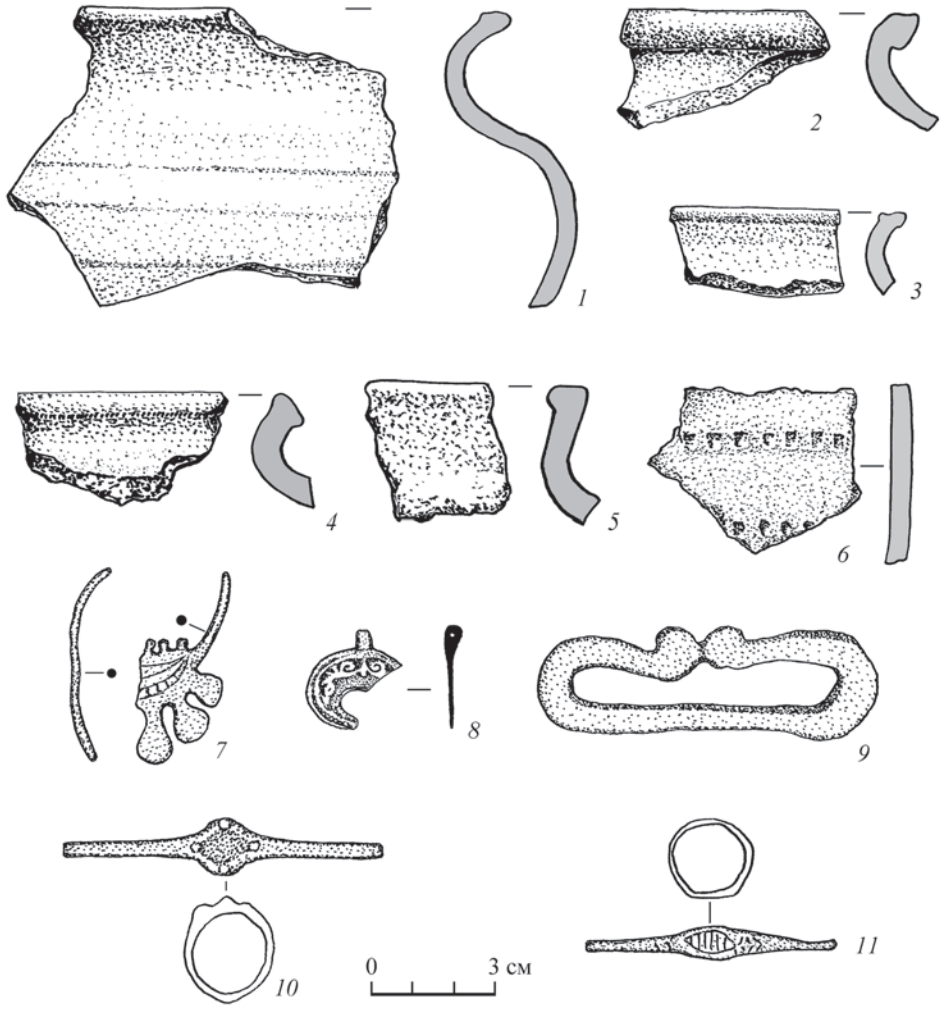


Рис. 1. Селище Скрипино-1. Материалы древнерусского времени (XII–XIII вв.)

1–6 – керамика; *7* – фрагмент височного кольца; *8* – фрагмент лунницы; *9* – кресало; *10, 11* – перстни

7, 8, 10, 11 – цветной металл, *9* – железо

к периоду позднего средневековья – XIV–XVI вв. Находки этого времени представлены нательными крестиками, монетами, фрагментами керамических сосудов и др. (рис. 2).

Наиболее интересной находкой на селище стала вислая печать из свинцово-оловянистого сплава (рис. 3). Она найдена на раскопе 3 в северной, периферийной части селища, в пахотном горизонте. Печать имела овальную форму и размеры 2 × 2,6 см. Сохранилась не полностью, по краям обломана. В верхней части

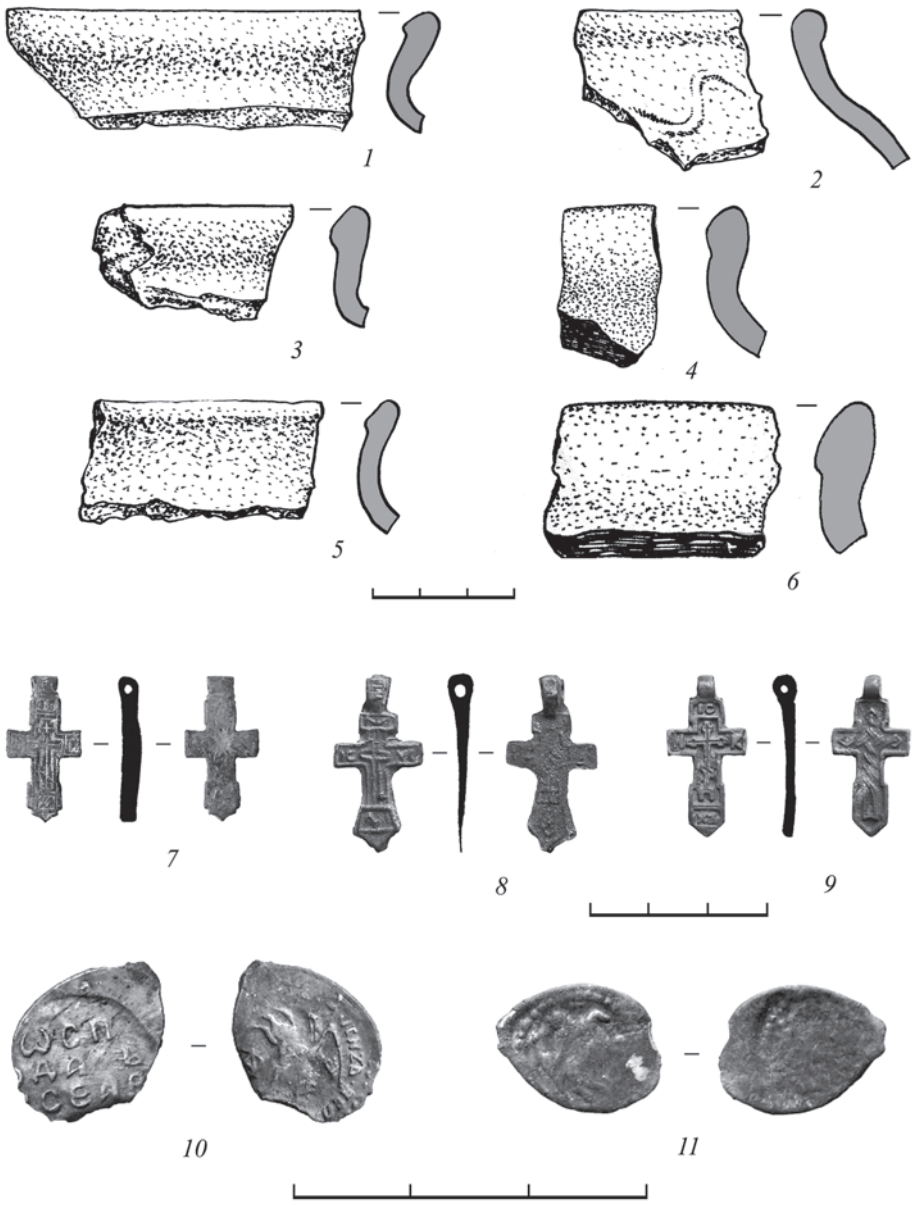


Рис. 2. Селище Скрипино-1. Материалы XIV–XVII вв.

1–6 – керамика; *7–9* – нательные крестики; *10, 11* – монеты

7–11 – цветной металл

Рис. 3. Селище Скрипино-1. Псковская вислая печать 6933 г. Масштаб 2:1

имеется отверстие. На аверсе изображено бородатое мужское лицо в короне, заключенное в точечный ободок. Такой же, но менее выраженный, ободок прослеживается и по краю печати. Между ободками расположена надпись. На реверсе также надпись в шесть строк.

Найденная печать относится к разряду так называемых печатей псковских, употреблявшихся в делопроизводстве в Пскове в XV в. В составе этого разряда выделяют две сфрагистические группы: печати 6933 г. и печати 6977 г. Печать с селища Скрипино-1 относится к первой из этих групп. Печати этой группы представлены оттисками двух почти идентичных пар матриц (*Белецкий*, 1994а. С. 8–9. Рис. 1, *1, 2*). Главное отличие между ними заключается в том, что на первом из них изображено безбородое мужское лицо, на втором – бородатое, как на печати из Скрипино-1.

Надписи на печати с селища Скрипино-1 сохранились не полностью, они частично затерты или находились на утраченных фрагментах. Однако их можно реконструировать по аналогии с печатями из Пскова: на аверсе – «Въ лет(о) 6933 с(о)лн(ца круг) 17, л(у)н(ы круг) 17, инд(икта) 3»; на реверсе – «Печать/ Псковьска/ я, тогда и / Перси свьрь / шишь кам / ены».

Мужское лицо, изображенное на аверсе печати, стилистически сходно с изображением на псковских монетах. Исследователи полагают, что это изображение символизирует князя Довмонта-Тимофея, княжившего в Пскове в 1266–1299 гг. и канонизированного в XIV в. (*Янин*, 1960. С. 248; *Белецкий*, 1994а. С. 16–17). Надпись на аверсе указывает дату введения печати в делопроизводство – 6933 г. (конец 1424 – 1425 г.), а надпись на реверсе указывает на принадлежность печати г. Пскову и содержит сообщение о завершении строительства Персей – южной стены Псковского крома.

Первоначально в делопроизводство были введены печати с изображением безбородого мужского лица. А печати с изображением бородатого лица, к числу которых относится и найденная на селище Скрипино-1, появились несколько позднее, около середины XV в. (*Столярова*, 1988. С. 46, 47). С. В. Белецкий называет более точную дату появления второй пары матриц – около 1443 г.

(*Белецкий*, 1994б. С. 20). Этот вариант печати 6933 г. использовался до 1468/69, когда в делопроизводство была введена «псковская печать 6977 г.».

В литературе существуют различные мнения о принадлежности «псковских печатей 6933 г.». По И. О. Колосовой, эти печати принадлежали псковским посадникам (1984. С. 14–16). По мнению В. Л. Янина, они являются принадлежностью княжеской юрисдикции (1960. С. 248). С. В. Белецкий пишет о том, что «печати псковские» принадлежали органу судопроизводства, появившемуся вследствие реформ государственного управления в Пскове в первой четверти XV в. и независимому от института власти посадников (1994а. С. 64, 66).

Находка из Скрипина уникальна. Ранее подобные печати на территории Подмосковья не находили. Выяснить, каким образом она попала сюда, к сожалению, не представляется возможным. Отверстие в верхней части печати, судя по всему, свидетельствует о ее вторичном использовании в качестве привески. Возможно, она использовалась как украшение.

ЛИТЕРАТУРА

Белецкий С. В., 1994а. Сфрагистика Пскова XIV–XV вв. (Материалы для истории властных структур в средневековом городе): автореф. дис. … докт. ист. наук. СПб. 36 с.

Белецкий С. В., 1994б. Сфрагистика средневекового Пскова. Вып. 1: Печати псковские. СПб.: ИИМК РАН: Петербургкомстат. 74 с.

Колосова И. О., 1984. Псковские посадники XIV–XV вв.: автореферат дис. … канд. ист. наук. М. 26 с.

Столярова Л. В., 1988. Палеографический комментарий к печатям 6933 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли: тез. докл. науч.-практ. конф. Вып. 8 / Отв. ред. В. В. Седов. Псков: ИА АН СССР: Псковский гос. объед. историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. С. 44–48.

Янин В. Л., 1960. Вислые печати Пскова // СА. № 3. С. 237–271.

Сведения об авторе

Модин Роман Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: modin.roman@mail.ru

R. N. Modin

HANGING SEAL OF PSKOV TYPE FROM THE OPEN SETTLEMENT OF SKRIPINO-1, THE MOSCOW REGION

Abstract. The paper describes the hanging seal of the 15th century (Fig. 3) from the excavations of the unfortified settlement of Skripino-1 located in the Ramenki district of the Moscow Region carried out in 2013–2014. The period of functioning of this unfortified settlement is dated to the Late Middle Ages, i. e. the 14th–16th centuries (Fig. 2), some excavated items date back to the Medieval Russia period. i. e. the 12th–13th centuries. The find in question is referred to the group of Pskov hanging seals used in business transactions in Pskov in the mid-14th century. It appears that the discovered seal was used not according to its primary purpose, but as a pendant.

Keywords: seal, find, open settlement, reverse, obverse, die, image, inscription.

REFERENCES

Beletskiy S. V., 1994a. Sfragistika Pskova XIV–XV vv. (Materialy dlya istorii vlastnykh struktur v srednevekovom gorode): avtoreferat dissertatsii … doktora istoricheskikh nauk [Sphragistics of Pskov of XIV–XV cc. (Materials for history of power structures in medieval city): Thesis for a Doctor's degree. Abstract]. St.Petersburg. 36 p.

Beletskiy S. V., 1994b. Sfragistika srednevekovogo Pskova [Sphragistics of medieval Pskov], 1. Pechati pskovskie [Pskov seals]. St. Petersburg: IIMK RAN: Peterburgkomstat. 74 p.

Kolosova I. O., 1984. Pskovskie posadniki XIV–XV vv.: avtoreferat dissertatsii … kandidata istoricheskikh nauk [Pskov posadniks of XIV–XV cc.: Ph. D. Thesis Abstract]. Moscow. 26 p.

Stolyarova L. V., 1988. Paleograficheskiy kommentariy k pechatyam 6933 g. [Palaeographic cpmment for seals of year 6933]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii [Archaeology and history of Pskov and Pskov land: abstracts of scientific-practical conference]*, 8. V. V. Sedov, ed. Pskov: IA AN SSSR: Pskovskiy gos. ob"edinennyy istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey-zapovednik, pp. 44–48.

Yanin V. L., 1960. Vislye pechati Pskova [Hanging seals of Pskov]. *SA*, 3, pp. 237–271.

About the author

Modin Roman N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: modin.roman@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.311-317

И. А. Сорокина

АРХЕОЛОГИЯ И «МУЗЕЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО» ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1918–1925 ГОДЫ)

Резюме. Процесс формирования научного подхода к добыче и хранению археологических находок начался в России в середине XIX в., продолжился в 1890-х гг. и начале XX в. Ему препятствовало отсутствие охранного законодательства. После установления советской власти государство уже в начале 1918 г. делает последовательные шаги в направлении законодательного обеспечения охраны памятников, в том числе археологических, и ее практической реализации. Был создан Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (МУЗО) и его региональные подразделения – губернские комитеты (губмузеи). Ставилась задача создания сети музеев для хранения и популяризации объектов культурного наследия. Эта деятельность получила название «музейное строительство». Археологическим наследием в МУЗО ведал Археологический подотдел (АПО) под руководством В. А. Городцова. К концу 1922 г. был составлен полный список государственных и общественных музеев, хранивших археологические коллекции. Организована постоянная связь с провинциальными научными и общественными организациями для планомерной работы по регистрации археологических коллекций и памятников. Городцов лично знакомился с организацией археологических отделов музеев в регионах, читал лекции и давал консультации по экспозиции и хранению. Одной из функций АПО было централизованное распределение по музеям археологических артефактов, что иногда вызывало конфликты с местными учреждениями, финансирующими археологические раскопки. В 1924 г. была законодательно закреплена прямая передача находок в местные музеи. С 1925 г. начинается передача многих музеев в ведение региональных властей. В результате резко сократилось финансирование и уменьшились возможности методической помощи центра. Это знаменовало конец «музейного строительства».

Ключевые слова: археологические коллекции; музеи; Отдел по делам музеев и охраны памятников старины; Наркомпрос; Археологический подотдел; губмузеи.

Процесс формирования научного подхода к добыче и хранению археологических находок начался в России в середине XIX в., успешно продолжился в 1890-х гг. и начале XX в. Были написаны первые руководства, положившие

начало научному подходу к формированию археологических коллекций, обеспечению их сохранности и разработке принципов музейного хранения и экспонирования (А. А. Спицын, Д. Я. Самоквасов, В. А. Городцов). Эти же вопросы обсуждались на XIV Археологическом съезде в 1908 г. Однако до полного понимания проблем сохранения археологического наследия, в частности коллекций, было еще очень далеко. Главным препятствием, безусловно, являлось отсутствие охранного законодательства. Но значительную роль играл и тот факт, что менталитет общественности, увлеченной археологическими изысканиями, еще не сформировался должным образом, а профессиональных ученых-археологов было мало.

После октябрьских событий 1917 г. в деле изучения и сохранения археологического материала наметился перелом. Появились новые возможности, ранее немыслимые при наличии частной собственности на землю и находимые в ней археологические артефакты. Советское государство уже в начале 1918 г. делает последовательные шаги в направлении законодательного обеспечения охраны памятников, в том числе археологических, и практической реализации этого законодательства[1]. Проведение новой политики в этой области возлагалось на Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (МУЗО) – учреждение в системе Народного комиссариата по просвещению РСФСР (Наркомпрос). В его задачи входило создание Музейного фонда и разветвленной сети музеев для хранения и популяризации объектов культурного наследия. Эта деятельность получила название «музейное строительство». Для работы с археологическим наследием в МУЗО был создан Археологический подотдел Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Народном комиссариате по просвещению РСФСР (АПО), руководил которым с 1918 по 1926 г. один из крупнейших археологов того времени В. А. Городцов (*Сорокина*, 2016). Рассмотрим меры в отношении археологических коллекций, принятые им на посту главного администратора-археолога Советской России. Представляется, что в достижении положительной динамики огромную роль сыграл опыт Городцова как музейного работника. Все время нахождения его на этом посту основным местом работы его оставался ГИМ[2].

В апреле 1918 г. Городцов пишет (а МУЗО утверждает) «Инструкцию археологическому П/отделу Отдела Музеев и Охраны памятников искусства и старины» (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 4. Л. 1–1 об.), согласно которой АПО обязуется: составить полные списки «всех музеев и собраний правительственных и частных, включающих в свой состав предметы отечественной археологии»; «заботиться о развитии деятельности существующих и вновь возникающих музеев <…>, помогая им: а) в приобретении археологических памятников (так В. А. обозначал археологические артефакты. – *И. С.*) в оригиналах и копиях; б) в правильном размещении и хранении памятников». Этот основополагающий доку-

[1] Литература по этому вопросу весьма обширна. См., напр.: *Равикович*, 1970.

[2] Основными источниками по изучению административной деятельности как лично В. А. Городцова, так и МУЗО являются архивные фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Отдел письменных источников ГИМ (ОПИ ГИМ).

мент определил проводимую Городцовым политику централизации контроля за распределением находок по региональным музеям на годы.

Принятые до 1924 г. законодательные акты, имеющие отношение к археологическим артефактам:

1. Декрет «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 05.10.1918. (Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР, 1918. № 73. Ст. 794). Специальных пунктов об археологическом наследии Декрет не содержит, но предусматривает «первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины», возложенную на Музейный отдел Наркомпроса. Археологические коллекции вполне подпадают под это определение.

2. Декрет «Об охране научных ценностей» от 05.12.1918 (Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР, 1918. № 90. Ст. 216), учет которых «в целях охраны и предотвращения возможного уничтожения научных музеев и коллекций» должен был производить Научный отдел Наркомпроса в тесном контакте с МУЗО (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 2. Л. 125). Впоследствии функции, касающиеся археологии в музеях (не только научных), были переданы под контроль МУЗО, в рамках которого ими ведал Археологический подотдел.

Остро встал вопрос об обеспечении реализации этих мероприятий на местах. Музейный отдел озаботился проблемой в конце 1918 – начале 1919 г. Были созданы губернские подотделы по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при отделах народного образования губернских органов власти, после реформы Наркомпроса в 1921 г. реорганизованные в комитеты (губмузеи). Они выполняли на местах функции МУЗО под его же руководством. Их задачи: организация музеев, обследование, регистрация и охрана памятников, собирание художественных и культурных ценностей (Там же. Оп. 8. Д. 252. Л. 48). Изначально предполагалось привлечение специалиста в области музейного дела, художника, архитектора, археолога (!), историка. Губмузеи ведали и всеми археологическими раскопками, разрешение на которые выдавал АПО. Деятельность и роль губмузеев заслуживает отдельного исследования. Отметим лишь, что, как сказано в одном из отчетов МУЗО, «благодаря своевременному созданию подотделов на местах было спасено для Республики громадное художественное достояние и упорядочено музейное строительство в провинции» (Там же).

Археологический подотдел оказался в центре того направления «музейного строительства», которое было связано с археологией. В. А. Городцов неукоснительно следовал своему плану 1918 г. Его работоспособность поражает. К концу 1922 г., согласно отчету АПО, был составлен полный список государственных и общественных музеев, где обнаружились археологические коллекции. Организована постоянная связь с провинциальными научными обществами и учреждениями, с секциями по охране памятников и с отделами народного образования в целях планомерной работы и систематической регистрации археологических коллекций и памятников. Городцов лично знакомился с организацией археологических отделов музеев в регионах. Посещая их, он читал лекции и давал кон-

сультации по экспозиции и хранению. Так, в 1920 г. он был командирован Музейным отделом с указанными целями в Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Самару, Саратов (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 114). В 1923 г. последовала командировка в Крым и на Тамань; в 1924 г. – в города Западной Сибири.

Итак, определенные властью задачи начали претворяться в жизнь. Но в 1921–1922 гг. после реформы Наркомпроса вместо подотдела осталась только Археологическая секция в составе Отдела учета МУЗО. Штаты сократились до одной единицы – самого заведующего. В 1923 г. стала очевидна необходимость реформирования археологической службы, неспособной контролировать резко возросший объем полевых исследований и поток археологических коллекций. В этих условиях Городцов выдвигает проект создания при Музейном отделе Центрального археологического бюро (ЦАБ) под своим руководством, координирующего все полевые работы и размещение археологических материалов. Развернутый анализ проекта ЦАБ и его практической реализации, начавшейся в феврале 1923 г., – отдельная задача. Но важно понять, как В. А. представлял себе судьбу археологических коллекций в связи с этим проектом и после закрытия ЦАБ в июне этого же года и возрождения АПО. Позиция его в вопросе музейного строительства в целом и работы с археологическими коллекциями в частности, естественно, не осталась без внимания исследователей его деятельности[3].

В свое время одной из функций Императорской археологической комиссии было распределение по музеям археологических находок, для чего требовалось присылать их на рассмотрение ИАК. Наиболее выдающиеся отправляли в центральные музеи, остальные – на места. Будучи приверженцем традиций Московского археологического общества, Городцов неоднократно и резко критиковал ИАК за монополизацию выдачи открытых листов, но, став главным администратором российской археологии, выбрал такой же курс. То же и с коллекциями. По его мнению, наиболее значимые следовало отправлять в центральные или в крупные региональные музеи. Иной раз на этой почве возникали конфликты с региональными учреждениями. Так, в начале 1920-х гг. известный исследователь В. Ф. Баллод работал в Царицынской и Астраханской губерниях на средства Татреспублики. АПО (т. е. Городцов) предполагал разместить коллекции в Казани или Астрахани, так как там уже были известные музеи. Логика понятна. Но этому яростно воспротивились НИИ археологии при саратовском университете, Саратовское общество истории, археологии и этнографии и Саратовский губмузей. Коллекции предлагалось оставить в Саратове именно как основу развития там музейного дела (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 237). Аналогичный конфликт возник также в связи с раскопками Афонтовой горы в Красноярске. С 1923 г., когда экономическая ситуация в РСФСР стала улучшаться, количество полевых исследований (и, соответственно, приток археологических артефактов) резко возросло. И ЦАБ и АПО, выдавая открытые листы, требовали представлять в Москву находки вместе с дневниками раскопок (Там же). Это касалось даже сотрудников центральных музеев (ГИМ, Русский музей). В рамках проекта

[3] См., напр.: *Кузьминых, Белозерова*, 2012.

ЦАБ судьбу коллекций должны были решать ежегодные археологические съезды (Там же. Д. 234. Л. 12–12 об.).

В конце 1923 г. позиция Музейного отдела (но не лично В. А. Городцова) меняется. Это, вероятно, связано с осознанием того, что ограниченный в штатных и финансовых возможностях административный орган не сможет контролировать ситуацию с коллекциями на территории огромной страны и нужна передача некоторых полномочий на места. В декабре МУЗО рассылает циркуляр, предписывающий губисполкомам и облисполкомам «следить, чтобы все находки, клады и отдельные предметы, случайно обнаруживаемые при земельных работах или на поверхности земли при осыпях, размытии и проч., были сдаваемы в ближайшие государственные музеи» (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 48. Л. 8–8 об.). Этот принцип закреплен в Декрете ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 07.01.1924 (Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР, 1924. № 18. Ст. 179). АПО, судя по документам, продолжает и далее распределение коллекций по музеям (по согласованию с МУЗО), но этот процесс переходит в виртуальную плоскость. Доставка находок в Москву и отбор лучших уже не требуется, хотя сам В. А. и в 1925 г. считает систему, принятую в ИАК, предпочтительной (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 115). В большинстве случаев находки попадают в музеи или по месту раскопок, или по месту финансирования региональными учреждениями. Но изменить этот порядок нельзя, так как бюджетные средства на полевые работы не выделяются.

Важнейшей работой АПО оставалось обследование музеев на предмет размещения и хранения археологических коллекций. Для этого в 1924 г. комиссией, созданной Ученым советом при АПО (В. А. Городцов, В. Ф. Баллод, С. Г. Матвеев), составлены «основные положения организации археологических отделов музеев» (ГАРФ. Оп. 9. Д. 10. Л. 46–46 об.). В дальнейшем эта деятельность продолжилась в 1925 г. в рамках Археологической комиссии Научной музейно-библиотечной секции Государственного ученого совета.

Осенью 1925 г. принят Декрет ВЦИК и СНК «О передаче в ведение местных исполнительных комитетов музейных и художественных учреждений местного значения» (Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1925. № 64. Ст. 511). В результате, во-первых, резко сократилось финансирование – тощие местные бюджеты не выдерживали такой нагрузки; во-вторых, уменьшились возможности методической помощи центра. Произошла как бы сортировка музеев и коллекций, в том числе археологических. Испытывали трудности и губмузеи: штаты и раньше были вечно не укомплектованы из-за нехватки средств. С 1925 г. начиналось активное вмешательство в их деятельность Главполитпросвета, и с 1926 г. в ряде мест их работа сворачивается, что крайне негативно повлияло на охрану культурного наследия и свело на нет многие достижения «музейного строительства». Именно с этого времени многие местные музеи были или закрыты, или перепрофилированы на демонстрацию достижений революции, или обречены на прозябание.

ЛИТЕРАТУРА

Кузьминых С. В., Белозерова И. В., 2012. В. А. Городцов об идеальном типе археологических музеев и единой системе экспозиции археологических памятников // Образы времени: из истории древнего искусства. М.: ГИМ. С. 22–34. (Труды ГИМ; вып. 189.)

Равикович Д. А., 1970. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967) // Труды Научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. Вып. 22. М. С. 3–127.

Сорокина И. А., 2016. Археологический подотдел в системе Наркомпроса (1918–1926 годы) // КСИА. Вып. 245. Ч. 1. С. 244–256.

Сведения об авторе

Сорокина Ирина Анатольевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: iasorokina@yandex.ru

I. A. Sorokina

ARCHAEOLOGY AND MUSEUM CONSTRUCTION DURING THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

Abstract. A scientific approach to recovery and storage of archaeological finds started developing in Russia in the middle of the 19th century, this development continued in the 1890s and early 20th century. A lack of cultural heritage protection legislation was an impediment to this process. After establishment of the Soviet power, in early 1918 the government took consistent steps towards legislative support of historical sites and monuments, including archaeological sites, and enforcement of relevant legislation. The government set up the Department of Museums and Preservation of Historical and Artistic Sites (MUZO) and its regional branches, i. e. provincial committees (provincial museums). It pursued the task of creating a network of museums for keeping and promoting cultural heritage. This activity is known as 'museum construction'. The Archaeological Unit (AU) of the MUZO run by V. A. Gorodtsov was in charge of archaeological heritage. By the end of 1922 a complete list of state and public museums which kept archaeological collections was made up. The AU maintained communication with the provincial research and public organizations to carry out systematic activities on making records of archaeological collections and sites. Gorodtsov personally visited archaeological departments in regional museums, read lectures and provided advice on display and storage of archaeological artifacts. One of the AU functions was to distribute archaeological artifacts among museums, which sometimes caused conflicts with local institutions financing excavations. Direct transfer of archaeological finds to local museums was formalized in legislation passed in 1924. The transfer of many museums to the jurisdiction of regional authorities began in 1925. It decreased financing drastically and reduced possibilities for getting methodological assistance from the center. That was the end of the museum construction.

Keywords: archaeological collections, museums, Department of Museums and Preservation of Historical and Artistic Sites; People's Commissariat of Education; Archaeological Unit; provincial museums.

REFERENCES

Kuz'minykh S. V., Belozerova I. V., 2012. V. A. Gorodtsov ob ideal'nom tipe arkheologicheskikh muzeev i edinoy sisteme ekspozitsii arkheologicheskikh pamyatnikov [V. A. Gorodtsov on ideal type of archaeological museums and single system of exposition of archaeological objects]. *Obrazy vremeni: iz istorii drevnego iskusstva [Images of time: from history of ancient art]*. Moscow: GIM, pp. 22–34. (Trudy GIM, 189.)

Ravikovich D. A., 1970. Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury v RSFSR (1917–1967) [Protection of monuments of history and culture in RSFSR (1917–1967)]. *Trudy Nauchno-issledovatel'skogo instituta muzeevedeniya i okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury [Proceedings of Scientific-research institute of museum work and protection of monuments of history and culture]*, 22. Moscow, pp. 3–127.

Sorokina I. A., 2016. Arkheologicheskiy podotdel v sisteme Narkomprosa (1918–1926 gody) [The archaeological unit in the system of the People's Commissariat of education (1918–1926)]. *KSIA*, iss. 245, pt. 1, pp. 244–256.

About the author

Sorokina Irina A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: iasorokina@yandex.ru

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.318-323

Т. Д. Николаенко

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА РОССИИ. НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ: МЕТОДИКА РАЗРАБОТКИ, СТРУКТУРА, НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ *

Резюме. Археологическая карта Нижегородской области представляет собой четырехтомное издание, включающее сведения о 2555 памятниках, выявленных с середины XIX в. – времени начала археологического изучения Нижегородской области – до 2012 г. включительно. Цель статьи – способствовать сохранению взаимосвязи и преемственности Археологической карты Нижегородской области с ее планируемым продолжением. В статье охарактеризованы источники, содержащие сведения об археологических памятниках, обоснована структура издания. Являясь сводом исторических источников, в качестве которых выступают самые разные археологические памятники почти всех эпох, Археологическая карта Нижегородской области обладает значительным научным потенциалом для изучения древней истории региона в разных направлениях и аспектах. Опытом подобного использования Археологической карты стал помещенный в четвертой части издания историко-археологический очерк Нижегородской области, в котором показана картина нижегородской археологии на современном этапе ее развития.

Ключевые слова: Археологическая карта, археологический памятник, отчеты о полевых исследованиях, научные публикации, паспорта на памятники археологии, краеведческая литература, планы памятников, топографические карты, свод исторических источников.

«Археологическая карта России. Нижегородская область» (далее – АКРНО) является частью серийного научно-справочного издания энциклопедического характера «Археологическая карта России» (АКР), первая книга которого, посвященная археологическим памятникам Калужской области, была опубликована

* В основе статьи лежит доклад, прочитанный на II научно-практическом семинаре «Археология Нижегородского Поволжья и сопредельных территорий», проходившем 19–21 января 2017 г. в г. Городце Нижегородской области.

в 1992 г. С 1992 по 2017 г. из печати вышли 30 томов, в которых представлена информация о 25 099 памятниках археологии 14 областей (Брянской, Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской) и Республики Мордовия. Подобное издание свода археологических памятников предпринято в России впервые. В 2016 г. была издана четвертая часть АКРНО, завершившая работу по сбору и систематизации материалов археологических памятников этого региона (*Николаенко*, 2004; 2008; 2013; 2015). Четырехтомный свод включил сведения о 2555 памятниках, выявленных с середины XIX в. – времени начала археологического изучения Нижегородской области – до 2012 г. включительно. Археологические исследования проводились и после 2012 г. Несомненно, они будут проводиться и дальше. Открытие новых памятников, уточнение и переосмысление уже известных материалов приведет к необходимости продолжения работы над АКРНО. Четвертая часть, имеющая подзаголовок «дополнения к частям 1–3», является своего рода моделью публикации новых материалов. Использование этой модели позволит сохранить взаимосвязь и преемственность АКРНО с ее продолжением. В данной статье говорится о создании АКРНО: методике ее разработки, особенностях структуры и научном потенциале, заложенном в ней. Эта информация будет полезна тем, кто использует Археологическую карту в своей работе, а также тем, кто продолжит ее разработку в дальнейшем.

Первый этап работы над АКРНО был связан с поиском сведений о памятниках. Этот поиск проводился в архиве ИИМК РАН, где хранятся отчеты дореволюционного и довоенного времени, в архиве ИА РАН, куда отчеты о полевых исследованиях поступали с 1945 г., в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга, в том числе в библиотеках упомянутых институтов, Института российской истории РАН, Института научной информации по общественным наукам РАН, в Государственной публичной исторической библиотеке, библиотеке ГИМ.

Следует отметить, что наиболее полные сведения о памятниках в большинстве случаев содержатся в отчетах о полевых исследованиях. Эти отчеты имеют разную степень информативности, но в них, как правило, можно найти все основные характеристики памятника: административные и топографические привязки, описание и размеры культурного слоя, степень его сохранности; в отчетах приведены данные об исследованных объектах и находках, чаще всего определяется культурная принадлежность и датировка памятника.

Научная публикация, посвященная даже одному памятнику, как правило, лаконичнее отчета. Многие детали и наблюдения, имеющиеся в отчете, в ней отсутствуют. В публикации формулируется точка зрения автора, а отчет дает читателю большую возможность составить личное представление о памятнике. По опыту известно, что иногда имеются несоответствия между отчетом и публикацией. В свое время, анализируя такие случаи вместе с Ю. А. Красновым, который привлек меня к работе над АКРНО, мы пришли к выводу, что в подобных ситуациях предпочтение следует отдавать отчету как первоисточнику. Важно при этом с уважением и вниманием относиться к мнению авторов различных публикаций, отмечая их точку зрения в статьях о памятниках, помещенных в Археологической карте.

Другим важным источником сведений о памятниках являются официальные паспорта на них. Особенно велика роль паспортов на раннем этапе работы, когда исследователь знакомится с археологией региона. Следует сказать, что в отличие от паспортов 70–80-х гг. прошлого века, слишком лаконичных, часто содержащих одностороннюю, только авторскую информацию, паспорта, созданные в 1990-х и в 2000-х гг., обладают, как правило, более высоким уровнем описания памятников с привлечением данных предшествующих исследований. Эти паспорта представляют собой полноценный и надежный источник, вполне сопоставимый с добротной научной публикацией.

Еще одной группой источников при работе над АКРНО явилась краеведческая литература и местная пресса, прежде всего такие издания, как Нижегородские губернские и епархиальные ведомости. Там можно найти упоминания о памятниках, археологическими методами специально не изучавшихся, известных только по сведениям краеведов и местных жителей, или полученные иным путем. Привязки этих памятников чаще всего имеют общий характер, и определить их истинное месторасположение нелегко. Однако без информации об этих памятниках АКРНО была бы неполной. Часто сообщения о подобных объектах служат ориентирами для поисков.

Выше были кратко охарактеризованы письменные источники. Скажем несколько слов о других видах источников: планах памятников, рисунках и фотографиях археологического материала и топографических картах. План памятника, как правило, содержит важнейшие сведения о его физических характеристиках; кроме того, на нем показаны границы распространения культурного слоя и его нарушения, фиксируемые визуально, даны привязки к ближайшим населенным пунктам. Часто план несет информацию, отсутствующую в описании, и без него невозможно было бы составить представление о памятнике в достаточной полноте. При работе над Археологической картой желательно иметь все планы памятника, сделанные его исследователями в разное время. Сравнение их между собой и с соответствующими текстами помогает создать наиболее объективное и выверенное представление о памятнике.

Рисунки и фотографии археологического материала не только иллюстрируют описание, но часто дополняют его, а иногда служат самостоятельными источниками. Так же внимательно, как к описанию материала, следует относиться к коллекционным описям, различного рода таблицам, результатам использования естественно-научных методов – одним словом, ко всему, что помогает представить степень и уровень изученности памятника. Таким образом, целью исследователя на первом этапе работы над Археологической картой является сбор и систематизация максимально полной (в идеале – всей) информации о каждом памятнике. Однако этого недостаточно, чтобы перейти к написанию статьи о нем.

Важнейшим и часто непростым делом является определение местоположения памятника на современной топографической карте. Для вполне уверенного определения реального местоположения памятника необходимы топографические карты крупного масштаба, по времени составления близкие проведению его обследования на местности. При сравнении описаний и планов памятника, сделанных разными исследователями в разное время, почти всегда выявляются как совпадения, так и несоответствия. Их анализ и сравнение с крупномасштаб-

ными топографическими картами позволяют установить истинное место расположения памятника. Без топографической карты не представляется возможным разрешить и проблему тождественности или идентичности памятников, которая возникает чаще всего тогда, когда исследователь, считая себя первооткрывателем, не знает, что памятник был найден и зафиксирован ранее. В таких случаях один и тот же памятник может иметь несколько названий, данных по разным населенным пунктам или по одному населенному пункту, изменившему свое название, по урочищу, ближайшему озеру или другому ориентиру. В АКРНО все известные названия памятника приведены в заголовке статьи, вслед за основным его названием, в скобках. По любому из этих названий памятник может быть найден в книге с помощью систематического указателя.

При работе над АКРНО использовался различный картографический материал Главного управления геодезии и картографии, составленный в 1950–1970-х гг. и в 1980 г. Наиболее подробная карта масштаба 1:25 000 имелась в нашем распоряжении лишь на отдельные участки; карта масштаба 1:100 000 покрывала большую часть территории области. Кроме этого, нами использовались более поздние карты Нижегородской области масштабов 1:100 000, 1:200 000 и 1:500 000, 1990–2000-х гг. издания. Для идентификации и нахождения населенных пунктов, известных по сведениям середины XIX – первой половины XX в., отсутствующих на современных картах, служили дореволюционные десятиверстки Генерального штаба.

Структура АКРНО продиктована физико-географическими особенностями трех ее регионов: юго-восточного, приокского и заволжского. Особенности исторического развития каждого региона были тесно связаны с их природными условиями. В первой части исследования помещены и рассмотрены археологические памятники, расположенные в 23 юго-восточных районах области; во второй – памятники семи юго-западных и центральных ее районов, охватывающих преимущественно правобережье Оки, а также памятники, выявленные на территории Нижнего Новгорода; третья часть объединяет памятники Нижегородского Заволжья и Балахнинской низины, расположенные в 16 северных и центральных районах области. В эту же часть вошли памятники г. Сарова. Во введении к каждой из трех частей содержатся историко-археологические очерки того региона, которому эти книги были посвящены, что позволило выявить индивидуальные особенности их исторического развития.

Первоначально предполагалось, что третья часть АКРНО станет последней. Кроме обобщающего очерка об истории области, в нее должны были войти статьи о памятниках, открытых за время разработки и выхода в свет всего издания, а также дополнительные сведения о продолжении исследований ряда памятников и статьи о памятниках, по разным причинам не вошедших в две первые книги. Однако археологические работы в Нижегородской области в 2000-х гг. привели к накоплению столь значительного по объему нового материала, что его публикация в рамках третьей части Археологической карты оказалась физически невозможной. В связи с этим было решено выпустить дополнительную, четвертую часть Археологической карты. В ней собраны и систематизированы данные археологических исследований, проводившихся на территории области в 2000–2012-х гг.

Особенностью этой книги является открывающий ее историко-археологический очерк Нижегородской области, написанный на основе материалов,

содержащихся во всех четырех частях Археологической карты, с привлечением сведений письменных источников (*Николаенко*, 2015. С. 13–186). В этом очерке отражены уровень изученности археологических культур, выявленных в регионе, а также степень исследованности истории населявших его народов. Объем и глубина наших знаний о различных исторических периодах на рассматриваемой территории не одинаковы. Пик интереса к каждому из них приходился на разное время, поэтому взгляды отдельных исследователей могут восприниматься сегодня как устаревшие или недостаточно аргументированные. Задача данного очерка состояла в том, чтобы показать наиболее взвешенную и объективную картину развития нижегородской археологии, а не только последние представления о той или иной культуре.

АКРНО является прежде всего сводом исторических источников, в качестве которых выступают поселения, городища, могильники и другие памятники. Этот свод дает исследователю большие, еще почти не раскрытые возможности для изучения древней истории в самых разных направлениях и аспектах. Среди них – территории обитания различных племен и народов, их перемещения и пути миграции, особенности той или иной системы расселения в отдельные исторические периоды, характерные черты разных археологических культур, их взаимодействие и взаимовлияние, элементы мировоззрения, отразившиеся в материальной культуре. В каждой статье об отдельном памятнике приведены, по возможности, все важнейшие его характеристики, полнота и уровень которых зависят от полноты и уровня материалов, использованных при ее написании. В конце каждой статьи даны ссылки на эти материалы, в развернутом виде представленные в списке литературы и архивных источников. Эта библиография является дополнительным инструментом для более углубленного изучения различных вопросов, которые исследователь может разрабатывать, опираясь на Археологическую карту.

В практической работе с АКРНО самую необходимую помощь читателю оказывают указатели, помещенные в конце каждой книги. В хронологическом указателе памятники группируются по периодам своего существования: мезолиту, неолиту, эпохе бронзы, раннему железному веку, раннему средневековью, развитому средневековью, развитому и позднему средневековью. В систематическом указателе они объединены по типологической принадлежности: стоянки, поселения, селища, городища, исторический культурный слой города или монастыря, курганные могильники, грунтовые и курганные могильники, местонахождения, производственные сооружения. Следует отметить, что эта типология – исторически сложившаяся, традиционная для российской археологии.

В заключение хочу поблагодарить коллег по отделу археологических сводов и карт Института археологии РАН и нижегородских археологов за помощь и поддержку, а также выразить надежду, что АКРНО поможет всем исследователям, работающим на этой земле, в их трудах.

ЛИТЕРАТУРА

Николаенко Т. Д., 2004. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 1. М.: ИА РАН. 384 с.

Николаенко Т. Д., 2008. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 2. М.: ИА РАН. 464 с.

Николаенко Т. Д., 2013. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 3. М.: ИА РАН. 406 с.
Николаенко Т. Д., 2015. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. 4: Дополнения к частям 1–3. М.: ИА РАН. 478 с.

Сведения об авторе

Николаенко Татьяна Дмитриевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: kukuoba@yandex.ru

T. D. Nikolaenko

THE ARCHAEOLOGICAL MAP OF RUSSIA. NIZHNY NOVGOROD REGION: METHODOLOGY OF PREPARATION, COMPOSITION AND SCIENTIFIC POTENTIAL

Abstract. The Archaeological Map of the Nizhny Novgorod Region is a four-volume book which includes information on 2555 sites discovered in the period from the mid-19th century, when archaeological excavations were launched in the Nizhny Novgorod Region, to 2012, inclusive. The aim of the paper is to maintain links and ensure continuity between the Archaeological Map of the Nizhny Novgorod Region and its planned new version. The paper characterizes sources of information on archaeological sites, and substantiates the composition of the edition. As a corpus of historical sources represented by various archaeological sites of almost all historical periods, the Archaeological Map of Nizhny Novgorod possesses a substantial scientific potential for studying ancient history of the region set in broad perspectives and different contexts. An example of this approach to the material contained in the Archaeological Map is a historical and archaeological essay describing the status of archaeology in the Nizhny Novgorod Region in current stage of its development included in the fourth volume of the book.

Keywords: Archaeological Map, archaeological site, field research and excavation report, scientific publications, archaeological site factsheets (passports), literature on local history and economy, site plans, topographic maps, corpus of historical sources.

REFERENCES

Nikolaenko T. D., 2004. AKR. Nizhegorodskaya oblast' [AKR. Nizhniy Novgorod region], 1. Moscow: IA RAN. 384 p.
Nikolaenko T. D., 2008. AKR. Nizhegorodskaya oblast' [AKR. Nizhniy Novgorod region], 2. Moscow: IA RAN. 464 p.
Nikolaenko T. D., 2013. AKR. Nizhegorodskaya oblast' [AKR. Nizhniy Novgorod region], 3. Moscow: IA RAN. 406 p.
Nikolaenko T. D., 2015. AKR. Nizhegorodskaya oblast' [AKR. Nizhniy Novgorod region], 4. Moscow: IA RAN. 478 p.

About the author

Nikolaenko Tatyana D., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: kukuoba@yandex.ru

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.324-328

С. Ю. Внуков, Е. Е. Антонов

РАЗВЕДКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ГОРОДИЩА КАРА-ТОБЕ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

Резюме. В 2015–2016 гг. в ходе детальных разведок в окрестностях городища Кара-Тобе были локализованы курганы и «селище Кара-Тобе», открытые П. Н. Шульцем в 1930-х гг. и впоследствии утерянные. Кроме того, сплошное картографирование подъемного материала позволило очертить площади античной усадьбы IV–III вв. до н. э. и поселения позднего бронзового века.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, Кара-Тобе, археологические разведки, бронзовый век, белозерская культура, эпоха эллинизма.

В 2015 и 2016 гг. Кара-Тобинская археологическая экспедиция ИА РАН провела разведки у пос. Прибрежное (бывш. Кара-Тобе) на западной окраине г. Саки (Республика Крым). В задачи разведки входили локализация разрушенных памятников, местоположение которых было утеряно, определение их границ и оценка состояния. Проводились визуальное обследование, зачистки обнажений, сбор подъемного материала со сплошным картографированием с помощью GPS-приемника. В 2016 г., кроме зачисток и сбора подъемного материала, сделана шурфовка поселений.

Большая часть памятников микрорегиона приурочена к восточному коренному берегу древнего залива оз. Сасык-Сиваш. Впервые регион был обследован в 1934 г. П. Н. Шульцем. Помимо раскопок городища Кара-Тобе, он осмотрел «селище Кара-Тобе» (к северу от одноименного городища), описал 4 кургана и раскопал один из них (курган 2). В 1948 г. П. Н. Шульц снова обследовал «селище». Он датировал памятник III в. до н. э. – III в. н. э. и отнес его к скифо-сарматской системе поселений, возникшей, по его мнению, одновременно с греко-скифской[1] (*Шульц*, 1937. С. 253–254; 1941. С. 273–275). Как неукрепленное поселение «Кара-Тобе I» оно значится в монографии А. Н. Щеглова (*Щеглов*, 1978. С. 32, 35, 41), как позднескифское селище – в каталоге О. Д. Дашевской (*Дашевская*, 1991. С. 50. № 61). Б. Н. Граков датировал курган 2 позднесрубным

[1] Впоследствии идея П. Н. Шульца о двух системах была опровергнута, но в последние годы некоторые исследователи вновь возвращаются к ней (*Антонов*, 2016).

временем (*Граков*, 1977. С. 129–130). Г. Н. Тощев отнес его к кругу памятников общности многоваликовой керамики (*Тощев*, 2007. С. 142. Рис. 75, 143).

П. Н. Шульц не издал карту с открытыми памятниками, из-за чего их не удавалось точно локализовать до 2011 г., когда был опубликован его полевой дневник (*Шульц*, 2011). Сопоставление приведенных в нем схем с картами, аэрофото- и космоснимками позволило определить местоположение разрушенных к нашему времени памятников (рис. 1). Удалось установить, что «селище» Кара-Тобе тождественно поселению Кара-Тобе 2, заново открытому сотрудниками Крымской экспедиции МГУ и Евпаторийского краеведческого музея на рубеже 1970–1980-х гг. В 2013 и 2014 гг. на поселении Кара-Тобе 2 проводил шурфовку М. С. Шапцев (ИА Крыма). Его работы выявили культурный слой и материал второй половины IV – III в. до н. э. Исследователь считал, что Кара-Тобе 2 – это херсонесская усадьба площадью около 1 га. Подъемный материал, собранный нами, подтвердил датировку М. С. Шапцева. Картографирование находок показало, что зона их распространения – около 2 га. Точная площадь поселения, таким образом, может быть больше, чем считалось ранее.

Курганы 1–3, открытые П. Н. Шульцем, удалось локализовать к северу от поселения Кара-Тобе 2 (рис. 1). Насыпь самого крупного кургана 1 (диаметром 72 м) полностью уничтожена. По словам местных жителей, он был снесен в 1982 г. Курганы 2 и 3 сейчас представляют собой с трудом различимые всхолмления. Редкие находки, собранные на курганах и вокруг, ничего не дали для их атрибуции и датировки. Курган 2 не был раскопан П. Н. Шульцем полностью. От кургана 1 могли сохраниться погребения в материке. Таким образом, эти памятники требуют доследования.

В ходе наших разведок также было обследовано поселение Кара-Тобе 3, открытое в 1980-х гг. сотрудниками Евпаторийского музея вдоль железнодорожной ветки Остряково-Евпатория (рис. 1). В 1980–1990-е гг. здесь несколько раз собирался подъемный материал и проводились зачистки. Но границы поселения не были точно определены. Картографирование находок бронзового века в 2015 г. показало, что площадь их распространения – около 4 га. Подъемный материал представлен в основном костями и лепной керамикой: обломками горшков, банок, кубков или черпаков, «жаровен». Некоторые сосуды орнаментированы валиками на плечиках (иногда расчлененными), косыми насечками на срезе венчика, расчесами. Интересна находка кремневого наконечника стрелы на пластине.

В 2015 г. начались проектные работы по реконструкции водовода, проходящего по северной части поселения Кара-Тобе 3. Здесь провел шурфовку отряд Института археологии Крыма РАН под руководством С. Б. Ланцова. Было подтверждено существование культурного слоя, но точные границы поселения установить не удалось. Это стало главной задачей наших разведок 2016 г. Вдоль границ зоны распространения находок бронзового века были выкопаны 14 шурфов. Они закладывались парами – на предполагаемой площади поселения и за ее пределами. Кроме того, было сделано 5 зачисток бортов современной траншеи в северной части памятника. Мощность выявленного культурного слоя невелика – от 0,08 до 0,46 м, что неудивительно для окраинных частей памятника. Площадь поселения оказалась несколько меньше зоны концентрации подъемного материала – около 3 га. Находки из шурфов представлены стенками

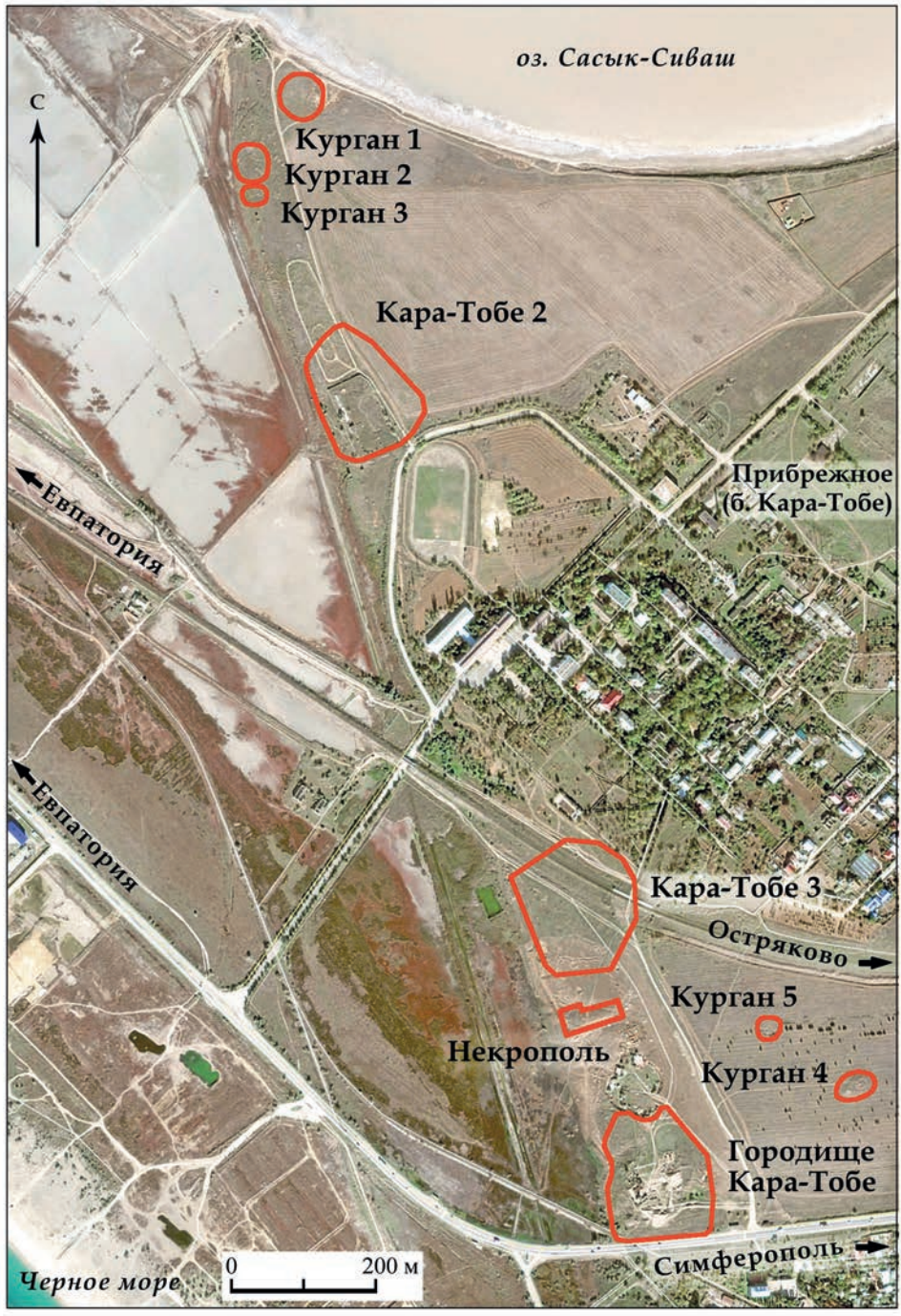


Рис. 1. Археологические памятники в районе городища Кара-Тобе у г. Саки

лепных сосудов и костями животных, профильные фрагменты единичны. Лепная керамика, собранная на поселении Кара-Тобе 3 за два года разведок, аналогична материалу, обнаруженному здесь ранее. Предварительно памятник можно относить к белозерской культуре XII–X вв. до н. э. (*Тощев*, 2007. С. 196. Рис. 101; С. 197. Рис. 102, 202, 204, 209).

Таким образом, разведки 2015 и 2016 гг. позволили точно локализовать памятники, открытые П. Н. Шульцем, установить границы поселений Кара-Тобе 2 и Кара-Тобе 3, а также подтвердить часть датировок, предложенных ранее. Работы показали, что микрорегион был плотно освоен в бронзовом веке, в античное время, а также (судя по подъемному материалу) и позднее вплоть до Нового времени. Большой интерес к микрорегиону следует объяснять его ключевым положением – между двумя озерами, у развилки дорог, связывавших Северо-Западный Крым с центральными и юго-западными частями полуострова. Все обследованные памятники значительно повреждены в последние десятилетия. Активизация хозяйственной деятельности в Крыму после 2014 г. делает охрану объектов культурного наследия здесь как никогда актуальной.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов Е. Е., 2016. Появление позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму: проблемы датирования и атрибуции // ПИФК. № 2 (52). С. 178–194.

Граков Б. Н., 1977. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во Московского ун-та. 232 с.

Дашевская О. Д., 1991. Поздние скифы в Крыму. САИ. Вып. Д 1-7. М.: Наука. 140 с.

Тощев Г. Н., 2007. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: ЗНУ. 304 с.

Шульц П. Н., 1937. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. № 3. С. 252–254.

Шульц П. Н., 1941. Евпаторийский район // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / Отв. ред. М. И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 265–267.

Шульц П. Н., 2011. Дневник полевых исследований 1934 г. // МАКК. Вып. V. С. 227–281.

Щеглов А. Н., 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука. 159 с.

Сведения об авторах

Внуков Сергей Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: vnukovs@mail.ru;

Антонов Егор Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: antonov.yegor@gmail.com

S. Yu. Vnukov, E. E. Antonov

FIELD SURVEYS IN THE VICINITIES OF KARA-TOBE HILLFORT (NORTH-WESTERN CRIMEA)

Abstract. In 2015–2016 detailed field surveys were carried out in the vicinities of hillfort Kara-Tobe. As a result, there were identified kurgans and «the open settlement of Kara-Tobe». These sites were discovered by P. N. Schultz in the 1930-s, but later the information was lost. Besides, total mapping of surface finds let outline the area

occupied by a farmstead of Classical period (IV–III cc. BC), and Late Bronze Age settlement.

Keywords: North-Western Crimea, Kara-Tobe, archaeological field surveys, Bronze Age, Belozerka culture, Hellenistic epoch.

REFERENCES

Antonov E. E., 2016. Poyavlenie pozdneskifskikh poseleniy v Severo-Zapadnom Krymu: problemy datirovaniya i atributsii [Emergence of Late Scythian settlements in North-Western Crimea: problems of dating and attribution]. *PIFK*, 2 (52), pp. 178–194.

Dashevskaya O. D., 1991. Pozdnie skify v Krymu [Late Scythians in Crimea]. Moscow: Nauka. 140 p. (SAI.)

Grakov B. N., 1977. Ranniy zheleznyy vek (kul'tury Zapadnoy i Yugo-Vostochnoy Evropy) [Early Iron Age (cultures of Western and South-Eastern Europe)]. Moscow: Moskovskiy universitet. 232 p.

Shcheglov A. N., 1978. Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu epokhu [North-Western Crimea in Classical epoch]. Leningrad: Nauka. 159 p.

Shultz P. N., 1937. O rabotakh Evpatoriyskoy ekspeditsii [On activities of Evpatoria expedition]. *SA*. 3, pp. 252–254.

Shultz P. N., 1941. Evpatoriyskiy rayon [Evpatoria district]. *Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniya [Archaeological investigations in RSFSR in1934–1936. Brief reports and communications]*. M. I. Artamonov, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 265–267.

Shultz P. N., 2011. Dnevnik polevykh issledovaniy 1934 g. [Diary of field investigations in for 1934]. *Arkheologicheskie razvedki na poluostrove Tarkhankut [Archaeological surveys in Tarkhankut Peninsula]*, Simferol': Dolya, pp. 227–281. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma, V.)

Toshchev G. N., 2007. Krym v epokhu bronzy [Crimea in the Bronze Age]. Zaporozh'e: Zaporozhskiy natsional'nyy universitet. 304 p.

About the authors

Vnukov Sergey Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: vnukovs@mail.ru;

Antonov Yegor E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: antonov.yegor@gmail.com

DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.249-1.329-332

С. Ю. Внуков

РЕДКАЯ СИНОПСКАЯ АМФОРА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Резюме. Заметка посвящена публикации найденной на городище Кара-Тобе синопской широкогорлой остродонной амфоры с профилированными ручками, принадлежащей редкому типу тары. В настоящее время это единственная известная целая амфора такой разновидности, которая дает представление о полной форме этих сосудов.

Ключевые слова: городище Кара-Тобе, амфорная тара, Синопа, морфология амфор, римское время.

Синопа была одним из крупнейших экспортеров вина и оливкового масла в эллинистическое и римское время. Амфорная тара этого центра эпохи эллинизма достаточно хорошо изучена (*Зеест*, 1960. С. 90, 91.Табл. XIII–XIV, *28–30*; *Монахов*, 2003, С. 145–160, Табл. 100–106). В римское время происходит значительное расширение ассортимента амфор, производившихся в Синопе (*Внуков*, 2003. С. 130–159; 2013. С. 31–33. Рис. 6, *Г*, *Д*, 7, *А-В*; *Vnukov*, 2011). Массовые разновидности тары этого периода также хорошо знакомы исследователям (*Зеест*, 1960. С. 91. Табл. XIV, *31*). Вместе с тем некоторые ее редкие разновидности известны только во фрагментах, которые не дают представления о полной форме сосудов. К ним, в частности, относились и так называемые амфоры типа Син V (*Внуков*, 2003. С. 156–158. Рис. 64; 2013. Рис. 7, *В*; *Vnukov*, 2011. Fig. 1, *8*).

В 2014 г. на городище Кара-Тобе при выборке комплекса разновременных, перерезающих друг друга ям 5, 6, 8, 11, 12/14 за северной стеной скифской «цитадели» была обнаружена почти целая синопская амфора типа Син V (полевой № КТ-14/264). У нее отсутствовали одна ручка и валик венчика (рис. 1, *1*). На плечиках процарапана литера Н, возможно цифровая метка.

Пустая амфора стояла в ямке 8/14, выкопанной со дна ямы 6/14 в заполнении более ранней ямы 11/14. Размеры ямки 8/14 соответствовали габаритам амфоры. Сверху, на уровне дна ямы 6/14, ямка и горловина амфоры были прикрыты небольшим плоским рваным камнем. Из-за этого амфора осталась не заполненной грунтом. Ее стенки изнутри были покрыты белым полупрозрачным минеральным кристаллическим налетом (на кислоту не реагирует) толщиной в несколько миллиметров. Видимо, это кристаллический гипс, осевший при испарении влаги, просачивавшейся в амфору из окружающего грунта, сильно насыщенного сернокислым кальцием. Внутри амфоры обнаружены фрагменты ножки коричневоглиняной (колхидской) амфоры и обломок горла этой же синопской

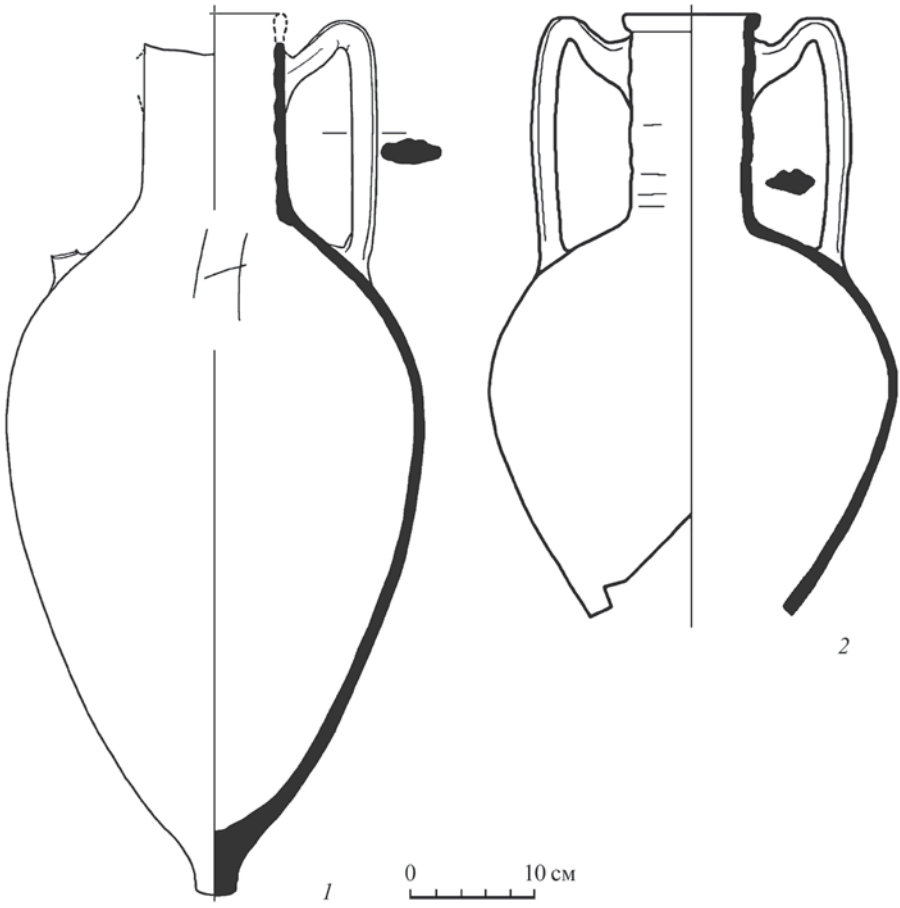


Рис. 1. Синопские амфоры типа Син V

1 – городище Кара-Тобе, полевой № КТ-14/264; *2* – Неаполь Скифский (по: *Зайцев*, 2003. Рис. 101, *3*)

амфоры. Видимо, первоначально коричневоглиняная ножка служила затычкой синопского сосуда (она соответствует диаметру его горла), который сверху перекрывал плоский камень. В какой-то момент она вместе с камнем была вдавлена в амфору, при этом откололся фрагмент горла сосуда, а сама ножка разбилась. Возможно, это произошло при рытье на месте уже засыпанной ямы 6/14 более поздней ямы 5/14. Ее дно залегало всего на несколько сантиметров выше поверхности камня-заклада амфоры. По всей видимости, ямка 8 была специально вырыта в дне ямы 6/14 для установки амфоры. Это мог быть своеобразный «погребок» или «холодильник» для хранения какой-то жидкости.

Несмотря на то что у рассматриваемой амфоры отсутствует валик венчика, она позволяет получить полное представление о форме этих редких сосудов (рис. 1, *1, 2*). До сих пор наиболее сохранившиеся амфоры типа Син V были

найдены в Неаполе Скифском (рис. 1, *2*), но у них отсутствуют нижние части с ножками (*Зайцев*, 2003. Рис. 101, *3, 4*). Новый публикуемый сосуд дает возможность реконструировать форму таких амфор.

С учетом всех имеющихся к настоящему времени данных можно дать полное описание формы сосудов типа Син V. Они имеют яйцевидное тулово, выпуклые плечики, цилиндрическое горло, сравнительно высокий валикообразный венчик, обычно с немного уплощенными наружной и верхней поверхностями валика, и довольно массивные, резко перегнутые ручки (рис. 1, *1, 2*). Ручки небрежно профилированы тремя округлыми врезами и крепятся под валиком венчика и в средней части плечиков (*Внуков*, 2003. Рис. 64). Эти ручки очень похожи на ручки амфор варианта С IVа (Там же. Рис. 62, *1*), но в среднем более массивны. Ножки сосудов Син V – короткие конические с вогнутым контуром (рис. 1, *1*; *Vnukov*, 2011. Fig. 1, *8*). Они менее массивны, чем «крученые» ножки синопских амфор варианта Син Iв (ср.: *Внуков*, 2013. Рис. 6, *Г*; 2015. Рис. 2), и не имеют следов кручения. От острых конических ножек амфор типа Син II (с желобком под валиком) их отличает бóльшая высота и вогнутый контур (ср.: *Внуков*, 2003. Рис. 56). Публикуемая амфора опровергла высказывавшееся ранее предположение о принадлежности описываемым сосудам массивных подконических ножек с уплощенным основанием (Там же. С. 158. Рис. 64, *6*).

Размеры рассматриваемых амфор: высота – около 72 см, диаметр тулова – 36–37 см, диаметр венчика – 11,5–15 см, высота горла – 16–20 см, высота верхней части – 30–35 см, ширина ручек – 4–5 см. Данных для определения происхождения и дальнейшей эволюции этой формы тары нет.

Датировать сосуды типа Син V можно только приблизительно по массовому сопровождающему материалу и данным стратиграфии. На Кара-Тобе их фрагменты встречаются в отложениях строительного периода III вместе со светлоглиняными (позднегераклейскими) амфорами разновидностей С Iб, С IVA и синопскими плоскодонными Син IVа (второй-третьей четверти I в. н. э.). Ю. П Зайцев относит комплекс с такими амфорами из Неаполя Скифского к горизонту С, который широко датирует I в. до н. э. – I в. н. э. (*Зайцев*, 2003. С. 15, 19). Единственный надежный хроноиндикатор, найденный в этом горизонте, – монета Синопы, обнаруженная «в полу» помещения М (Там же. С. 19). Она дает только terminus post quem формирования наслоений этого горизонта. Судя по опубликованному массовому материалу из этого горизонта (Там же. С. 19. Рис. 99), начало его отложения можно относить ко времени не ранее середины I в. до н. э. На раскопе А-Б-В амфоры Син V были найдены вместе с сосудами С Iб и С IVA (Там же. Рис. 101), то есть с амфорами тех же разновидностей, что и на Кара-Тобе. Это подтверждает их датировку второй-третьей четвертями I в. н. э. Новые находки таких сосудов могут ее уточнить и даже расширить.

Таким образом, находка на Кара-Тобе почти целой синопской амфоры типа Син V позволила реконструировать полную форму этих редких сосудов. Это расширяет наши представления о наборе амфорной тары Синопы римского времени и позволит точнее атрибутировать получаемый при раскопках амфорный материал. Хочется надеяться, что при работе с полевыми материалами исследователи обратят внимание на обломки таких сосудов, что позволит расширить источниковую базу для изучения этого типа тары.

ЛИТЕРАТУРА

Внуков С. Ю., 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). М.: ИА РАН. 237 с.

Внуков С. Ю., 2013. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 17. С. 22–55.

Внуков С. Ю., 2015. Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму // ДБ. 20. С. 90–121.

Зайцев Ю. П., 2003. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум. 212 с.

Зеест И. Б., 1960. Керамическая тара Боспора // МИА. 83. 179 с.

Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. М.; Саратов: Киммерида, Саратовский гос. ун-т. 351 с.

Vnukov S. Yu., 2011. Sinopean Amphorae of the Roman Period // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 16. P. 361–370.

Сведения об авторе

Внуков Сергей Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: vnukovs@mail.ru

S. Yu. Vnukov

A RARE SINOPEAN AMPHORA OF ROMAN TIME

Abstract. In this note a rare find of Sinopean amphora is published. The vessel was found at the Kara-Tobe hillfort. It has a wide neck, a pointed bottom and profiled handles. The amphora is attested to a rare type of ceramic containers. Now this is the only entirely preserved amphora of such type, which gives an idea on the full shape of the vessels in question.

Keywords: Kara-Tobe hillfort, amphora container, Sinope, amphorae morphology, Roman time.

REFERENCES

Monakhov S. Yu., 2003. Grecheskie amfory v Prichernomor'e [Greek amphorae in North Pontic zone]. Moscow; Saratov: Kimmerida. 351 p.

Vnukov S. Yu., 2003. Prichernomorskie amfory I v. do n. e. – II v. n. e. (morfologiya) [North Pontic amphoras of I c. BC – II c. AD (morphology)]. Moscow: IA RAN. 237 p.

Vnukov S. Yu., 2011. Sinopean Amphorae of the Roman Period. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 16, pp. 361–370.

Vnukov S. Yu., 2013. Amfory rimskogo vremeni gorodishcha Kara-Tobe [Roman time amphorae from Kara-Tobe hillfort]. *DB*, 17, Moscow: IA RAN, pp. 22–55.

Vnukov S. Yu., 2015. Pozdneellinisticheskie amfory gorodishcha Kara-Tobe v Krymu [Late Hellenistic amphoras of Kara-Tobe hillfort in Crimea]. *DB*, 20. Moscow: IA RAN, pp. 90–121.

Zaytsev Yu. P., 2003. Neapol' skifskiy (II v. do n. e. – III v. n. e.) [Scythian Neapolis (II c. BC – III c. AD)]. Simferopol': Universum. 212 p.

Zeest I. B., 1960. Keramicheskaya tara Bospora [Ceramic containers of Bosporus]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 179 p. (MIA, 83.)

About the author

Vnukov Sergey Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: vnukovs@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.
АКР – Археологическая карта России
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БРЭ – Большая Российская Энциклопедия
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей. Москва
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: ИА РАН
ДВО РАН – Дальневосточное Отделение РАН
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАК – Императорская Археологическая комиссия
ИАЭ РАН – Институт антропологии и этнографии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
КЗКОКМ – Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. Петропавловск-Камчатский
КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МАИФ – Материалы по археологии и истории Фанагории
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАКК – Материалы к археологической карте Крыма
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа; Армавир
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НИИ – научно-исследовательский институт
НИИЯЛИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НС – Нумизматический сборник
ПА – Поволжская археология
ПАЭАССТ – Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. ИАЭТ СО РАН
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук

РСМ – Раннеславянский мир. М.
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
СЭ – Советская этнография
Труды ГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
УАВ – Уфимский археологический вестник

AEAE – Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
AKR – Arkheologicheskaya karta Rossii [Archaeological map of Russia]
AN – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
AN SSSR – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN
ASGE – Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg
AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg
BRE – Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]
DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodny yezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosporus: International annual on history, archaeology, epigraphics, numismatics and philology of Bosporus Cimmerian]. Moscow: IA RAN
DVO RAN – Dal'nevostochnoe Otdelenie RAN [Far Eastern Branch of RAS]
GAIMK – Gosudarstvennaya akademiya istorii material'noy kul'tury [State Academy for the History of Material Culture]
GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]. St. Petersburg
GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic Museum]. Moscow
IA NANU – Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]
IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
IAE RAN – Institut antropologii i etnografii RAN [Institute of Anthropology and Ethnography of RAS]
IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
IAK – Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya [Imperial Archaeological commission]
IEA RAS – Institut etnologii i antropologii RAN [Institute of Ethnology and Anthropology of RAS]
IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
IIYaLI – Institut istorii, yazyka i literatury [Institute for history, language and literature]
IJES – International Journal of Earth Sciences
IOSPE – Latyschev B., 1916. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli
IV RAN – Institut Vostokovedeniya RAN [Institute of Oriental Studies RAS]
KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
KSIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for Material Culture]. Moscow; Leningrad
KZKOKM – Kraevedcheskie zapiski Kamchatskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Local lore notes of Kamchatka regional museum of local lore]. Petropavlovsk-Kamchatskiy
LGPN – A Lexicon of Greek Personal Names
MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol'
MAIF – Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on archaeology and history of Phanagoria]
MAKK – Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma [Materials for archaeological map of the Crimea]

MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
MIASK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of the North Caucasus]; Armavir
NAV – Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]. Volgograd
NII – Nauchno-issledovate'skiy institut [Scientific-research institute]
NIIYaLI – Nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii [Scientific-research institute for language, literature and culture]
NS – Numizmaticheskiy sbornik [Collected articles on numismatics]
PA – Povolzhskaya arkheologiya [Archaeology of Volga region]
PAEASST – Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: IAET SO RAN
PIFK – Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]
PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete corpus of Russian chronicles]
RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
RSM – Ranneslavyanskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
SE – Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]
SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology
Trudy GE – Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. [State Hermitage Transactions]
UAV – Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa archaeological bulletin]
VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. Moscow

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 249

Часть I

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

Корректор О. Круподер
Редакторы Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 20.12.2017. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 27,09. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК. № госрегистрации 1147746155325
Издательство «Языки славянской культуры». № госрегистрации 1037739118449.
Phone: +7 (495) 624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru

ООО «ИТДГК “Гнозис”»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10.00 до 19.00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57. itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks